

А. М. Селищевъ.

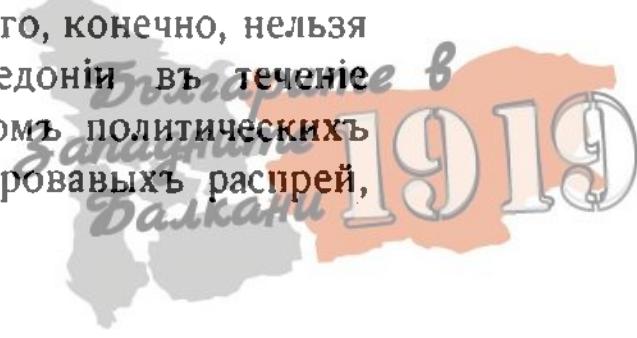
ОЧЕРКИ ПО МАКЕДОНСКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

Томъ I.

К А З А Н Ъ.
Лито-Типографія Т-во „Умідъ“.
1918.

Глубокаго интереса полна для изслѣдователя славянская языковая область восточныхъ Балканъ и въ особенности Македоніи: богатство языковыхъ процессовъ, въ томъ числѣ и такихъ, какіе чужды другимъ славянскимъ языкамъ группамъ, многообразное скрещивание разныхъ діалектическихъ чертъ, рядъ любопытнѣйшихъ параллелей съ сосѣдними балканскими неславянскими языками заманчиво влекутъ къ себѣ вниманіе слависта. Трудами В. Н. Щепкина („Болонская Псалтырь“) и С. М. Кульбакина („Охридская рукопись Апостола“) въ значительной степени освѣщено состояніе македонскихъ говоровъ въ XII—XIII в. При выясненіи данныхъ, заключающихся въ раннихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, нерѣдко привлекались показанія современныхъ говоровъ Македоніи. Извѣстное комбинированіе данныхъ, представляемыхъ современными говорами и памятниками письменности, необходимо: лишь при этомъ условіи можно вѣрнѣе вскрыть черты говора писателя памятника и установить нѣкоторую перспективу въ пережитыхъ языковыхъ измѣненіяхъ извѣстной діалектической области. Но, имѣя въ виду необыкновенную сложность и многообразіе языковыхъ процессовъ, пережитыхъ македонскими говорами, приходится быть весьма осторожнымъ въ этомъ комбинированіи. Можно бы свободнѣе оперировать съ данными, представляемыми памятниками XII-го в. и современными говорами, если бы послѣдніе были извѣстны въ достаточной полнотѣ. Къ сожалѣнію, этого, конечно, нельзя сказать. Славянскіе говоры Македоніи въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ были объектомъ политическихъ и публицистическихъ споровъ и кровавыхъ распри,

но не были въполномъ ихъ объемъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Все то, чѣмъ мы располагаемъ для изученія современныхъ македонскихъ говоровъ, заключается въ *записяхъ* и немногихъ *описаніяхъ*.

Матеріалъ этотъ во многихъ отношеніяхъ недостаточно удовлетворителенъ: въ записяхъ вниманіе записывателей обращено было больше на содержаніе народныхъ „умотвореній“, чѣмъ на языкъ ихъ; черты послѣдняго часто передаются непослѣдовательно, неточно, а иногда и искаженно; отражаются во многихъ записяхъ и явленія литературнаго языка записывателя, — болгарина или серба. Все это приходится учитывать при извлеченіи діалектологическаго матеріала изъ той или иной записи. Все же, несмотря на указанные недостатки, на основаніи имѣющихся записей *вполнѣ возможно* представить главныя особенности македонскихъ діалектическихъ группъ.

Полнотѣ характеристики македонскихъ діалектовъ въ ихъ цѣломъ препятствуетъ другое обстоятельство: отсутствіе записей изъ разныхъ мѣстностей Македоніи. О говорахъ многихъ краевъ ся почти никакихъ нѣтъ свѣдѣній, напр., о говорахъ въ областяхъ, подходящихъ къ Островскому озеру, въ областяхъ между верховьями Вардара и р. Трескай и о многихъ другихъ. Часто записи относятся лишь къ одному пункту той или иной македонской области: къ Прileпѣ, Велесу, Крушову... Но въ этихъ случаяхъ судить о *всѣхъ* говорахъ данной области, напр., Прileпской, нельзя: говоры другихъ пунктовъ ея могутъ имѣть значительныя своеобразныя особенности. Разнообразіе, пестрота діалектовъ Македоніи выражается рѣзко. Таковы, напр., говоры на западѣ: между Тетовомъ и Гостиваромъ всего 5 часовъ горнаго пути, а между тѣмъ въ сelaхъ этой мѣстности можно наблюдать говоры трехъ разныхъ діалектовъ. Такое же

III

разнообразіе представляеть и область Скопья. А въ одномъ и томъ же городкѣ Крушовѣ живутъ представители двухъ этнографическихъ группъ,—міяки и бѣрсеки,—представители двухъ нарѣчій (первые западно-македонскаго,—дебѣрскаго, вторые—центральнаго,—типа, близкаго къ прилѣпскому).

Существуетъ нѣсколько статей, посвященныхъ описанію македонскихъ діалектовъ. Всѣ онѣ (за исключениемъ В. Облака: „Macedonische Studien“ и М. Григорова: „Говорѣть на малорѣканитѣ въ Дебѣрско“) не представляютъ полнаго и научнаго описанія того или иного македонскаго говора, а заключаютъ лишь перечень въ своеобразномъ порядкѣ и съ странными поясненіями нѣкоторыхъ языковыхъ явлений. Тѣмъ не менѣе, указанія на черты описываемаго говора, примѣры, приводимые въ этихъ описаніяхъ, могутъ служить хорошимъ материаломъ для характеристики языковыхъ явлений (хотя часто и не тѣхъ, о какихъ говорить авторъ описанія).

Изъ записей исключены пѣсни, ибо языкъ ихъ, какъ известно, можетъ не соответствовать языку разговорному, употребляемому въ данной мѣстности. Если же ниже и приведены примѣры изъ пѣсень, то въ связи съ аналогичными данными изъ языка общеднаго или же отмѣчено, что тотъ или иной примѣръ взять изъ пѣсни (при отсутствіи другихъ записей).

Мои непосредственные наблюденія касаются говоровъ съверо-западной Македоніи, Дольняго Полога.

Собранный мною материалъ, относящийся къ современнымъ македонскимъ говорамъ, рассматривается въ связи съ данными, характеризующими македонскіе говоры второй половины XVIII-го и первой половины XIX го вѣка. Въ намѣченномъ мною планѣ изслѣдований судебъ македонскихъ говоровъ я на

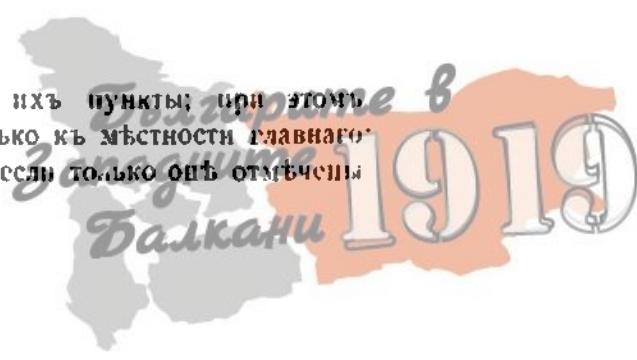
первомъ мѣстѣ поставилъ ознакомленіе съ состояніемъ этихъ говоровъ въ позднѣйшее время, въ XVIII-мъ и XIX в.в. Матеріалы для второй половины XIX-го в. указаны выше. Что касается данныхъ для XVIII-го и начала XIX-го в., то для этого времени мною изучены слѣдующіе матеріалы: 1) Болгарская параллель четырехъязычного словаря москопольского іерокирика хаджи Даніила. Словарь входитъ въ составъ его книги: „Еїсачѡгїхї Дїдаскалїх перїеѹсса Лєзїхїу тетрѡгѡззоу тѡу тесоáрову хоѹшу бїаљéхтѡу, тїс тїс атлїс ёѡмакїхїс, тїс єу Моисіа Влахїхїс, тїс Воскїчїхїс, хакі тїс Аљбанитихїс... „Воскїчарїк“ Дидаскалии представляетъ весьма важный матеріаль для характеристики говоровъ юго-западной Македоніи во второй половинѣ XVIII-го в. 2) Писанія на „препростѣйшемъ некнижномъ языке“ славянъ Македоніи. Среди этого матеріала главное значеніе имѣютъ писанія іеромонаха Кирилла Пейчиновича, игумена Маркова монастыря близъ Скопья, а послѣ возобновленнаго имъ монастыря св. Аѳанасія у с. Лешокъ, близъ Тетова. Самъ іером. Кирилль былъ родомъ изъ тетовскаго (дольне-положскаго) села Теарце.

При изученіи языка писаній Кирилла Пейчиновича привлечены данныя писаній его земляковъ— положанъ.

Матеріаль, извлеченный изъ этихъ писаній, относится къ говорамъ сѣверной Македоніи въ нач. XIX-го в.

При обслѣдованіи Дидаскалии и писаній сѣверномакедонскихъ книжниковъ привлекались данныя и другихъ памятниковъ письменности этого времени¹⁾.

1) При перечинѣ областей названы главные ихъ пункты; при этомъ имѣется въ виду, что матеріаль относится не только къ мѣстности главаго пункта, но и къ другимъ частямъ области, если только они отмѣчены при записяхъ.

Εἰστηργάχη Διδασκαλία и македонские говоры.

Αλβανοί, Βλάχοι, Βούλγαροι, Ἀλλογλώσσοι, χαρήτε,
Κέτοιμαςθήτε ὅλοι σας, Ῥωμαῖοι γὰρ γενήτε,
Βαρβαρίχηρ ἀφήγουτες γλῶσσαν, φωγή, καὶ τὸν...
Ξυπνίσατε ἀπὸ τὸν βαθὺν ὄπου τῆς ἀμαθείας.
‘Ραμαΐχια γλῶσσα μάθετε, Μητέρα τῆς σορίας¹).

Съ такимъ призывомъ обращается къ албанцамъ, влахамъ и болгарамъ „διδασκόδας Δανιήλ εὐτύχος Οἰκονόμος—мизодакиецъ²) Даніилъ, почтенный икономъ“ въ своей книгѣ: Гісакішчж, дидаскаліа (стр. V—VI, по изд. 1802 г.). Чтобы облегчить „иноязычникамъ“ усвоеніе греческаго языка, имъ и была составлена „Вводная Дидаскалия“.

Ἐχετε εἰς τὰ γέρια σας, οὐχιά καὶ μελετάτε,
Τό νεοτύπωτον αὐτὸν βιβλίον ὄπου πάτε...
Τὴν γλῶσσαν την Ῥωμαΐχην καλά γὰρ γρῦψασθε.
Ἔτοι ἀναγκαιότατον γὰρ ἐκδοθῆ εἰς τύπον (ibid.)³).

‘Ρωμαΐχη γλῶσσα пріобщить къ мудрости, къ славѣ: κλέος γὰρ προσεγγίζετε ὅλοι. Необходима ‘Ρωμαΐχα и въ повседневной жизни, въ торговлѣ и другихъ занятіяхъ (ibid.). Пріучить албанцевъ, влаховъ и болгаръ къ письму и счету—этоъ наиболѣе существенная задача, которую поставилъ себѣ составитель Дидаскалии: θελούν γὰρ μάθεσσαν τηρί-

1) „Албанцы, влахи, болгари,—иноязычники,—воздадутесь и пригопитесть всѣ вы стать греками, отбросивъ нарварскій языкъ, звуки, нравы... Проснитесь отъ глубокаго сна невѣжества. Учите греческій [ромейскій] языкъ, чать мудрости“.

2) „Влахъ-аромунъ“. О названіи влаховъ Μισιοδάς: употреблявшемся греческими писателями, см. у M. Leake. Researches in Greece. London. 1814. 89.

3) „Вы имѣете въ своихъ рукахъ эту новонапечатанную книгу и постепенно учите ее, куда бы ни пошли. Въ греческомъ языкѣ хорошенъко чиражништесь. Ощущалась очень большая нужда, чтобы была напечатана она“.—Это стихотвореніе перепечатано у Р. Рамаги. Scritori atatani în secolul al XVIII. Bucuresti. 1909. 111—112. Также у Йорд. Иванова: „Гръцко-български отношения прѣди църковната борба“. Сборникъ въ честь на І. Милетичъ. София. 1912. 163—164.

—

ματα και ὀλίγους λογαριασμούς διὰ νὰ ἔσχωλοισθίσσου τὴν πραγματεῖαν, ἢ τὴν τέχνην τὸν γούεσθη τῶν (стр. 38) ¹⁾. Эта задача вызывалась не столько стремлениемъ къ ограниченню албанцевъ, влаховъ и болгаръ, сколько практическими потребностями обыденной жизни,—потребностями усвоить языкъ народа, который занималъ господствующее положение и въ образованіи, и въ церкви, и въ торговлѣ. Несомнѣнно, съ тою же цѣлью основная часть Диадакаліи (греческо-болгарскія параллели, съ добавленіемъ турецкой части) была переиздана позднѣе (въ 1841 г.) въ солунской болгарской типографіи архимандрита Феодосія, чуждаго панромейскихъ тенденцій, желавшаго послужить на пользу своему роду болгарскому. Диадакалія—это начальное руководство для вlahовъ, болгаръ и албанцевъ при ихъ изученіи новогреческаго языка, снаженное различными сентенціями и наставленіями духовно-нравственного характера и свѣдѣніями изъ міра явленій природы. То же значеніе имѣла и Протопефія москопольца Феодора Кавалліоти, изданная въ Венеціи въ 1770 году. По характеру своего содержанія она близко подходитъ къ Диадакаліи. Существенное различие въ томъ, что параллельный словарь представленъ у Кавалліоти на 3-хъ языкахъ: новогреческомъ, влашскомъ и албанскомъ; у Даніила же параллельные тексты представляютъ собою не словарь, а коротенькие разсказы и написаны они на 4-хъ языкахъ: н.-греческомъ, влашскомъ, болгарскомъ, албанскомъ ²⁾.

Біографическая свѣдѣнія о составителе Диадакаліи весьма скучны и заключаются лишь въ тѣхъ немногихъ указаніяхъ, которые находятся въ Диадакаліи. Онъ—мизодакіецъ (аромунъ), почтенный икономъ (см. выше), законный іерей—'Ιερεὺς οὐκόπιος (ibid). Онъ москополецъ, даскалъ и іероки-

1) Перепечатано у Papafragi. Op. cit. 184.

2) Описаніе и параллельные тексты Протопефіи см. у J. Thunmann'a: *Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker*, I. Leipzig. 1774. 177—238. Аромунская параллель перепечатана (по Тунману) Мицлошичемъ (*Rumänische Untersuchungen*. I. *Denkschriften*. XXXII. 196—229). Исправнѣе издалъ параллели G. Meyer. *Albanesische Studien*. IV. *Sitzungsberichte d. Philos-hist. Cl. d. Akademie d. Wissensch.* Wien. Bd. 132. Стр. 3, 8—127. Экземпляръ, которымъ пользовался Тунманъ, пропалъ (см. Miklosich. *Rumänische Untersuchungen*. I, 195). Г. Мейеру удалось разыскать одинъ экземпляръ этой драгоценной книги (*Alban. Stud.* IV. 2).

рикъ: „Ο υποκλινέστατος καὶ πιστὸς αὐτῷ δούλος: Οἰκονόμος
καὶ Ιεροκήρυξ Δανιὴλ Μηχαὴλ, Αδαμοῦ, χατζῆ, ἐ Μοσχοπόλειτος.
Такъ онъ подписался въ своемъ посвященіи митрополиту
пелагонійскому Нектарію¹⁾). Въ заглавії Дидаскаліи сказано,
что она составлена „почтеннѣйшимъ и словеснѣйшимъ да-
скаломъ, икономомъ и іерокирикомъ киръ Даніиломъ мос-
копольцемъ (см. ниже). Его греческія стихотворенія, въ осо-
бенности „Εἰς τοὺς πανιεράτατους αἴρου Νελαγουεῖας Κόριου Κ.
Νεκταρίου“, отличающееся своимъ педантическимъ языкомъ,
свидѣтельствуютъ о его усердныхъ занятіяхъ греческимъ
языкомъ. Іерокирикъ Даніилъ по своему образованію при-
надлежалъ къ типу даскала того времени. Такимъ же даска-
ломъ былъ и другой москопольскій іерокирикъ—Феодоръ
Анаст. Кавалліоти. „Онъ ученый мужъ, ученѣйший среди
своего народа, съ усердіемъ штудировавшій языки, филосо-
фию и математику“. Такъ говоритъ о Кавалліоти Тунманъ
со словъ своего слушателя москопольца Константина хаджи
Чехани (Tzechanī), „человѣка большихъ познаній, особенно
по философіи и математикѣ“²). Кромѣ *Πρωτόπειρα*, Кавал-
ліоти написалъ и напечаталъ нѣсколько другихъ книгъ³).

Годъ и мѣсто первого изданія Дидаскаліи неизвѣстны.
По недостаточно опредѣленному указанію М. Лика, она вы-
шла около 1764 г. въ Москополь⁴). Экземпляромъ этого
изданія пользовался Ликъ (см. ниже). Второе изданіе было
слѣдано въ 1802 году. Мѣсто печатанія не опредѣлено. Ко-
нітарь цолагалъ, что оно вышло въ Венецію⁵). На Венецію
указывалъ и Миклошичъ⁶). Извѣстно 2 экземпляра изданія
1802 года. Одинъ изъ нихъ находится въ Вѣнской Придвор-
ной библіотекѣ, другой въ библіотекѣ Румынской Академіи
наукъ. У Йордана Иванова, доцента софійского универси-
тета, имѣются 2 начальныхъ листа Дидаскаліи, найденные

1) Перепечатано у Papahagi. Op. cit 109—110.

2) Thunmann. Untersuch. I, 179.

3) О нихъ см. у Papahagi. Scriotori. 38—39. Указанныя тамъ книги
издавались послѣ выхода въ свѣтъ *Πρωτόπειρа*. Этимъ объясняется замѣчаніе
Тунмана: *Erg hat über fast alle philosophische Wissenschaften geschrieben, wo-
von er aber nichts gedruckt worden.* 178, прим. g.

4) Researches, 381.

5) Jahrbücher d. Literaturg. Wien. Bd. 46. Стр. 65, 67. См. также въ
сашт. Н. М. Петровскаго: „О занятіяхъ В. Конітаря болгарскимъ языкомъ“.
Списание на Бѣлгар. Акад. на науките. VIII, 31.

6) Rumun. Untersuch. I, 230.

имъ въ Кюстендилѣ и содержащіе стихотворный призывъ къ изученію греческаго языка (цитированный выше) и посвященіе митрополиту Нектарію. Къ сожалѣнію, не удалось опредѣлить, какому изданію принадлежатъ эти листы.

Заглавіе Дидаскаліи по изданію 1802 г.

Εἰσαγωγὴ | διδασκαλία | Περιέγραψα Λεξικὸν Τετράγλωσσον τῶν τεσσάρων κοι- | γῶν Διδαλέκτων. ἡτοι τῆς ἀπλῆς ῥωμαϊκῆς, τῆς | ἐν Μοισίᾳ Βλαχικῆς, τῆς Βουλγαρικῆς, | καὶ τῆς Ἀλβανικῆς. | Συντεθεῖσα μὲν ἐν ἀρχῇ γάριν ἐυμαθείας τῶν φιλολόγων ἀλ- | λογλώσσων γέων παρὰ τοῦ Λιδεσιμωτάτου, καὶ Λογιωτάτου Δι- | δασκάλου. Οἰκουμένου, καὶ Ἱεροχήρουκος Κυρίου Δανιήλ τοῦ ἐκ Μοσχοπόλεως. Καὶ λογοθεῖσα δέ καὶ ἐπανεγνωθεῖσα τῇ προ- | εὐηγκη τινῶν γρειωδῶν καὶ περιεργείας ἀξίων, καὶ εὐλα- | βῶς ἀφιερωθεῖσα τῷ Πανερωτάτῳ, καὶ Λογιωτάτῳ | Μητροπολίτῃ Πελαγιωνείᾳ. Ὅπερτιμο, καὶ Ἐ | ξάρχῳ πάσῃς Βουλγαρικῆς Μακεδονίας;¹⁾ Κυρίῳ | Κυρίῳ Νεκταρίῳ | τῷ ἐκ Μουυταγίου, | Οὗ καὶ τοῖς ἀγαλόμασι τύποις ἐκδέδοται δι' ὠφέλειαν | τῶν Ἐπαρχιωτῶν ἀυτοῦ εὐλαβῶν Χριστιανῶν. | Ἐν ἑτει σωτηρίῳ αῷ 1802.

Содержаніе Дидаскаліи.

Первые страницы (II—VIII) заняты посвященіями митрополиту пелагонійскому (битольскому) Нектарію, взявшему на себя расходы по напечатанію Дидаскаліи, и призываами, обращенными къ влахамъ, болгарамъ и албанцамъ, изучать греческій языкъ. Эти посвященія и призывы написаны стихами и прозой на старомъ и новомъ греческомъ языкѣ.

1) Итакъ, титулъ митрополита пелагонійского (битольского) въ то время былъ слѣдующій: Μητροπολίτης Πελαγονίας; Ὅπερτιμος καὶ Εξάρχος; πάτρις Βουλγαρικῆς [!] Μακεδονίας. Такой титулъ носили битольские митрополиты до 30-хъ гг. XIX в. (см. А. Шоповъ. Материалы по новата история на Македония. Период. Сп., кн. XXXI, 97). Но уже въ 40-хъ гг. титулъ былъ измененъ: слова Βουλγαρικῆς Μακεδονίας замѣнены юж. Μακεδονίας. Ср. указание В. И. Григоровича: „Въ Битолѣ посѣтилъ В. П. о. митрополита Герасима, котораго титулъ теперь: Μητροπολίτης Πελαγονίας καὶ Εξάρχος πάτρις ἡμῶν Μακεδονίας, вместо прежняго: Εξάρχος πάτρις ἡμῶν Βουλγαρίας (Донесенія В. И. Григоровича объ его путешествіи по славянскимъ землямъ. Казань. 1915. Стр. 138). Между тѣмъ, изъ сообщеннаго выше ясно, что названію юж. Μακεδονίас (то же и въ Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κτηνῶν, сост. Г. А. Ραϊλλής καὶ Πολ. Ζ., т. V. Аенины. 1855. Стр. 515), предшествовало не юж. Βουλγαρίας, а Βουλγαρικῆς Μακедονίας.

Напечатано у Папахаджи на стр. 108—214. Четыреязычные тексты занимают страницы 1—36. Содержание этих текстовъ составляютъ коротенькие рассказы на самыя разнообразныя темы и совѣты житейской мудрости.—Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ дѣтямъ христіанъ, любителямъ книгъ и благословеннымъ, стр. 37—39. Значительная часть этого обращенія напечатана у Папахаджи на стр. 183—184. Далѣе, на стр. 39—53, находится *дидаскаліа үристанакъ*, т. е. тѣ *столи* о *дидаскало* єѡштѣ, хай о *рафутѣ*; *апокрустакъ*. Для тѣ *богра*, хай *стради* тобъ *үристанакъ*, и др. На стр. 60—71 помѣщены образцы писемъ къ разнымъ особамъ (къ вселенскому патріарху, къ митрополиту, архіерею...) и дѣловыхъ документовъ. Одно изъ этихъ писемъ напечатано у Папахаджи стр. 185. (*Екъ Аѣденту, Оїүгрордауїас* (и *Молдоффлауїас*)). На стр. 72—83 говорится о четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ. Стр. 83 содержитъ наставленія, обращенные къ школьніку. На стр. 84—86 указано, какіе праздники слѣдуетъ соблюдать, какъ находить старый и новый годъ и др.

Первое и второе изданіе Дидаскаліи.

Въ заглавіи Дидаскаліи изданія 1802 г. замѣчено, что она исправлена и дополнена прибавленіемъ полезныхъ и любопытныхъ свѣдѣній. Дѣйствительно, сравненіе Дидаскаліи 1802 г. съ предшествовавшимъ изданіемъ, которымъ пользовался Ликъ, обнаруживаетъ, что въ изданіи 1802 г. значительно дополнены тексты четыреязычныхъ параллелей; этихъ параллелей здѣсь въ $2\frac{2}{3}$ больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ изданіи.

Что же касается передачи звуковыхъ и формальныхъ чертъ языковъ, то различіе между этими изданіями очень незначительно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ черты языка болгарской параллели переданы въ первомъ изданіи послѣдовательнѣе, чѣмъ въ изд. 1802 г.. Напр. *trützi* (Leake; 384)—*трутци* (1802 г., 2). *létoto* (L., 386)—*лѣтоте* (1802, 5) *lésnitzi* (L., 389)—*лѣснитци* (1802, 11). *surbité* (L., 393)—*сурбите* (1802, 21; повидимому опечатка: єүү—вм. ѿх—), *etenáeset* (L., 401)—*этенууаузет* (1802, 33), въ другихъ случаяхъ—*еозет*

Године 1919
Далкани

Другія различія въ текстѣ (болгарскомъ).

i mat—3 мн. (L., 385)—*и маат* (1802, 3). *rógnane* (L., 385)—*рѹгнане* (1802, 5). *mastinitsa* (L., 385)—*мастиница* (1802, 3). *síromaste* (L., 387) *сїромаците* (1802, 8). от *lúrepitza* (L., 389)—*от лѹрепица* (1802, 11). от *sípanitz* (L., 391)—*от сїпаница* (1802, 16). на *síromasit* (L., 391)—*на сїромаците* (1802, 17). 24 *sáat* (L., 398)—24 *тдат* (1802, 29).

Отсутствіе гласнаго неудареннаго *a*, *i* могло находиться въ зависимости отъ вліянія албанскаго языка.

ta ne iétit (L., 389; въ прочихъ случаихъ—*ia*)—*иэтит* (1802, 11). Возможно, что и въ данномъ случаѣ появленіе *e* вм. *a* передъ слогомъ съ *i* обязано албанскому вліянію.

kláis (L., 394, 397; *s=š*)—*хлáаss* (1802, 25, 29).—Колебаніе въ видѣ основы.

nikoa téte (L., 399)—*нікѡе тѣте* (1802, 31).—Въ первомъ случаѣ употреблено окончаніе, какъ въ формѣ мѣстоим. сред. ед. *тоа*.

bólkota [beli] (L., 394)—*бóлкота* (1807, 22).

То и другое изданіе употребляютъ въ немногихъ случаяхъ *а* (имѣющее значеніе *в*) вм. *a*. Въ 3-хъ примѣрахъ наблюдается различіе въ этомъ употребленіи: *ta póstis [s=š] étne [e вм. в]* *pétela* (L., 387)—...*этнa* *нётелa* (1802, 8). *ta kláas* (L., 392)—*тa... (1802, 19)*. *taka ta ko ..(L., 398)*—*такa тa кo..* (1802, 29).

в (*а*) вм. *a* не отражаетъ соотвѣтствующей черты болгарскаго говора Дидаскаліи. О значеніи написаній съ *а* вм. *a* см. ниже.

Въ изданіи Лика находится въ нѣсколькихъ написаніяхъ вм. *i* и въ одномъ случаѣ обратно. *prólita*—*прóлита* (1802), *komsiete*—*комсите* (1802), *krástaetzi*—*храстати*, *klásoe*—*хлáсоу*, *natiene*—*натиене*, *vélegdhen*—*вѣлгден*, *óte*—*от*.

i въ первомъ случаѣ вызвано, вѣроятно, недосмотромъ. Полагать на основаніи этого написанія измѣненіе неудареннаго *e* въ *i* въ болгарскомъ говорѣ невозможно: ср. въ изд. 1802 г. написаніе этого слова съ *e*. Что касается написаній съ *e(э?)* вм. *i* (*ы*), то и они не отражаютъ живого болгарскаго говора Дидаскаліи. Кто-то изъ приложившихъ свою руку къ Дидаскаліи въ переписываніи или въ типографскомъ наборѣ ся смѣшивалъ *э* и *ы*. То же смѣшаніе часто обнаруживается

и въ греческой параллели, напр.: *χάθεται* (L., 396)—*χάθηтai* (1802, 28) и др.

Въ изданіи, перепечатанномъ Ликомъ, очень часто находилось — подъ двумя знаками гласныхъ. Въ однихъ написаніяхъ — употребляется и въ изданіи 1802 г., въ другихъ этотъ знакъ отсутствуетъ здѣсь. Не во всѣхъ случаевъ — ликовскаго изданія Дидаѣкалии употребленъ подъ знаками для передачи *одного* слога. Если *ia*—въ *iásika*, *oi* въ *vóloite* и можетъ быть, *aa* въ *khoتاat*, *bгаat* и др. передавали по одному слогу, то въ такихъ случаяхъ, какъ *sélvia*, *seсторia*, *soárno...*, написанія *ia* и *oa* не выражали собою *одного* слога.

Другія опечатки и недосмотры.

бvoite (L., 385)—*бвѹтe* (1802, 3). *di* (L., 389)—*дi*=*dni* (1802, 9). *i ta sevártit tzínavat* (L., 339)—...*тzиnavat* (1802, 11). *saserátvis* (L., 391)—*тz сеrатвz* (1802, 16). *ténie* (L., 392)—*тéниe* (1802, 11). *vétia* (L., 393)—*вéтика* (1802, 20). *na táas* (L., 398)—*тa тaass* (1802, 29).

Опечатки и недосмотры, общіе съ изданіемъ 1802 г. *ta toa*—*тa тoа* (L., 391. 1802, 17) вм. *тoа*. *gelot*—*гхáлот* (L., 389. 1802, 11) вм. *гхáлот[о]*. *nevégstise*—*нэвэстүгэ* (L., 400. 1802, 33). *parádhisot rakot*—*парáдзисот* *ракот* (L., 401. 1802, 34) вм... *ракот*.

Изученіе и изданія Дидаѣкалии.

Уже 100 лѣтъ тому назадъ, какъ было указано на цѣнное значеніе, какое представляеть *Леекъ* *тетрадь* *шэзю* Даніила для изученія балканскихъ языковъ: албанскаго, македонско-валашскаго (аромунскаго) и болгарскаго. Leake въ своей книгѣ: *Researches in Greece* (1814) далъ грамматику албанскаго языка (стр. 260 и слѣд.), руководствуясь албанской параллелью Дидаѣкалии и своими непосредственными наблюденіями надъ живыми албанскими говорами. Въ той же книгѣ имъ переизданъ четыреязычный глоссарій Даніила.

Приблизительно въ то же время Дидаѣкалией занимался и Вукъ Ст. Караджичъ, знакомясь съ болгарской частью глоссарія. Въ числѣ немногихъ пособій по болгарскому языку ему служила и эта книга, въ изд. 1802 г.¹⁾. Въ грамматиче-

¹⁾ Додатак къ санкштербургскимъ сравнительнимъ рѣчицнцима свију језика и нарјеџија, съ особитимъ огледима бугарског језика. Написао Вук Стевановић. У Бечу. 1822. 48—49.

скихъ замѣчаніяхъ о болгарскомъ языке имѣется ссылка и на книгу Даніила¹⁾.

Обратилъ вниманіе на Дидаскалію и П. И. Шафарикъ. Въ 1834 г. онъ просилъ Караджича добыть ему *Лѣтнійъ тѣсторѣ-глѡззю*, изд. 1802 г.²⁾. Въ характеристицѣ болгарскаго нарѣчія, находящейся въ *Slow. Národopisu*³⁾, имѣется рядъ примѣровъ, которые Шафарикъ могъ почерпнуть изъ Дидаскаліи. Фонетическая и морфологическая особенности этихъ примѣровъ также указываютъ на Дидаскалію.—Для *e→i*: *betiš—пѣрїс*⁴⁾; *možiš—можис*, *nesit—[тѡ]несит*. Для *ъ→o*: *síekor—срѣхор*, *petok—петохор*, *so—со*. Для *o→i*: *tipogi—тијоги*. *Wysauwaní sauhlásek d, v, l: gleaš, klahiš, ostiniš; glaa, daboi*⁵⁾. Тѣ же примѣры и въ Дидаскаліи: *члѣаса, члѣтса, ѡстѣуугса, члѣа[та], утѣшт.* Ср. къ тому же окончаніе—*iš* въ формѣ наст. 2 ед., свойственное болгарскому говору Дидаскаліи⁶⁾.

Ссылка на эту книгу сдѣлана Шафарикомъ въ отдѣлѣ болгарской словесности (стр. 45).

Въ послѣдующее время аромунскіе тексты Дидаскаліи дали обильный материалъ Ф. Миклошичу для его „Румынскихъ розысканій“ (*Rumunische Untersuchungen. I. Denkschr. XXXII. 1882*), а албанскіе—Густ. Мейру для его албанскаго словаря (*Etymol. Wörterbuch d. aibanesischen Sprache. Strassb. 1891*)⁶⁾. Но славянская часть Дидаскаліи все еще не была предметомъ всесторонняго изученія. Кромѣ Караджича и Шафарика ею пользовался Миклошичъ въ своихъ статьяхъ: „Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen“ (*Denkschr. Bd. XXXIV*) и „Die türkischen Elemente in den südost—und

¹⁾ Ibid. 50.

²⁾ Н. М. Петровскій. О занятіяхъ В. Копитаря болгарскимъ языкомъ. „Списаніе на Былг. Акад. на наукитѣ“. Кн. VIII, стр. 32.

³⁾ 3 изд. W Praze, 1849. Стр. 42—44.

⁴⁾ Въ латинской транскрипціи—примѣры изъ *Národopisu*, въ греческой—изъ Дидаскаліи.

⁵⁾ Сравненіе другихъ болгарскихъ діалектическихъ „примѣтъ“ (*zna-kiw*), сообщенныхъ Шафарикомъ, съ діалектологическимъ материаломъ, находящимся въ „Додаткѣ“ Караджича, обнаруживается, что большая часть этихъ „примѣтъ“ взята изъ „Додатка“.

⁶⁾ Die beiden wichtigsten Denkmäler für die Kenntniss und das Studium des Albanischen und des Südrumänischen ausdem vorligen Jahrhunderte sind die *Езг҃ијахъ дидаскаліја* von Daniel und die *Проштакъла* von Kavaljotis. G. Meyer. *Albanesische Studien. IV. Sitzungsber. Wien. Bd. 132*, Стр. 1.

osteuropäischen Sprachen“ (ibid. XXXV, XXXVII, XXXVIII). Но объясненія данныхъ Диадаскалии, предложенные Миклошемъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно непріемлемы. Напр., почти все о замѣнахъ ж, л (стр. 106). а въ этихъ случаяхъ выражаетъ, по мнѣнію Миклошича, є, т. е. з. Тотъ же гласный будто бы передается и посредствомъ аз, э, о, і [!]: *ʒit̪aet̪*, *əz̪*, *pi:t̪ut̪*. Этими примѣрами онъ иллюстрируетъ свое объясненіе замѣнъ ж. Ср. также о замѣнѣ л (на стр. 113) въ примѣрахъ формъ наст. 3 мн.: a, das den *Kaut̪* є darstellt: *ʃɑ:p̪l̪i:t̪* *férliat̪*: *hvgyl̪et̪*. *rát̪ot̪at̪* *rábotat̪*: *rabotet̪..*; аз, das wahrscheinlich dem *eje* anderer *Quellen* entspricht und ija voraussetzt: *pólk̪iaet̪* *bóliaet̪*: *bolet̪..*; аа, das wohl mit аз gleichbedeutend ist: *χɔ:jpaat̪* *kúraat̪*: *kiręt̪*.

Много ошибочнаго въ объясненіяхъ передачь замѣнъ і, ѹ (стр. 117) и др.

Параллельно съ этими объясненіями идетъ неправильное транскрибираніе греческихъ написаній посредствомъ латинки. Кроме примѣровъ вышеуказанныхъ, ср. также передачу *četv̪ortsoh* *čétv̪ertek̪*, *četv̪gъtъk* (117),—передачу, искажающую въ двухъ отношеніяхъ македонскую форму: *čelvort*—и суффиксъ—ок.

Послѣ Миклошича, никто изъ изслѣдователей болгарскаго языка въ своихъ изученіяхъ не привлекалъ данныхъ Диадаскалии. До сихъ поръ не сбывались надежды М. С. Дринова, указывавшаго на важность изученія этихъ данныхъ: „единъ день ще се яви нѣкой филологъ, който ще се вземе да изучи добръ тоя паметникъ отъ всяка страна и да извлече всичкото заровено въ него драгоценно градиво“¹⁾.

Въ статьяхъ самого Дринова сдѣлано лишь общее указание на діалектическое значеніе болгарской параллели словаря Даниила²⁾.

Что касается изданій четырехязычныхъ параллелей Диадаскалии, то въ этомъ отношеніи сдѣлано слѣдующее.

1) Нѣколко белѣжки за триезичната солунска книга. „Книжици за пропагда“, VIII—X. Солунъ. 1891. 201. Съчиненія, II, 489.

2) 1) Нѣколко белѣжки за триезичната солунска книга. 2) Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славинъ. Слав. С.-Нѣ. Слав. благотворит. Об-ва“, 1887, № 1, стр. 9. Съчин. II, 367, 3; О болгарскомъ словарѣ А. Л. Дювернуа. СПб. 1892, стр. 1 (Отл. изъ Отчета о 1-мъ присужденіи премії Макарія).

Въ 1814 г. Willam Martin - Leake въ своемъ труде: *Researches in Greece* (London. 1814) перепечаталъ четырехязычный словарь Даніила съ добавлениемъ английской параллели — Гуїлеси. Радеих напечатана греческимъ алфавитомъ, а прочие столбцы латинкой. Когда и где были напечатаны тотъ экземпляръ Диадаскаліи Даніила, которымъ пользовался Ликъ, определено не указано послѣднимъ. По этому поводу замѣчено лишь слѣдующее: I believe at Moskhopolis, about fifty years ago (38!), т. е. около 1764 г. (1814—50). Конечно, этого Ликъ не сказалъ бы, если бы онъ располагалъ экземпляромъ второго изданія, где ясно определено время его появленія: 'Еу єтє! зотгріф хор' 1802. Такимъ образомъ, у Лика былъ экземпляръ первого изданія Диадаскаліи.

Транскрибируя албанскую, аромунскую и болгарскую параллели латинкой, Ликъ передавалъ греческія написанія за небольшими исключеніями соотвѣтствующими латинскими, не обращая вниманія на различное звуковое значеніе одинаковыхъ знаковъ. Такъ, напр., вм. τ, имѣвшаго значеніе t и d, у Лика тоже одно t; въ соотвѣтствіи π (-р и ь) и у него р; въ соотвѣтствіи σ (=s и z) одно s; въ соотвѣтствіи ς (k и g) одно k: státoto, népoto, svéslite, kóka... Но двузначная греческая передача того или иного звука замѣнена у Лика определеннымъ однозначнымъ латинскимъ написаніемъ. г вм. γ: gote вм. γukføe, д вм. ρ: dároj вм. γtápføj, б вм. ς: vérba вм. γácfptx (но и—ýmbao въ соотвѣт. ꙗcfptx. ómbleten—örmblæt̄en и др.).

Вм. σ (-š) курсивное s (s). Вм. ς—е: ke—γe.

Вм. ς (ъ)—курс. е (e).

Если албанско-аром.-болгарскіе тексты въ транскрипціи Лика часто не точно передаютъ соотвѣтствующее языковое явленіе, то для насъ эта транскрипція имѣть то положительное значеніе, что по ней легко можно возстановить греческое письмо оригинала.

Въ 1822 г. Вукъ Ст. Караджичъ предполагалъ „постараться переписать ихъ [„болгарскія фразы” Диадаскаліи] нашими буквами (какъ слѣдуетъ) и напечатать“¹⁾. Но это намѣреніе Вука не было осуществлено.

Въ 1841 г. въ солунской болгарской типографіи архимандрита Феодосія вышла „Книга да наученіе трехъ друзіевъ...

¹⁾ Додатак. 1822. Стр. 49.

Славяно болгарскіи ѿ греческыи | ѿ карамалицким | напечатасѧ
во градѣ солунѣ | со йзновъ тѣпѣ. | при ханѣ папа Феодосіа |
архімандрита Сунийтскаго | лѣта | 1841¹⁾.

Какъ уже указалъ М. С. Дриновъ²⁾, въ эту „книгу“ вошли тексты изъ четырехязычного глоссарія х. Даніила. Изъ Дидаскаліи въ солунскую книжку вошли и.-греческій и болгарскій тексты—*Роудіїха и Водуаріха. Віадуха и Аладуиха* въ солунское изданіе не взяты. Зато къ болгарской и и.-греческой параллелямъ здѣсь добавленъ „карамалицкій“ текстъ. *Роудіїха и Водуаріха* вошли почти цѣликомъ изъ изданія 1802 года. Пропуски, вызванные, можетъ быть, недосмотромъ составителя, незначительны. Греческія буквы Дидаскаліи замѣнены въ солунской книгѣ славянскими; славянскими же буквами переданъ и турецкій текстъ. Замѣна греческаго алфавита славянскимъ сдѣлана мало удовлетворительно. Въ особенности неудовлетворительна въ этомъ отношеніи болгарская параллель: постоянное смѣшеніе въ употребленіи т и д (въ греч. одно τ), к и г (въ греч. ρ или γ—γχ), ч и ц (въ греч. ζ), ж и з (въ греч. ζ), и и ю (въ греч. η), непониманіе звукового значенія нѣкоторыхъ знаковъ, напр. γ въ сочетаніи съ ! (γιετ—гієтъ, гієт, γιάχη—гіаки и т. п.), часто наблюдающееся непониманіе текста и искаженная передача его—все это отражается на каждой страницѣ солунской книжки. Въ результатахъ неумѣло проведенной замѣны греческой транскрипціи славянской текстъ Дидаскаліи х. Даніила во многихъ мѣстахъ искаженъ до куріозовъ. Напр.: ї ветёлотъ кога вікатъ иа полнось (Зоб.). Оказывается, этотъ „полнось“ соотвѣтствуетъ греческому та месаникта. Въ Дидаскаліи—уа πωλ υόσσ.

Слѣдуя за греческими буквами оригинала безъ надлежащаго пониманія самаго текста, составитель солунской книжки не удержался и отъ слѣдующаго написанія на 8-ой стр.: Крошите прасите омекнастъ калштъ [!] ї тшпаннатъ сиагата. Греческій текстъ указываетъ, что лукъ и порей дѣйствуютъ на—тои ларинга (Дид. τὸν λάρυγκα, горло). У Да-

1) Минь известны слѣдующиye экземпляры этого изданія: 1) въ библіотекѣ Румянц. Музея, въ собр. В. И. Григоровича; 2) въ Славянскомъ отд. б-ки Академіи Наукъ въ Петроградѣ; шифра: 1309.6.750; 3) въ б-кѣ Казанской Духовной Академіи; шифра: С.4.20; 4) въ б-кѣ софійскаго университета; шифра: 88 и 39.

2) Съчин. И., 483.

ніила — *у́хълът*, съ пропускомъ р передъ л.

со тѣсната рѣка (8) вм. со дѣсната рѣка.

Совѣтуется не ходить на свадбите прағонте (18 об.), т. е. браќонте.

да не кланает (21) вм. да не кланяется. У Дан.—*тѣ* чѣ хадљаает.

плѣтиш (12 об., 13 об.) вм. патиш. У Дан.—*пѣтїс*.

бѣши (20 об.) вм. пѣши. У Дан.—*пѣсїс*, *Роум* *пѣнре*.

да лерзишъ (8 об.) вм. да а'ржишъ.

Подобныя искаженія испещряютъ каждую страницу солунскаго изданія.

Церковно-славянская грамотность составителя солунской книжки также отразилась — въ измѣненіи болгарскаго текста Дидаскалии Даниила. рѣка, земля, держитъ (*тѣрѣт*)...

Имѣя въ виду совсѣмъ неудовлетворительную передачу болгарской параллели въ солунскомъ изданіи, нельзя согласиться съ заявлениемъ Дринова: „не се съмнѣваме, че такъвъ филологъ при тая си работа [при изученіи Дидаскалии Даниила] съ благодарение ще се въсползува и отъ триезичната солунска книжка“¹⁾.

Ф. Миклошичъ въ своей статьѣ: „Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen“ (Denkschr. XXXIV. 1884) сообщилъ нѣсколько начальныхъ строчекъ болгарской параллели Дидаскалии (по изд. 1802 г.), стр. 131.

Въ 1891 г. въ солунскомъ журнальѣ: „Книжици за прочитъ“, кн. VIII—X, помѣщена была статья Д. (М. С. Дринова): „Нѣколко белѣжки за триезичната солунска книга“ (стр. 195—201. Перепеч. въ Съчин. II, стр. 483—489). Въ этой статьѣ Дриновъ даль коротенькія выписки изъ Дидаскалии (по выдержкѣ, находящейся въ статьѣ Миклошича, и по изданію Лика), снабдивъ ихъ параллелями изъ солунскаго изданія²⁾.

Въ 1905 г. появилась статья П. Драганова: „Юго-славянскія книги и статьи, напеч. греческими буквами“ (въ „Изв. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н.“, т. X, кн. I). Драгановъ опредѣленно указываетъ годъ и мѣсто первого изданія Дидаскалии: въ Москопольѣ, въ 1762 г. „Изъ Москопольского Тетраглосса“ онъ перепечаталъ нѣсколько начальныхъ строчекъ. Въ примѣчаніи дано заглавіе этого „тетраглосса“, съ

¹⁾ Съчин. II, 489.

²⁾ Въ двухъ случаяхъ имъ употреблено и вм. ц и разъ ж вм. ц.

тѣми сокращеніями, какъ въ „Книгописѣ“ К. Иречка (№ 150) и въ статьѣ М. Дринова.

Въ заглавіи фигурируетъ между прочимъ выраженіе—
тѣсъ Мѣтѣа Вѣлѣхѣсъ, вм. тѣсъ єу Моеіа Вѣлѣхѣсъ. — У
Иречка—правильно. Пропустиль г. Драгановъ и предлогъ єу:
єкъ Мозжотблѣшъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, что г. Дра-
гановъ пользовался подлиннымъ экземпляромъ Диадаскаліи.
Нѣть. Онъ перепечаталъ нѣсколько строчекъ изъ выдержки,
находящейся въ статьѣ Миклошича: „Geschichte d. Lautbezeich.“,
но перепечаталъ съ искаженіеми.

Драг. <i>срѣстѣ-та.</i>	Микл. <i>срѣстѣ</i> тѣ.
-------------------------	-------------------------

Др. <i>рѣпѣ-то, іаукоулѣ-та.</i>	М. <i>рѣпѣ</i> тѣ, <i>іаукоулѣ</i> тѣ.
----------------------------------	--

Др. <i>Пах рѣтѣнѣ, іѣлѣхва.</i>	М. <i>пах</i> <i>рѣтѣнѣ</i> , ѡ <i>іѣлѣхва.</i>
---------------------------------	---

Др. <i>от тополіха (іасиха).</i>	М. <i>от тополіха (іасиха).</i>
----------------------------------	---------------------------------

Др. <i>от сѣлфиа.</i>	М. <i>от сѣлфиа.</i>
-----------------------	----------------------

Др. ѡ *тробѣнѣ* (стѣ) се *уаїтоат*¹⁾ ѿш ормачо, *тробѣнѣ* се *уа плаунгуре-та.*

М. ѡ *тробѣнѣ* се *уаїтоат* ѿш ормачо т, *тробѣнѣ* се *уа плаунгуре-та.*

Др. <i>уа тробѣнѣ</i> ѹеста.	М. <i>уа тробѣнѣ</i> ѹеста.
------------------------------	-----------------------------

Др. <i>трефя-та.</i>	М. <i>трефя</i> та.
----------------------	---------------------

Др. <i>хопрѣнѣ.</i>	М. <i>хопрѣнѣ(н).</i>
---------------------	-----------------------

Отступленія отъ образца, напечатанного Миклошичемъ,—отступленія, искажающія значеніе текста Диадаскаліи, нельзя объяснить тѣмъ, что г. Драгановъ пользовался инымъ, именно первымъ изданіемъ, какъ опредѣленно заявляетъ онъ заглавіемъ своего приложения: въ перепечатанномъ г. Драгановымъ отрывкѣ находятся такія особенности, какія свойственны изданію 1802 г. Ср. присутствіе слова *іаукоулѣ-та*, котораго не было въ 1-мъ изданіи, написаніе *тробѣнѣ* съ однимъ *ѣ*. То, что Драгановъ выдалъ текстъ изд. 1802 г., находящейся въ статьѣ Миклошича, за 1-е изд., ясно изъ слѣдующаго: у Микл. *плаунгуре-та*, у Др. тоже съ—та; у Микл. *хопрѣнѣ(н)*; Др. пошелъ дальше и раскрылъ скобки; если бы у него было оригиналъное изданіе Диадаскаліи, онъ увидѣлъ бы, что въ первомъ словѣ членнымъ окончаніемъ

¹⁾ Это не опечатка: въ параллельной транскрипціи дано—найдоать—

является—то, а во второмъ тѣ служить въ качествѣ союза [!]. Зависимость отъ текста Миклошича изображается и постановкой запятыхъ и скобокъ, отсутствовавшихъ въ оригиналѣ. Отступленія же отъ миклошичевской перепечатки вызваны небрежнымъ отношеніемъ г-на Драганова къ тексту и только этимъ.

Транскрипція текста русской гражданкой сдѣлана еще хуже.

Итакъ, до послѣдняго времени *Воікѹ́рхă* Дидаскалии оставалась неизученной и неизданной въ полномъ и точномъ видѣ. Между тѣмъ, весьма значительная цѣнность этого рѣдкаго памятника давно бы заслуживала и точнаго изданія и внимательного изученія. Справедливо писалъ G. Meyer: „Ein genauer, vollstndiger Abdruck des ganzen, jedenfalls ungemein seltenen Buches wre in hohem Grade erwnscht“ (Alban. Stud. IV. Sitzber. Bd. 132. Стр. 1).

Въ 1909 г. въ Бухарестѣ вышла книга Перикла Папахаджи, родомъ македонскаго влаха: *Scrisitori aromâni în secolul al XVIII* (Cavalotî, Ucuta, Daniil). De Per. Papahagi. Вису-рети. 1909. Стр. 1—52 занимаетъ *Introducere*, въ которомъ сдѣланъ замѣчанія, не вполнѣ объективныя, о возродительному движениі у македонскихъ влаховъ (аромунъ). Затѣмъ идутъ тексты: 1) *Н эа Наїдѹшѹих* (Вѣна 1797) Константина Укуты (57—101) и 2) *Еїзѹшѹихъ Дїбахалія* (105—182). Четыреязычные тексты Дидаскалии занимаютъ 116—182 стр. Столбцы *Влăдѹхă*, *Воікѹ́рхă*, *Алжѹтїхă* имѣютъ при себѣ параллели, переданныя румынской абецидой. Перепечатка Дидаскалии сдѣлана по изданію 1802 г., по экземпляру Румынской Академіи наукъ (firă exemplarul aflător în biblioteca Akademiei Române. 43). Къ текстамъ присоединены 3 словаря: 1) *Vocabular Aromân* (187—261) куда вошелъ и влашскій словарь изъ *Цротопезїј* Кавалліоти, 2) *Vocabular Albanez* (263—291 и 3) *Vocabular Bulgăresc* (293—314). На стр. 315—324 сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о названіи „*Aromân*“ и алфавитахъ, принятыхъ Папахаджи, Мейромъ, Даніиломъ. Кавалліоти, въ кодексѣ Димонія, Укутой. На стр. 327—328 помѣщены *Indreptări*.

При изученіи языка Дидаскалии, въ частности болгарской параллели ея по изданію Папахаджи слѣдуетъ пользоваться только греческими столбцами, но отнюдь не латинскими,—транскрипціей Папахаджи. Много неточностей въ

замѣнахъ греческихъ знаковъ латинскими, ошибочное чтеніе текста, нѣкоторая произвольность и непослѣдовательность въ передачѣ звуковъ и формъ допущено имъ въ параллельныхъ столбцахъ, напечатанныхъ румынской абецедой. Я говорю лишь о болгарской параллели, не касаясь другихъ частей гlosсарія. Текстъ же въ греческой транскрипціи, какъ показываетъ сравненіе его съ соотвѣтствующими параллелями по изданію Лика и Миклошича, перепечатанъ точно. О своей точности въ передачѣ греческихъ написаній говоритъ и самъ Папахаджи. „Я желаю подчеркнуть, что подлинный текстъ переданъ точно, слова переписаны такъ, какъ они встрѣчаются у Даніила, при чмъ мы не позволили себѣ изменить даже самаго малаго“ (293).

Рядъ ошибокъ и неточностей въ румынско-латинской транскрипціи былъ указанъ Ст. Романскимъ, въ Период. Спис. LXX, св. 5—6, стр 464—467¹⁾). Но много недосмотровъ въ транскрипціи Папахаджи осталось неотмѣченными и послѣ рецензіи Романского. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе важные.

eagnécata (употребляемъ съ вм. т.) вм. јагъпсата — іշчутъ (119), нартаš (§ вм. §) вм. pártaiš—уáпратој (120), іеръ вм. Ѣгъ—шој (120), оставит вм. óstanvit—óстахът (123), gásk'ite вм. gúsk'ite—гу́скът (124), vlezat вм. vlézaat—злéзат (126), sákaat вм. sákaet—закъает (130), imám вм. ímam — имац (133), práznicite вм. praznícite—празніцът (133), sfátbite вм. sfádbite—сфáдът (135), edna gémia вм. éden gemia — ёден геміа (136), skáršina вм. skáršena—зхáршена (136), zabra вм. zápra — ѡáпто (140), párukot вм. párokot—пáпокът (141), nega вм. neka (143, 145), ovař вм. óvoi—óвоя (144), róbite вм. rúbite—óвўйтът (151), čadaet вм. čádaet — чдатът (154), sfekar вм. slékor—зчéхор (159), skáršina вм. skáršini—зхáршени (161), sini вм. sínoi(и)—зíнои (162), citévata вм. čirévata—чирéвата (167), óstineš вм. óstiniš—óстниј (169), smía вм. zmía—зміа (173; сп. въ новогреческомъ письмѣ ȝ—z передъ звонкими согласн. и плавными); ísusíš вм. ísušiš—їсуїш (175), se čeg-venit, červeneta вм. se cъrvánit—се чрвáнит, съrvéнета—чрвéнета (175, 177), nódzite вм. nódzite — юдзите (176, 177);

¹⁾ Конечно, ошибочна транскрипція Папахаджи нареčія óвъ посрѣдствомъ otvá. Но не точно и edva,—исправлениe г. Романского: въ македонскихъ говорахъ это наречие имѣеть видъ odvá—odvá! См. ниже.

сётис во всѣхъ случаяхъ передано посредствомъ *seine*; но вѣроятнѣе, что въ болгарскомъ говорѣ Диадаскалии было *sedne*, какъ это известно многимъ македонскимъ говорамъ. Много путаницы въ передачѣ мягкихъ согласныхъ и *ia* (*ja*).

Въ словарѣ повторяются ошибки и неточности текста. Къ этому присоединены новые при возстановленіи формы именит. ед. въ именахъ и 1 ед. наст. въ глаголахъ.

Въ дальнѣйшемъ мы руководствуемся только греческой транскрипціей текста Диадаскалии. Ссылки помѣчаемъ страницами не Диадаскалии, а для удобства справокъ страницами изданія Папахаджи.

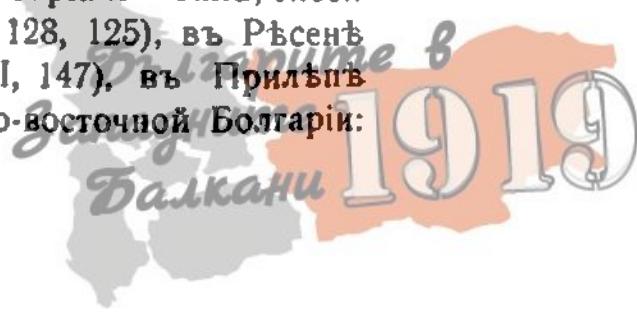
*ъ, *ь.

в. Для передачи гласнаго ѣ въ Диадаскалии принять знакъ *q*. Тотъ же знакъ употребляется для передачи албанскаго „глухого“ гласнаго ѣ (ѣ въ обозначеніи Вейганда: *Alb. Grammatik*, Leipz. 1913). и аромунскаго ѣ или ё: *ta*, *хѣта* ѻѣутѣ (алб.); *хѣтоу*, *аѣрута* ѻоїлте *҂аухъе*, *лауа* ѻаутїтѣ (аром.).

Гласный ѣ употребляется въ известныхъ случаяхъ передъ плавнымъ: зѣрна, вѣлна и др. (см. ниже). Въ одномъ случаѣ онъ находится вм. коренного **q* въ словѣ кѣтник *ছѣтник*, 140; т по ошибкѣ вм *ж*) и разъ въ суф.: *јагънцата*—*јаѹдѫтца* 119.

Затѣмъ въ заимствованномъ словѣ *хѣндек*: два хѣндека 139; но въ другомъ случаѣ для того же слова употреблено *e*: *хѣндеk* 157. Замѣтимъ, что въ албанской параллели соответствующее слово передано въ обоихъ случаяхъ съ гласнымъ *e*: *хѣутѣх*.—Въ греч. и аромун. параллеляхъ нѣтъ этого заимствованного слова; ему соответствуетъ тѣ *хѣлакъ*, *о іакъ*; въ греч. и *trapi* въ аромунской.

Въ болгарскомъ говорѣ Диадаскалии отражаются элементы двухъ звуковыхъ вариантовъ этого заимствованного слова: турец. *хendek* и *хandak*. Въ однихъ болгарскихъ говорахъ отражается *hendek*, въ другихъ *handak*, въ третьихъ сочетаніе съ элементами того и другого варианта. Такъ, *ендек* употребляется въ Охридѣ (Шапк. VIII, 128, 125), въ Рѣсенѣ (Сбм. VIII, 230), въ Галичнику (Сбм. XI, 147), въ Прилѣпѣ (Сбм. XVI—XVII, 242). Также въ сѣверо-восточной Болгаріи: *hѣndék* (Miletič. D. Ostb. 131).

а́ндак—въ Леринѣ (Шапк. IX, 327), въ Дупницѣ (Сбм. X, 186).

éндак отмѣчено для самоковского говора (Сбм. X, 157). Наконецъ, въ болгарскихъ говорахъ отражается и образование съ гласнымъ i въ суф., указывающее на ѡendik. Такъ было въ говорѣ болунской „Книги за наученіе трехъ языковъ“. Въ ней въ соотвѣтствіи ѿутѣхъ Дидаскаліи читается ѧендикъ въ болгар. и ѧендикъ въ карамалицкой параллеляхъ (16).

Въ ограниченномъ числѣ случаевъ ъ (ə) употребленъ им. а (ə). Въ 5 случаяхъ это относится къ союзу da, переданному посредствомъ та (112, 147, 149, 171, 181). Затѣмъ: та́ртъ,—тобъриш 175; ѿутѣ—нѣде 144,—аор. 2 ед.

Въ 1-мъ изданіи также были примѣры употребленія ə вм. ə, какъ это обнаруживается изъ перепечатки Лика, передававшаго ə оригинала посредствомъ курсивнаго e. Но они не вполнѣ совпадаютъ съ примѣрами 2-го изд.: te вм. ta [da] употреблено въ 3 случаяхъ; но зато въ одномъ случаѣ имѣется e тамъ, гдѣ во 2-мъ изд. находится ə: ta рѣstis (курс. с соотвѣт. ѕ) étpe пétela (387). Въ Дидаскаліи 1802 г. Ѽтуа Ѽстѣлла.

Всѣ эти случаи употребленія ə вм. ə вызываютъ большое подозрѣніе въ ихъ фонетическомъ значеніи. Съ несомнѣнностью надо исключить та вм. da. Въ этой передачѣ вм. обычной та (=da) отражается ясная зависимость отъ алб. та (=te(ë)), такъ часто употребляемаго въ албанскомъ текстѣ соответственно союзу da болгарской параллели.

ö—o. Вмѣсто гласнаго ъ, бывшаго, въ „сильномъ“ положеніи, говоръ Дидаскаліи имѣетъ опредѣленную замѣну, одну и ту же въ корнѣ и суффиксѣ: o.

1) сбн 156, вбшк'и 156, ббчфа 132, ббш[ч?]фите—мпó-
зютѣ 131.

2) лакот 141.

3)—ок: чётфорток 127, пётокот 127, пёпокот 141, пё-
сок 173.

ок и въ словахъ: вбсок 138, мбзок 147.

4)—от членной формы муж. ед.: брманот 117, чбекот
118, 110, арсланот, вблкот 118, кбренот 153, пётелот 121;
брелот 124, сфётецу[о]т 142, пётокот 127, пёпокот 141

хрা�ист 136, лъбзист — лошјот 150. јатгрот — мадриот 137. сфијот — сфијот 127. Какъ видно, сочетанія нечленныхъ формъ съ ихъ суффиксами ец изъ ьц и ок изъ ьк входятъ и въ членныя формы. Такъ во всѣхъ македонскихъ говорахъ, такъ и въ болгарскомъ языкѣ вообще.

Примѣровъ членной формы съ — о Дидаскалия не имѣеть.

5) Въ предлогахъ *цъ и *съ: во 117, 125, 127, 130 и др. со 128, 130, 133, 134 и много разъ затѣмъ. Вообще эти предлоги употребляются въ видѣ во и со.

ъ—а. снаата 160.—сна[х]а съ а послѣ и знаютъ и тѣ. говоры Македоніи, гдѣ вообще отсутствуетъ вторичное ъ—а (Охридъ, Струга, Рѣсенъ, Костуръ). сна[х]а известна и Западной Болгаріи. Съ тѣмъ же гласнымъ это слово употребляется и во многихъ говорахъ восточнаго нарѣчія (въ связи съ ъ—а). Изъ македонскихъ говоровъ лишь въ солунскихъ (Oblak. Mac. St. 14), охридскомъ (при „снаа“) и дебърскомъ наблюдаются отклоненія: снъа въ Охридѣ (Изв. на сем. III. 234), снба изъ снъ[х]а въ дебърскомъ краѣ (Сбм. XI, 585).

2) маск'ите — јазхуте 120. 'Роу. тѣ юсълар. Вѣл. юсълар, 'Л.р. юсъс[ѣ]хата.

Въ этомъ примѣрѣ отражается вторичное измѣненіе ъ, развившагося въ нѣкоторыхъ случаяхъ вм. прежнихъ „слабыхъ“ ъ, ь, а также и при другихъ условіяхъ. Въ это время переходило въ а и ь, замѣнившее до этого прежній носовой гласный *q.

3) Такимъ же образомъ объясняется а (или ā) въ турецкомъ суффиксѣ Як: кўрвалак 163. Но отсутствіе другихъ примѣровъ съ этимъ суффиксомъ вынуждаетъ ограничить это объясненіе лишь даннымъ и ему подобными (ст. гласнымъ а въ предшествующемъ слогѣ) случаями. Былъ ли тотъ же гласный въ суф. (—lak) и въ другихъ словахъ на —їк, неизвѣстно. По всей вѣроятности, въ тѣхъ сочетаніяхъ, когда этому суффиксу предшествовалъ слогъ съ гласнымъ а(у), произносилось —luk: [ch]ajdufluk, agpautluk и т. под. На возможность такого вида суффикса указываютъ всѣ современные македонскіе говоры.

4. Одновременно съ ъ въ „сильномъ“ положеніи замѣнилось и ь, находясь въ тѣхъ же условіяхъ: ъ—е и въ корне и въ суффиксѣ.

- 1) лéнот 148, ден 156, вéлигден 178, дéн'a=днемъ 146, тéстот 159, отъ—тéст—пошla и—тéста[та] 160; чéсна.
- 2)—ен: чéстен 128, ýмен 149, тéсен 156, ráдосен 176, хáрен 146, 148, 161.
éден 136 (2 р.), 138 и др.
- 3)—иц сфéтешу[о]т 142.
- 4)—*ъlo—: *огыль—брел[от] 124.

По судьбѣ *ъ, *ъ Вooлъáрехъ принадлежитъ Македоніи. При обозрѣніи судьбы „сильнаго“ ъ, а также „сильнаго“ ь необходимо имѣть въ виду положеніе ихъ въ словѣ: судьба ъ (ъ) въ кориѣ была въ нѣкоторыхъ говорахъ не тожественна съ судьбой ъ (ъ) въ суффиксѣ или префиксѣ. Въ кориѣ вм. ъ развилось о почти во всѣхъ говорахъ Македоніи, кромѣ съверной полосы ея, и въ сосѣднихъ съ Македоніей юго-западныхъ говорахъ Болгаріи. Пограничными областями ъ—о являются слѣдующіе края. На югѣ и юго-западѣ: Костурскій край, Корча, Леринъ, Рѣсенъ, Охридъ, Струга. На западѣ и с.-западѣ: Дебърская область, южные склоны Шаръ-планины, мѣстности у истоковъ Вардара, Гостиваръ; немного съвернѣе Гостивара, приблизительно на полпути между нимъ и Тетовомъ пограничныя области говоровъ ъ—о продолжаются въ съверо-восточномъ направлѣніи, къ р. Трескѣ, къ Каршияку, къ Вардару въ юго-восточной части Скопскаго округа. Въ юго-восточномъ направлѣніи области ъ—о говоровъ идутъ далѣе къ Велесу, Штипу, Радовишту. Отъ верховьевъ Брѣгальницы, черезъ Піянецъ, эти говоры распространяются на съверо-востокъ, занимая полосу юго-западной Болгаріи,—области Г. Джумай, Разлога, Самокова, Дупница, Кюстендила. Черезъ Малешово ъ—о говоры спускаются къ югу, къ Струмицѣ, къ Кукушу, идутъ далѣе къ солунскимъ селамъ и отсюда поворачивають къ юго-западу, къ Водену, къ Острову, Лерину. При этомъ надо замѣтить, что въ съверныхъ и восточныхъ частяхъ очерченной территории можно наблюдать и другія замѣны *ъ,—замѣны, свойственные сосѣднимъ говорамъ: ъ и а.—Записи и описанія.

ъ въ суффиксѣ. Говоры, въ которыхъ употребляется вм. суффиксального ѿ гласный о, занимаютъ большую территорию сравнительно съ намѣченной выше. Такъ обстоитъ

дѣло съ суффиксомъ—ок—вм. *ък (точнѣе *ъ-ко).-ок- наблюдалось не только тамъ, гдѣ ъ→о, но и во многихъ такихъ говорахъ, въ которыхъ замѣна ъ въ корнѣ не о, а ъ или а. Таковы говоры къ съверу оть области ъ→о коренного: въ областяхъ Дольняго Полога, Скопья, Овчаго поля.—ок—употребляется, хотя и непослѣдовательно, въ западной Болгаріи, въ округахъ Босилоградскомъ, Радомирскомъ, Софійскомъ, Берковичскомъ. Не чуждо—ок— и нѣкоторымъ говорамъ восточной Болгаріи.

Условія возникновенія о въ суф. -ок- не для всѣхъ говоровъ были одинаковы. Если въ говорахъ Македоніи (за исключеніемъ ея съверной полосы) и юго-западной Болгаріи -ок-*вм. -ък- развилось фонетически, въ связи съ общимъ измѣненіемъ „сильного“ ъ въ о, то въ говорахъ съверно-македонскихъ, западно-болгарскихъ (срединныхъ и съверныхъ) и восточно-болгарскихъ причина возникновенія -ок-вм. -ък- была иная; съ общимъ характеромъ измѣненія „сильного“ *ъ суффиксальное ъ не находилось, ибо результатъ, достигнутый въ фонетическомъ измѣненіи „сильного“ ъ, характеризуется гласными типа ъ и а, а не о. Не можемъ принять въ качествѣ исключительного объясненія и то, по которому -ок- является элементомъ заимствованнымъ изъ діалектовъ ъ→о. Если это объясненіе можно примѣнить къ съверно-македонскимъ говорамъ или къ говору радомирскому, ближайшему къ кюстендилскому, то какъ проявили эти суффиксальные элементы въ видѣ -ок- въ съверо-западные и съверо-восточные болгарскіе говоры? Слѣдуетъ признать, что -ок- въ діалектахъ, незнающихъ ъ→о, развилось по аналогіи съ формами, гдѣ находился исконный суффиксъ-ок-(Сбм. ХХ, 25, Б. Цоневъ): оть образованій *висок*, *широк*, *дол[ъл]бок*, *слепок* выдѣлился суффиксъ -ок- и перешелъ въ другія образованія, вытѣснивъ -ък- (или -ък-, -ек-, вм. *ък:-*тѣжъко-; тѣжък или тѣжек→тѣжок). Какъ суффиксъ, стало восприниматься прежнее коренное -ок- въ такихъ образованіяхъ, какъ *поток*. Да и въ македонскихъ ъ→о говорахъ употребленіе -ок- не обошлось безъ вліянія фактора психологическаго: присутствіе этихъ суф. элементовъ мы наблюдаемъ и послѣ прежнихъ палатальныхъ согласныхъ вм. ожидаемаго сочетанія -ек-; тѣжок, жѣжок, гиچок—обычныя звуковыя сочетанія во многихъ говорахъ Македоніи. На широкое распространеніе суф.-ок— указыва-

зотъ такія новообразованія, какъ ти[х]-ок: тюкъ зетаръ (Струга. Сбор. Миладин. 1861. 2), брокъ сон (Самоковъ. Сбм. II, 108). О развитіі -ок- путемъ аналогіі свидѣтельствуетъ употребленіе —ок— и въ такомъ заимствованномъ словѣ, какъ *bosil'ok*: ср. греч. βασιλίχου, лат. *basilikum*.

Въ говорахъ, пограничныхъ съ говорами э→о, суффикс. ок могло появиться и подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ говоровъ.

-ок-находится уже въ раннихъ среднеболгарскихъ памятникахъ съ разной діалектической окраской, западной (южной и съверной) и восточной. Ср. указанія П. А. Лаврова (Обзоръ, 36), В. Н. Щепкина („Болон. Псалтырь“; 87), С. М. Кульбакина („Охридская рукопись Апостола“, LXXXVIII; „Материалы и замѣтки“, Ж. М. Н. Пр. 1904, іюль, стр. 24—25; 1905, май, 7, 14, 16, 24), Г. А. Ильинскаго (Слѣпченский Апостолъ, XXIX — XXX). -ок- находится и въ вирпинской грамотѣ царя Константина Асѣня (кроокъ, доходокъ 3 р. при двухкратномъ дохѣкъ, Ильинскій. Грамоты, 63) и въ Добрѣйшовомъ Евангеліи (кроокъ 3 р., платокъ 5 р., избитокъ, шпрѣсокъ 3 р. Цоневъ. Добрѣйшово Четвероевангеле, 47),—въ памятникахъ, въ которыхъ отразились черты говоровъ съверной Македоніи или ближайшихъ областей западной Болгаріи.

Изъ современныхъ говоровъ отмѣтимъ лишь говоры съверной и съверо-восточной Македоніи, западной и восточной Болгаріи.

Д. Пологъ: прѣвързок, пѣток, чѣворток—чѣвърток, подарок (Селищевъ. Отчетъ (цит. „Отчетъ“), 31, 6), ббсил'ок (Минало I 1, 74), сладок (Стояновъ, III, но и—песак, 86). Скопье: босил'ок (Минало I 1, 66—67). Велесь: чѣворток (сбм. VII, 126), пѣсок, тежок (Сбм. XII, 214, 163), ручок (Сбм. V, 147, XII, 183), ббсилок (Сбм. XIII, 173). Штипъ: пѣсок, почѣток (Сбм. XI, 588), тѣжок, ручок (Сбм. IX, 162, 211; Книжици III, 57). Кратово: дѣноко—чл. (Лесново. Минало, I 1, 77). Кочани: сладок ручок (Сбм. XVI—XVII, 185). Радовишъ: попок (Караціїћ, I, № 11), Тиквешъ: ручок (Шапк. I, 139). Въ с. Сухо при э→о въ корнѣ произносится въ суф. ок (йк): ренток (Oblak. Mac. St. 12), Киречк'ой: гиѣдок (Rad, knj. 145, стр. 154). Г. Джумая: песок, добиток, четфрѣток (Сбм. XX, 3). Самоковъ: добитоко — чл. Дупница: слаток, ручок (Сбм. X, 183, 164). Кюстендилъ: денок, босил'ок (Сб. Любенова, 51, 27). Софійская область: пупок, муток, јаток. (с. Петрѣчъ).

Цоневъ. Изв. за команд. I, 138—139); душбк, мечбк, ручбк, нај-иънечок (сс. Гурмазово и Пролеша. Сбм. III, 15, 203, IV, 168). пùпок, мутòк отмъчены и въ Берковичскомъ округъ (с. Черèшовица; пупок—въ сс. Дълги-Дель и Говежда. Цоневъ. Изв. за команд. I, 139). Въ нѣкоторыхъ босилоградскихъ селахъ слышится ваток (ib., 143).

Въ съверо-восточной Болгаріи: ѡетвъток, реток, тбток (Miletić, Das Ostb. 7), дубитук, съмъчук, инничук (Цоневъ. Сбм. XX, 46). -ок- и въ словахъ: млечбк, прашбк, барчбк (Цоневъ. Сбм. XX, 25).

Во всѣхъ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи -ок- находится и въ словахъ „воскъ“, „мозгъ“.

мбзок—и въ Чип[о]ровцахъ (Сбм. XVI—XVII, 259), но момък, пùпак, босил'ак (ib. 261, 259, 132).

О давности суф. *ок*, а также *ец* и ихъ продуктивности, интенсивности свидѣтельствуютъ общеалбанскія заимствованія у славянъ образованій съ этими суффиксами. Эти заимствованія, представляемыя говорами и тосковъ и геговъ, идутъ отъ славянъ, сосѣдившихъ съ албанцами на востокѣ и юго-востокѣ (въ Македоніи), а не отъ славянъ, сосѣдей на съверѣ и с.-западѣ.—раток, тацбк;—ок и въ bosilok, kastravèc и krastavèc, mbodèc, kotèc, rjanèc, skopèc и др. (Miklosich. Alb. Forschungen. I. Denkschr. XIX. Dozon. Manuel de la langue chkipe. 275. Рекметзи. Чгат. 220. Weigand. Alb. Gram. 42).

Членная форма м. ед. Употребленіе гласнаго *о* въ членной формѣ муж. ед. также не ограничивается предѣлами говоровъ *б*—*о*, а выходитъ за нихъ къ съверу, и къ востоку: говоры положскіе, скопскіе, кратовскіе и значительная часть западно-болгарскихъ имѣютъ—*о[m]*, какъ окончаніе членной формы муж. ед. При этомъ, въ однихъ говорахъ эта форма оканчивается только гласнымъ—*о*, а въ другихъ за гласнымъ *о* слѣдуетъ согласный *m*. Въ нѣкоторыхъ областяхъ употребительны и въ томъ и въ другомъ видѣ членныя формы.

1) область—*от*; 2) область—*от-o*; 3) область—*о*. Области эти слѣдующія. 1)—*от*: къ западу отъ Битоли, въ области Прѣспанского и Охридскаго озеръ; далѣе эти говоры простираются въ съверо-западномъ направлениіи, на

Крушово, Кичево, Порѣчье, Дебъръ, къ Гетову.—Записи и описанія.

Общность въ членной формѣ м. ед. не случайность въ этихъ говорахъ. Они и въ другихъ отношеніяхъ представляютъ черты, свидѣтельствующія о ближайшемъ взаимоотношениі ихъ. Отмѣтимъ, что въ тѣхъ же говорахъ форма наст. 3 ед. имѣеть—*t* (ср. ниже). Лишь говоры положскіе, въ частности говоры Тетова и ближайшихъ къ нему сель на югѣ и сѣверѣ, нѣсколько уклоняются отъ прочихъ говоровъ охридско-дебърско-кичевскихъ. Въ нѣкоторыхъ тетовскихъ селахъ членная форма оканчивается на *o*, напр.; въ с. Стенче, находящемся по правую сторону Вардара. Въ этомъ отношеніи тетовскіе говоры приближаются къ говорамъ велесско-скопскими, гдѣ членная форма—*ot-o*.

На югѣ Македоніи, въ предѣлахъ Водена-Меглена¹⁾—Кукуша и Солуя также употребительна членная форма на—*ot* (—*ot-ut*); но изрѣдка встречается и форма на—*o* (Воденъ-Кукушъ).

2)—*ot'-o*. Къ востоку отъ Рѣсенско-Охридско-Кичевской —*ot* области и къ сѣверу отъ Меглена и линіи Воденъ-Кукушъ находится область говоровъ съ безразличнымъ употребленіемъ звуковыхъ элементовъ членной формы м. ед.—*ot* и *-o*. Это говоры въ слѣдующихъ краяхъ: въ битольскомъ, прилѣпскомъ, маріовскомъ, велесскомъ, скопскомъ, гевгелійскомъ и дойранскомъ. Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в. (Птгр. Публ. б-ка, F. IV. 561) съ чертами прилѣпскихъ говоровъ, членная форма передана съ оконч. *o* отъ: на чивликотъ, на воло 46 об. и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ чаще употребительной является форма на—*ot*. Такъ въ области Гевгели и Дойрана, если вѣрно переданы член. ф. въ зап. Сборника Шапкарева (кн. IX).

Такъ и въ Скопѣ и Црешевѣ,—селѣ, находящемся рядомъ съ селами Скопской Черной Горы, въ діалектическомъ отношеніи примыкающихъ къ кумановско-прешевской области, членная форма оканчивается чаще на—*ot* (Минало I 1, 66—69).

Но въ говорахъ Черной Горы эта форма имѣеть окончаніе—*at*: човекат (Етн. Зб. VII, 508), најмладијат (Насеља, III. 483, 497).

¹⁾ Передаемъ название этой мѣстности посредствомъ Мегленъ, а не Мѣгленъ: съ ме оно произносится тамошнимъ жителемъ: „Мѣгленут, мѣгленци... (и вм. неуд. е). Сбм. III. 190.

Изъ отмѣченныхъ—*отъ*-о говоровъ въ ближайшемъ родствѣ между собою находятся говоры центральные,—битольско-прилѣпско-велесскіе.

По отношенію къ—*отъ* говорамъ было отмѣчено, что членной формѣ соответствуетъ и форма наст. 3 ед. на—*тъ*. Та же параллель наблюдается и въ говорахъ—*отъ*-о: въ битольской, прилѣпской и маріовской областяхъ наряду съ формой наст. 3 ед. на *тъ* употребляется и форма безъ—*тъ* (Ср. ниже въ отдѣль о глаголѣ).

3)---о. Говоры, имѣющіе членную форму на -о, занимаютъ области, расположенные къ югу, востоку и съверо-востоку отъ области—*о!*-*отъ*. Это говоры а) южной части Македоніи: Костура и Лерина; б) съверо-восточнаго угла Македоніи: Штипа, Радовишта, Кратова; с) западной Болгаріи. Одни западно-болгарскіе говоры находятся въ областяхъ, сосѣднихъ съ Македоніей, и имѣютъ много чертъ общихъ съ ближайшими македонскими говорами, въ частности съ говорами, имѣющими членную форму на -о; другие значительно удалены отъ нея. Къ первымъ относятся говоры Г. Джумай, Разлога, Самокова, Дупницы, Кюстендила.—Записи и описанія.

Прочіе—*о* говоры западной Болгаріи занимаютъ области между Искъромъ и Огостой (Мариновъ Ж. Стар. II, 84, 85) и отчасти южнѣе, въ области Брезника (Сбм. X, 151), Босилограда (напр. въ юго-зап. селѣ Назарища; въ сс. Тлъмино и Бистръ—*отъ*, въ с. Дукатъ—*ътъ*. Сбм. XIX, З. Цоневъ); Софіи (напр., въ двухъ махалахъ с. Шума; въ 2-хъ другихъ махалахъ того же села—*ътъ*. Изв. за команд. I, 139).

Не во всѣхъ говорахъ этихъ трехъ группъ гласный о членной формы былъ одинакового происхожденія. Безъ сомнѣнія, во всей 1-й группѣ, кроме говоровъ дольне-положскихъ, гласный о членной формы находится въ связи съ судьбой „сильнаго“ ъ, съ его замѣнной гласнымъ о, отразившейся уже въ памятникахъ староболгарскихъ.

Такъ же обстояло дѣло и на югѣ, въ области Костура —Лерина и въ прочихъ говорахъ Македоніи, за исключеніемъ съверной полосы: нѣкоторыхъ говоровъ скопскихъ и кратовскихъ, не знающихъ ъ—*о* въ прочихъ положеніяхъ. Если же наблюдается здѣсь и въ д.-положскихъ присутствіе о въ членной ф., то появленіе этого гласнаго въ данномъ случаѣ

обязано говорамъ, подхodившимъ къ положскимъ, скопскимъ и кратовскимъ съ юга, запада и востока.

Для говоровъ юго-западной Болгаріи слѣдуетъ признать развитіе о внутри самихъ діалектовъ въ связи съ фонетическимъ измѣненіемъ „сильнаго“ ѧ → о (а вм. „сильнаго“ ѧ—инодіалектическое, съверо-западное наслоење). Но въ говорахъ между Искъромъ и Огостой, Брезника и софійскихъ селъ происхожденіе о членной формы было аналогично появленію того же гласнаго въ той же категоріи въ нѣкоторыхъ съверно-македонскихъ говорахъ: оно пришло со стороны, съ юго-запада. Оттуда проникали и нѣкоторыя другія черты.

*sъ. Мы видѣли, что употребленіе гласнаго о въ членной формѣ м. ед. выходитъ далеко за предѣлы діалектовъ съ о вм. „сильнаго“ ѧ въ корнѣ слова. Не такъ велика территорія, занятая говорами, имѣющими гласный о въ замѣнѣ предлога и префикса *sъ. При этомъ, въ качествѣ предлога употребляется многими говорами удвоенная форма *sъsъ. Въ префиксѣ же является только замѣна *sъ.

сос и *со* развились естественно прежде всего въ тѣхъ діалектическихъ группахъ, въ которыхъ вообще „сильный“ ѧ замѣнялся гласнымъ о: та же, конечно, судьба постигла и ѧ въ предлогѣ и префиксѣ *sъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ѧ находился въ „сильномъ“ положеніи. Въ „сильномъ“ положеніи ѧ былъ и въ сочетаніи *sъsъ, откуда *sos*. Въ видѣ *so* этотъ предлогъ и префиксъ обобщаются въ употребленіи, распространяясь и на тѣ сочетанія, гдѣ ѧ въ *sъ былъ въ „слабомъ“ положеніи и долженъ былъ фонетически подвергнуться утратѣ. Но такое обобщеніе произошло не во всѣхъ діалектахъ: на ряду съ *sos* (*sъsъ*) употребляется и *s*.

sos или *so* известны всѣмъ говорамъ Македоніи. *sos* и *so* свойственны также говорамъ юго-западной Болгаріи. Въ отдельныхъ случаяхъ они употребляются и въ другихъ областяхъ. Но по происхожденію это о кромѣ Македоніи, развилось фонетически лишь въ юго-западной Болгаріи, гдѣ „сильное“ ѧ → о. Въ другихъ діалектическихъ группахъ *so* и *sos* основаны на заимствованіи со стороны, какъ видно, отъ діалектовъ Македоніи и юго-западной Болгаріи.

Въ нѣкоторыхъ діалектахъ на съверѣ и съверо-востокѣ Македоніи въ префиксѣ исходится *so*, а въ предлогѣ *sъsъ*.

Въ южной и юго-западной Македонії *со* употребляется въ качествѣ предлога и префикса. Въ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается и *с* (М. Рѣка: Изв. на сѣм. II, 277; Охридъ, ів. III, 245) или *sos* (Крушово: Сбм. XV, 163, 164). Именно, *со* свойственно говоромъ въ слѣдующихъ областяхъ: въ Кайлярѣ, Костурѣ, Леринѣ, Битолѣ, Прилѣпѣ, Маріовѣ, Тиквишѣ, Рѣсенѣ, Охридѣ, Стругѣ, Кичевѣ, Порѣчье, М. Рѣкѣ, Крушовѣ, Г. и Д. Пологахъ.—Записи и описанія.

Какъ видно, говоры, имѣющіе *so*, занимаютъ сплошь югозападную и ближайшую центральную часть Македоніи. Начиная отъ самыхъ южныхъ предѣловъ славянской Македоніи, эти діалекты простираются до нижняго теченія р. Цѣры; оттуда они идутъ на западъ, до западныхъ границъ Македоніи. У Крушова они поднимаются дальше къ сѣверу и достигаютъ Тетова и тетовскихъ сель.

На востокъ отъ очерченной области находятся діалекты, въ которыхъ въ качествѣ предлога известно *sos* (въ чередованіи съ *зо* или *s*), а въ качествѣ префикса—*so*. Это говоры прочихъ частей Македоніи (за исключеніемъ Скопской Черной Горы и Кратова) и юго-западной Болгаріи. Но между говорами восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи наблюдается различіе въ употребленіи этого предлога: въ македонскихъ говорахъ обычно чередованіе *sos* и *so*; въ юго-западной же Болгаріи чаще употребляется *sos*; его чередованіе бываетъ только съ *s*, но не съ *so*. Въ этомъ отношеніи говоры юго-западной Болгаріи по образованію предлога, соотвѣтствующаго **sъ* [“*sъsъ*”], находятся въ ближайшемъ отношеніи къ говорамъ восточнаго и сѣв.-западнаго нарѣчій и къ говорамъ юго-восточной Сербіи.

Діалектическая область, гдѣ употребляется *sos* (съ возможной его замѣной предлогомъ *so* или *s*), отъ Островского озера на юго-западъ направляется къ востоку, къ солунскимъ говорамъ. Въ сѣверномъ направленіи эта область достигаетъ Велеса, Скопья, Кратова, Кочани въ Македоніи и Г. Джумай, Разлога, Самокова, Дупница, Кюстендила въ зап. Болгаріи.

Острово (зап. Григоровича. Рум. Муз. № 1858), Воденъ (Сбм. II, 188, XVIII, 469), Кукушъ (Сбм. XVIII, 460, II, 110); ю.-вост. солун. село Киречк'ой (Книжици II, 40—44; Rad. knj. 145, стр. 155, 157); въ сѣв. солунскихъ селахъ встрѣчается и *sъs* (Oblak. Mac. St. 15); Гевгели (Шапк. IX, 339—346);

Дойранъ (ib. 370—376); Радовиштъ („Каракић“, I, № 11; III, № 5); Малешово (с. Пехчово: „Новини“, II, № 48); Штипъ (Сбм. XI, 588); Велесъ (б.Псп. I, кн. IX—X, 92; Сбм. III, 217—219; V, 148 и др), Скопье (не Скоп. Черная Гора!—Минало I 1, 56—67, 70 71; Сбм. XI, 110, 111); Кратовс (с. Лесново. Минало I 1, 77); Кочани (Сбм. XVI XVII, 185), Криво-р. Паланка (Сбм. IX, 71; ср. и въ записи сотрудника х. Йоакима Кърчовскаго—Димитъя Филипповича изъ Кр.-Паланки, но кратовскаго жителя: сось, сось; ниже о х. Йоакимъ). Г. Джумая (Сбм. XX, 20); Разлогъ („Додатак“); Самоковъ (Сбм. X, 179; Шапк. IX, 380; въ письмѣ 1828 г.: сось здраве: Сбм. XI, 609); Дупница (Сбм. X, 162); Кюстендиль (Сб. Любенова).

Этими областями ограничивается территорія, занятая овсрами, имѣющими предлогъ *sos*, вмѣсто которого по діалектамъ употребительны и *so* или *s*; въ качествѣ префикса служить всегда *so*. Далѣе къ сѣверу идутъ говоры, въ которыхъ уже не встрѣчается *sos* (кромѣ, м. б., спорадическаго употребленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ): обычнымъ сочетаніемъ для этого предлога является *sъs*. Эти говоры начинаются уже въ областяхъ Скопской и Кратовской. Скопская Черная Гора (Насеља, III, 475—495; Етногр. Зб. VII: със, т. е. със) и Кратово (б. Псп. XI—XII, 170, с. Псп. V, 116) знаютъ *sъs*. Въ такомъ же видѣ этотъ предлогъ извѣстенъ и въ дальнѣйшихъ областяхъ къ сѣверу и сѣверо-востоку: въ Кумановѣ (Хц. Василь. Ј. Ст. Срб. I, зап. 337—350; Книжици I, 41); въ Прешевѣ (Хц. Василь. ib. II, зап. 287—301); въ юго-восточной Сербіи,—въ областяхъ южной Моравы, Нишавы, Трговицкаго и Сврлижскаго Тимока, т. е. въ областяхъ діалектовъ тимочско - лужничскаго, запланьско-срвлижскаго и южно-моравскаго, (по терминології А. Белича. См. его Дијал. 64—65. См. также O. Broch. Dial. 91, 133, 158, 213, 240, 247, 267; для Пирота кромѣ того въ Сбм. I, 43). Въ говорахъ Зайчара (Псп. XIX XX, 211) и средняго Тимока (Дијал. Зб. II, 435) также *sъs*. Въ удвоенномъ видѣ этотъ предлогъ извѣстенъ и на Косовомъ полѣ (Етногр. Зб. VII, 203, 204: сас кога, сас песме и с наше смејање; Књиге Матице Срп. № 6, стр. 150: сас Петра, сас конопац...).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юго-восточной Сербіи произносять въ предлогѣ *sъs* вмѣсто гласный *a* и рѣже *o*. Возможно, что *a* не во всѣхъ этихъ говорахъ одинакового про-

исхожденія: въ однихъ онъ представляеть дальнѣйшую стадію въ измѣненіи *в*, имѣвшаго въ данномъ говорѣ широкое образованіе, съ пониженнымъ положеніемъ языка: *ъ*; въ другихъ говорахъ это *а* проникло подъ вліяніемъ прочихъ говоровъ Сербіи (*sa*) и подъ вліяніемъ литературного и государственного языка. Съ гласнымъ *о* вм. *в* предлогъ *sъs* отмѣченъ А. Беличемъ только одинъ примѣръ, въ с. Прибой, къ сѣверу отъ Враны (Дијал. 82). На основаніи единичнаго примѣра трудно судить о появленіи здѣсь гласнаго *о*¹⁾.

Въ зап. Болгаріи въ качествѣ предлога „*съ*“ употребляется *sъs*, съ діалектической замѣной *в* посредствомъ *а*, напр., въ говорѣ Брезника (Сбм. X, 161), Чипројровцевъ (Сбм. XVI—XVII, 259) и въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ мѣстностей на западъ отъ Искъра (Мариновъ. Ж. Стар. II, 73, 79). *sъs*—въ видинскомъ Н. Селѣ (Сбм. XVIII, 500), въ области Кутловицы (Мариновъ. Ж. Стар. II, 146—150), Царібродѣ (Сбм. X. 155), въ Търнѣ (Псп. XI, 137) и въ др.

sъs(s) свойственно и говорамъ восточнаго болгарскаго нарѣчія.

Что касается судьбы гласнаго въ “*sъ*,—какъ префикса, то она не во всѣхъ говорахъ областей къ сѣверу отъ Македоніи была тожественна съ судьбой *в* въ предлогѣ *sъs*: въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ въ префиксѣ является, хотя и рѣдко, *о*, въ то время какъ въ предлогѣ произносится *в*. Такъ, въ Кумановской области при *sъs* находится *so* въ *sobor* (Хц. Василь. J. Ст. Срб. I, 351, 345...); то же слово съ *so*—произносится и въ Прешевскомъ краѣ (Хц. Василь. ib. II, 301, 336...), хотя въ другихъ словахъ вм. префикса **sъ*—является *sъ-*—*sa-*: *сашијеш* (ib. II, 280). Въ образованіяхъ глагола **выг*,—**бер*,—**вог*— съ префиксомъ **sъ*— послѣдній является въ видѣ *so*— и въ нѣкоторыхъ

1) А. Гильфердингъ указывалъ на *sos*, какъ на обычный видъ этого предлога въ призрѣнскомъ говорѣ: „удвоеніе предлога *съ*, образовавшее форму *сосъ*, есть тоже чистый Болгаризмъ безпрестанно употребляемый Призрѣнцами“ (Собр. соч. III, 142). Но И. Ястребовъ по поводу указанія Гильфердинга замѣчаетъ: „Прежде всего нужно замѣтить, что призрѣнцы не говорятъ *со*, *сось*, а произносять этотъ предлогъ такъ: *съсъ* („Обычай и пѣсни турецкихъ сербовъ“. 2-е изд. СПб. 1889, XXI).—А. Беличъ также не видитъ сербизма въ предлогѣ *sъs*: „У другимъ се дијаликтима српскимъ *съсъ* не употребљава, те је, несумњено, странога порекла“ (Дијал. 654).

и другихъ діалектахъ ю.-восточной Сербії (см. А. Беличъ. Дијал. 82; Дијал. Зб. II, 368) ¹⁾).

*иъ. Въ измѣненіи *иъ и *иъ славянскіе діалекты Македоніи такъ же, какъ и діалектысосѣднихъ съ нею областей, въ особенности болгарскихъ, достигли неодинаковыхъ результатовъ. Разнообразіе въ замѣнахъ *иъ и *иъ зависѣло отъ общихъ измѣненій *и, переживавшихся той или иной діалектической группой; въ измѣненіи начального и въ сочетаніи съ ь, ь имѣло значеніе и дѣйствіе аналогіи и вліяніе однихъ діалектовъ на другіе.

Направленія въ измѣненіи *и въ македонскихъ говорахъ будуть опредѣлены ниже. Теперь же отмѣтимъ лишь замѣны предлога *иъ.

Въ западной части Македоніи въ предлогѣ *иъ и замѣнилось согласнымъ в. Такая замѣна произошла независимо отъ того, въ какомъ положеніи находился ь: въ „слабомъ“ или „сильномъ“, т. е. во всѣхъ случаяхъ *иъ→въ Въ сочетаніи съ „сильнымъ“ ь въ измѣнилось въ во (при общемъ измѣненіи „сильнаго“ ь въ о), а въ сочетаніи съ ь „слабымъ“ въ утрачивало ь: въ→в. Въ дальнѣйшемъ происходило обобщеніе въ употребленіи одного изъ видовъ предлога, соотвѣтствовавшаго *иъ,—явленіе, пережитое и многими другими славянскими діалектами. Въ этихъ македонскихъ говорахъ общеупотребительнымъ сталъ предлогъ во, хотя неутраченъ совсѣмъ и в. Употребленіе въ томъ или иномъ видѣ этого предлога обычно независитъ отъ слѣдующаго слова: въ деснавѣ рока—и—во деснавѣ—, въ брман—и—во брман: М. Рѣка (Изв. на сем. II, 276, 277). Но въ нѣкото-

¹⁾ Объясненіе сочетаній *соберем*, *собор*, предложенное М. Станоевичемъ (Дијал. Зб. II, 368), по которому эти сочетанія состоять изъ морфологическихъ принадлежностей *с+оберем* *с+обор*, неудовлетворительно, такъ какъ *оберем*, *обор* говорамъ неизвѣстны. По мнѣнію А. Белича, о ви. ь зависитъ отъ окружающихъ согласныхъ, лабіальныхъ и л, к (Дијал. 73). Но и это объясненіе не приложимо ко всѣмъ примѣрамъ съ о ви. ь. Беличъ самъ замѣчаетъ, что „у сочувам I. Н. Кор. и сосъѣга III При. прородло је о изъ ових облика у којима је био оправдано“ (ib. 82).—Но изъ какихъ же формъ?

Нѣкоторыя слова съ со—несомнѣнно представляютъ собою церк.-славянизмы. Таковы слова—сѣвет, сотѣбрити (на-ряду сѣбрити) (Дијал. Зб. II, 367, 368).

рыхъ говорахъ употребленіе въ нормировано известными условіями, напр., находеніемъ передъ гласнымъ. Такъ, напр., въ охридскомъ говорѣ („Изв. на сем. III, 254). Съ другой стороны, во въ нѣкоторыхъ говорахъ обязательно употребляется въ сочетаніи съ именемъ, когда на этомъ сочетаніи дѣлается особое логическое удареніе: „во Сѣфија су сѣдел“, а не глѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Такъ, въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 276). кѣй-ойде Павле?—в-лозје (т. е. въ известное тебѣ лозье); во-щб-влегле бвците?—во лозје (а не—во нѣва, во лївада и др.). Такъ въ Рѣсенѣ (Псп. XLI—XLII, 910—911). Передъ глухимъ согласнымъ вм. въ произносится f.

Что касается областей діалектовъ, въ которыхъ развились предлоги vo и v(f), то здѣсь важно замѣтить, что онъ тѣ самыя, гдѣ вм. *sъ находится so и s. Лишь въ пограничномъ съверо-западномъ краѣ, въ нѣкоторыхъ (не во всѣхъ) говорахъ Полога, этотъ параллелизмъ въ судьбѣ предлоговъ *цъ и *sъ нарушается. Въ Горнемъ Пологѣ со|vo. Такъ въ одномъ изъ съверныхъ селъ этой мѣстности—Стенче. Но уже въ близкомъ с. Челопекъ (немного съверише отъ Стенче)—у (и по другимъ чертамъ это село примыкаетъ къ д.-положскимъ говорамъ).

Костуръ: во една голѣма одаја (Шапк. IX, 334); Леринъ: во двајсе, во тбуку време, во убави алишта (Сбм. VII 160); Битоля: во зелено („Караџић“, II, № 5), въ ѡстата (Шапк. IX, 306); Прилѣпъ: во рај, ф цѣрква, въ ѡеп (Сбм. XI, 97, 99; XX, 31, Мирч.); Рѣсенъ: во градина, во виното (Книжици, IV—VII, 270, 271; Сбм. VI, 139), ф планина (Сбм. VIII, 231, см. и въ Псп. XLI—XLII, 910—911); Охридъ (Изв. на сем. III, 254); Струга: во клисура, въ кула (Сбм. IV, 255); М. Рѣка (см. выше; также „Браство“, IX—X); Кичево: во една гбдина, въ гбдине (Сбм. II, 186), въ кралей дворои (Сб. Икономова, 106), во него, во азиото, во одајата, въ раце (Сбм. XIX, 1); Порѣчье: отишле въ лепа црква во Матјанци („Караџић“, III, № 5); Крушово: во јаслите, въ јасли, во село, во башко, вси нѣсите (Сбм. XVI—XVII, 301, 302; XV, 165, 166); въ горнеположскомъ селѣ Стенче: во тѣмнината, во град, въ ѡста, ф море (Минало I 1, 72; въ Тетовѣ и къ съверу отъ него—у); Маріово: ф сѣло (Псп. XLVII, 811), во веленце, во сокако во кук'ата (Сбм. XVI—XVII, 287); Тиквешъ: ф стрѣде езёре (Шапк. I, 139).

Таковы области, где употребляются предлоги *во(v)* и *со(s)*.

Въ восточной части Македонії и юго-западной Болгарії въ соотвѣтствіи предлогу **sъ* употребляется *sos* изъ **sъssъ*. Области діалектовъ, знающихъ *sos*, очерчены выше. Въ прочихъ областяхъ западной и восточной Болгарії и восточной Сербії также употребительно сочетаніе удвоенного **sъsъ*: *sъsъ*. Наблюдається ли во всѣхъ этихъ діалектическихъ группахъ параллелизмъ съ предлогомъ, замѣняющимъ **sъ?*—Наблюдається, но не во всѣхъ: въ восточной Македонії и юго-западной Болгарії этотъ параллелизмъ или отсутствуетъ или выраженъ не ясно. Этого параллелизма не знаютъ говоры юго-восточной Сербії.

Для говоровъ восточной Македонії замѣна **sъ* въ видѣ *vъv* отмѣчена въ Гевгели, хотя она возбуждаєтъ сомнѣніе своимъ гласнымъ: *вѣф-вѣф* кѣщата (Шапк. IX, 339). Чаще замѣна удвоенного предлога **sъ* съ согласными *v(l)* встречается въ говорахъ юго-западной Болгарії и прочихъ ея областей¹⁾). Изъ юго-западныхъ говоровъ сюда относится г.-джумайскій: *фоф* сараето, *фоф* водато... (Сбм. XX, 21). Иэрѣдка встречается *фоф*, *вов* въ Разлогѣ (Сбм. XI, 553, Лавровъ. Обзоръ, 37; Сбм. XX, 13: фуф; чаще здѣсь *ф*— Сбм. VIII и „Додатак“). Такъ и въ Кюстендилѣ (въ языкахъ пѣсенъ; Сб. Любенова, 31..).

Въ Г. Джумаѣ предлогъ *фоф* чередуется съ *ф* и *у*. Послѣдній варіантъ предлога появился подъ вліяніемъ другихъ діалектовъ. *фоф* устата, *фоф* образето, *фоф* трѣтата; *фоф* палато, *фоф* них; *ф таја*, *ф палато*, *у палато*, *у гората*, *у нѣжната* (Сбм. XX, 21—29).

Въ Кюстендилѣ и Дупницѣ замѣною **sъ* служить *у* не только въ качествѣ предлога, но и префикса: *улезне* у *нетра* (Сб. Македонскаго-Г. 18) Въ Г. Джумаѣ—*флезне*.

Въ Самоковѣ также *у*: *у каша*, *у гора* (Сбм. X, 147); сега сме *у голема теснота* (письмо 1829 г., Сбм. XI, 606).—Въ префиксѣ—*ф*: *флезна* (Сбм. X, 147).—Рѣже употребляется другой видъ этого предлога—*ув*: *ув одајата...* (Сбм. X. 147).

1) Въ проскользнувшемъ „вовъ“: *вовъ вѣкъ*—Син. Псалт. отражается шовидимому черта одного изъ говоровъ юго-западной Болгарії или ближайшей восточной Македонії.

Образование *uv* не ясно. Возможно, что при обобщении предлога „въ“ видѣ и (у) вм. **цъ* и могло проникнуть и въ *ув*, вытѣснивъ *въ*—: вм. *ув* стало произноситься *uv*. и могло замѣнить не *въ--*, а слабый *, какъ, напр., въ Мельникѣ: **фъ* тая гора зёлена; тамъ же и *уф*: *уф* мельничке эргёне. (Зап. В. И. Григоровича. Румянц. Муз. № 1858). Ср. въ другихъ записяхъ изъ Мельника: *уф*, *фув* (Сбм. VIII, 31). Но дѣло могло обстоять и иначе. Вм. **цъ* обобщается его замѣна и. Но въ сочетаніи съ словомъ, начинавшимся гласнымъ, за и развился *ц-v* (напр.: *у-ўйзба*—отмѣчено мною въ Тетовѣ). Съ теченіемъ времени *uv* стало употребляться въ качествѣ предлога и въ другихъ случаяхъ вм и. А если въ самоковскомъ говорѣ и другихъ, знающихъ *uv(f)*, и появилось подъ вліяніемъ другихъ діалектовъ, то развитію *uv* могъ содѣйствовать и свой варіантъ предлога *v*, долѣе сохранявшійся передъ гласными.

uv служить обычнымъ видомъ предлога въ неширокой полосѣ юго-восточной Македоніи: въ говорахъ Кукуша, солунскихъ сель, Гевгели, Дойрана.

Кукушъ: *уф тимнїцъта*, *уф лётин дён*, *уф вас*, *уф два реда* (Сбм. XVIII, 433). Солун. село Бугаріево: *їf gradina* (*Oblak. Mac. St. 14*). Въ с. Киречк'ой вм. предлога „въ“ употребляется предлогъ „на“: см. записи въ „Книжици“ II, 40—44). Гевгели: *ув една къща*, *уф къщи* (Шапк. IX, 339). Дойранъ: *уф таја къщча* (Шапк. IX, 373). Какъ въ Гевгели, такъ и въ Дойранѣ *уф(v)* чередуется съ *ф(v)*: *ф* наше село (Гевг., Сбм. II, 151); въ голѣмата, ф *фурнїжтж*, ф *устата* (Шапк. IX, 373, 375). Въ дойранскихъ записяхъ встрѣчается и *во*: во рѣката (Шапк. IX, 371). *во* отмѣчено и съвериѣ, въ Струмицѣ (Сбм. XI, 553).

Въ отмѣченныхъ говорахъ находится *f* не только передъ глухимъ согласнымъ, но и передъ звонкимъ и передъ гласнымъ. Такъ и въ Разлогѣ и въ Г. Джумайѣ. Въ г.-джумайскомъ говорѣ и въ началѣ предлога *f:fof*. Появленіе *f* вм. ожидаемо въ вызвано не только вліяніемъ сочетаній, въ которыхъ *v* находился передъ глухимъ согласнымъ и замѣнялся *f*, но и самой природой *ц-w* данныхъ діалектовъ, поведшей въ рядѣ случаевъ къ прекращенію звучащей струи воздуха при производствѣ этихъ звуковъ. *f* вм. *w-v* находится и въ нѣ-которыхъ другихъ случаяхъ (ср. ниже, о судьбѣ *ц*).

До сихъ поръ указаны были изъ говоровъ Македоніи говоры западной и центральной съ одной стороны, и юго-

восточные—съ другой. Прочие говоры восточной Македонии по замѣнѣ *цъ имѣютъ общія черты съ говорами окружающихъ областей. Къ западно-центральнымъ македонскимъ говорамъ въ особенности близки говоры Велеса, знающіе также vo-v(f). Въ говорахъ Штипа и Радовишка во встрѣчается рѣдко, главнымъ образомъ, въ языкѣ пѣсенъ. Обычной замѣнѣ *цъ въ этихъ говорахъ является и. Извѣстно и (на-ряду съ vo-v) и велесскимъ говорамъ.

Велесъ: во мене, во огледалото (Сбм. III, 219, 220); во брата, во книжичето (Сбм. V, 148, 171); въ ращи, въ уста, ф църква (Сбм. V, 148, 170, 171), ф уста и—у уста, у ушите, у носот (Сбм. XII, 130, 132); у градот (Сбм. 148), у сѣлото (Сбм. VIII, 189). Штипъ: не улезеш у наtre (Сбм. IX, 155).

Радов.: влезел му у гаїнте („Караџ.“ III, № 5); во чело(въ иѣнѣ, Сбм. XI, 63).

Къ востоку отъ Островскаго озера, въ области Водена и Меглена, замѣна *цъ одна—гласный и. Для Водена: Сбм. XVIII, 469; II, 188. Для Меглена: Сбм. III, 190.

Другая македонская область употребленія i(y) въ качествѣ единственной замѣны предлога *цъ находится въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ Македонии. Это говоры Тетова и Д. Полога (Отчетъ, 15, Минало I I, 74), Скопья вмѣстѣ съ Черной Горой (Минало I I, 56—67; Сбм. XI, 110—111; Населья III, 475—495), Кратова (БПсн. XI—XII, 173; Минало I I, 76), Куманова (Хџ. Василь. Ј. Ст. Срб. I, зап.). Въ кумановской области и въ XIV в. было у вм *цъ: ѡ соушици —въ записи Радина Нагоричанина изъ Жеглигова (Кумановской области. Отч. Рум. Муз. за 1876—78 г. 9). Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Македонии, въ областяхъ Сербіи и западной Болгаріи, находится также одинъ гласный и, какъ замѣнитель предлога *цъ. Для вост. Сербіи см. у Белича: Дијал. 654; затѣмъ въ Дијал. Зб. II, 431; у О. Broch'a: Dia-lektic. Но въ сѣверо-восточной Сербіи находятся и діалектическая группы, которымъ извѣстенъ предлогъ u'v. Таковъ говоръ Зайчара (Псл. XIX—XX, 931—937). Для зап. Болгаріи см. записи, указанныя выше.

6. Замѣна „сильнаго“ ь въ говорахъ Македонии и юго-западной Болгаріи—гласный е. Границы діалектическихъ областей ь→e на сѣверѣ Македонии совпадаютъ съ границами и→o. Но употребленіе суффиксовъ -ен, -ецъ выходитъ за эти

предѣлы, подобно суффиксу *-ок*. Подробиѣе о замѣнахъ * см. ниже, въ характеристицѣ дольне-положскихъ говоровъ.

**Q.*

Вмѣсто носового гласнаго **Q* въ говорѣ Дидаскалии находится гласный *a* и въ корнѣ и въ суффиксѣ.

гулабите 123, дѣбон[i]—утапѡї 117, зѣбите 140, зѣбите 169, капината 178, мадриот[-јот?] 137, мажите 121, мачит 146, наѣtre 153, палокот 141, пат 127, 144, 164, пати 123, 125, рака 134, саботата 127, садбите 158, скапия 130, каде 126, 153, 162, 181 (4 р.), сѣкаде, 'Роф. павтоб 129, 128. станах 158.

Форма „общаго падежа“ въ основахъ на—*a* оканчивается на—*a*.

Одна изъ формъ мѣстоим. вин. ед. ж. *и* является въ видѣ *a* (съ утратой і между гласными): да а слушает 123.

Окончаніе формы наст. 1 ед. *am*. Появленіе *a* въ этомъ окончаніи могло быть вызвано—цѣ глаголахъ съ основой на *e/o* (*ne/no*), і и *je/jo* (вида *викши*) не только измѣненіемъ *q* въ *a* (черезъ *z*), но и вліяніемъ формъ на *am* глаголовъ—дам, имам; питам...

Одно изъ окончаній формы наст. 3 мн. *-at* (см. ниже отдѣль о глаголѣ).

-и—*ja* [ja]: пакот-пакот 125.

ѣ вм. **q*. Въ Дидаскалии имѣется одинъ примѣръ съ ѿ вм. **q*: кѣтник 140 (см. выше), 'Роф. бутоубра.

Если въ написаніе *жатуфт* *a* попала не по недосмотру (вм. *a*), а какъ выраженіе соответствующаго произношенія гласнаго, то, несомнѣнно, это слово занесено изъ другой не-далекой діалектической области, напр., охридской.

у вм. **q*. Гласный *u* находится въ—кука 144, 149, 154,— въ словѣ, общераспространенномъ въ Македоніи и въ части западной Болгаріи.

Кромѣ того, *u* имѣется въ слѣдующихъ двухъ словахъ: гуск'ите 124, судниците 146. Съ гласнымъ *u* эти слова, въ особенности послѣднее, известны и другимъ говорамъ Македоніи. Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ говорахъ сохранено гъјаска.

Вѣроятно, количество словъ съ у вм. *q въ говорѣ Ди-даскаліи было больше. Въ прочихъ македонскихъ говорахъ употребляются и нѣкоторыя другія слова съ у. См. ниже.

Итакъ, *Воула́ріхъ* Дидаскаліи относится къ той діалектической области, гдѣ вторичное измѣнение въ характеризуется гласнымъ а. *q→ъ→а. Въ нѣкоторыхъ словахъ произносился гласный у (вм. *q). Это слова, попавшія въ обиходъ подъ вліяніемъ иноязычнымъ.

Общій характеръ измѣненій *q и результатъ ихъ представленъ македонскими говорами въ слѣдующемъ видѣ.

Измѣненіе въ гласномъ *q, пережитое македонскими говорами, заключалось въ утратѣ носового произношенія съ одной стороны и въ качественномъ измѣненіи по направлению къ ѿ—съ другой. Лишь въ отдѣльныхъ словахъ нѣкоторыми діалектическими группами, преимущественно юго-западными (Корча) и юго-восточными (Солунь) измѣненіе относительно небной зановѣски происходило въ иномъ направлениі, именно: она продолжала опускаться, но не въ моментъ артикуляціи гласнаго, замѣнявшаго *q, а послѣ этой артикуляціи: развивался переходный согласный "и" или "и" (передъ губ. согл.). Въ дальнѣйшемъ развивались согласные полнаго образованія. Такова была судьба коренного *q въ отдѣльныхъ словахъ. Въ суффиксальномъ же слогѣ во всѣхъ діалектическихъ группахъ слѣдовъ прежняго носового образованія гласнаго, соответствующаго *q, не представлено: *q→ъ→а.'

Въ съверной полосѣ Македоніи наблюдается въ настоящее время иной результатъ качественного измѣненія *q: и (у). Этотъ гласный замѣняетъ собою *q или только въ корнѣ, какъ это свойственно говорамъ Д. Полога (Отчетъ) и Скопской области (на-ряду съ другой замѣной коренного *q—а), или и въ корнѣ и въ суффиксѣ; въ послѣднемъ положеніи при чередованіи съ а. Такъ въ говорахъ скопско-черно-горскихъ и нѣкоторыхъ кратовскихъ.

Скоп. Ч. Гора: пут, дуб, муж, куде („гдѣ“ и „къ“: куде јс сред зѣмѧ? Кучевишта. Насеља III, 493); паднала, пораснале, почнале, викнала, рекнало, (Насеља III, зап.); с никобју страну, сѣднала у нбва градина (въ одномъ и томъ же селѣ —Кучевишта, Насеља III, 493, 479); отишла на планина, набрала трава (Горняни; ib. 478).

То же явление въ замѣнахъ *q наблюдается на съверѣ Кратовской области (въ прочихъ ея частяхъ говоры находятся въ ближайшемъ отношеніи къ кочанскимъ и овчепольскимъ). При этомъ, форма „общаго падежа“ ед. основъ на —а ж. р. оканчивается на у обычно для именъ жен. собственныхъ или выражающихъ родство: Стойну, майку, сестру. Для прочихъ именъ эта форма оканчивается на -а (Сбм. IV, 314; бПсп. XI—XII; сПсп. V, 117; А. Станојевић. Две недѣле у Ст. Србији, 128).

Форма мѣстоименія вин. ед. ж., соответствующая др.-ц.-сл. юж имѣть видъ въ Скоп. Ч. Горѣ и Кратовѣ „њум, (њума, нум—Крат.), гу („краткая“ форма).

Было отмѣчено, что скопско-черногорскіе и кратовскіе говоры имѣютъ много чертъ, общихъ съ говорами кумановскими, прешевскими, а эти послѣдніе раздѣляютъ особенности говоровъ южной Моравы и отчасти Запланья. Въ замѣнѣ *q говоры всѣхъ этихъ областей также представляютъ много общихъ чертъ. у въ корнѣ и въ оконч. формы „общ. падежа“ основъ на -а; при этомъ, въ Кумановѣ, Прешевѣ и дальше къ съверу двойственности въ окончаніи этой формы не наблюдается: известно только оконч. -у (въ пѣсняхъ можетъ встрѣтиться и -а: ја сам даја бурма позлаћена. с. Довезенци, А. Станојевић. Две недѣле у Ст. Срб. 128). Форма мѣстоим. вин ед. жен. также имѣеть у (њум[а], њу, гу, г’у, њу), Лишь въ одной категоріи употребляется вм. *q не у, но а: въ замѣнѣ глагольного суффикса *-пq-. -на известно какъ говорамъ Скоп. Ч. Горы и Кратова, такъ и говорамъ Куманова, Прешева (Хи. Василь. I, II, зап.) и области Врани (Втоch. Dial. 90—91; Белић. Дијал. 484) и Лукова (Втоch. Dial. 129).—Въ говорахъ прочихъ мѣстностей ю Моравы, Запланья и съв.-западной Болгаріи -ну.

Несомнѣнно, что -на вм. *пq въ указанныхъ діалектическихъ группахъ не явилось въ результатѣ фонетического развитія пъ—*пq. Это -на утвердилось здѣсь въ такомъ именно видѣ (на) и не зависѣло отъ фонетического процесса въ измѣненіи *q. Фонетически -на развилось въ діалектахъ со вторичнымъ измѣненіемъ въ а. Такіе говоры занимаютъ большую часть Македоніи и юго-западной Болгаріи (см. ниже). Съ юга, но не съ востока, где простирается широкій поясъ ну-говоровъ, пришелъ глагольный суф. -на

и. съверную Македонію, въ Куманово, Прешево, Враню и Луково.

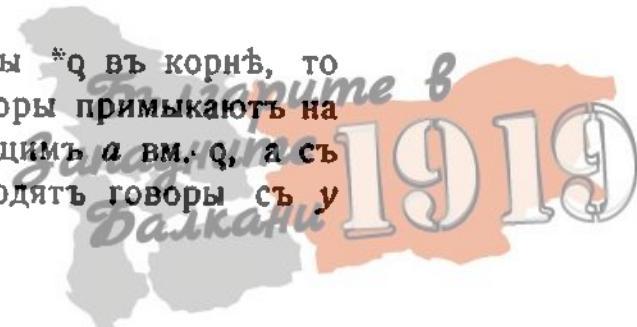
Въ говорахъ южно-моравскихъ, запланьскихъ и соседнихъ говорахъ зап. Болгарі фонетическая замѣна *q выражена гласнымъ у. То же свойственно и говорамъ прешевскимъ и кумановскимъ (кромъ кумановско-овчепольскихъ, раздѣляющихъ особенности южныхъ говоровъ). Въ кумановской области у вм. *q находилось и въ XIV в.: въ записи «ухильного анатгноста радина нагоричанина изъ жеглигова находится роука, дойдоу (Отч. Рум. Муз. за 1876—78 г., 9). Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаютъ говоры Скоп. Черногорья и Кратова своею двойственностью окончанія въ формѣ „общаго пад.“ основъ на -a: a и u. Надо полагать, что основная форма и въ этихъ говорахъ оканчивалась на u; машира же употреблять эту форму съ ок. -a пришла со стороны,—оттуда же, откуда направлялся и глагольный суф. -на. Въ пользу исконности (относительной) формѣ на-u указываетъ и параллелизмъ съ формой мѣстоименія, соответствующаго др.-ц.-сл. ѹж: она оканчивается въ этихъ говорахъ на-u. А обычно окончаніе этой формы соответствуетъ окончанію формы „общ. падежа“ для имени.

Элементъ заимствованный представляетъ собою и оконч. формы имперф. 3 мн. на -[x]a,—окончаніе, употребляющееся не только въ южной части кратовского округа, но и въ самомъ Кратовѣ и въ сelaхъ къ съв.-востоку отъ него, напр. и. с. Нежиловѣ (сПсп. V, зап.; Сбм. XVIII, 419).

Въ областяхъ Скопья и Д. Полога также известно у им. *q. Но условія его употребленія ограничены лишь корневымъ слогомъ. Въ суффиксахъ уже находится a. Въ скопскихъ говорахъ и въ корнѣ известно a. Такъ въ Скопѣ: у руки, но—каде е? каде нѣго (Минало I 1, 66), въ Н.-Селѣ: у руки, но -пат, три пата, со јаже (Сбм. XI, 110, 111); въ Г. Солне-Карш.: напудиме, но -пат, каде (Минало I 1, 70).

Не въ корнѣ употребляется послѣдовательно a. Формы мѣстоим. ж. вин. ед. — ja(ja) или ga. Окончаніе формы част. 3 мн. -at.

Что касается двойственности замѣны *q въ корнѣ, то это зависѣло отъ того, что скопскіе говоры примыкаютъ на югъ и юго-востокъ къ говорамъ, имѣющимъ a вм. q, а съ съвера и съверо-востока къ нимъ подходятъ говоры съ у

вм. *q. Элементы тѣхъ и другихъ говоровъ въ замѣнѣ *q и отразились въ скопскихъ говорахъ.

Какой гласный развивался въ скопскихъ говорахъ непосредственно послѣ утраты носового произношенія, определить съ увѣренностью затруднительно.

1) Можетъ быть, это былъ гласный у, какъ и въ говорахъ къ сѣверу отъ Скопья. Затѣмъ это у сохранилось въ корнѣ, какъ въ болѣе устойчивомъ положеніи, и вытѣснялось подъ вліяніемъ прочихъ говоровъ Македоніи гласнымъ ѿ въ суффиксахъ, а съ теченіемъ времени и въ коренныхъ слогахъ нѣкоторыхъ словъ. Это вліяніе могло отражаться и позднѣе, послѣ эпохи вторичнаго измѣненія ѿ въ а. Это а или, м. б. точнѣе, ѿ было известно въ Скопье уже въ первой половинѣ XIV в. Въ послѣсловіи къ пантелеимоновскому Апостолу, написанному въ Скопье въ самомъ началѣ XIV в., читается: юмоу са писа¹). Здѣсь са вм. обычнаго сж (=см) оригинала. Но все же появленіе а (не ѿ) для скопскаго говора считать фонетическимъ нѣть достаточныхъ оснований. Если бы ѿ вм. *q измѣнялось въ а, то естественно этотъ фонетический процессъ охватилъ бы ѿ и другого происхожденія (вм. прежнихъ „слабыхъ“ *ъ, *ь). Однако результата вторичнаго измѣненія ѿ скопскіе говоры не представляютъ: тѣнко. Разумѣется, отсутствіе указаній на процессъ вторичнаго фонетического измѣненія ѿ (вм. *ъ, *ь „слабыхъ“ и *q) еще не решаетъ вопроса объ исконности у вм. *q въ этихъ говорахъ.

2) Первичной замѣной могло быть ѿ, а не у. Съ у сочетанія появились подъ вліяніемъ говоровъ, сосѣдящихъ съ скопскими на сѣверѣ и с.-востокѣ. Болѣе вѣроятно считать именно ѿ фонетической замѣной *q: скопскіе говоры, къ югу отъ Скопья, объединяются съ велесско-прилѣпскими говорами чертами и звуковыхъ и формальныхъ явлений. Кроме того, нельзя не обратить вниманія на то, что слова съ южно-скопскихъ говоровъ совпадаютъ (обычно?) съ словами такого же образованія говоровъ велесскихъ и штипскихъ,— говоровъ уже несомнѣнно съ ѿ→а вм. коренного *q. Такъ, во всѣхъ этихъ говорахъ у находится въ образованіяхъ съ —пуд—: напудиме, испудиме, испудил... (Для Велеса и Штипа ср., ниже).

¹) Сообщено П. А. Лавровымъ въ „Древностяхъ. Труды Слав. Ком. И. Москов. Археол. Общ.“, т. I. Добавленіе къ стр. 272.

Въ говорахъ Д. Полога въ корнѣ послѣдовательно употребляется у, въ суф. -а: оконч. формы „общ. пад.“ основъ на -а, форма мѣстоим. ж. вин. *нега—га*; глагольный суф. -на; форма наст. 3 мн. -ат, -а; оконч. имперф.-аор. 3 мн. [х]а (Отчетъ 9).

Послѣдовательно проведенная замѣна коренного *q посредствомъ у, отсутствіе другихъ замѣнъ этого гласнаго указываетъ на то, что въ этихъ говорахъ у—первичная замѣна *q. Предполагать здѣсь стадію коренного ѣ нѣтъ, по-видимому, возможности.

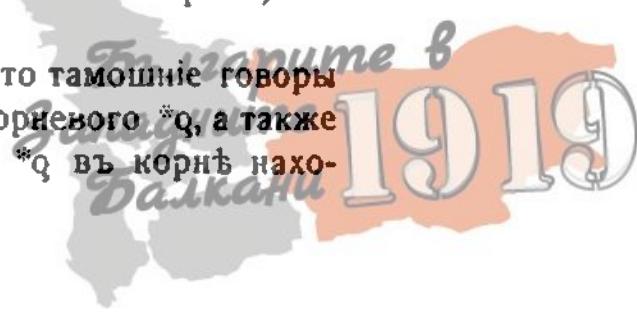
Употребленіе а (вм. *q) въ суф. элементахъ было очень интенсивно, распространившись далеко за предѣлы вторичнаго измѣненія ѿ→а. Такъ, суф. -на перешелъ изъ средней Македоніи на западъ, въ Дебърскую область; но въ 70-хъ г.г. тамъ изрѣдка (только въ пѣсняхъ?) употреблялось еще и ко-. Такъ въ записяхъ изъ с. Галичника (Жив. Старина, 1905, I—II): падно, повеноле, легноф (182, 185).

Проникло -на- и на сѣверъ и въ области, близкія къ Македоніи,—въ Враню—Луково, гдѣ этотъ суффиксъ въ видѣ -на, виѣ всякаго сомнѣнія, представляетъ собою элементъ заносный. Хотя и не такъ далеко на сѣверъ, но все же за предѣлы ѿ→а говоровъ распространілось окончаніе глагольной формы наст. 3 мн.-ат. (Въ Д. Пологѣ, какъ и въ Скопѣ, вторичное измѣненіе ѿ въ а неизвѣстно). -ат спорадически употребляется даже въ говорахъ, которые знаютъ форму наст. 3 мн. на -у (или -ев). Такъ, Беличемъ отмѣченъ, какъ единичный примѣръ, въ Кривой Феѣ (къ востоку отъ Враны, у границы съ Болгаріей): да чатат дори лајат (Дијал. 515). Изъ тѣхъ же діалектическихъ ѿ→а областей распространілось въ Д. Пологѣ окончаніе формы имп.—аор. 3 мн. -[х]а.

Того же происхожденія и а въ окончаніи формы „общ. падежа“ основъ на-а и въ формѣ мѣстоим. жен. ед. вин. *га, ja* (*ja*).

Въ сѣверной части Д. Полога въ отдѣльныхъ случаяхъ употребляется въ формѣ наст. 3 мн. на-ряду съ окончаніемъ -ат] и у, присоединяемое къ основѣ наст. вр.: берсу, орсу, пиеу (с. Теарце. Отчетъ 22).—у очевидно отъ говоровъ, находящихся дальше на сѣверъ.

Что касается Горнаго Полога, то тамошніе говоры сохраняютъ старую стадію въ замѣнѣ корневого *q, а также отчасти и суффиксальнаго. Именно, вм. *q въ корнѣ находятъ

дится *б*. Такъ, *о* въ этомъ положеніи отмѣчено въ с. Стенче (Минало I 1, 72), въ Горняни (Отчетъ 31), Гостиварѣ (Книжици I, 40), Врутокѣ (Стояновъ, 80).

Въ суф. *-а* и въ Г. Пологѣ: изгорат, свѣтат, сат, станал и др. (с. Стенче).

Въ формѣ наст. 3 мн. по говорамъ встрѣчается и ста-
roe—*эм*: несът (Отчетъ 31).

На югѣ и юго-западѣ отъ Г. Полога находится Дебър-
ская область. Здѣсь вторичной замѣнѣй *э* является *о*. Тотъ
же гласный произносится и вм. *э*, прежняго замѣнителя **о*.
Но такой результатъ фонетического процесса въ измѣненіи
**о* и вторичнаго *э* представленъ дебърскими говорами только
въ корневыхъ сочетаніяхъ: доп, гибсно, кот, мбдор
(мѣдрѣ), мбка (Изв. на сем. II, 232. Oblak. Mac. St. 23. Сбм.
XI зап; Браство IX—X).

Не безынтересно отмѣтить, что въ языкѣ албанцевъ
(геговъ) дебърского края (ихъ здѣсь ок. 40% всего населенія)
гласный *э* (среднеязычный *э*) замѣненъ гласнымъ *о* (*ё*).
Гласный типа *о* (*о*) развился здѣсь и вмѣсто *э* (Pekmez. Gram. der alb. Spr. 50, 52)

Въ суффиксальныхъ слогахъ утвердился въ славян-
скихъ говорахъ дебърской области элементъ другихъ слав-
янскихъ говоровъ: *а*. Такъ въ формѣ „общ. пад.“ основъ
на *-а*, въ формѣ мѣстоим.—нѣја, ја, въ глаг. суф. *-на* (сед-
нѣла; о рѣдкомъ *-но-* см. выше).—Формы 3 мн. наст. и имперф.
—аор. имѣютъ особое образованіе.

Та же судьба **о* и въ говорѣ крушовскихъ мія-
ковъ, переселенцевъ изъ дебърского края (Сбм. XV, 162,
164; XVI—XVII, 301, 321, 324; 72). Но у нихъ уже обнару-
живается иногда употребленіе *а* и въ корнѣ; нарачал (Сбм.
XVI—XVII, 302), т. е. та же замѣна, какая свойственна ихъ
новымъ сожителямъ—бѣрсѧкамъ.

Черты бѣрсѧцкаго говора отражаются въ письмѣ
1637 г., написанного въ Крушовѣ: враце, сабота (напечатано
въ Минало год. I, кн. 3, стр. 289—293).

Къ югу и юго-востоку отъ дебърского края простира-
ются области говоровъ съ вм. **о*, что находится въ связи
съ отсутствіемъ вторичнаго измѣненія вообще гласнаго *э*:
мѣгла, лѣжа, тѣнок (-тенок,—встрѣчающееся въ нѣкото-
рыхъ говорахъ, основано на измѣненіи „сильнаго“ *э*, т. е.
э—*е* появилось въ формѣ им. муж. ед. по аналогии съ фор-

мами, гдѣ въ первомъ слогѣ (*ты-*) былъ въ „сильномъ“ положеніи, напр., въ ф. им. жен.: тынъка и т. под.); добѣр.

Области **q*—ъ представляютъ собою окраины славянской территоріи Македоніи на юго-западѣ, на югѣ и юго-востокѣ. Именно, это области Струги и Охрида, Рѣсена, Лерина, Костура и Корчи, Водена, Меглена, Кукуша, Дойрана, Гевгели, Солуня. Къ съверу отъ Дебърской области, въ говорахъ Горняго Полога также находится ѣ вм. **q* (см. выше). Но только въ областяхъ Солуня (и Меглена?) на юго-востокѣ, и Охрида на юго-западѣ, и въ нѣкоторыхъ сelaхъ Г. Полога на с.-западѣ ѣ вм. **q* находится и въ корнѣ и отчасти въ суффиксѣ (глагольномъ).

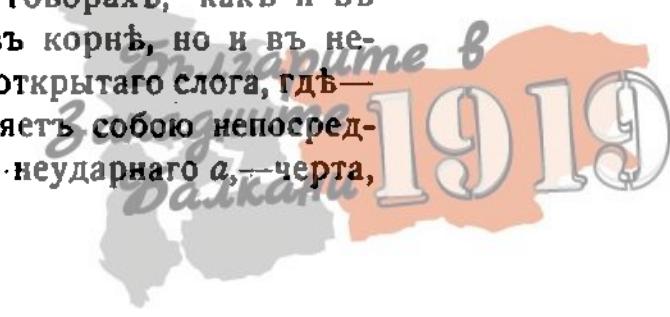
Солун.: гър, gъska, sekъde; krádъt, zémtъt; predéhъ, геcéhъ. Но въ формѣ наст. 3 мн. въ тѣхъ же говорахъ употребительно и -at: prédat. (Oblak. Mac. St. 21—22, 110—111). Гласный *a* находится и въ глаг. суф.-па: obrnáhъ (Oblak, ib. 21). На -a оканчивается форма „общ. падеж“ основъ на-*a*: gъba, nevěsta, kaša. Форма мѣстоим. ж. вин. ед. -ja(ia)-a (Oblak. ib. 94, 96)..

Также въ восточномъ солунскомъ говорѣ, с. Киречк'ой, въ корнѣ -ѣ, въ суф. -a (Книжици II, 40—42).

Охридъ: гъба, гиyc, мъка (а-„редуциров.“ *a*), път (Изв. на сем. III, 235; Сбм. XVIII, 728). Въ другихъ положеніяхъ вм. **q* находится ѣ или *a*: въ окончаніи формы „общ. пад.“ основъ на-*a*, въ глаг. суф.-иѣ, въ формѣ имперф. 3 мн. [x]a-[x]ъ. Но во всѣхъ этихъ положеніяхъ ѣ или *a* могло явиться въ результатѣ „редукціи“ гласнаго *a*, — „редукціи“, пережитой охридскимъ говоромъ: *a* или ѣ произносятся въ Охридѣ вм. *a* какъ виѣударного, такъ въ нѣкоторыхъ словахъ и подъ удареніемъ: мъшча (мачеха), сnyga, кукъица (Ср. въ Сбм. XI, 582—585). О Г. Пологѣ см. выше.

Прочіе говоры имѣютъ въ корнѣ ѣ, а въ суф. *a*: на жена, ja (въ нѣкоторыхъ говорахъ јe), викнале, падна, несат (нѣкоторые изъ этихъ говоровъ имѣютъ форму наст. 3 мн. иного образованія, на -eet, et); нарани[i]ja, к'иниса[i]ja, дойдо[i]ja (по говорамъ эта форма оканчивается на [x]e).

Въ кукушскомъ и воденскомъ говорахъ, какъ и въ охридскомъ, ѣ находится не только въ корнѣ, но и въ неударномъ суффиксѣ, кромѣ конечнаго открытого слога, гдѣ—*a*. ѣ въ неударномъ суф. не представляетъ собою непосредственной замѣны **q*; ѣ получилось вм. неударнаго *a*, — черта,

свойственная этимъ говорамъ ричёла жёнъта ить мъјкаму.... Ср. въ приведенномъ примѣрѣ окончаніе формы „общ. пад.“: ить мъјкаму; а—подъ удареніемъ. Но —ить бабъта, гдѣ вм. а является ъ,—результатъ измѣненія а въ неударномъ слогѣ.

Въ Мегленѣ въ оконч. формы наст. 3 мн. -ът и -ат въ основахъ на а: крѣстьт, питат. -на: лизнале (Сбм. III, 190).

Мы сдѣлали обозрѣніе всѣхъ окраинныхъ говоровъ Македоніи,—на сѣверѣ, западѣ, югѣ и юго-востокѣ. Мы видѣли, что въ кориѣ вм. *q въ нѣкоторыхъ сѣверно-македонскихъ говорахъ находится у, ближе къ дебърскому краю—ъ, его дальнѣйшая замѣна посредствомъ о въ дебърской области, въ далѣе къ югу и юго-востоку. Что же касается суффиксальныхъ словъ, то глаг. суф.-на употребляется во всѣхъ этихъ областяхъ; проникъ онъ и дальше, за предѣлы Македоніи,—въ Враню—Луково. Такоже во всѣхъ этихъ македонскихъ говорахъ распространено оконч. а формы „общ. пад.“ основъ на -а и мѣстоименія жен. вин. ед.—ја (въ нѣкоторыхъ говорахъ је). Лишь въ немногихъ сѣверно-македонскихъ говорахъ эти формы оканчиваются на-у. Окончаніе -ат формы наст. 3 мн. и [x]а имперф.-аор. 3 мн. также свойственны многимъ изъ этихъ говоровъ. Лишь опять-таки въ указанныхъ сѣв.-македонскихъ говорахъ эти формы употребляются въ иномъ образованіи. Да въ нѣкоторыхъ западныхъ и юго-западныхъ эти формы имѣютъ окончанія -еет,-ет,-е. Въ солунскихъ говорахъ формы наст. 3 мн. и имп.-аор. оканчиваются на -ът,-хъ, т. е. въ суф. та же замѣна *q, что и въ кориѣ. Но известно и-ат. М. б. и въ Мегленѣ ъ въ окончаніи -ът представляетъ первичную замѣну *q.

Какимъ образомъ появилось а вм. *q во всѣхъ вышеуказанныхъ діалектахъ? В. Облакъ полагалъ, что въ концѣ слова [въ краесловнико, im Auslalte und in Endsilben] ходъ измѣненія гласнаго *q былъ инымъ, по сравненію съ измѣненіемъ того же гласнаго въ кориѣ. Въ кориѣ по утратѣ носового произношенія возникло ъ, а въ окончаніи а, не проходя стадіи ъ [„безъ да прѣмине прѣзъ ъ, „unmittelbar aus a“]: *q→a→a. „Что это а получилось не изъ ъ, указываютъ тѣ говоры, которые въ срединѣ слова измѣнили ж въ ъ, такъ какъ они имѣютъ въ вышеуказанныхъ положеніяхъ а вм. ж“ (Смб. XI, 537, 538. Arch. XVII, 145). Но положеніе, сдѣланное Облакомъ, не подтверждается фактами македонскихъ говоровъ. Извѣстно и въ суф. ъ вм. *q: ср. солунскіе,

г.-положскіе и мегленскіе говоры. Не приложимо это объясненіе и къ съверо-македонскимъ говорамъ: нельзя же полагать, что тамъ въ суффиксахъ было *ə*, а въ корнѣ носовое *u*. А *-на-* въ враньскомъ и луковскомъ говорахъ при общей основной замѣнѣ *u* какъ объяснить? Появленіе во всѣхъ этихъ говорахъ гласнаго *a* въ суф. основано было не на фонетическомъ процессѣ измѣненія **q* здѣсь, а на заимствованіи изъ другихъ діалектовъ. По всей вѣроятности, не всѣ говоры съ **q-ъ* и **q-у* въ корнѣ заимствовали *a* въ суф. непосредственно отъ говоровъ, развившихъ *a* вм. *ъ*; суффикс. *a* могло перейти въ тотъ или иной говоръ при посредствѣ говора съ ранѣе заимствованнымъ суффиксальнымъ *a* (при сохраненіи *ъ* или *у* въ корнѣ).

Область же говоровъ со вторичнымъ измѣненіемъ *ъ* въ *a* занимаетъ сплошную и обширную территорію въ Македоніи. Сюда входитъ вся средня македонская область,—вообще всѣ тѣ македонскіе края, которые не были упомянуты выше: Битоля, Прилѣпъ, Маріово, Кичево, Порѣчье, Велесъ, Штипъ, южная часть кратовскаго округа, Радовишъ, Малешово, Піанецъ, Тиквешъ.

Важно отмѣтить еще, что въ отдаленномъ пограничномъ юго-западномъ углу славянской Македоніи, въ корчанскомъ селѣ Бобошицѣ (къ югу отъ Корчи) вм. **q* въ корнѣ *ъ*, а также *a*: вънутри; маш, мака, рака; съ *a* и сочетанія съ носовымъ согласнымъ: дамп, замп, гранди (Arch. XV, 45, 46). Въ ближнихъ же славянскихъ говорахъ въ корнѣ *ъ*: въ костурскомъ и леринскомъ.

Срединные говоры Македоніи по судьбѣ **q* вполнѣ тожественны съ соѣдними говорами юго-западной Болгаріи: г.-джумайскіе, разложскіе, дупническіе, самоковскіе, кюстендилскіе говоры также имѣютъ *a* вм. **q* въ корнѣ и суф. Вторичная замѣна *ъ* посредствомъ *a* является здѣсь и при другихъ условіяхъ: лажа, магла, маска, танок, даска.

Область *ъ* (изъ **ъ*, **ъ* „слабыхъ“, **q*)—*a* продолжается и дальше, въ округа Радомирскій, Ихтиманскій, Т.-Пазарджичскій, Новоселечскій, Пирдопскій, Врачанскій, Искречскій, Орханійскій, хотя и не всѣ эти округа заняты сплошь *a*—говорами (Цоневъ. Изв. за команд. I, 192—143 и карта). *a* находится и въ отдаленныхъ говорахъ, расположенныхъ у Дуная (Мариновъ. Ж. Стар. II, 110).

Процессъ *ѣ→а* македонскихъ говоровъ проходилъ повидимому въ связи съ такимъ же процессомъ, переживавшимся указанными говорами Болгаріи, но не подъ вліяніемъ ихъ. Измѣненіе *ѣ→а* не чуждо природѣ гласнаго *ѣ* македонскихъ говоровъ и могло возникать также позднѣе въ тѣхъ или иныхъ говорахъ, не охваченныхъ раннѣе процессомъ *ѣ→а*. Такъ обстояло дѣло съ *ѣ* въ корчанскомъ говорѣ с. Бобошицы (здесь *а* вм. *ѣ* и въ сочетаніи съ *р*: дарва, четвѣрток, но—грѣчко; указаніе на позднѣе происхожденіе *ѣ→а*). *а* вм. *ѣ* появилось въ этомъ говорѣ безъ вліянія со стороны, ибо ближайшіе говоры, костурскій и леринскій, не испытали такого измѣненія.

и (у). Въ отдельныхъ словахъ у вм. **q* известно многимъ македонскимъ говорамъ. Это слова слѣдующія: кук'а, суд—, оруж[i]е, не[i]к'у,—к'у, утроба, желудок—желудник, гуска¹⁾, лукав, недугав, мука, мудѣр, блуд, руг—(ам, а...), сопруг, гусла, преступи(ш...).

Почти повсемѣстно употребляются суд—, оруж[i]е. Но въ солун. с. Киречк'ой—*sъdъ*, *sъdiš* (Rad, knj. 145, стр. 157). Въ нѣкоторыхъ дебърскихъ говорахъ—ороже (Браство IX—X, 395). Широко распространились и кук'а, нек'у—к'у (за исключеніемъ нѣкоторыхъ восточныхъ и окраинныхъ южныхъ говоровъ). Нѣкоторая другія слова употребляются по говорамъ съ гласнымъ мѣстнаго происхожденія: гъска—гаска, мака, мѣдѣр—мадар, престапиш...

„Къшка“—„къшта“ известны говорамъ костурскому (с. Бобишка. Книжици, II, 50), дойранскому, гевгелійскому (Шапк. IX, 371, 373; 339), струмническому (частѣ въ „Македонія“, III, № 31), кукушскому (Сбм. XVIII, 453). Въ зап. Болгаріи „кашта“ произносится въ Г. Джумайскомъ (Сбм. XX, 9) и Дупническомъ (Сбм. X, 172) округахъ.

Далѣе къ сѣверу встрѣчаются и другія слова съ *у*; напр.: въ велесскомъ и штипскомъ округахъ у находится въ корнѣ *пуд*—: испудиле (Штипъ, Сбм. IX, 159); пѣдат (Велесь, Сбм. XII, 233).

По мнѣнію В. Облака, употребленіе *у* во всѣхъ указанныхъ словахъ—сербизмъ, явившійся въ результатѣ давняго культурнаго вліянія сербовъ, въ частности вліянія сербской администраціи (Сбм. XI, 534; Arch. XVII, 139). Несомнѣнно

¹⁾ Съ гласнымъ *у* это слово проникло и къ албанцамъ: *gusë*, -*a*.

что объяснение по отношению къ кук'а, гусла, гуска, суд-, руг-(-ам,-аш...), к'у-не[j]к'у, пуд-(-ил...), желудок-желудник. Впрочемъ, суд— могло быть обязано и не одному лишь вліянію „сербскихъ князей“. Нельзя ихъ исключительному вліянію приписывать—мука, утроба, блуд, недугав, лукав, мулър.—Былъ и другой источникъ, откуда позаимствовали македонские славяне, какъ и славяне зап. Болгаріи, сочетанія съ гласнымъ у: языки церкви. Такъ, на церковно-славянизмъ „мука“ указываетъ слѣдующее обстоятельство: въ иѣ-которыхъ говорахъ известно „мука“ и „мака“; при этомъ „мука“ находится обычно въ сочетаніи съ „вечна“: во вчнѣ-мука Прилѣпъ (Сбм. XX, 7); „вечна мука“, при обиходномъ „мака“, „мачел“—Велесь (Сбм. XII, 164; XIV, 100, 101); „мучница“, но „мака“, „мачим“—Кюстендиль (Сбм. X, 355); „мука“, „мученіе“, но „мачно“-Дупница (Сбм. X, 173, 174); на церковно-славянизмъ слова „мученіе“ указываетъ и окончаніе -ие вм. 'e.

Др.-ц.-сл. гулъкъ. Въ соотвѣтствіи др.-ц.-славянскому гулъкъ Дидаскалія имѣеть гулаб(-п), мн. гулабите 123.

Съ гласнымъ у (гу-) это слово знаютъ многіе другіе македонские говоры. Напр., Кичево (Сбм. II, 186); Прилѣпъ (Сбм. XX, 7). Въ М. Рѣкѣ также гулап (Изв. на сем. I, 274; II, 234),—съ гласнымъ а, а не о. Но В. И. Григоровичъ слышалъ „отъ Деберянъ“ это слово съ го-: глобъ (Донесенія В. И. Григоровича. Казань. 1915. 207). го- можетъ представлять собою замѣну гъ-, при ъ→о (могла, доп...). Въ такомъ видѣ это слово известно по говорамъ немалорѣканскимъ дебърскимъ, а западно-и южно-дебърскимъ (Изв. на сем. I, 273). Въ Штипѣ подъ вліяніемъ у въ первомъ слогѣ появилось у и во второмъ: гулуби[те] (Сбм. VIII, 248; Лавровъ. Обзоръ, 26).

Въ Охридѣ сохраняется гласный о: го-; но во второмъ слогѣ находится не ъ, какъ замѣна *о, а о (подъ вліяніемъ губного согласнаго или предшеств. о): глоби (Сбм. XVIII, 528).

Въ видѣ гулап это слово, встрѣчается въ памятникахъ письменности XVIII в.; напр., въ помяникѣ трескавечского монастыря (около Прилѣпа), хранящ. въ Публ. б-кѣ въ Петроградѣ (F. IV. № 561), часто упоминается „гулаб[-п]“, какъ имя собственное. Се^и небрѣгово гоулапа 7об. Се^и трѣнь гулаба 10. село дрѣновцій гулабъ 56...

Такъ же въ записи въ Діоптрѣ, Хлуд. собр., № 66: гълапъ ѿ село српци.

Но въ трескавечскомъ помянникѣ послѣ г находится и иной гласный -а: галабъ[-ы], галабица 8, 46об., 62об., 5боб...—изъ сс. Плетворъ и Сенокось (въ прилѣпскомъ округѣ, какъ и Небрегово и Дреновци. Сс. Трънъ и Сърпци—въ битольскомъ округѣ). Галапъ—и въ другомъ сб. XVIII в. (Starine VI, 53).

галаб[и] известно современнымъ говорамъ юго-западной Болгаріи. гѣлаби (Кюстендиль. Сб. Любенова, 64), g л р —къ югу отъ Радомира, въ окрестностяхъ Кюстендила, Дупники, въ Самоковѣ, Орханіи (Weigand. Jahresber. XV, 159).

Въ этихъ юго-западныхъ говорахъ галап восходитъ къ гъльб(-п),—къ сочетанію, какое представляютъ тѣ восточно-болгарскіе говоры, которые не пережили вторичнаго измѣненія ѣ въ а. См., напр., въ записи Б. Цонева: „два гъльбъ“ (Сбм. IV, 523). Въ Сред. Горѣ также „гъльб[-п]“. Въ тѣхъ же средне-горскихъ говорахъ, гдѣ при известныхъ условіяхъ ѣ→а, находится „гѣлѣб[-п], гѣлѣбѣца“ (Псп. XLVI, 547).

Появлениe ѣ въ первомъ слогѣ вызвано, повидимому, вліяніемъ второго слога съ ѣ←ѧ.

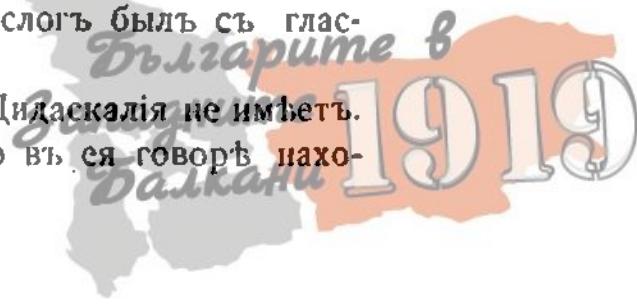
Сочетанія съ го- находятся на съверо-западѣ Болгаріи и на юго-западѣ Македоніи. Такъ, въ Бѣлградчикѣ отмѣчено g л р (Weigand. Jahresber. XV, 157).

На западѣ и юго-западѣ дебърской области (въ Дримколѣ, Голо-Бѣрдѣ, Джупѣ и Полѣ)—„голоп“ (см. выше). Въ томъ же видѣ это слово употребляется въ Охридѣ; но въ пригородной части, въ Месокастро, говорятъ „голоп“ и „гулап“ (Сбм. XVIII, 528). „голѣнби“—въ корчанской Бобошчицѣ (Atch. XV, 45).

*гѣт-, *ѣт-, -*ѣгъ, -*ѣлъ.

Въ Дидаскаліи имѣется только одинъ примѣръ съ замѣною начального *гѣт-: єр с (рожь) 120. єр- выражаетъ собою—ър-: Ѣрш. Это сочетаніе появилось по аналогіи съ тѣми формами, въ которыхъ второй слогъ былъ съ гласнымъ полнаго образования.

Для начального *ѣт—примѣровъ Дидаскалія не имѣть. Но безошибочно можно полагать, что въ ся говорѣ находи-

тилось сочетаніе *lat+глас.* полн. обр.: *laža*. Ср. данныя македонскихъ говоровъ.

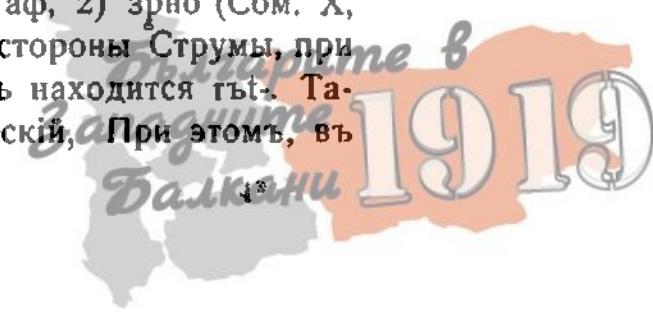
Дидаскалія не имѣетъ примѣровъ и для замѣнъ конечныхъ *-тъ, *-тъ. Замѣну *-тъ. можно опредѣлить почти съ полной увѣренностью: она имѣла видъ -тол: ср. указанія центральныхъ и близкихъ къ нимъ говоровъ, имѣющихъ тол. Здѣсь гласный о вм. ә развился независимо отъ вторичной замѣны ә въ прочихъ положеніяхъ, а въ зависимости отъ конечнаго плавнаго I (см. ниже). Но опредѣлить съ увѣренностью замѣну -*тъ въ говорѣ Дидаскаліи нельзя. Она была или-таг, или-тор. Послѣдняя замѣна находилась бы и, томъ случаѣ, если говоръ Дидаскаліи относился къ области, близкой къ кичевско-дебърской.

Въ Дидаскаліи есть одинъ примѣръ съ-от-: сфѣкор 159; но онъ сюда не относится, восходя къ *svekъгъ (а не *sveкъ). И въ другихъ македонскихъ говорахъ въ этомъ словѣ находится -от, при вторичномъ ә или его замѣнѣ посредствомъ а и при -тъг, -таг, замѣнителяхъ *-тъ. Такъ, напр., ить Охридъ (Сбм. XVIII, 532; Изв. на сем. III, 238); въ Кукушѣ Воденѣ (Сбм. XVIII, 446). Ср. здѣсь: мѣдър, вѣтър, мокър... Въ Прилѣпѣ: сфѣкор, но—лѣга, вѣтар, добѣр и т. под. Такъ же и въ Самоковѣ: свекор (Сбм. III, 188), но—добар, ветар.

Отмѣтимъ въ общихъ чертахъ соотвѣтствія сочетаніямъ 1) *гѣт-, *ѣт- и 2) *-тъ, *-шъ въ говорахъ Македоніи и ближайшихъ къ ней областей.

Въ измѣненіи *гѣт- передъ гласнымъ полнаго образованія всѣми говорами Македоніи была пережита стадія ѣт-. Въ дальнѣйшемъ ѣ въ однихъ діалектахъ раздѣляло судьбу ѣ между согласными, въ другихъ начальное ѣт- испытывало измѣненія, отличныя отъ измѣненій, переживавшихся тѣт.

Въ западной Болгаріи имѣются говоры, до сихъ поръ еще стоящіе на ступени ѣ, какъ въ ѹт-, такъ и въ тѣт. Таковы нѣкоторые софійскіе говоры: 1) рѣцово, ржлѣ; 2) врши, трпи (с. Петъръ. Цоневъ. Изв. за команд. I, 138). Такъ же въ Орханіи: ѹз (Weigand. Jahresber. XV, 161). То же наблюдается и въ области Кюстендила: 1) ѹг'аф, 2) зрно (Сбм. X, 356). Къ югу отъ Кюстендила, по обѣ стороны Струмы, при плавномъ развился ә, т. е. вм. ѹт- здѣсь находится тѣт. Таковы говоры г.-джумайскій и дупническій. При этомъ, въ

г.-джумайскомъ говорѣ гъ произносится и между согласными; въ Дупницѣ же сохраняется ѡт (Сбм. XX, 4; X, 186).

Что касается говоровъ Македоніи, то немногіе изъ нихъ сохраняютъ ѡт-. Въ тѣхъ же говорахъ и ѡт-. Это--на юго-востокѣ, въ солунскихъ говорахъ, и на западѣ, въ М. Рѣкѣ и Малесіи. Солун.: ѡ̄asa, ѡ̄a—въ Н. Селѣ и Градоб.; но въ другихъ селахъ гъ-: гъјаф, гъја въ Бугар., Ватилъкѣ (Oblak. Mac. St. 39). М. Рѣка: ржит, ѡ̄га (Изв. на сем. II, 239; Oblak. Mac. St. 40). Но въ зап. П. Дыновскаго изъ Галичника--арш (Жив. Старина. 1899, II, 244, 245). Малесія (с. Обоки): ѡ̄ (Oblak. Mac. St. 40)—по аналогіи съ формами, гдѣ г находился передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія.

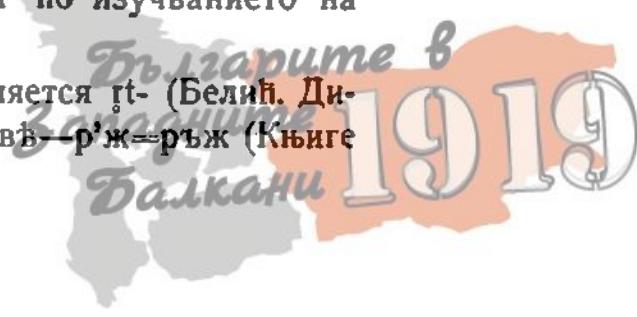
Раньше область говоровъ, имѣвшихъ ѡт--была обширнѣе. Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в. (Птгр. Публ. б-ка, F. IV. 561) находится: и едно кило рышь. ѿ кило решь (58 об.). рышь и решь передаютъ повидимому ѡ̄.

Большинство же прочихъ говоровъ Македоніи объединяются одинаковымъ измѣненіемъ начального г: развитіемъ гласнаго ѣ передъ плавнымъ: ѡт-->ът-. Такова же судьба и г между согласными въ большинствѣ македонскихъ говоровъ (за исключениемъ говоровъ на сѣверѣ).

ът-отмѣчено въ слѣдующихъ говорахъ: Лерина (Псп. LXI, 358), Битоли (Сбм. XV, 27), Прилѣпа (Сбм. XX, 6), Рѣсена (Книжици IV—VII, 267), Охрида (Изв. на сем. III, 238; Сбм. XVIII, 532), Кичева (Сбм. XIX, 128; Шапк. VIII, 250, 254), Тетова (Отчетъ, 8), Штипа (Сбм. XI, 589), Кратова (Сбм. IV, 316). Во всѣхъ этихъ говорахъ ѿ-находятся не только передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія (ържи[т], ѿрг'а, ѿржаник), но по аналогіи и въ формахъ, гдѣ *гъ— имѣло нѣкогда ѣ „сильное“: ѿгъ. Въ тетовскомъ с. Лешокъ мною отмѣчено комбинаторное сочетаніе: ѿгъѣ (Отчетъ, 8).

ът—свойственно и говорамъ областей, находящихся къ сѣверу отъ Македоніи: кумановскому и прешевскому: 'рж=ърж (Хц.-Василь. J. Ст. Срб. I, 336, II, 83).—Въ записяхъ сербовъ обычно имѣется ' вм. ѿ. Ср. написанія 'рт, т. е. ѿрт (ib.)—. ѿрг'а (въ Кумановѣ. Материали по изучванието на Македония. София. 1896. Стр. 546).

Далѣе къ сѣверо-востоку употребляется ѡт- (Белић. Дијал. 70, 181; Дијал. Зб. II, 370). На Косовѣ—р'ж=ръж (Књиге Матице Срп. № 6, 157).

Если начальная стадия процесса, пережитого македонскими говорами въ судьбѣ праславянского сочетания *ът-*—передъ гласнымъ полнаго образованія, проходили въ томъ же направлениі, какъ въ измѣненіи **тът-* +гласн. полн. образ., то и вм. **ът-* въ указанномъ положеніи развивалось *јt-*. Но прямыхъ указаний на стадію *јt-* для этихъ говоровъ не имѣется. Дальнѣйшее измѣненіе *јt-* заключалось въ развитіи при плавномъ гласнаго *ъ*, становившагося слоговымъ. Въ говорахъ Македоніи находится *ът-*, при рѣдкомъ *јt-*. Въ замѣнѣ же праславянского *ът-* +глас. п. образ. не представлено не только *јt-*, но и *ъt-*. Единственный примѣръ приподнялся для охридскаго говора: олцица,—съ *ол-*, какъ результатомъ измѣненія предполагаемаго *ј—ы*. Такое значеніе придастъ этому примѣру В. Н. Щепкинъ (Болон. Пс. 117). Этотъ примѣръ можно дополнить аналогичнымъ (блджица, блджичка, блджичник) изъ дебѣрскихъ говоровъ Дримкола (Сб. въ честь на Милетичъ. 151). Но охридскому говору известно и—лѣџца (Сбм. XVIII, 529), дебѣрскому мало-рѣканскому—лѣџца, ложица, ложичарник (Изв. на сем. II, 297). Происхожденіе охридско-дебѣрского „олцица“ для насъ не ясно; разсматривать это сочетаніе въ связи съ *tolt* вм. *јtł* (т. е. **тъ—ј—ты—ol*) мы не рѣшаемся. Можетъ быть, *олиць—олцица*—не вм. **ъt-*.

Съ гласнымъ *о* (но за плавнымъ,—*lo-*) это слово известно и многимъ такимъ говорамъ, гдѣ ни *о* вм. *ъ*, ни *ol*, *lo* вм. *ъl*, *ъ* не известны. Такъ, *ложица* произносится въ областяхъ Кумановской и Прешевской (Хр.-Василь. Ј. Ст. Срб. I, II), юго-восточной Сербіи (Белић. Дијал. 65, 82; Дијал. 36. II, 371; для Пирота въ Сбм. I, 144).

Въ книгѣ Белича отмѣчено въ одномъ случаѣ лжица (96). Но и этотъ единичный примѣръ, при этомъ слова, не яснаго по своему происхожденію, наряду съ обычной замѣной **ъt-*—посредствомъ *јt-* (Дијал. 52, 69, 74) мало способствуетъ утвержденію положенія о стадіи *јt-* вм. **ъt-* передъ глас. полн. образ.

Въ македонскихъ говорахъ, какъ и въ сосѣднихъ славянскихъ говорахъ, болгарскихъ и сербскихъ, за *І* находится гласный *ъ* или его вторичная замѣна. Такъ, *ъt-* отмѣчены въ говорахъ Лерина (Сбм. XI, 561), солунскихъ сель (Oblak. Mac. St. 14), Кукуша и Водена (Сбм. XVII, III, 168), Кратова (Сбм. IV, 315), Тетова (Отчетъ 8).

Въ Кукушъ и Воденъ ѝъ находится и между согласными. Но въ прочихъ говорахъ судьба ѡъ была иная: ѡъ (солунскіе говоры), толт (лерин.), тѣт, туѣт, тѣт (Штипъ, Кратово), тѣт и тоут (Тетово).

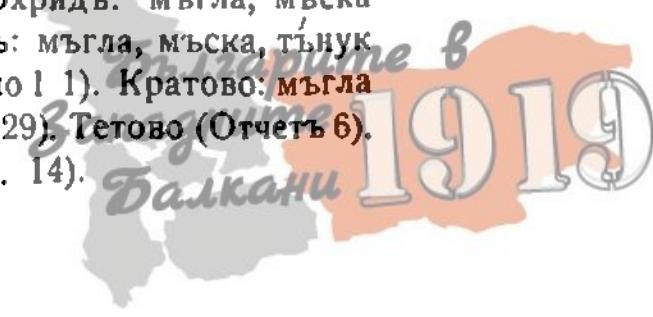
Въ большинствѣ македонскихъ говоровъ вм. ѡы- находится за I вторичная замѣна ѹъ. Въ говорахъ дебърской области (а также крушевскихъ міяковъ, переселенцевъ изъ дебърского края) вм. ѹъ произносится о. Это обычная замѣна, первичная и вторичная, гласного ѹъ,—замѣна, не зависѣвшая отъ природысосѣдняго согласнаго, а развившаяся въ результата измѣненія въ артикуляціи дебърского ѹъ, произносившагося съ небольшимъ округленіемъ губъ: ѹъ.—лѫжеш (М. Рѣка. Изв. на сем. II, 232); ложет (Круш. Сбм. XVI--XVII, 75).

Обычно же вм. ѡыт- развивалось lat-. Такъ въ говорахъ Битоли, Прилѣпа, Велеса, Тиквеша, Кичева, Штипа; такъ же въ юго-западной Болгаріи (въ Кюстенд., Дупница, Самок., Г. Джумаѣ). Появленіе здѣсь la происходило независимо отъ судьбы ѡъ между согласными: при lat- можетъ быть тѣт, толт, тѣт, тѣт, tot, tut. Не зависѣло развитіе lat- и отъ первичной замѣны „сильнаго“ ѹъ: въ македонскихъ говорахъ эта замѣна —о. Появленіе а въ lat---находилось въ связи именно съ вторичной замѣнной ѹъ. Въ этихъ говорахъ эта замѣна представлена гласнымъ а:—лажиш, лага—и—рака, пат.

Въ связи съ судьбой ѹъ въ ѡыт + глас. и ѹъ, замѣнившаго *о, находится судьба ѹъ (вм. „слабыхъ“ *ъ, *ъ) въ начальномъ слогѣ: въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ не произошло фонетического вторичнаго измѣненія ѹъ въ а, о, тамъ произносится ѹъ и въ начальномъ открытомъ слогѣ. Таковы говоры Костура, Лерина, Охрида, солунской области, Водена, Кукуша, Скопья, Кратова, Криво-Р. Паланки, Тетова.

Леринъ: мъгла, тѣнка (по аналогіи—тѣнок; такъ во многихъ говорахъ; но въ нѣкоторыхъ аналогія дѣйствовала въ другомъ направленіи, исходя отъ формъ, въ которыхъ *ъ въ начальномъ слогѣ былъ въ „сильномъ“ положеніи и замѣнялся рано гласнымъ е (первичная замѣна); тенка и т. п.).

Рѣсенъ: мъска (Сбм. VIII, 130). Охридъ: мъгла, мъска (Изв. на сем. III, 237). Кукушъ, Воденъ: мъгла, мъска, тѣнук (Сбм. XVIII, 450). Скопье: тѣнко (Минало I 1). Кратово: мъгла (Сбм. II, 61). Криво-Р. Паланка (Сбм. IX, 29). Тетово (Отчетъ 6). Солун.: тѣгla, тѣнnica (Oblak. Mac. St. 14).

Тѣ же македонскіе говоры, которые во вторичномъ измѣненіи ѿ достигли стадіи *a* (или *o* - въ дебѣр. краѣ), имѣютъ *a* и въ начальномъ (открытомъ) слогѣ. Какъ видно, процессъ ѿ→*a* (или ѿ→*o*) захватывалъ и *lъt-*, и *tъt-*, и *dъt-*, и *tъt-*. Слѣдовательно, къ этому времени ѿ въ *lъt-*, *tъt-* былъ того же образованія (качества и количества), какъ и въ *dъt-*, *tъt-* и въ *gъka*, *dъb*.

Битоля: маска (Шапк. IX, 311). Прилѣпъ: магла, маск'и, такнам (Сбм. XI, 561; XVI—XVII, 113; XX, 4). Велесь: магла, танко (Сбм. VIII, 256, 189; VII, 128; XIII, 172). Кичево (Сбм. II, 186; XIX зап.; Сб. Иконом. 114, 115, 131). Тиквешъ (Шапк. I, 139). Штипъ (Сбм. XI, 587). Піянецъ (Псп. XII, 117). Кочани (Сбм. XVI—XVII, 185).

Въ говорѣ Дидаскалии также — *mask'i*.

a- въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ представляютъ и говоры юго-западной Болгаріи.

Вторичное ѿ→*o*: Дебѣрскіе говоры: магла, моска (М. Рѣка. Изв. на сем. II, 233. Oblak. Mac. St. 16).

*-tгъ, *-tлъ. Въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и южно-славянскихъ, развивался гласный ѿ передъ плавнымъ въ замѣнѣ *-tr(l)ъ въ концѣ слова, по утратѣ конечнаго ѿ. До развитія нового слогового гласнаго ѿ передъ плавнымъ южно-славянскими языками могла быть пройдена стадія съ слоговымъ ƒ(l): ср. у А. А. Шахматова: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“. СПб. 1903. Гл. VI. „Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“. Птр. 1915. §§ 78, 367—369. Въ говорахъ юго-восточной Сербіи отмѣчены сочетанія *bistř*, *tokř...* рядомъ съ *bistř*, *tokř...* (Broch. Dial. 156, 286. Белић. Дијал. 124—125). Но ƒ въ этихъ сочетаніяхъ не представляетъ ранней стадіи измѣненія въ конечномъ *-tгъ. Это ƒ развилось вмѣсто предшествовавшаго ѿ, *. Въ нѣкоторыхъ говорахъ при -tъг слышится и ƒ, т. е. слоговое ƒ при слабомъ приступѣ гласнаго¹⁾.

Параллельное явленіе представляютъ и нѣкоторые македонскіе говоры, напр., дебѣрскіе (см. ниже).

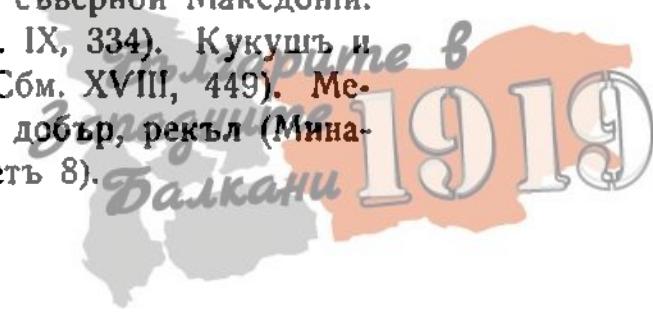
1) Такъ, о пиротскомъ говорѣ Broch замѣчаетъ: Zum Theil war *dōbъr*, *tōkъr* u. a. mit deutlich entwickeltemъ ѿ zu horen; ebenso im Substantiv *v rьr*. Daneben liefern aber Formen „*dōbъr*“, „*bistъr*“, „*ostъr*“, „*v dъr*“, in denenъ ѿ, falls überhaupt anzusetzen, in einen kurzen vokalischen Vorschlag vor dem r (ƒ) reducirt ist. Dial. 286. Редукція гласнаго элемента передъ ƒ отмѣчена имъ и по отношенію къ *a*. ib. 98.

Измѣненія конечныхъ сочетаній *ъг*, *ы* въ македонскихъ говорахъ заключались въ діалектическомъ измѣненіи гласнаго *ъ*. Это измѣненіе зависѣло отъ вторичнаго измѣненія *ъ*, отчасти отъ предшествующаго слога и въ особенности отъ слѣдующаго плавнаго *l*. Наиболѣе широко распространено *-ты--tol*. *-tol* свойственно говорамъ не только дебѣрскимъ, гдѣ можно бы объяснить *-tol* вм. *ты* въ связи съ общимъ измѣненіемъ вторичнаго *ъ* въ *о* (могла, ложа...), но и говорамъ многихъ другихъ областей Македоніи, на югѣ, въ центрѣ и на сѣверѣ, гдѣ судьба вторичнаго *ъ* была иная сравнительно съ дебѣрской: 1) *ъ→a*, 2) *ъ*. Появленіе здѣсь *о* вызвано вліяніемъ артикуляціи слѣдующаго плавнаго *l*. Тоже явленіе наблюдается и въ замѣнѣ болѣе ранней группы *tl*: въ то время, какъ вм. *tl* произносится *tъtl*, *tl* замѣнилось сочетаніемъ *tolt* (діалектически *tодt*). Если же въ томъ или иномъ говорѣ или въ отдѣльныхъ случаяхъ одного и того же говора положеніе гласнаго *ъ* было за плавнымъ (*l*), то измѣненіе его по направленію къ *о* не происходило, въ чёмъ ясно обнаруживается вліяніе артикуляціи *l* на артикуляцію предшествующаго гласнаго типа *ъ*. То же безъ сомнѣнія подтверждается и такими дублетами въ замѣнѣ *tl*, какіе отмѣчены мною въ дольне-положскихъ говорахъ: 1) *sъza*, *dъga*, *sъпсе*; 2) *voжk*, *жouт*, *рокоцпе* (Отчетъ, 7—8).

На измѣненіе гласнаго типа *ъ* въ сочетаніи съ *г* въ конечномъ слогѣ могъ вліять предшествующій слогъ: если въ этомъ слогѣ былъ гласный *о*, то и въ *-тьг* вм. *ъ* могъ разиться гласный *о*; послѣ же слога съ гласнымъ *e(i)*, въ слѣдующемъ слогѣ вм. *тьг* могло съ теченіемъ времени развиваться—*ter*. То и другое измѣненіе въ конечномъ *-тьг* не распространялись на всѣ македонскіе говоры, а лишь на нѣкоторые изъ нихъ. Кромѣ того, *-тог*, *-тер* въ томъ или иномъ говорѣ и не охватывали всѣхъ случаевъ съ *-тьг*, относящихся сюда.

Въ связи съ общимъ измѣненіемъ вторичнаго *ъ* сочетаніе *-тьг→-тар*.

Безъ вторичнаго измѣненія *ъ* сочетанія *-тьг*, *ты* извѣстны отдѣльнымъ говорамъ южной и сѣверной Македоніи. Костуръ: рѣкъл (Книжици II, 50; Шапк. IX, 334). Кукушъ и Воденъ: вѣтър, дѣтър, сѣкъл, топъл (Сбм. XVIII, 449). Мегленъ: рѣкъл (Сбм. III, 190). Кратово: добѣр, рекъл (Минало I 1, 77; Сбм. IV, 316). Тетово (Отчетъ 8).

Къ діалектическимъ областямъ, въ которыхъ при -тъг или таг произносится -tol принадлежать многіе говоры Македонії.

Охридъ: рéкол, секол (Изв. на сем. III, 237); ютър, Петър; шимств.—некадър, кадър (Шапк. VIII, 43, 98, 186, 131),—шимств. тур. ю; вéтер (Шапк. VIII, 111). Рѣсенъ (Сбм. VI, 140; VIII, 229). Битоля (Сбм. XV, 127. Шапк. IX, 298, 309, 311); вéтер (въ пѣснѣ; Сбм. XV, 25). Прилѣпъ (Сбм. XX, 1, Мирчевъ. Сбм. XI, 96, 112). Маріово: рекол, излегол, от-несол (Сбм. XVI—XVII, 286, 287). Велесь (Сбм. V, 161, VIII, 189); вéтер (Сбм. VIII, 125; XII, 163), также—дббер іунак (иѣсня; Сбм. XIV, 6). Скопье: при -tol находится заимств. сиктър (въ Рѣсенѣ—сиктер: сиктер бттука. Сбм. IX, 158); вéтер (Минало I 1, 66, 70. Сбм. XI, 110). Штиль (Сбм. XI, 588). Малешово: пàсол (Новини, II, № 48).

Въ говорахъ дебърскихъ и кичевскихъ вмѣстѣ съ порѣцкими употребляются -tol и -tor. Въ дебърскихъ говорахъ появление о въ -tor находится въ связи съ общимъ направлениемъ въ измѣненіи вторичнаго ю. Въ кичевскихъ и порѣцкихъ говорахъ -tor вм. ожидаемаго таг обязано вліянію сосѣднихъ, дебърскихъ говоровъ. Въ рядѣ случаевъ -tor могло развиться и внутри самихъ кичевскихъ говоровъ: послѣ слога съ лабіализованнымъ гласнымъ.

Кичево: добор, Петор (Сб. Иконом. 111, 132. Новини III, № 40. Шапк. VIII). Порѣчье: добор, ветор („Карацић“ III, № 5).

М. Рѣка (Изв. на сем. II, 232—233, 289; Oblak. Mac. St. 16). Въ XVIII-мъ в. тоже было -tor: Попъ лазоръ ѹ доборъ—въ зап. 1782 г., въ Діоптрѣ, Хлуд. собр., № 66.

Крушово (у міяковъ. Сбм. XVI—XVII, 301, 303).

Нѣкоторые дебърскіе говоры имѣютъ -tг вм. -тъг. тадг та—редуц. а; с. Обоки. Oblak. Mac. St. 23). Но этому—тг несомнѣнно предшествовала стадія съ ю передъ плавнымъ,—стъ ю, подвергшимся въ результатѣ редукціи полной утратѣ, вслѣдствіе чего развилось тг. Подобное явленіе наблюдается и вм. группы ът: siŋ (с. Обоки. Oblak. Mac. St. 17); въ томъ же селѣ и -èdŋ. (ib. 16). Но въ данномъ образованіи тг обязано не утратѣ ю: онъ уже ранѣе, находясь въ положеніи „сильнаго“, замѣнился гласнымъ е. На форму муж. ед. лѣг-ствовали въ этомъ говорѣ прочія формы, въ которыхъ нѣ-когда находился *ю „слабый“: формы (j)edъна, (j)edъло... вызвали и форму (j)edn→(j)edŋ. Могло быть пережито такое

же направленіе и въ измѣненіи той или иной формы причастія или прилаг.: подъ вліяніемъ тъдѣ... появилось и тъдѣ-тъдѣ.

Въ говорахъ юго-западной Болгаріи отражаются тѣ же измѣненія въ -tъг(l), какія отмѣчены для македонскихъ говоровъ.

Въ Г. Джумаѣ при -tol произносится -tar (бдар); но въ другихъ случаяхъ—ter: бистер, дббер, ветер (Сбм. XX, 5).

Въ говорахъ областей, расположенныхъ къ съверу отъ Г. Джумай, судьба -tъг и tъl проходила въ одинаковомъ направленіи: въ нихъ въ замѣненіи гласнымъ *a* или ѿ: говоры кюстендилскіе (Сбм. X, 350. Й. Ивановъ), дупническіе (Сбм. X, 162, 186), самоковскіе (Сбм. V, 184; X, 148, 152).

Какъ видно, результатъ, достигнутый говорами Македоніи и зап. Болгаріи въ измѣненіи -tъг(l), не одинаковъ для разныхъ діалектическихъ группъ. Обнаруживается одна тенденція, широко распространенная въ нихъ,—лабіализующее вліяніе плавнаго l на артикуляцію предшествующаго гласнаго типа ѿ: ѿ—҃—o. То же происходило и въ группѣ tlt. Но эта тенденція къ ol (tol) не охватила всѣхъ македонскихъ и южно-зап. болгарскихъ діалектическихъ группъ: известны говоры, знающіе -tъг, -tъl, а также -tar, -tal. Но -tal въ македонскихъ говорахъ встречается рѣдко. -tal отмѣчено въ нѣкоторыхъ леринскихъ говорахъ (въ сс. Цѣрово, Урво-во): рѣкал, занѣсал, Пѣтар (Сбм. VIII, 161, 174, 205, 173). Также въ дойранскомъ селѣ Владоя: рѣкал (Шапк. IX, 371).

Выше указано, что измѣненіе въ -tъг(l) проходило въ связи со вторичнымъ измѣненіемъ ѿ, если только не вліяли сосѣдніе звуки, въ особенности слѣдующій l. Если же въ леринскомъ и дойранскомъ говорахъ находится -tal(t) при отсутствіи вторичнаго измѣненія въ прочихъ положеніяхъ, то появленіе *a* въ этомъ слогѣ могло зависѣть отъ положенія въ конечномъ заударномъ слогѣ. Измѣненіе въ направлению къ *a* при такомъ условіи известно нѣкоторымъ говорамъ Македоніи, Болгаріи и юго-восточной Сербіи.

Наконецъ, отмѣтимъ, что въ Македоніи и юго-западной Болгаріи въ одномъ случаѣ широко распространилось -ter: въ словѣ—veter. Въ такомъ звуковомъ видѣ это слово знаютъ говоры, имѣющіе въ другихъ случаяхъ -tъг, -tor, -tar (-täg).

*.-тъ.

Въ замѣнѣ праславянскаго сочетанія въ конечномъ слогѣ *-тъ Восточна Дидаскаліи имѣть обычные македонскіе звуковые элементы: -тум: сум 140; сѣдум, бсум 179, 180.

Во всѣхъ говорахъ Македоніи, за исключеніемъ немногихъ на сѣверѣ и юго-востокѣ, произошла замѣна вторичнаго *ъ* передъ конечнымъ *т* посредствомъ *о* и чаще *и(у)*. Такое измѣненіе *ъ* въ—*тъ* проходило независимо отъ вторичнаго измѣненія *ъ*, находившагося въ другихъ положеніяхъ. -от, -ит развились не только въ дебърскихъ говорахъ (при вторичномъ *ъ*→*о*), но и въ охридскихъ (при вторич. *ъ*), и въ битольскихъ (при *ъ*→*а*), и въ д.-положскихъ (при *ъ*) и др. Измѣненію вторичнаго *ъ* передъ конечнымъ *т* благопріятствовало не только неударенное положеніе (-ът—обычно находится вѣдь ударенія); въ нѣкоторыхъ говорахъ съ -от, -ит все же сохраняются -тъг (Костуръ, Кукушъ). Рѣшающее значеніе въ этомъ измѣненіи имѣлъ соѣдній согласный *т*: въ зависимости отъ него *ъ* утрачивалъ свойственную ему типическую артикуляцію и постепенно развивалъ артикуляцію гласнаго *о*, *и*: *ъ*⁰→*о*→*о*^u; *ъ*^u→*и*. Въ говорахъ можно и въ настоящее время наблюдать не только -от, -ит, но и переходную стадію *о*^uт. Таковая отмѣчена мною въ говорахъ Д. Полога. По всей вѣроятности можно найти и стадіи *ъ*⁰, *ъ*^u.

Что касается измѣненія -ът въ -от, то его физіологический характеръ ясенъ: при развившейся работе губъ и при обычномъ для образованія гласныхъ положеніи голосовыхъ связокъ -ът→-от. Но при процессѣ -ът→-ит возможно, что послѣдній результатъ былъ достигнутъ черезъ стадію -от, какъ полагалъ еще М. С. Дриновъ¹⁾: -от→-о^uт→-ит. Ср. говоры д.-положскіе, гдѣ известны какъ -от, такъ и -о^uт и -ит (Отчетъ). Ср. и говоры костурскіе и леринскіе, знающіе -от и -ит (по всей вѣроятности, есть и -о^uт). Ср. также нарѣчія на-ит (изъ от): *ti[ç]lum*, *redum*, *zbogum*, *nîçkum*, *pazogum*, *gre[ç]lum*—по ошибкѣ. Но измѣненіе -ът въ -ит черезъ стадію -от могло быть пройдено не всѣми говорами: и въ -ит могло развититься и непосредственно изъ *ъ*^u, т. с. изъ гласнаго *ъ*, произносившагося съ лабіализаціей типа

¹⁾ Атч. V, 376. „Нѣсколько словъ объ изыкѣ, народныхъ пѣсняхъ и пѣчающихъ дебърскихъ славянъ“. Съчин. II, 377.

и. Такой ходъ измѣненія -ътъ быль пережитъ говоромъ Кукуша: ср. окончаніе формы наст. I ед. -ътъ (ъзътъ, дѣнесътъ), замѣняющееся иногда посредствомъ "тъ (съ и неполного образованія); gabotътъ, prѣdътъ (Oblak. Mac. St. 105). Въ замѣнѣ -ътъ въ этомъ говорѣ находится -тумъ. Различіе между этимъ -тумъ и -тътъ въ глаг. формѣ объясняется тѣмъ, что эти сочетанія возникли въ разное время (тътъ глагольной ф.—явление, еще развивающееся въ говорѣ).

На переходъ -ътъ въ -тумъ черезъ стадію -тътъ могутъ указывать и нѣкоторые другіе говоры, знающіе -ътъ при -тумъ, если только это не элементы двухъ разныхъ діалектическихъ группъ. -тумъ и -ътъ находятся въ говорахъ солунскихъ и воденскомъ на юго-востокѣ и въ д.-положскихъ и нѣкоторыхъ скопскихъ на сѣверѣ.

Говоры съ -тумъ занимаютъ почти всю Македонію. -тумъ и въ письмѣ кружованина 1637 г. (Минало I 3, 291).

Въ окраинныхъ македонскихъ областяхъ имѣются варианты въ замѣнѣ -ътъ. На югѣ и западѣ (въ Костурѣ, Леринѣ, Рѣсенѣ) употребляютъ -тумъ и -томъ: som | sum(su), osom | osum, sedom | sedum. Костурѣ (Книжици I, 36; II, 56), Кайлярѣ (Сбм. XVI—XVII, 63, 66, 68). Леринѣ: Сбм. VIII, 161; Шапк. IX, 319, 320, 325). Рѣсенѣ (Псп. XLI—XLII, 880—882, 886). Въ М. Рѣкѣ -тумъ только въ сочетаніи sum(su). Въ сочетаніяхъ для передачи „7“, „8“ произносится -томъ: sedom, osom, хотя въ такихъ нарѣчіяхъ, какъ islum, prostum имѣется результатъ измѣненія -отъ въ -тумъ (Изв. на сем. II, 235; Братство, IX—X, 397, 391). Если это различіе въ гласномъ конечнаго слога указанныхъ числительныхъ и нарѣчій не зависѣло отъ времени лабіализующаго дѣйствія конечнаго т на предшествовавшій гласный о, прекратившаго ко времени развитія -отъ изъ -ътъ, то оно было вызвано слѣдующимъ. -томъ въ числительномъ осомъ подъ вліяніемъ гласнаго о въ предшествующемъ слогѣ не испытало измѣненія въ -тумъ. Подъ вліяніемъ же числительного осомъ стали произносить съ -отъ и числительное sedom. Въ восточномъ углу Македоніи, въ Малешовѣ, отмѣчено sam, osem („Новини“, II № 48). То же и въ близкомъ къ малешовскому говорѣ г.-джумайскомъ (въ юго-зап. Болгаріи): saw, osem, sedem (Сбм. XX, 5, 18). -атъ въ sam находится въ связи съ окончаніемъ формы наст. сд. -а, -атъ. Полагаемъ, что появленіе -атъ въ числительныхъ вызвано вліяніемъ предшествую-

Запорите въ
Далеки 1919

щаго гласнаго *e* въ числительномъ „7“ и отсюда перенесено и въ „8“ (а не природою гласнаго *i*). На зависимость гласнаго *e* въ -ем (*sedem*) отъ предшествующаго слога указываютъ нѣкоторые говоры съверо-восточной Болгаріи: тамъ при сохраненіи -ът въ -оътъ находятся *sedem* (Miletič. D. Ostb. 72).

На юго-востокѣ, въ Воденѣ и солунскихъ сelaхъ, произносится *sъtъ*, но *-sedum*, *osum*. -ътъ въ *sъtъ* съ окончаниемъ формы наст. 1 ед. на -ътъ: *nоsъtъ*, *jаdъtъ*, *mоžъtъ*.

Въ съверо-македонскихъ областяхъ, въ Д. Пологѣ, Скопье, Кратово, Кр.-Р. Паланкѣ употребительны сочетанія съ -ит и -ът. Кратово: *sъtъ* | *sum(su)*, *sedъtъ* | *sedum*, *oъtъ* | *osum* (бПси. XI—XII, 175, Сбм. II, 62; IV, 317; Минало I 1, 76, 78); Црешево (къ с.-вост. отъ Скопья); *sъtъ*, *sedъtъ*, *osum* (Минало I 1, 68); Кр.-Р. Паланка: *sъtъ*, *sédъtъ*, *ósum* (Сбм. IX, 29, 60, 74). Въ Д. Пологѣ известны не только *sъtъ*, но и *sotъ*, *so^utъ*, *sum* (Отчетъ).

Итакъ, во всѣхъ македонскихъ говорахъ обнаруживается результатъ пережитой ими общей тенденціи воздѣйствія артикуляціи конечнаго *t* на образованіе предшествующаго ему гласнаго *ъ*, становившагося лабіализованнымъ и переходившаго въ *о* и *и*. Послѣдній результатъ является общераспространеннымъ въ Македоніи. Лишь на юго-востокѣ и востокѣ въ глагольной формѣ *sъtъ* -ътъ появился въ связи съ общимъ (позднимъ) окончаніемъ формы наст. ед. *ъ+тъ*.

На съверѣ наблюдается -ътъ въ чередованіи съ -ит(-ом). При этомъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ появлению -итъ благопріятствовалъ предшествующій слогъ съ гласнымъ *о*: *osum* при *sedъtъ*.

Не представляютъ ли съверно-македонскіе говоры своимъ -итъ элементовъ заносныхъ, заимствованныхъ отъ прочихъ македонскихъ діалектовъ? — Нѣтъ. И на съверѣ Македоніи -итъ является результатомъ фонетического измѣненія -ътъ. Вліяніе согласнаго *t* на предшествующій гласный дѣйствовало не только въ прошломъ съверно-македонскихъ говоровъ, но дѣйствуетъ и въ настоящее время, подобно тому, какъ это обнаруживается и въ нѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ, напр., кукушскомъ. Кроме того, сочетанія съ -ътъ въ съверно-македонскихъ говорахъ представляютъ собою рѣдкіе варіанты сравнительно съ -ит-ом (насколько могу судить по д.-положскимъ говорамъ). Отсут-

ствіе въ рѣдкихъ случаяхъ результата лабіализації гласнаго ъ въ сочетаніи -ът объясняется или тѣмъ, что процессъ лабіализації въ этихъ говорахъ не былъ такъ интенсивенъ, какъ въ прочихъ діалектахъ, или, что вѣроятнѣе, эти -ът являются въ зависимости отъ сосѣднихъ діалектическихъ группъ въ областяхъ къ сѣверу и сѣв.-востоку отъ Македоніи, гдѣ общераспространено сочетаніе -ът или -ът-ат, т. е. результатъ вторичнаго измѣненія ъ не зависитъ отъ воздействиія слѣдующаго *m*. Такъ въ говорахъ западной Болгаріи (-ът и -ат). -ат въ Самоковѣ (Сбм. V—IX, 179), Дупницѣ (Сбм. X, 163), Разлогѣ („Додатак“ 34) въ области между Искъромъ и Огостой (Мариновъ. Ж. Стар. II, 93). Далѣе къ сѣверу -ът, напр., въ Видинѣ (Сбм. XIX, 4, 27), Врацѣ (Сбм. XXV, 1, 2, 9...), Търнѣ (Псп. XII, 123).

Въ Скоп. Ч. Горѣ указаны сочетанія съ -ат (Населья III). Извѣстны, по всей вѣроятности, и съ -ът.

Въ Кумановѣ и Прешевѣ -ът (Ху.-Василь. Ј. Ст. Срб. I, II).

Въ юго-восточной Сербіи также общеупотребительно -ът(-ат) (Белић. Дијал. 66, 81).

Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ сочетанія съ конечными ъ⁰т-ом, ъ⁰т-ит можно наблюдать и въ западной Болгаріи и въ юго-восточной Сербіи. Но существенное различіе въ этомъ отношеніи по сравненію съ македонскими говорами заключается въ томъ, что эти -ом, -ит тамъ, на юго-востокѣ Сербіи и на западѣ Болгаріи, не являются результатомъ общераспространенной тенденціі къ лабіализації ъ въ зависимости отъ слѣдующаго *m*,—лабіализаціи, которая была бы пережита въ прошломъ или переживалась бы въ настоящемъ. -ом, -ит въ отдѣльныхъ говорахъ указанныхъ областей употребляются лишь спорадически. Кроме того, необходимо обратить вниманіе на слѣдующій фактъ: ъ⁰т-ом, ъ⁰т-ит въ глаголѣ сът на юго-востокѣ Сербіи употребляются весьма рѣдко. А. Беличъ отмѣтилъ всего 6 случаевъ съ измѣненіемъ въ этомъ сочетаніи гласнаго ъ: ъ⁰, ъ⁰, о, и. Изъ этихъ примѣровъ 3 приходятся на Враню (въ записи Брука -sam. Dial. 102), 1 на Нишъ и 2 на тимочско-лужническую группу (Дијал. 74, 83). Въ говорахъ Средняго Тимока—только сът (Дијал. Зб. II, 440). Иное представляется въ передачахъ числительныхъ „7“, „8“. Въ этихъ словахъ многимъ говорамъ известно -ом, -ит вм. -ът. Ср. данные въ описаніи

Брука (Dial. 110, 131, 141, 254, 287, 293, 303, 321), Белича (Дијал. 74, 82—83), Станоевича (Дијал. Зб. II, 371). То же можно наблюдать и въ западной Болгарі. Такъ, въ Чип[о]ровцахъ при *sam* говорять *sedomdesé* i *sédom*, *osomdesé* (Сбм. (XVI—XVII, 260, 262).

-от развилось фонетически въ словѣ „8“ и было вызвано вліяніемъ предшествующаго слога съ гласнымъ о. Отъ *osom* -от перенесено и на сосѣднее числительное „7“: *sedom*. Конечное *m* благопріятствовало дальнѣйшему процессу лабіализаціи,—появлению *u*: *osum*.

Процессъ образованія ү, ө, ى, ј по утратѣ гласнаго, находившагося при согласныхъ т, п, т, л, а затѣмъ разгортія вторичныхъ гласныхъ при слоговыхъ т, п, т, л, извѣстенъ и неславянскимъ балканскимъ языкамъ. Такъ, въ греческихъ говорахъ слоговые т, п, т, л въ заударномъ положеніи измѣнялись въ сочетанія i+т(п, т, л) или u+т(п, т, л). Въ македонскихъ говорахъ передъ ү развивался гласный и: -т→ит; оύ χαμβρός оум=ó χαμ्बρός ико (P. Kleutschmer. Der heutige lesb. Dialekt. Schriften d. Balkankommission. VI. Wien. 1905. 105—110). Соответствующее явленіе развитія вторичнаго гласнаго при указанныхъ условіяхъ знаютъ и албанскіе говоры; *embəfemətj*-имя, *nesət*-завтра (Pedersen. Texte 9), *akuł*-ледъ, *avuł*-чадъ. (G. Meyer. Alban. Studien. III. 80. Sitzber. Wien Bd. 125).

*тъг(l)t, *тъг(l)t, *тъг(l)ъt, *тъг(l)ъt.

‘апныя Дидаскалии свидѣтельствуетъ ясно о томъ, что въ ея болгарскомъ говорѣ находились между согласными сочетания гласнаго ы съ слѣдующимъ за нимъ плавнымъ т. Эти соединія замѣняли болѣе раннєе тт, развившееся у южныхъ с. 1вянъ вм. *тът, *тът, *тът, *тът. Въ Дидаскалии это сочетаніе, обычно передается посредствомъ -др-[ър]. Правда, на-ряд., съ такой передачей встрѣчаются и написанія съ -др-[ар] и -эр-[ер]. Что касается -др-, то это лишь орѳографическій вариантъ передачи -ър-, обычно употреблявшейся въ новоболгарской письменности для выраженія сочетанія -ър- между согласными. Что дѣйствительно -др-=др-, то на это указываетъ и то обстоятельство, что одни и тѣ же звуковыя сочетанія въ одинаковыхъ корняхъ передаются двумя указаными способами. Распространена была въ новоболгар-

ской письменности и русско-церковно-славянская передача сочетания -*бр-* между согласными посредствомъ -*ер-*. Въ Дидаскаліи отражается и эта орографическая манера, свидѣтельствуя, что лицо, писавшее болгарскую параллель, было знакомо съ славянской письменностью (разумѣется, въ томъ ся видѣ, въ какомъ она была извѣстна въ сосѣднихъ балканскихъ областяхъ, преимущественно македонскихъ). При этомъ, и въ данныхъ случаяхъ наряду съ -*ер-* употребляется и -*ар-* въ передачѣ однихъ и тѣхъ же звуковыхъ сочетаний. Написаніе єрбъ-ършъ такъ же опредѣляетъ значеніе написанія *ер-*.

Примѣры. -*бр-*. върба 117, върнит 164, гърнесто 159, гъ[р]лот-гъф[р]ловт 134, зърното 165, зърна 147, кърф 139, кърфот 140, 146, пѣрвато 132, пърстите 140, пърстен[и?]и -пѣрстену[и] 166, сѣрѣт[-d] 148. (Рѣм. ѡ Ѣрбър, Аѣз. хѣлп [-в]асіра), сфердѣлото 149, търн'с 148, търгаа 157, штыркоите 124, се църванит 175, цървѣнета 177, цѣркфата 141, църно 125.

-*ар-*, барго -пѣрѹ 152, гармит 164, загарниш 176, скаршена 136, скаршини 161, се скаршил 167.

-ар- | -*бр-* | -*ер-*. дарва -тарꙗ 153, дѣрва тарꙗ 117, дѣрвата 154, дѣрв[и]а -утѣрѣ[и]а 116; фарл'ам -фѣрл[и]ам 132, фарлиш 155; но въ прочихъ примѣрахъ съ -*бр-*: фѣрл'ам -фѣрл[и]ам 136, фѣрлиш 153, 173, фѣрл'ат 157; сфаршил 162, сфѣршениот и сфаршѣната -зѣрѣсѣн[и]от ѡ сѣрѣшата 163; вѣржиш -зѣрѣс[и]оз 174, извѣржиш -изѣрѣс[и]оз 175, вѣрзен 157; вѣршиш 164; даржит 124, даржиш 158, дѣржиш 135, дѣржиме 181, тѣрпам 140.

Въ одномъ случаѣ Диадаскалія представляетъ -ор-: тѣтфортох- чѣтфорток 127. Такъ же передается „четвергъ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ, напр., въ охридскомъ (Сбм. XVIII, 532 и-четворти), въ Тетовѣ (Отчетъ 7). Это -ор- вм. -*бр-* нельзя объяснить зависимостью отъ предшествующаго губного согласнаго: -*бр-* не замѣнено посредствомъ -ор- въ другихъ случаяхъ послѣ губного согл. или даже между губными согласными (пѣрв-а, върф...). -ор- въ четфорток, четфорти появилось не фонетически, а перенесено отъ сочетаній четфорца...

Судьба прежняго I между согласными въ болгарскомъ говорѣ Диадаскаліи была неодинакова во всѣхъ случаяхъ. Результатъ измѣненія I былъ различенъ въ зависимости,

главнымъ образомъ, отъ окружающихъ согласныхъ, а затѣмъ, можетъ быть, и отъ вліянія со стороны. Одна изъ замѣнъ !. въ Дидаскалии—сочетаніе, подобное замѣнѣ -ѣ- ѿ-. Это сочетаніе передается посредствомъ -ѣл- или -ѣл-: кѣлааетъ 172, галташъ 169, дѣлга [кбушул'а] 152, йсталчишъ 170.

Въ Дидаскалии сочетаніе -ѣл- (-ѣл-) находится въ двухъ примѣрахъ и послѣ губ. согласнаго: *μπαλл!* -бѣл'и (=блохи, л' вм. І) изъ Ich' 157; *ζαλуа* -вѣлна 119. Въ другихъ примѣрахъ послѣ губного согл. употреблено -ол- (-ол-): [побяс] пѣлнен -рѣлуеу 156, вѣлкот 118, вѣлците 168, яблока 138, яблок'и 134, пѣлна 117, 130; пѣлнит 176.

При выясненіи сочетанія -ол- естественно возникаетъ вопросъ, не отражается ли въ этихъ написаніяхъ съ -ол- пліяніе рус.-церковно-славянскихъ сочетаній съ -ол-. Сомнѣніе въ точности отраженія живого говора Дидаскалии въ этихъ написаніяхъ съ -ол- усиливается вышеуказанными словами съ -ѣл- послѣ губныхъ, въ особенности первымъ словомъ *μπαлл!*, которому не было соответствующаго слова съ -ол- въ рус.-церк.-славянскомъ. Но тѣмъ не менѣе и въ написаніяхъ съ -ол- слѣдуетъ видѣть отраженіе живого говора, а не одной орѳографической манеры. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи, напр., въ кичевскомъ, дебърскихъ при -ѣл- употребляется и -ол- (ср. ниже). А относительно *μπαлл!* замѣтимъ, что при этомъ словѣ находится и глосса: *μπόлхητε*: тѣ че імаце *μπόлхηтe* *μπалл!*; 'Риф.: *υά μή єχωμεν* *φύλλον*; Влѣх.: *σε υοῦ ἀβέρμου πούριτζι*, 'Лѣз.: *χή тѣ μօς κχεμη πλέστა*.- Какъ видно, Всилу имѣеть два слова для названія „блохъ“. На основаніи того, что *μπόлхηтe* поставлено сначала, а за нимъ *μπалл!*, еще нельзя съ уверенностью считать первое заноснымъ, а второе, какъ толкованіе первого, свойственнымъ живому говору Дидаскалии. Употреблять рядомъ два слова, отличающіяся лишь діалектическими особенностями въ звуковыхъ явленіяхъ, было въ ходу у болгарскихъ книжниковъ. Къ такому пріему для лучшаго вразумленія читателей нерѣдко прибѣгалъ, напр., х. Йоакимъ Кърчовскій въ своихъ писаніяхъ. Определеннаго же порядка въ расположениіи этихъ словъ не наблюдается. Иное вызываетъ на подозрѣніе въ исконности для болгарского говора Дидаскалии сочетанія *μπόлхηтe*—согласный къ вм. х.

Третьимъ видомъ замѣны I является ь, именно въ словѣ—съище[то]—зѣутѣтъ 116, 147, 148.

Съ гласнымъ ь это слово широко распространено въ Македоніи (см. ниже).

Наконецъ, вм. I находится у, въ словѣ—чун—чоуу 136. То же и въ нѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ, напр., охридскомъ, при -ол- въ другихъ случаяхъ (Изв. на сем. III, 238).

Въ измѣненіи праславянскихъ сочетаній tъ(y)t, tъ(y)lt и tгъ(y)t, tъ(y)t южно-славянскіе языки въ отдѣльной своей жизни достигли стадіи tт, tlt. По діалектамъ происходили дальнѣйшія измѣненія, характеризующіяся стремленіемъ къ развитію гласнаго элемента при плавномъ и утратѣ послѣднімъ свойства слогообразующаго звука.

Нѣкоторые македонскіе говоры до сихъ поръ сохра-няютъ слоговые т, л. Но образованіе ь, какъ вѣрно замѣчено В. Облакомъ, не тожественно съ образованіемъ сербскихъ или чешскихъ ѣ. Македонское ь отличается меньшей энергіей въ артикуляціи, меньшимъ количествомъ вибрацій и произносится при большемъ растворѣ губъ по сравненію съ образованіемъ сербскаго ѣ (Сбм. XI, 567; Arch. XVII, 437; Mac. St. 41). При такомъ образованіи ь легко можетъ развиться гласный переходный элементъ, что дѣйствительно и наблю-дается въ македонскихъ говорахъ: ѣ.

Почти во всѣхъ македонскихъ говорахъ, въ которыхъ находятся tт, tlt, имѣются и результаты дальнѣйшихъ измѣненій ь, ѣ. Въ особенности это происходило съ ѣ: во многихъ говорахъ при существованіи ь отсутствуетъ ѣ: оно замѣнилось посредствомъ 1) о(оц), 2) ъ (и—послѣ губ. с.), 3) іъ.

1) ѣ→ы (или ѣ)→о—оц. То же происходило и въ ко-нечныхъ сочетаніяхъ—тъ), какъ на это было указано раньше. Въ дебѣрскихъ говорахъ ы (если не ѣ) измѣнялось въ ол въ зависимости отъ общей вторичной замѣны гласнаго ь посредствомъ о. Въ другихъ говорахъ ь→о обусловливалось вліяніемъ слѣдующаго плавнаго l.

2) ѣ→ѣ→ь. Ходъ развитія ь вм. I происходилъ такимъ образомъ, что при слабомъ гласномъ приступѣ I вокализо-валось и, уподобившись по качеству предшествующему глас-ному ѣ, оно ассимилировалось съ нимъ въ одинъ гласный ь.

обычного образованія для этого звука. Въ зависимости отъ предшествующаго губн. согласнаго могло развиваться и. Такой переходъ ($\text{f} \rightarrow \text{y}$) вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что и въ другихъ случаяхъ I (бывшее близкимъ къ й) въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ утрачиваетъ типическое образованіе плавнаго и переходитъ въ ю. И въ настоящее время I близко къ ѹ. Замѣчаніе Вейганда о зап. болгарскомъ I примѣнно и къ македонскому I: Die silbigen I sind allemal ѹ, nie mittleres I (Jahresber. XV, 157). Этотъ слоговой плавный имѣетъ слабую артикуляцію плавнаго и легко можетъ замѣниться артикуляціей гласнаго. „Въ дебѣрскомъ діалектѣ я замѣтилъ, говорилъ Облакъ, весьма слабое произношеніе слогообразующаго л; въ нѣкоторыхъ примѣрахъ при обыкновенномъ разговорѣ оно едва слышно“ (Сбм. XI, 574). То же замѣчаетъ и Григоровъ относительно своего родного мало-рѣканского говора (Изв. на сесм. II, 239). Ср. также передачу I въ дебѣрскихъ записяхъ С. Томича: жѣти. Поправка Веселиновича: „жълти“ (Браство, IX—X, 460) не подрываетъ значенія записи Томича.

Нѣтъ достаточнаго основанія полагать, подобно В. Облаку (Сбм. XI, 574), что ѣ получилось черезъ стадію ѹl, по утратѣ плавнаго. Если бы въ говорѣ, знающемъ ѣ вм. I, раньше было сочетаніе ѹl (съ обычнымъ гласнымъ ѣ), то слѣдовало бы ожидать ol (оц), т. е. тотъ же результатъ измѣненія, какой былъ развитъ и конечнымъ тыl. Считать же, что тыlt—тыt произошло раньше, чѣмъ тыl—tol и тыlt—tolt, также не приходится. Единственнымъ основаніемъ для положенія, что въ ѹl произошла утрата I, Облаку служили слова съ двойственной замѣной I: ѣ и ѹl. Единичные примѣры изъ записей имъ отмѣчены для областей Штипа, Тиквеша и Велеса (Сбм. XI, 573.—Изъ какихъ именно записей взяты 4 приведенныхъ имъ примѣра не указано). Не зная, откуда взять примѣръ для Тиквеша (дѣлг'и), нельзя опредѣлить, насколько этотъ примѣръ соответствуетъ говору. Для Штипа Облакъ отмѣчаетъ -сълси-. Но въ описаніи штипскаго говора указано съза. (Сбм. XI, 589, Шандаровъ). Въ Велесѣ несомнѣнно встрѣчаются нерѣдко ѣ и ѹl. Но всѣ же тыlt въ Велесѣ не представляетъ собою сравнительно съ тыl болѣе раннихъ элементовъ, развивавшихся непосредственно изъ тыt. Почему бы этому тыlt не измѣниться въ tol, какъ это имѣло мѣсто въ конечномъ-тыl? Сочетанія съ тыl въ тыt—говорахъ

получились вслѣдствіе контаминаціи двухъ разныхъ замѣнъ тѣт. А эта контаминація могла произойти внутри самихъ тѣт-говоровъ, при существованіи двухъ замѣнъ тѣт: тѣт и тѣтъ. Нельзя отрицать и другой возможности возникновенія: вліяніясосѣднихъ говоровъ, не утратившихъ I въ замѣнѣ тѣт. Такіе говоры подходятъ къ тѣт-говорамъ и съ юга, и съ запада, и съ сѣвера.

Говоры съ тѣт отмѣчены въ разныхъ областяхъ Македоніи: въ дебърскомъ краѣ (Oblak. Mac. St. 40; Изв. на сем. II, 239); въ Охридѣ (о существованіи здѣсь г заявляетъ Облакъ на основаніи собственного наблюденія. Сбм. XI; 569; но болгарскіе описатели охридскаго говора отрицаютъ существованіе г. Сбм. XVIII, 532; Изв. на сем. III, 237: „ясно се слуша еровиять вокаль“).

То же разногласіе и относительно замѣны тѣт въ прилѣпскомъ говорѣ (Облакъ. Сбм. XI, 569. Мирчевъ. Сбм. XX, 6). г отмѣчено затѣмъ въ говорахъ Рѣсена, Битоли, Велеса, Штипа (Сбм. XI, 569), въ солунскихъ говорахъ (Oblak. Mac. St. 39), въ скопскихъ (с. Г. Солне. Минало I 1, 70—71), Полога (с. Челопекъ. Минало I 1), кратовскихъ (Минало I 1, 77; бПсп. XI-XII, 171—174; Сбм. XVIII, 419).

При существованіи въ этихъ говорахъ тѣт, въ немногихъ изъ нихъ произносится тѣт. Послѣднее извѣстно нѣкоторымъ дебърскимъ говорамъ (М. Рѣка: Изв. на сем. II, 239; Oblak. Mac. St. 40), солунскимъ (Oblak. Mac. St. 39) и кратовскимъ (бПсп. XI—XII, 175). Въ прочихъ говорахъ при тѣт находится ои (ои), ь(и), ы и йъ.

ои—въ рѣсенскомъ говорѣ, ои—въ охридскомъ, битольскомъ, прилѣпскомъ, нѣкоторыхъ дебърскихъ, скопскихъ. ои и въ другихъ говорахъ, представляющихъ замѣну тѣт.

тѣт вм. тѣт—это въ говорахъ Велеса, Штипа (здѣсь послѣ губного произносится и), а также Тиквеша (Сбм. XI, 573), Малешова (Новини, 1892, № 48; „Караџић“ II, № 11-12), Піянца (Псп. XII, 120) и сѣв. части Маріова (јабъко, вѣк, съза... с. Витолища. Псп. XLVII, 809; въ прочихъ маріовскихъ говорахъ-ол, какъ въ сосѣднихъ областяхъ прилѣпской и битольской. См. записи въ Сбм. V, 26; XVI—XVII. 286, 286).

йъ—въ Штипѣ (Сбм. IX, зап.), Кратовѣ (Минало I 1, 78; Сбм. IV, 315, XVIII, 419) и въ дольне-положскихъ говорахъ (при тоци).

Природа македонскихъ г, ѣ такова, что при нихъ легко можетъ развиться гласный ѣ, который затѣмъ можетъ стать

слоговыми звукомъ: $\overset{\circ}{\text{r}} \rightarrow \overset{\circ}{\text{r}}$, $\overset{\circ}{\text{l}} \rightarrow \overset{\circ}{\text{l}}$. Такъ это дѣйствительно было во многихъ македонскихъ говорахъ; при этомъ, чаще уграчивалъ слогоное качество l, чѣмъ r (ср. выше). Болѣе послѣдовательно $\overset{\circ}{\text{t}}$, $\overset{\circ}{\text{l}}$ употребляются въ дебърскихъ говорахъ. Но $\overset{\circ}{\text{t}}$ знаютъ сравнительно немногіе говоры. Это сочетаніе находится въ говорахъ костурскихъ (Arch. XV, 42; запись Новаковича; Книжици II, 49; Сбм. VIII, 174), воденскихъ, кукушскихъ (Сбм. XVIII, 450), мегленскихъ (Сбм. IV, 188) и отчасти въ леринскихъ (-полна су жълтици—и др. Сбм. VIII, 174), кичевскихъ (напр. въ с. Ластово: Сбм. XIII, 420; въ с. Цѣрско: Сбм. XIX зап.), порѣчскихъ („Карацић“, III, № 5), г.-положскихъ (Гостиваръ: Книжици, I, 42).

Наиболѣе распространено въ $\overset{\circ}{\text{t}}$ -говорахъ сочетаніе $\overset{\circ}{\text{t}}$. Говоры, знающіе $\overset{\circ}{\text{t}}$ ($\overset{\circ}{\text{t}}$) при $\overset{\circ}{\text{t}}$ — $\overset{\circ}{\text{t}}$ были указаны выше: Рѣсенъ ($\overset{\circ}{\text{t}}$), Охридъ, Битоля, Прилѣпъ, Скопье, Ј. Пологъ ($\overset{\circ}{\text{t}}$). Затѣмъ $\overset{\circ}{\text{t}}$ известно говоромъ леринскимъ, стружскимъ, кичевскимъ, маріовскимъ. Спорадически (послѣ тубного согл.) $\overset{\circ}{\text{t}}$ употребляется и въ другихъ говорахъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ разныхъ македонскихъ говорахъ употребляется $\overset{\circ}{\text{l}}$. Наиболѣе часто $\overset{\circ}{\text{l}}$ въ говорахъ Д. Полога.

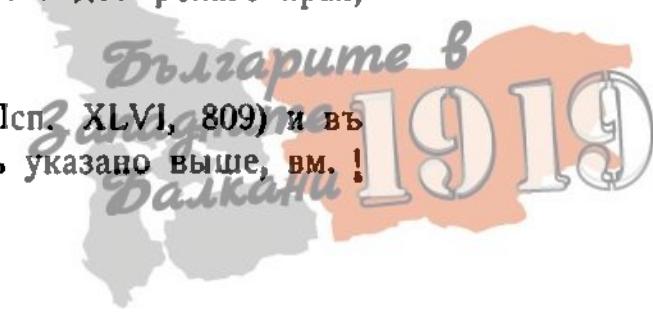
Въ словѣ *-sъnse-* -lъ известно многимъ говорамъ Македоніи. ъ, развившійся за плавнымъ, содѣйствовалъ сохраненію плавнаго l. Если же ъ не слѣдовалъ за плавнымъ, то l уграчивался въ зависимости отъ сосѣднихъ согласныхъ; или же до возникновенія -ы-вм.-]—послѣднее измѣнилось въ ъ. Говорамъ произносятъ *sъnse* и *sonce*. *sъnse*: Костуръ (и *sъnse*. Сбм. VIII, 258), Кукушъ, Воденъ (Сбм. XVIII, 450), Солунская область (Oblak. Mac. St. 39, и *slonce*: Rad. knj, 145, стр. 130), Битоля („Карацић“, II, № 5; Шапк. IX, 301;—въ той же области есть говоры, въ которыхъ произносится *sonce*. Сбм. XV, 26), Струга (Сбм. IV, 155; Миладиновци, 15), Велесъ (Сбм. XI, 576), Штипъ (Сбм. XI, 573), Піянецъ (Псп. XII, 120). *sonce*: Охридъ (Сбм. XVIII, 532), Прилѣпъ (Сбм. XX, 6), Маріово (Сбм. XI, 569), Крушово (Сбм. XV, 163).—При *sъnse* произносится въ однихъ говорахъ $\overset{\circ}{\text{t}}$ въ прочихъ случаяхъ (*sъlza*, *dъlga*: Костуръ, Кукушъ, Воденъ), и $\overset{\circ}{\text{t}}$ въ другихъ (*solza*, *dolga*: Битоля, Струга). При *sonce* употребляется $\overset{\circ}{\text{t}}$: Охридъ, Прилѣпъ, Маріово, Крушово.

Появленіе о въ *sonce* однихъ говоровъ при *sъnse* другихъ находилось въ зависимости отъ того, что въ первой

группъ говоровъ позднѣе утратился плавный I (l) и болѣе сильной была лабіализація гласнаго *v* или *z*, развившаяся въ данномъ сочетаніи (*s'v̄nce*). Утрата *l*, *z*, его ассимиляція съ предшествовавшимъ гласнымъ лабіализованнымъ, получившимъ лабіализацію какъ подъ вліяніемъ *l*, *z* до его утраты, такъ и въ зависимости отъ предшествующаго согласнаго, представлена и въ далекомъ плевенскомъ говорѣ, въ произношеніи П. Цвѣткова, тщательно описанномъ Я. Розавдовскимъ (Rocz. sl. IV). Послѣдній отмѣтилъ сочетаніе *tō"p̄t̄-te* при *тылп̄тэ* (стр. 35; *o*—*o* напряженное, высокое, близкое къ *u*).—

Гласный *v*, образовавшійся при плавномъ, замѣнялся во многихъ македонскихъ говорахъ посредствомъ *o* подъ вліяніемъ слѣдующаго *l*. Независимо же отъ этого вліянія *v*—*o* при *l* и при *r* въ нѣкоторыхъ дебърскихъ говорахъ. Такъ, *tort*, *tolt* известны на югѣ дебърскаго края (въ с. с. Джупы, Поля, Дримкола и Гола-Бѣрда. Сбм. XI, 572. Облакъ. Димитровъ въ Изв. на сем. I, 269, въ его же статьѣ: „Приносъ къмъ бѣлг. рѣчникъ“. Сб. въ честь на Милетичъ). Въ бывшей Рѣканской казѣ, именно въ Малой Рѣкѣ, — *tqt*, *tl* (встрѣчаются и *tyl*, *tolt*. Изв. на сем. II; Браство IX—X). Что же касается области Голѣма Рѣка, то свѣдѣнія о ней весьма скучны, вслѣдствіе малой доступности этого края. Кѣнчовъ въ своей статистикѣ представляетъ этотъ край чисто арнаутскимъ (Кѣнчовъ. Македония. 263—264): арнаутское заселіе вынудило славянъ оставить свои родныя мѣста и искать убѣжища въ другихъ краяхъ Македоніи. Но по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ велесско-дебърскимъ епископомъ преосв. Варнаввой, посѣтившимъ Г. Рѣку, въ нѣкоторыхъ селахъ еще имѣются славянскія семьи. Держалось тамъ славянское населеніе и въ первой половинѣ XIX вѣка. Такъ, изъ с. Нивища происходилъ игуменъ Маркова монастыря св. Дмитрія близъ Скопья о. Герасимъ. Въ Уставѣ Хлуд. собр., № 122, имѣется его запись, сдѣланная въ 1840 г. Запись важна въ томъ отношеніи, что указываетъ на нѣкоторыя черты говора бывшаго славянскаго населенія с. Нивища. Въ этомъ говорѣ, какъ и на югѣ дебърскаго края, было *tort*: *порво*.

!→и. Въ сѣверномъ Маріовѣ (Псп. XLVI, 809) и въ Тиквешѣ (Шапк. 139 I, V—VI, 462), какъ указано выше, вм. !

употребляется ѣ. Тотъ же гласный вм. | слышится и по ту сторону Вардара, въ штипской области. Но здѣсь уже нѣть однообразія въ замѣнѣ |: кромѣ ѣ, извѣстны и и и ї. Можно замѣтить, что употребленіе и въ Штипѣ ограничено случаями послѣ губного согласнаго: буа, вуќ; но--съза, жѣт, гѣтам, прокъне (Сбм. IX, зап.; XI, 589, Шандар.).

ї—въ словѣ dїьg—(dїьk, dїьga).—Въ этомъ словѣ и во многихъ другихъ говорахъ сѣв.-восточной Македоніи и юго-восточной Сербіи также -ї-.

Для штипскаго говора можно полагать, что всѣ замѣны | развились внѣ вліянія со стороны. О возникновеніи ѣ говорилось выше. и, ограниченнѣе случаями съ предшествующимъ губнымъ согласнымъ, возникло естественно подъ вліяніемъ этого согласнаго: губ. с.+ лаб. |+согл.—>губ. с.+ и+согл.—Ср. тѣпїј-те въ плевенскомъ говорѣ Цвѣткова.

Развитіе гласнаго ѣ послѣ / въ сочетаніи dїьg—опять таки могло произойти внутри самого того или иного говора, находясь въ зависимости отъ зубнаго d.

Еще болѣе пеструю картину представляеть Кратовская область¹⁾). На востокѣ и югѣ находятся замѣны, сходныя съ тѣми, какія свойственны сосѣднимъ говорамъ штипскимъ и кочанскимъ. Иное въ сѣверной части. Какъ въ этнографическомъ, такъ и въ діалектическомъ отношеніи говоры этой части кратовской области находятся въ ближайшемъ отно-

1) Въ этнографическомъ отношеніи Кратовская область представляеть 3 группы: 1) населеніе горныхъ мѣстностей, 2) населеніе равнинъ „полей“, 3) населеніе сѣверной части области, до Злетовской рѣки на югѣ. Эти группы отличаются одна отъ другой и въ жизненномъ укладѣ, и въ соматическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ, и въ костюмѣ. Этой группировкѣ соответствуетъ и группировка діалектическая. Говоры гористыхъ мѣстностей находятся въ ближайшемъ отношеніи къ говорамъ сосѣднихъ восточныхъ областей,—къ кюстендилскимъ, кочанскимъ, піянечскимъ. Говоры населенія равнинныхъ мѣстностей близко подходятъ къ овчепольскимъ, а говоры сѣверныхъ кратовскихъ мѣстностей, отъ Злетовской рѣки къ сѣверу, включая и говоръ г. Кратова, имѣютъ много чертъ южно-моравскихъ говоровъ. По этнографіи Кратовской области см. Ст. Симић. Из Кратовске области.—„Срп. книж. Гласник“, № 133. 1906 г. Ј. Хц.-Васиљевић. Јужна Стара Србија. I, стр. 296, 334. Е. Караповъ. Материали по Етнографијатѣ на нѣкон мѣстности въ Сѣверна Македония, които сѫ смежни съ Бѣлгардия и Сѣрбия „Сбм.“ IV, 314—319. Записи говоровъ и замѣчанія о нихъ, сдѣланныя тѣмъ же лицомъ (кратовскимъ уроженцемъ): Сбм. II, 60—64; БПсп. XI—XII, 1876, 169—178. сПсп. V, 116—123. Й. Ивановъ: 2 записи изъ с. Леснова. Миниат. I I, 76—78.

шени къ кумановскому планинскому говору (не польскому и овчепольскому кумановскому). Именно, въ Кратовѣ находятся вм. § слѣдующія замѣны: *и*, *ї*, *ъ—їъ*. *и* (*у*) не только послѣ губныхъ, но и въ другихъ случаяхъ: вук, јабука, жут (Сбм. IV, 315); съ *у* *и—цина—цѣлуєть* (бПсп. XI—XII, 175).

§ послѣ *k* въ словѣ—*kline* (бПсп. XI—XII, 177).

Іъ—въ словахъ *díčg*, *díčen* (Смб. IV, 315; также и въ Лесновѣ. Минало I 1, 78); *глѣтам*, *слѣнце* (Сбм. IV, 315), *слѣза* (сПсп. V, 120), но въ первыхъ двухъ словахъ и *ѣ*: *гѣта*, *сѣнце* (сПсп. V, 120).

Сѣверные кратовскіе говоры отличаются отъ говоровъ юго-восточныхъ (кратовской же области) и штипскихъ болѣе широкимъ употребленіемъ *и* вм. § съ одной стороны и присутствиемъ § послѣ задненебнаго *k*—съ другой.

По замѣнѣ § сѣв.-кратовскіе говоры находятся въ тѣсной связи съ говорами кумановской области. Въ кумановской области (кромѣ кумановскаго Овчаго поля) известно *и* вм. § не только послѣ губныхъ: *vuk*, *run*, *žut* (Хц.-Василь. J. Ст. Срб. I зап.; Книжици I, 41), *se kune* (Карловце. Хц.-Василь. ib. I, 339). Но, какъ и въ Кратовѣ, въ рядѣ случаевъ употребляется *и—ї*: *díčg*, -а, -о; *šíče*, *šínce*, *glětam*, *kíčni* (Хц.-Василь. ib. I, Минало I 1, 75, Книжици I, 41). Въ нѣкоторыхъ планинскихъ салахъ употребляются сочетанія съ *lu*: *slunce*, *sluze* (Хц.-Василь ib. I, 335, 362).

Кумановскіе говоры, кроме овчепольскихъ, стоящихъ ближе къ велесско-скопскимъ говорамъ, имѣютъ замѣны §, общія съ ближайшими къ нимъ говорами скопско-черногорскими и прешевскими: и въ этихъ двухъ группахъ вм. § находятся *и*, *ї*. Ск. Ч. Гора: *jabuka*, *parunilo*; *díčg*, но уже—*dužan*, *sunce*; *lu*: *slunce* (и *sunce* изъ одного села Горняни.—Населья III, зап.); *слунце*, *слuze* (Етн. Зб. VII, 491, 378). Прешево: *običeš*, *runa*, *uisci*; также—*cúnete mi ríku* (Хц.-Василь. ib. II, зап.). *Díčgi Rid* (Хц.-Василь. ib. II, 153), *díčgu* (ib. 300). *lu*: *slunce*, *sluba* (ib. 340, 295, 297). Замѣна § посредствомъ *lu* (въ указанныхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ) свойственна южно-моравской діалектической группѣ и нѣкоторымъ говорамъ Старой Сербіи (Белић. Дијал. 114—116; Broch. Dial. 89; Дијал. Зб. II, 471). Оттуда, изъ южного Поморавья, перешло *lu* и въ прешевско-кумановскую область и въ Скопскую Черную Гору. Но до кратовскихъ говоровъ (насколько позволяютъ судить имѣющимся записи),

Задненебните в
Далкани 1919

slunce, sluze... еще не дошли. Наиболѣс же часто употребляемой замѣнной *l* въ южно-моравскихъ говорахъ является *u*. Вполнѣ вѣроятно будетъ положеніе, что вліянію этихъ говоровъ обязано было и появленіе *u* въ прешевско-кумановскихъ и скоп.-черногорскихъ говорахъ. Изъ этихъ областей, именно изъ кумановской, *u* проникло и въ ближайшіе говоры кратовскіе, въ которыхъ, можетъ быть, уже употреблялось сочетаніе *tut*, развившееся при извѣстныхъ условіяхъ внутри этого говора: послѣ губного согл. Кратовскіе говоры представляютъ и другія черты, заимствованныя отъ южно-моравскихъ говоровъ (черезъ посредство кумановскаго). Такъ, напр., общераспространенная въ южно-моравской области форма прич. прош. муж. ед. на—*ja* извѣстна и прешевско-кумановскимъ и сѣверно-кратовскимъ говорамъ. Но въ послѣднихъ наблюдается еще колебаніе между—*l(-l)* и -*ja*: *vikal* (*vikał*) и *uikaſa*. Ясно, что форма прич. на—*ja* идетъ съ сѣверо-запада. (Въ скопско-черногорскихъ говорахъ это причастіе оканчивается на—*l*). Что касается *lъ*, какъ замѣны *l*, то этимъ сочетаніемъ говоры скоп.-черногорскіе, прешевскіе, кумановскіе и сѣв.-кратовскіе находятся въ ближайшемъ отношеніи къ діалектической группѣ запланьской и лужнической, гдѣ также *l→lъ* (вм. *lъ* извѣстно также *u*).

Въ говорахъ западной Болгаріи, ближайшихъ къ Македоніи, въ замѣнахъ *l* отражаются тѣ же явленія, какія отмѣчены были для сѣверо-восточныхъ македонскихъ говоровъ. 1) *ъ*, 2) *u*, 3) *lъ*. *u* употребляется послѣ губ. согласнаго (ср. штипскіе говоры). *lъ* находится въ словѣ *dъg-* (ср. соответствующее явленіе и въ македонскихъ говорахъ).

Въ восточномъ нарѣчіи представлены въ общемъ сочетанія плавныхъ съ *z*, съ возможной вторичной замѣнной гласнаго *z*. *l* въ этихъ сочетаніяхъ близко подходитъ къ *l*. Въ пирдопскомъ говорѣ постоянно *lъ—mit starkgultigalem l* (Miletić. D. Ostb. 161). Въ одномъ изъ говоровъ Чепинской долины замѣна раянняго *tlt* представлена посредствомъ *tъt*: *vъk*, *dъk*, *dъga*, *kъpa*, *žъto*, *sъnce* (Miletić. D. Rhodopt. 205).

*-iјe(-a).

Результатъ измѣненія въ раннихъ праславянскихъ сочетаніяхъ -iјe(a)¹⁾ былъ неодинаковъ во всѣхъ положеніяхъ.

¹⁾ Оставляемъ не отмѣченнымъ особымъ знакомъ тотъ редуцированный гласный, который развивался въ праславянскомъ языке вм. і передъ i.

Онъ зависѣлъ отъ согласного, который предшествовалъ указанному сочетанію. *-пїе. Послѣ *n* вм. *їе(а.) сохранилось только *e(a)*. Но утрата предшествующихъ элементовъ, именно утрата въ ея послѣдней стадіи [i], не прошла безслѣдно: *j(j)*, ассимилировавшійся съ предшествующимъ ему согласнымъ, измѣнилъ этотъ согласный въ палатальный или палатализованный *n':*nїe(a)→ -n'e(a)*.

тѣрн'е 48, *рѣнен'е* 130, *рѣмнен'я*-
рѣмен'а 157, *хѣрнен'е*- *камин'е* 121; *сѣрнен'е*- *сфин'ите* 167,
ср. и *-пилн'ята*- *пилин'ата* 121.

Посредствомъ *ie-iε*, *ia* послѣ согласныхъ передаются иногда въ Дидаскалии *je(a)-ie(a...)*: *рѣхia* 176, *шѣлн'ю* 181. Но въ передачѣ сочетаній, замѣняющихъ *-пїе, написанія *-уїє-уїє* выражаютъ только *n'e(a)*. Въ рядѣ другихъ примѣровъ вовсе не пишется знака *i*, а ограничивается лишь употребленіемъ *uu*: *пѣч'ухауue* 147, *хѣс'аутіс'еуто*- *казандис'е*-
то 144, *оуд'ирауue* 147, *спѣхууто*- *спан'ето* 158, *сѣрнен'е*-
сирин'е 169 и др.—Двойнымъ *u* (*uu*) или *uu*, *u* передается *n'* и у Каваллюти (*Прѣтѣріа*. Sitzber. Bd. 132), а также въ кодексѣ *Dimonie*, найденному въ Охридѣ (Die Predigt vom
hl. Antonius. „Jahresber. d. Instit. f. rum. Spr. I, 5). *I'* передается посредствомъ *л.l*, *л.l*.—

*-лїе(а). Для замѣны *-їе(а) съ предшествующимъ *l* въ Дидаскалии представлены слѣдующіе примѣры: *зѣлн'ята*-
зѣл'јета или *зѣл'јета* 117, *хрѣлн'ято*- *крил'јето* или *крил'јето* 124. Возможно, что въ этихъ случаяхъ произносились со-
четанія съ *јe*. Написаній съ *-л.l* не имѣется. Прочіе маке-
донскіе говоры при *-n'e* представляютъ *l'c* и *-l'је(a)*. См. ниже.

*-лїе(а), *-дїе(а). *t* и *d* въ замѣнахъ этихъ сочетаній также измѣнялись подъ вліяніемъ *j* по направлению къ ряду палатальныхъ согласныхъ, переходя въ *k'* и *g'* осо-
баго палатального образованія, не ограниченные и отъ *t'*,
d' палатальныхъ, явленіе, известное вообще говорамъ
Македоніи и областей, близайшихъ къ ней. *j(j)* затѣмъ
ассимилировалось съ предшествующимъ палатальнымъ со-
гласнымъ.

сфѣт'ята- *-сфѣт'ата* 117 (Рѣм. тѣ *лослобда*); *проўжн'я*-
-брук'и[-е?] 121 (Рѣм. *харх'я*). Ср. аналогичное *uu* для пе-
редачи *n'*. Употребленіе двухъ *χ* указываетъ именно на осо-
бую мягкость *k* (на его палатальное образованіе): ср. напи-

шіе -*хўжих* -кўж'а 144, 149 съ такимъ именно к'; *зіжжихта* -си]фак'ата, муж. *сжхтот* 160.

от *хўхут* -от лўг'и 132 (Роф. *ձոյ ՁԱՅՐՈՒՈՅՆ*). -- Въ таниомъ случаѣ γ выражаетъ собою не задненебный согласный g, а палatalный звонкій g', соответствующій глухому k' того же мѣста образованія. Самое написаніе этого слова съ γ, а не съ t (для d) и нахожденіе γ передъ знакомъ для гласнаго передняго ряда (η) указываютъ на значеніе γ, какъ палatalнаго согласнаго. -- Ср. значеніе новогреческихъ γ, χ передъ гласными передняго ряда.

*-stjē(a), *-zdiјe(a). При одномъ условіи судьба t, d передъ замѣнѣй ранніго праславянскаго сочетанія -iјe(a) была иная: они утрачивались. Это происходило въ тѣхъ случаяхъ, когда согласнымъ t, d предшествовали s (передъ t) и z (передъ d). j, оказавшись за s (z), не утрачивалось, а сохранялось или замѣнялось иногда послѣ z согласнымъ j.

хрѣзүгъ 131. -γъ можетъ выражать собою g'e (-γъ -обычная передача сочетаній: мягкость. согл. + с). Если γъ передаетъ собою -zg'e, то слѣдовательно, утраты d не происходило: находясь передъ jс, этотъ согласный измѣнялся и послѣ z такъ же, какъ и въ прочихъ положеніяхъ. Но такого хода измѣненія въ сочетаніи *zdiјc македонскіе говоры (за исключеніемъ немногихъ на юго-востокѣ) не представляютъ. γъ находится и въ говорахъ, знающихъ sje вм. -stjē, и въ говорахъ, ещc удерживающихъ -stjē (см. ниже). Кромѣ того, сама Дидаскалия возражаетъ противъ предложеннаго объясненія -сγъ, какъ -zg'e: въ ней находится *լիօւթա*- лісјата 153, -сь утратой t. Посредствомъ же γъ и γъ(γъ) нерѣдко передается въ Дидаскалии сочетаніе je(je), ja(ja): γъմիջըդե- -јемишите 129, γъжъ -јак'и 167, γъժտից -јадиш 170, *զշայխաւ*- се најадает 162, γъժդդ- јадит 168, γъէ- обычная передача дляjet. Такъ передается j и въ *Прототеатріа* и въ кодексѣ *Diphonie*. Такое же значеніе γъ (γъ) имѣютъ и въ современныхъ написаніяхъ: A. Thumb. *Handbuch d. neugr. Volkssprache*. Strassb. 1895. 15. Несомнѣнно, посредствомъ *хрѣзүгъ* передано грозѣ-грозje. Кромѣ того, возможно, что въ говорѣ иногда произносилось и -грозъ'с. γъ'e, zγъ'e вм. je, zje не чуждо македонскимъ говорамъ.

*-ziјe(a). Въ замѣнѣ этого сочетанія также не утрачивался j; *լիօւթа* 130. Значеніе этого написанія -лісја или лізја.

*-губ. согл. *-iје(а). Не утрачивался и послѣ губного согласного, о чёмъ безъ сомнѣнія свидѣтельствуетъ передача слова -*зубопрѣто*- спбпѣто 164. Знакомъ ю передается и ѹ: *хѹј* м. ед., *уїхѹј* м. ед., *ѹїзѹје*- живимс и др. -је находится и въ словѣ -*здраꙗје*- здрѣвје 170. Полагаемъ, что въ томъ и другомъ случаѣ находились одни и тѣ же элементы: -је. Въ прочихъ македонскихъ говорахъ разницы въ этихъ образованіяхъ, которая находилась бы въ зависимости отъ мѣста прежняго ударенія, не наблюдается: всѣ образованія съ предшествующимъ губнымъ передъ окончаніемъ имѣютъ одинаковые звуковые элементы въ послѣднемъ: је (или 'е). Но возможно, что на-ряду съ *спопје* произносилось и *спопије*, а также *здраꙗије*. Съ такими звуковыми элементами это слово отмѣчено мною въ д.-положскихъ говорахъ (Отчетъ 8). Спорадически употребляются сочетанія съ -је и въ другихъ македонскихъ говорахъ; напр. въ Леринѣ: пївието (Шапк. IX, 331) *zdravijе* въ солун. с. Киречк'ой (Rad, knj. 145, стр. 157); то же явленіе зарегистрировано О. Брокомъ въ говорахъ юго-восточной Сербіи (Dial. 31, 278).

смѣд -змїа 173.

*-iје(а) въ македонскихъ говорахъ. -*piје(а). Въ измѣненіи праславянского сочетанія *piје(а) македонскіе говоры пришли къ стадіи п'е(а), общей всѣмъ имъ. *imap'e*, *pasen'e*, *span'e*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, правда, отсутствуетъ мягкость согласного, но зато передъ нимъ произносится ѡ, развившееся, какъ переходный звуковой элементъ отъ гласнаго къ палатальному п. Съ образованіемъ ѡ могло сохраняться и п'. Такъ это ясно обнаруживается въ говорѣ прилѣпскомъ и маріовскомъ. Въ Прилѣпѣ: *dejn'e*, *kamejn'e*, *kojn'i* (Сбм. XX, 16). Маріово: Сбм. XVI—XVII.

Что въ данныхъ случаяхъ появленіе ѡ послѣ гласнаго находится въ зависимости отъ артикуляціи слѣдующаго палатального п (какъ и нѣкоторыхъ другихъ палатальныхъ,— см. ниже), обѣ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе ѡ въ такихъ формахъ, где не было условія для возникновенія п': *den*, *katen*, *no-dejn'e*, *kamejn'e* (Прилѣпъ), образованныя по аналогіи съ формами прежнихъ основъ на й.

Дальнѣйшая судьба п' (а также и нѣкоторыхъ другихъ палатальныхъ, см. ниже) заключалась въ „отвердѣніи” ихъ, что происходило или во всѣхъ положеніяхъ, или только при

и некоторыхъ условіяхъ. Въ Прилѣпѣ јп'→јп въ конечномъ скрытомъ слогѣ: којп, но којп'i, камејп'e... Въ нѣкоторыхъ прилѣпскихъ говорахъ, или, м. б., въ произношениі отдельныхъ лицъ „твердое“ п употребляется и передъ гласными. Въ записяхъ Новаковича (Arch. XII) представлено именно іп'e: имајне, запопуајне... То же явленіе свойственно и маріовскимъ говорамъ: камејн'e и камејне, плачејне и -толчејн'e (с. Дунине. Сбм. XVI—XVII, 287, 289).

Въ другихъ говорахъ обычно уже -глас.+јп.

Костуръ: умрејнето, имајне (с. Бобища. Книжици II, 49, 54), но дејн'e (с. Куманичево. Книжици VIII-X, 210). Кайляръ: шулвајне, л'убејне (с. Палеоръ. Сбм. XVI-XVII, 71). Леринъ: спајне, камејна (Сбм. VIII, 162). Ръсенъ: камејне (Сбм. VI, 230), брајне (Сбм. VIII, 229). *Врѣзатуе-* пишеть ръсенецъ въ 1867 г. („Македонія“ 1867. № 39); но- дејн'a =днемъ (Сбм. VIII, 258). Охридъ: мамејне, гинејне, йграјне, (-,и- е винаги твърдо“. Изв. на сем. III, 244). Воденъ: сидејне, плитејне... (Сбм. XVIII, 447). Гевгели: мажејне (Шапк. IX, 339). Въ кукушскомъ говорѣ отсутствуетъ сочетаніе -јп'e, вм. котораго находится только -пе: ёдине, седине, сирине, плѣтіне, періне... (i-редуциров. i. Сбм. XVIII, 447, 452). Но и этимъ говоромъ были пройдены стадіи -јп'e→јп'e и затѣмъ уже -пе. Отсутствуетъ ѡ перелъ п не во всѣхъ случаяхъ: ср. употребляющеся здѣсь сочетаніе којн. Какъ видно изъ примѣровъ, ѡ отсутствуетъ въ сочетаніяхъ съ гласнымъ і передъ п (i явились вм. неудареннаго, неначальнаго и неконечнаго, e,—явление, свойственное кукушскому говору). Сочетаніе ѡ въ неударенномъ слогѣ перешло въ i, откуда затѣмъ редуцированнос i, какъ и въ другихъ случаяхъ вм. неударнаго i. Формы множ. на -е могли имѣть особое образованіе: основа на твердый согл. +е: ср. тамъ же формы множ.—брата, ливаде...

Говоры, сохраняющіе болѣе старыя сочетанія—п'e безъ предшествующаго ѡ, находятся въ прочихъ областяхъ Македоніи: Битоля, нѣкоторыя мѣстности прилѣпского округа, Кичево, Порѣчье, Крушово, М. Рѣка, Пологъ, Скопье, Кратово, Штипъ, Велесъ, Радовиштъ, Малешово, Солунь—представляютъ -п'e.

Вѣроятно, по говорамъ произошло и въ этихъ областяхъ отвердѣніе п'. п'e и пе мною отмѣчены въ Тетовѣ: напиенс, но—пден'e, избѣвен'e, сирен'e, коштан'e (Отчетъ 8).

*-гје(а). Послѣ плавнаго г македонскіе говоры предстаиваютъ је. Кайляръ: двбрје (Сбм. XVI—XVII, 65). Крушово: перја (Сбм. XV, 162). Битоля: стрѣде двбрје на мраморје кон'с (Сбм. XV, 25, 26). Велесъ: горје (Сбм. X, 38). Тетово: бдрје (Отчетъ 8).

Въ М. Рѣкѣ вм. -тје извѣстно -г'е: бдр'е (Изв. на сем. II, 261). Въ костурскомъ говорѣ отражается измѣненіе -тје въ иномъ направлениіи: морие („Новини“, 1890, № 5).

*лије, -л'је(а), -л'е(а), -ле. zel'јe ·zel'e, -zele.

По аналогіи съ замѣнами на *-ије образовано современное kril'јa, kril'a. Такъ въ Кайлярѣ (Сбм. XVI—XVII, 68). Въ сосѣднемъ костурскомъ говорѣ је и въ формѣ для мн. pol'јe (Книжици II, 54). kril'јa отмѣчено и въ другихъ говорахъ: въ охридскомъ (Шапк. VIII, 50); тамъ же и -kòl'јa (Сбм. XVIII, 533); въ леринскомъ (Шапк. IX, 321), въ кичевскомъ (Сбм. XIX, 108), въ прилѣпскомъ (Сбм. XI, 141, 144; XX, 16). bil'јe, bil'јаго въ Крушовѣ (Сбм. XV, 162).

Въ солунскихъ говорахъ -тје→-г'е; затѣмъ г', старое и новое, замѣнились „среднимъ“ l: pole и зéле—съ измѣненіемъ неуд. e (Oblak. Mac. St. 31).

*-тије(а), *-дије(а). Въ судьбѣ этихъ сочетаній всѣ діалектическія группы Македоніи, кроме немногихъ юго-восточныхъ ся говоровъ, имѣли одинаковое измѣненіе: по утратѣ редуцированного гласнаго, развивались палатальные k, g: brak'a, pruk'e, cvek'e, l'ug'e.

Если и наблюдается діалектическое различіе въ этихъ сочетаніяхъ, то оно касается не самаго хода развитія тје(а), д'је(а), а физіологическаго характера k', g', не во всѣхъ говорахъ одинакового.

*-тије(а)→-т'е(а): солунскіе говоры: svat'e, brat'a (Oblak. Mac. St. 50), lüde (—съ измѣненіемъ неудар. e. ib. 93), но употребляются и braća, svaća (ib. 61). братја: Воденъ (Сбм. XVIII, 459); Гевгели (Шапк. IX, 342). върнуватје: Костуръ (Книж. II, 54).

*-зије. Въ измѣненіи этой звуковой группы македонскіе говоры пришли къ слѣдующимъ результатамъ.

1) *-зије→-зје—зје. Несомнѣнно, въ произношеніи извѣстно не только ѡ, но и ѕ. Сочетаніе съ ѡ мною отмѣчено въ сѣверной Македоніи: лозје (Тетово). Кроме лозје то же лицо произносило и лозѹ'е,—съ палатальнымъ ӯ, явившимся вм. ѕ. То же чередованіе сочетаній съ ѡ и ѕ извѣстно и въ которыемъ другимъ македонскимъ говорамъ. Такъ, для Ра-

такоишта отмѣчено въ сербской записи—лозѣ („Карац.“ III, № 5).— ѡ выражаетъ, по всей вѣроятности, ѿ' или g'.

лозѣ(а)-лозје(а) можно отмѣтить для слѣдующихъ областей: Костура, Охрида (и—лоз'е), Битоли, Маріова, Прилепа, Водена, Велеса, Скопья, Полога.

Нѣкоторые изъ говоровъ указанныхъ областей, развили послѣ гласнаго передъ палатальными (ср. выше), k, g. Но „лоїзе“ въ этихъ областяхъ неизвѣстно.

2) *-ziјe→z'iс→јe. Такой результатъ встрѣчается рѣже по сравненію съ -зијe. -јe извѣстно говорамъ западнаго угла Македоніи, въ Дебърскомъ краѣ (Oblak. Mac. St. 81. Изв. на сем. II, 161; Сбм. XI, 147; Жив. Старина. 1899, 244, 249; у крушовскихъ міяковъ, переселенцевъ изъ дебърскаго края также—лоїзе. Сбм. XVI—XVII, 73). Съ другой стороны,—лоїзе,—лојза—произносится на сѣверѣ Македоніи. Такъ въ Кр.-Р. Паланкѣ (Сбм. IX, 29) и Кратовѣ (Сбм. II, 64). Такъ и въ близкой къ кратовскому говору куманово-прешевской группѣ. Для Куманова: Хџ.-Василь. I, 345, 366. Книжици II, 40 Ср. и название сель: Лојзиште, Лојзанац (Хџ.-Василь. I, 98); также название горной мѣстности Козяка, извѣстное въ отдаленныхъ отъ него кумановскихъ селахъ: Којзак. Жители же Козяка называютъ послѣдній—Козјак. Хџ.-Василь. I, 7. Для Прешева: Хџ.-Василь. II, 289. Ср. название села—Којзи Дол. (ib. 62).

Во всѣхъ этихъ говорахъ, какъ западныхъ, такъ и сѣверныхъ, знающихъ—јe, находится -n'e (не—јne!). Развитіе въ этомъ положеніи ё зависитъ отъ физіологического характера согласнаго z'. Элементъ ё предшествовалъ уже согласному z ранѣе окончательной утраты ё, слѣдовавшаго за z. Ср. дебър. діалектич. loizie. Аналогичное сочетаніе представляеть и штипскій говоръ.

3) *-ziјe→z'e→јe. Воденскіе, кукушскіе, солунскіе, т. е. говоры юго-восточной Македоніи, имѣя рядъ общихъ особенностей, согласуются между собою и въ замѣнѣ—*ziјe: они представляютъ стадію отвердѣнія z и не знаютъ развитія вторичнаго ё: Кук.-Воденъ: лозе (Сбм. XVIII, 447); Солун.: lõze (съ измѣненіемъ неуд. e. Oblak. Mac. St. 31).

* ёјe. 1)—*žiјe→žje: огуžje. 1)—*žiјe—јe: огуže. 1) Охридъ (Изв. на сем. III, 235), Маріово, Велесь (Сбм. XI, 534). 2) Дебърскій край (Сбм. XI, 146; Oblak. Mac. St. 32; извѣстно и—орожје(-јe). Браство IX—X, 395). Прилепъ (Сбм.

XI, 534), Кукушъ (ib.), солунская область (Oblak. Mac. St. 31

-*sije→sje. Данныя имъются для говоровъ кайлярскаго (Сбм. XVI—XVII, 65), охридского (Шапк. VIII, 47), прилѣпскаго (Сбм. XX, 21): класје.

*-stjēc(a). Большое разнообразіе представляютъ македонскіе говоры въ измѣненіи этого сочетанія. Единственно, что общее можно предполагать въ этомъ измѣненіи для македонскихъ говоровъ,—это утрату редуцированного гласнаго, находившагося передъ -je(a). Въ дальнѣйшемъ измѣненія проходили независимо въ отдельныхъ говорахъ и были иногда различны въ ближайшихъ говорахъ. -stjē сохранено въ изолированномъ юго-западномъ корчанскомъ говорѣ с. Бобошицы: листје (Arch. XV, 46). По говорамъ -stjē известно и въ другихъ мѣстностяхъ Македоніи. Такъ, это сочетаніе отмѣчено въ битольской области (Шапк. IX, 306).

Большею же частью въ сочетаніи -stjē(a) утрачивался согласный t. Не слѣдуетъ думать, что эта утрата происходила не фонетически, а подъ вліяніемъ такихъ формъ, гдѣ st, по утратѣ конечнымъ z, ь, оказалось конечнымъ сочетаніемъ,—а въ такомъ случаѣ въ македонскихъ говорахъ t обычно утрачивалось. Но все же эта утрата, хотя и широко распространена въ Македоніи, тѣмъ не менѣе она не является общей для всѣхъ говоровъ. И до послѣдняго времени имѣются говоры, сохраняющіе конечное st или только s!. Къ такимъ говорамъ относятся иѣкоторые въ Дебрѣскомъ краѣ: šesi, čest, přst, list. Но въ тѣхъ же говорахъ—sje вм. stjē: lisje (Oblak. Mac. St. 71—72), Кичево: лисје (Шапк. VIII, 227). Прилѣпъ: лисје (ед.-лис), rácје (ед.-рас), пласје (ед.-плас) Сбм. XX, 21).

Вм. -sje могло развиться -s'e. Такъ, въ М. Рѣкѣ: лис'е (Изв. на сем. II, 249), въ Охридѣ (Изв. на сем. III, 249), въ Малешовѣ (с. Пехчово. „Новини“, 1892, № 48).

Наконецъ, было пережито и такое измѣненіе въ судьбѣ группы *-stjēc: tj-→k', т. е. stjē→sk'e. Таковъ результатъ измѣненія обнаруживается въ леринскомъ говорѣ: лиск'ата (Сбм. VIII, 168). Вѣроятно, и въ другихъ македонскихъ говорахъ известно -sk'e вм. -stjēc. Оно свойственно и говорамъ ю.-западной Болгаріи, ближайшимъ къ македонскимъ: г.-джумайскому и дупническому.

Особое замѣчаніе вызываютъ говоры Кукуша и Водена: тамъ находится группа -stc (Сбм. XVIII, 459). Всѣ относя-

шися сюда примѣры выражаютъ множ. ч. Твердость со-
гласного передъ оконч. -е во мн. ч. наблюдается и въ дру-
гихъ случаяхъ. Возможно, что -госте (ед. гост), глисте (ед.
гист, глис), пѣрсте (ед. пѣрст, пѣрс) и уже несомнѣнно
посте представляютъ иное образованіе, по основамъ на-о
(пѣрсти, пости) съ замѣной окончанія -и окончаніемъ -е,
широко распространеннымъ въ кукушскомъ и воденскомъ
говорахъ. Въ воденскомъ говорѣ еще употребляется и фор-
ма на -и: пости, пѣрсти, глисти. То же явленіе свойственно и
говору Гевгели (Шапк. IX, 340: листето, госте).

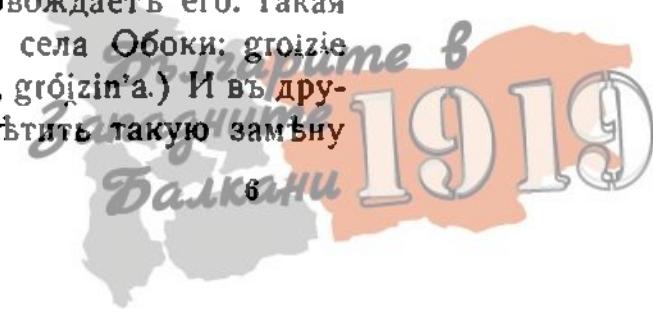
*-zdiјe. Судьба этого сочетанія отличается отъ резуль-
татовъ, достигнутыхъ македонскими говорами въ измѣненіи
-diјe, тѣмъ, что стадія съ невыпавшимъ d известна немно-
гимъ говорамъ на юго-востокѣ. Солун.: grózde (съ измѣненіемъ
неуд. e. Oblak. Mac. St 31). Кукушкіе и воденскіе:
грозде (Сбм. XVIII, 454). Но въ этихъ говорахъ zd сохранилось, вѣроятно, при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ удер-
жало st.

Наиболѣе распространено явленіе утраты d. Онъ отсут-
ствуетъ и въ говорѣ корчанской Бобошицы, где отмѣчено
„листје“: грозје (Arch. XV, 46). Возможно, что звуковые эле-
менты—зје (или-зје) вызваны аналогіей съ словомъ „лозје“.
zic-zje: Корча (с. Бобошица), Битоля (Сбм. XV, 25): лозје
— бело грозје; Велесъ (Сбм. XII, 233); Тетово (Отчетъ 8).

Гл. +z'e→gl.+jze. М. Рѣка (Изв. на сем. II, 101), Кру-
шово (Сбм. XV, 165), Прилѣпъ (Arch. XII, 94). Но прилѣп-
скому известна и параллель къ „лозје“: грозје (Сбм. XX,
Мирч.; XI, 130 и въ др. зап.; въ зап. Новаковича—лозја и
грозје).

На сѣверо-востокѣ, въ Крив.-Р. Паланкѣ (Псп. LXI,
116; Сбм. IX, 29) и въ Кратовѣ, также—грозје (Сбм. IV, 315).
Такъ же въ Кумановской области (Хр.-Василь. I, 343, 347).
Но въ планинскихъ селахъ—grozje, откуда дальше grozle
(Хр.-Василь. I, 335).

j можетъ имѣть неполное образованіе, являясь звукомъ
переходнымъ. Съ другой стороны, такой звукъ не только
предшествуетъ согласному z, но и сопровождаетъ его. Такая
стадія отражается въ говорѣ дебърскаго села Обоки: gtoizje
(Oblak, Mac. St. 70). (Въ М. Рѣкѣ—grojze, grozin'a.) И въ дру-
гихъ македонскихъ говорахъ можно встрѣтить такую замѣну

же. Такъ, въ Штипѣ отмѣчено: гроізіе (Сбм. IX, 191), что м. б., выражаетъ-гроізіе.

Губ. с.+је(а). Сравнительно однообразной представляется судьба*-је послѣ губного согласнаго. Обычно употребляются губ. с.+је. Губной является въ иѣкоторыхъ говорахъ палатализованнымъ, напр. въ Охридѣ (Изв. на сем. III, 246), Тетовѣ (Отчетъ 8), въ Штипѣ (Сбм. X, 141).

здравје [и-здрав'је], нивје [и-нив'је], робје [и-роб'је].

По говорамъ произошла утрата ѡ. Такъ въ кичевскихъ говорахъ (здрав'е), у крушовскихъ міяковъ, въ М. Рѣкѣ: добр'е, нив'е, роб'е, сноб'е, дрв'а (Изв. на сем. III, 261, 283).

Въ кукушскихъ, воденскихъ, солунскихъ говорахъ не только не имѣется ѡ послѣ губного, но отсутствуетъ и мягкость послѣдняго:—ve (Сбм. XVIII, 447. Oblak. Mac. St. 31).

Въ говорахъ западной Болгаріи и восточной Сербіи отражаются въ общемъ тѣ же измѣненія *-је(а), какія отмѣчены для говоровъ Македоніи, въ особенности для восточныхъ и съверо-восточныхъ ея областей.

—и[и]је-ције. Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ говорахъ Македоніи, западной Болгаріи и юго-восточной Сербіи находятся-и[и]је вм.-је,-'е. Въ числѣ формъ съ такимъ окончаніемъ есть несомнѣнныи церковнославянизмы. Напр.: евангелие, распјатие, дијание (Штипъ. Сбм. XI, 587), кръщеніе, погребеніе (Самоковъ. Сбм. X, 159). мученіе (Дупница. Сбм., X, 174).

Виѣ церковнославянскаго вліянія могло развититься је-и[и]је въ сочетаніи -здравие- при обычномъ -здравје-. Возможно появленіе ие вм. и при -је и въ другихъ случаяхъ послѣ губнымъ согл., а также вообще вм. сохранявшагося је послѣ согласнаго. нивието (Леринъ), морие (Костуръ, см. выше), ծвошчије (Бобошица, Корча. Arch. XV, 45). jasiје —(Д. Пологъ. Отчетъ 8, 27; i—редуцированное въ количественномъ отношеніи i).

Въ юго-восточной Сербіи: црвије (Н. Корито, въ тим.-лужн. діалектѣ. Беличъ. Дијал. 324). gоžie на-ряду съ обычнымъ гоžе (Луково. Broch. Dial. 134).

Неударенные гласные.

Достовѣрныхъ примѣровъ, которые бы свидѣтельствовали о фонетическомъ измѣненіи неударенныхъ гласныхъ, *Боїчарика* Дидаскалии не представляется. О написаніяхъ съ *а* вм. *а* сказано было раньше: всѣ они вызываютъ сомнѣніе въ фонетическомъ значеніи *а* вм. *а*. Но если бы, паче чаянія, *а* вм. *а* отражали черту живого говора, измѣненіе *а* по направлению къ *а*, то большинство примѣровъ приходится на неударенное *а*. Примѣръ *тѫарѹ*—*тобъриш* 175 указывалъ бы на такомъ случаѣ на то, что процессъ „неударенное *а*—*о*“ происходилъ послѣ закрѣпленія ударенія на третьемъ слогѣ отъ конца слова. Но примѣръ *уѫгѹ*—*иъјде* 144 (аор. 2 сл.) противорѣчитъ такому относительному опредѣленію времени измѣненія *а*—*о*. Если все же измѣненіе *а* вызвано положеніемъ въ неударенномъ слогѣ, то придется полагать, что этотъ процессъ былъ очень длительнымъ: манера измѣненія неударенного *а* по направлению къ *а* существовала въ говорѣ и до и послѣ закрѣпленія ударенія на третьемъ слогѣ. Сопоставлять *иъјде* съ діалектическимъ македонскимъ измѣненіемъ ударенного *а* въ *о* въ словахъ: *зньм*, *иыич[е]ја* вовсе отказываемся¹⁾.

Въ Дидаскалии имѣется написаніе *упајтсѧ*—бѣхчата 139, но и *пајтса*—бѣхча 137. Возможно, что въ первомъ случаѣ отражается нѣкоторое измѣненіе *а* въ срединѣ слова, въ зависимости отъ предшествующаго согласного *с*, имѣвшаго еще извѣстной степени мягкость (см. ниже). Конечно,

¹⁾ Немногочисленность примѣровъ съ *а* вм. неудар. *а* объяснялась быѣмъ обстоятельствомъ, что ударенное и неударенное *а* не различались рѣзко въ акустическомъ отношеніи; списатель и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ удовольствовался знакомъ *а* для передачи гласнаго элемента *ъ*: ср. въ сочиненіи *-ѡ-* на ряду съ *-ѡ-*. Да и въ записяхъ позднѣйшихъ не всегда выдѣлялось различие въ передачѣ *а* и „редуцированнаго“ (не въ сильной степени) *а*. Такъ, напр., въ охридскомъ говорѣ „редукція“ неударенного *а* несомнѣнна. О ней говорятъ Н. Симяновъ (Сбм. XI, 582—585), Е. Сирестранова (Сбм. XVIII, 527), М. Якупова (Изв. на сем. III, 233—235). Въ записяхъ же охридскаго говора такое „редуцированное“ *а* рѣдко передается особымъ знакомъ. Такъ у Шапкарева (Сбор. VIII), такъ у самого Е. Сирестранова (Сбм. XVI—XVII). Измѣненіе же неударенного *а* по направлению къ *а* известно, кромѣ охридскаго, кукуйскому, воденскому говорамъ (кромѣ *а* въ конечномъ открытомъ слогѣ. Сбм. XVIII, 431—432), отчасти лѣтопскому (см. ниже въ характеристицѣ долинно-положекихъ говоровъ).

написаніе *e* еще не опредѣляетъ, что результатъ этого измѣненія совпадалъ съ гласнымъ *e*. *упаутѣта* могло передавать *bachčata* говора.

Въ Дидаскалии находится и такое написаніе: *созѣтъара* 157 ('Роф. *ἀπόφε*). Если *a* послѣ *тѣа* не оказалось случайно, подъ вліяніемъ слѣдующаго *-ра*, то и въ этомъ случаѣ отражается *-са-* вм. *-че-* передъ конечнымъ *г* (*večär*, а затѣмъ *večära*)¹⁾.

моукает—мўкает 159 (*ή έγυια*) при—мўкајат—другихъ діалектовъ не представляетъ измѣненія *a* въ *e*: это сочетаніе восходитъ къ тур. *tukajed*. Въ *Кхуониа* *Сх зѣлата* *уптшлзхс* (Солунь. 1851), также—*моукает* и *моукаестхс*. (Перепечатанъ въ Сбм. XV, стр. 378—382). *шѣста* [*хобъла*] 149.—Едва ли въ этомъ написаніи съ *е* отражается соответствующее явленіе говора.

и—о. и вм. *о* въ конечномъ слогѣ употребляется въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ эта замѣна известна и въ про-чихъ македонскихъ говорахъ.

многу 123, 126, 132, 133, 138 и др. Съ у это нарѣчіе произносится во всѣхъ македонскихъ областяхъ.

колку 161, 181. Точно также съ у во всѣхъ говорахъ.

блїзу 159, 168, 175 от(д) далеку 120. И въ этихъ нарѣчіяхъ гласный *у* употребляется почти всѣми македонскими говорами. Но въ Костурѣ—блїзо, такъ же въ солун. с. Киречк'ой; въ Воденѣ—отдалеко. Съ конечнымъ—*у*, кроме указанныхъ нарѣчій, въ Македоніи известны слѣдующія образованія: *мал[к]у*, *оволку*, *онолку*, *[секолку]*, *неколку*; *исту*, *инаку* (и—инако), *гаму*, *ваму*, *[на]околу*, *преку* и исконное *-долу*.

-у вм. *о* въ этихъ нарѣчіяхъ появилось по аналогіи къ нарѣчіямъ на *-у*, напр. *-долу*. Такое объясненіе предложилъ впервые Д. Матовъ (За историята на новобълг. грамматика. 23—24). Такъ же объясняютъ эти нарѣчія В. Облакъ (Мас. St. 32) и Б. Цоневъ (Спис. на Бълг. Академия на наук. I 1, 128).

1) Въ кукушскомъ и воденскомъ говорахъ въ рядѣ суффиксальныхъ элементовъ находится вм. неудареннаго *e*: *пърстън*, *придѣтъл*; также—*вѣнър* (Сбм. XVIII, 435). Если бы эти говоры пережили вторичное измѣненіе *е* въ *a*, то въ нихъ было бы—*вѣчар*. Отожествлять *жѣтъара* Дидаскалии съ *хѣст* вм. **вѣсты* мы не можемъ, не имѣя никакихъ указаній на такое измѣненіе неудар. *e*.

По говорамъ эта аналогія охватила и другія нарѣчія из -о, напр., толку, туку, бъргу и др.

Наиболѣе распространено -толку, току-туку, хотя и не ювсемѣстно въ Македонії: есть говоры, знающіе -токо, па-ряду съ -толку. Изъ такихъ говоровъ укажемъ на тебърскіе. Здѣсь наблюдается колебаніе въ окончаніи и для другихъ нарѣчій: -у еще не обобщено въ качествѣ окончанія для указанныхъ выше нарѣчій: тѣко (Сбм. XI, 145; Браство IX—Х, 378, 486. Жив. Старина, 1899, I, 119). и -тол'ку (Изв. на сем. II, 276), много и -многу (Браство, IX—Х зап.), толку и неколко (ib.), малко и -малу (Браство IX—Х, Изв. на сем. II), йнаку (Изв. на сем. II, 276; Сбм. XI, 150).

Такое же колебаніе въ брго: брго, побрго (Изв. на сем. II, 276; Сбм. XI, 148), побргу (Браство IX—Х, 387).

„бърго“ съ гласнымъ -о употребляется и въ говорахъ восточнѣе Дебърскаго края: въ Кичевѣ („Новини“, III, № 40), ч. Прилѣпѣ (Сбм. XI, 130; XVI—XVII, 281, XX, 31), въ Крушовѣ (Сбм. XVI—XVII, 74). Въ письмѣ изъ Крушова 1637 г. побръго (Минало I 3, 293). На югѣ, въ Костурѣ (Книжици II, 52), въ Рѣсенѣ (Псп. XLI—XLII, 887), въ Стругѣ—бъргозбрѣшица=сплетница (Миладин. 16), но—бъргу (Шапк. IX, 486). Въ другихъ говорахъ—бъргу. Охридѣ (Сбм. XVIII, 543, Изв. на сем. III, 254), Велесъ (Сбм. VIII, 180). На съверѣ, въ Скопской области, также—бъргу (Сбм. XI, 110, 111). Но въ Ск. Черной Горѣ—брго (Етн. Зб. VII, 500). Такъ же далѣе къ съверу, въ Кумановѣ, Прешевѣ,—брго (Хц.-Василь. I, 342; II, 296).

Иногда перевѣсь брали нарѣчія на -о и вытѣсняли даже исконное образованіе на -у. Такъ, въ Охридѣ известно нарѣчіе -здѣло-, предполагающее -доло (Сбм. XVIII, 543).

Дидаскалія представляетъ, какъ отмѣчено выше, рядъ примѣровъ нарѣчій на -у вм. о. Несомнѣнно, были известны ея говору и другія нарѣчія на -у.

Что же касается -бърго- и -доло-, то *Војнѫарика* относится къ тѣмъ македонскимъ говорамъ, въ которыхъ эти нарѣчія имѣютъ гласный -о: барго—бърго 152, доло 175.

-о и въ нарѣчіи -тѣко -тѣхѡ 119, 134. Но въ томъ же говорѣ это нарѣчіе произносилось и съ -у: току -тѣхѹ 120, 122, 123.

ušće-ušte.

Въ одномъ сочетаніи в с ъ македонскіе говоры, кромъ окраинныхъ на югъ, востокъ и съверъ, имѣютъ и вм. о. Это въ нарѣчіи ušće-ušte. Эти сочетанія можно указать для всѣхъ говоровъ Македоніи. ušte-oјstѣ и въ Дидаскаліи (131). Изрѣдка въ говорѣ или въ произношениі одного и того же лица передъ и находится ј, какъ и въ другихъ словахъ, часто какъ результатъ sandhi. Такъ въ Кахохъде *ж*а зѣлата утїшлажо!, съ чертами говоровъ западно-битольскихъ, при обычномъ oјstѣ употреблено разъ и iојstѣ (Сбм. XV, 381). Для крушовскаго (неміяцкаго) говора можно указать примѣръ съ -и- уже въ началѣ 17 в.: уще въ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 293).

Въ западныхъ и съверныхъ предѣлахъ Македоніи въ Дебърѣ, въ Д. Пологѣ, Скопье, Велесѣ—ušće, ušte. Но въ другихъ пограничныхъ областяхъ, на югъ, юго-востокъ, востокъ и съверо-востокъ это нарѣчіе известно съ гласнымъ о въ начальномъ слогѣ. Именно ošće-ošte: Костуръ (Книжици II, 51), Леринъ (с. Церово. Сбм. VIII, 161—162; въ с. Екши-су—ушче: Шапк. IX, 317), Воденъ (Сбм. II, 187), Солунъ (Oblak. Mac. St. 33. Книжици II, 42 Rad, knj. 145, стр. 126), Струмица (oшte и oјstѣ. „Македонія“, III, № 31), Мегленъ (Сбм. III, 190), Радовишъ („Караџ.“ III, № 5), Штипъ (Книжици III, 57), Кратово (с. Лесново. Минало I 1, 78).

ošte также въ западной и восточной Болгаріи.

На съверо-востокѣ отражаются уже иные элементы об-разованія этого нарѣчія: съ начальнымъ ј(j): jošte, još. Такъ, въ г. Кратовѣ -jošte, još (Сбм. IV, 315; Псп. V, 116. Ср. только что отмѣченное ošte для Леснова: и въ этой детали отражаются черты разныхъ діалектическихъ группъ, къ которымъ принадлежать лесновскій говоръ съ одной стороны и кратовскій — съ другой). jošte произносится и въ Скопской Черной Горѣ. Такъ говорили здѣсь и въ началѣ прошлаго вѣка: йоше единъ путь—слова старухи изъ с. Кучевишты, матери митроп. Наѳанаила (Жизнеописание Митроп. Охридско-Пловдивскаго Натанаила. Сбм. XXV, 12). Разумѣется, и въ кумановско-прешевской области это нарѣчіе произносится съ j(i): jošte, još (Хц.-Василь. I, II; Книжици I, 46). Зашло jo- и въ нѣкоторыя съверно-положскія села, где jošte употребляется на-ряду съ ušte, jušte (Отчетъ 23).

Въ съверо-западной Болгаріи это нарѣчіе имѣеть видъ
— се, юѣ.

Типичное македонское сочетаніе *и:šče-i:še* предполагаетъ предшествующую стадію съ сильно лабіализованнымъ о. Та стадія, можетъ быть, представлена болгурскимъ говорами, въ отмѣчено "бѣте, "бѣссе (Obłak. Mac. St. 33). Сильная лабіализація начального о—это слѣдъ того давняго согласного элемента (h), который, по предположенію Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова (Очеркъ древн. периода, §§ 57, 98), находился передъ начальными гласными въ нѣкоторыхъ словахъ. Въ той ранней южно-славянской группѣ, которая легла въ основу македонскихъ діалектовъ, этотъ согласный элементъ или слѣдъ его въ видѣ придыхательного приступа держался толѣе, чѣмъ въ группѣ, находившейся далѣе къ востоку. По вліяніемъ одного придыхательного приступа дѣло по измѣненію о—“о—и, повидимому, исограничивалось. “и или придыхательный элементъ предполагается и для од[ъ]ва-сочетанія, извѣстнаго многимъ македонскимъ и болгарскимъ говорамъ. Изъ македонскихъ говоровъ одꙗи знаютъ, напр., говоры кичевскій (Сбм. XIX зап. „Новини“ III, № 40), скридскій (Сбм. XVIII, 530), прилѣпскій (Сбм. XI, 129; XX, 31) и др.. одꙗи-ѣтѣ и въ Дидаскалии. По говорамъ употребляется edvaj, напр., въ м.-рѣканскомъ (Изв. на сем. II, 276), въ штилскомъ (Сбм. XI, 160). Однако нѣтъ ни одного говора, въ которомъ было бы сочетаніе съ начальнымъ и-:udva. Повидимому, на переходъ о въ и въ сочетаніи “оѣссе вліялъ и слѣдующій согласный ѿ, произносившійся въ этихъ говорахъ съ значительно развитой артикуляціей губъ, ихъ окруженнемъ (ср. ниже, въ характеристицѣ д.-положскихъ говоровъ, замѣчанія о вліяній ѿ(ѣ) на ѿ—о: дѹи при ѿ—ѹ въ другихъ случаяхъ. Ср. также dušt въ верхней части г. Кюстендила. Jahresber. d. Inst. f. rum. Spr. XV, 165).

dúri-тѹрт 130, 131 (2 р.), 137, 181.—Въ письмѣ крушованина 1637 г. также *duri* (Минало I 3, 293).

И современные говоры Македоніи, почти всѣ, знаютъ *duri*. Только въ восточныхъ областяхъ ея, какъ и въ събднихъ юго-западной Болгаріи, встрѣчается *dor[i]*. Такъ въ Радовиштѣ („Карац.“ III, № 5); такъ въ Струмицѣ (дорт. „Македонія“, III, № 3) *dor* и *dur* въ Кюстендилѣ (Сб. Люснова. 50. Сбм. X, 359).

4-й. Нарѣчіе иношне передано въ одномъ случаѣ по-средствомъ *мѣсунѣ*: *пѣхт мѣсунѣ оѣцтво* 122—123.—Фонетического значенія для болгарского говора Дидаскалии это написаніе не имѣеть. Въ 1-мъ изд. Дидаскалии смѣщеніе *з* и *ч* наблюдается и въ другихъ случаяхъ: *v legdlien*, *b te*, *kr staetzi*, *pr lita* и др. См. выше объ изд. Лика.

Изъ предложенного краткаго обозрѣнія явлений, связанныхъ съ измѣненіемъ гласныхъ *a*, *o*, *e*, видно, что это измѣненіе было или фонетическое или по аналогіи. Послѣдняго вида измѣненіе гласнаго относится къ о-и въ нарѣчіяхъ. Фонетическія измѣненія происходили въ зависимости или отъ соѣдникъ артикуляцій или отъ неудареннаго положенія гласнаго. Измѣненіе неударенныхъ гласныхъ происходило въ немногихъ македонскихъ говорахъ и не повсюду и не во всѣхъ слогахъ охватывало гласные *a*, *o*, *e*. Измѣненіе *a*- \rightarrow *ə* знаютъ говоры Охрида и отчасти Тетова. Измѣненіе *a*- \rightarrow *ɔ*, *o*- \rightarrow *u*, *e*- \rightarrow *i* представляютъ говоры Водена—Кукуша. Говоры областей, подходящихъ къ Водену и Кукушу съ юга, и съвера, также представляютъ результаты измѣненія неударенныхъ гласныхъ: *e*- \rightarrow *i*, *o*- \rightarrow *u*. Это говоры областей Кайляра, Лерина, Меглена, Гевгели, Дойрана, Солуни.—Записи и описанія ¹⁾). Эти юго-восточные македонскіе говоры имѣютъ и другія общія черты.

*६.

Въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. † Всѧ́ръха Дидаскаліи имѣеть *e*. Тотъ же гласный находится и послѣ *ц*: цел-*цъхъ* 171, цѣла 144.

е—единственная замѣна *ё въ македонскихъ говорахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ согласный является мягкимъ передъ этимъ e: *d'elime*, *gazd'él'at*, *subl'ékal si alíščata*; *vr'eme*, *čov'ek*, *n'eščo*. Леринъ (Сбм. VIII 173, 204, 205). Только въ восточной полосѣ Македоніи находятся говоры, имѣющіе а вм. *ё послѣ ц: цал, цана. Это говоры въ областяхъ отъ Водена (Сбм. II, 188) къ Штипу (Сбм. X, 140). Въ ближайшихъ говорахъ западной Болгаріи отражается то же явленіе въ измѣненіи *сѣ: въ говорахъ Г. Джумай (Сбм. XX, 6), Кюстендила (Сбм. X, 355), Дупницы (Сбм. X, 173, 185), Само-

1) Указанный на а \rightarrow въ этихъ записяхъ не путься.

това (Сбм. X, 147), Разлога, Брезника, Врацы, Софія (В. Н. Щепкинъ. Бол. Пс. 190). Это ца вм. цъ датируется среднеболгарскими памятниками XIII в. Такъ, въ Добрѣйшовомъ Ев. находится 4 случая съ цал-вм. цѣл-: цалоаха, ик цалоуите...; одинъ разъ цана (Добрѣйш. Ев. 36). Достовѣрныхъ примѣровъ замѣны ꙗ посредствомъ є въ этомъ памятнике не имѣется: ꙗ, не находясь за ю, сохраняло еще образование,лизкое къ ё. Того же въ общемъ образованія былъ этотъ гласный во всѣхъ положеніяхъ въ южныхъ и центральныхъ говорахъ Македоніи XII-го и первой половины XIII в. Совпаденіе замѣны * є съ гласнымъ є наступило нѣсколько позднѣ (В. Н. Щепкинъ. Бол. Пс. 190—191; С. М. Кульбакинъ. Охрид. рукоп. С-Cl; Г. А. Ильинский. Грамоты 69—70).

j - i.

На основаніи написаній Диадаскалии, какъ и современныхъ изданій, трудно опредѣлить, какой звукъ произносился, ѡ или ѯ, въ томъ или иномъ случаѣ, въ которомъ можно полагать его существование. Болѣе надежныя указанія имѣются для начального слога. Въ этомъ положеніи въ нѣко торыхъ словахъ произносился ѡ передъ гласнымъ. Конечно, въ тѣхъ же словахъ ѡ могъ чередоваться съ ѹ. Такъ обстоитъ дѣло во всѣхъ македонскихъ говорахъ. Въ болгарскомъ говорѣ Диадаскалии начальный ѡ находился въ ѿд-, ѿк-, ѿети и въ формѣ наст. 3 ед. ѿт. На присутствіе въ этихъ сочетаніяхъ ѡ или звука, близкаго къ ѹ, указываетъ передача этихъ сочетаній съ начальнымъ ѿ-. 1) ꙗ [гл. 186] ѿд-ти—и и [вин. мн.] ѿдит 186; та ꙗд-ти—да ѿдиш 170; зѹа ꙗд-ти—се наїдаает 162. 2) ꙗд-ти ѿз—ѿа ꙗд-ти—жилите се ѿак'и 167, 3) ꙗд-ти ѿз—ѿа ꙗд-ти—годинାа ѿемишите 129.

Часто встрѣчающаяся форма для ѿет передана посредствомъ ѿ-йт 117 слѣд. Кромѣ того, по одному разу 1) ѿ-и 2) ѿ-т: 1) кбга джиг'ерот ѿе (или ѿе) здрѣво 167; 2) и кбга ѿт (или ѿет) замразен мѣстото 174. Подобное колебаніе въ употребленіи ѡ или его утраты извѣстны всѣмъ македонскимъ говорамъ.

Несмотря на передачу посредствомъ ѿ—ѿа, все же невозможно съ увѣренностью утверждать присутствіе въ этихъ сочетаніяхъ ѿ (а не ѿ) передъ е и а. Образованіе ѿ, ѿ вообще таково, что затруднительно бываетъ иногда опре-

Задокументе въ
Балканы 1919

дѣлить, какому звуку ближе соответствуетъ образованіе ј или ѹ. Лишь въ немногихъ случаяхъ, благодаря нѣкоторымъ сопутствующимъ явленіямъ, можно констатировать тотъ или иной звукъ.

Для передачи корневого сочетанія *jad-* Дидаскалія употребляетъ не только *χάτ-*, но и *χάτ-*. О звуковомъ значеніи *χάт-* или *χάт-* въ подобныхъ случаяхъ приходится сказать то же, что и о значеніи *χάт-*—*χάт-*: и *χάт-*—*χάт-* передаютъ ја--је или же ја—је. Несомнѣнно лишь одно: передъ начальнымъ *a* и *e* въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ слышался, по крайней мѣрѣ, ј, если не ѹ. Вѣроятно, ближе къ ј этотъ звукъ былъ въ ударенномъ слогѣ.

τὰ χάτητ—да не јадит 133; *τὰ τίτατε—ла* и јадает 133; *ζετήσετ—се* јадат 118; *ζὰ τὰ χάτητ—за* да јадиш 178.

Какъ видно, положеніе ј, ѹ въ формахъ съ корневымъ *jad-* относительно предшествующихъ звуковъ одинаково съ тѣмъ, какое находится въ случаяхъ, гдѣ *jad-* передано посредствомъ *χάт-*.

ιάτηχ—јајца 121 (въ этомъ случаѣ и въ другихъ ему подобныхъ пишемъ ј условно), *ιχγατήχτα—јагънцата* 119, *ιχρήσεхта—јартишата* 119, *ιχε—јас* 158, *ιάτηх—јасника* 117, *ιάποхх—хη—јаболка,-ки* 138, 134, *ιέρεπήτηхта—јеребицата* 123, *ιχγούхт—хе—јагулите* 116¹⁾.

Во всѣхъ вышеуказанныхъ словахъ передъ начальнымъ *e* и *a* произносился ј или ѹ. Лишь форма З ед. для глагола „быть“ передана одинъ разъ посредствомъ єт 174. Въ этой передачѣ отражается несомнѣнно фактъ живого говора: ет, а не јет. Но многочисленные примѣры єт свидѣтельствуютъ, что обычно въ говорѣ было јет (вѣроятнѣе полагать въ данномъ случаѣ ј, а не ј). Въ памятникѣ позднемъ, по языку близкомъ къ Диадаскалии,—въ *Κακουχες Σα ρεκατα ρπωλεхοι,* — эта форма передается посредствомъ єт, ѹ и єт. (Сбм. XV, 379, 380).

Въ написаніяхъ єтез, єтух, єтуѡ, єтуη, а также єзрата (116) вовсе нѣть ни ј-, ни ѹ-, передъ є-. Для eden и т. д. можно съ большой увѣренностью сказать, что въ говорѣ

1) *Anquilla vulgaris.*—Такъ на юго-западѣ, въ Рѣсенѣ, Охридѣ, Стругѣ. Въ костурскомъ с. Бобища—енгу.г'a. Въ Воденѣ, Гевгели, Енишче—ангула. Въ с. Сухо—акел'. См. Книжци IV—VII, 286—287.

и слова начинались съ *e*. Частое употребление *есту... есту...* и ни одного съ *јет...* говоритъ за это. Въ пользу того же положенія свидѣтельствуютъ и данныя современныхъ македонскихъ говоровъ, знающихъ *ед-* (*eden...*). Въ записяхъ, описанихъ, наблюденіяхъ представлено именно *ед-*. Можетъ быть изрѣдка, при благопріятныхъ условіяхъ (послѣ гласнаго *i*) встрѣчается и *jeden...*

Нельзя съ увѣренностью сказать, всегда ли произносилось въ говорѣ Диадакаліи *ézero-ezéata* съ начальнымъ *e*, а не *јe*. Единственный примѣръ употребленія этого слова удерживаетъ отъ опредѣленного заключенія. Въ говорахъ Македоніи *ezero* употребляется, кажется, чаще съ *e*.

Въ Диадакаліи находится заимствованное турецкое слово *jogan*. Съ *j* (*i*) оно передано въ аромунской и албанской параллеляхъ: *յօրց|gjáñao* (аром.), *յօրցáua* (*jorgána*—алб.). Но *Ворјáрахъ*, имѣеть *брюховт* (155). Отсутствіе *j* обязано предшествующему гласному *i* (союзъ): *ї брюховт* *съѣт*. Возможно, что это заимствованное слово произносилось послѣ гласнаго *i* не съ *j*, а съ *l*, близко прымыкашимъ къ артикуляціи предшествующаго гласнаго.

j-i между гласными.

Употребленіе *j-i* между гласными представлено слѣдующими словами: *пáиховт* 125, *пóихъ* 156; *бáиа* 152, *бóиа* 136, *хрáист-хрáист* 136, 137, *тхáист* 145, *этóиаest* 125, *тáиа* 136 *хрóест-* да се гбует 162; въ формахъ мѣстоименій: *тáиа* 148, *сфóиа* 136, 144, *сфáиа* 154, 155.

Если писавшій болгарскую параллель, ставя знакъ — руководствовался произношеніемъ и выражалъ слогодѣленіе, то *бóиа*, *хрáист*, *хрóест* могли выражать *bi-j-am*, *kra-i-st*, *boi-i-est*. Въ прочихъ случаяхъ слогодѣленіе было съ отнесениемъ *j* къ слѣдующему гласному: *ró-jas* (или *ro1-jas*)... Въ нижеслѣдующихъ словахъ между гласнымъ *i* и слѣдующимъ гласнымъ, можетъ быть, произносился гласный *j-i*. Возможны и сочетанія безъ этого элемента (*ia*, *ie*, *ii*). Тѣ и другія сочетанія извѣстны каждому македонскому говору.

'rakhia 135, 176; *чукдá-* г'еміа 136; *схáти-* скáпиа 130; *шмá-* зміа 173; *приатéлките* 136, 177; *Чхáетуте-* зиафетите 135; *сеэтóриа-* се стбриа 118; *харамíтэ-* хараміите 145 (2 р.); *сéлзвia-* сёльниа 117; *тýе-тýе-тýе* 122 и др.; *брóе-* бвие 118 и др. *упíеzz-* бйеш 143, *ссíеzz-* шиеш 127 и др. образованія съ *и-e*.

Записки изъ похода въ Балканы 1919

-и^т въ членной форме муж ед. прилагательныхъ и мѣстоименій: *ч(=г)брют*, *ч(=д)брют* 150, *чамът* 155, *сфарззѣют* 163, *п(=б)брют* 133, *чт(=д)брют* 137, *хѣззѣт* 150; *срѣт* *чѣззѣт* 127.

Во всѣхъ этихъ написаніяхъ, кромѣ *хѣззѣт*, -тъ передаетъ -j-от говора. Кромѣ того, что въ этихъ написаніяхъ отсутствуетъ знакъ - и ю, ср. и мѣсто ударенія въ примѣрѣ *сфарззѣют*: если бы въ данномъ случаѣ *тът* - ѡт, то скорѣе можно бы ожидать постановку знака ударенія на *зда-*. Членная же форма для *лоѣ* звучала *лоѣт*. На основаніи этого единственного примѣра нельзя утверждать, что *ј* употреблялось и въ другихъ случаяхъ.

Въ битольскомъ *Кхууадѣ* членная форма прилагательныхъ передана также съ окончаніемъ -и^т -и-от: *пѣрѣт* (23), *ѣбѣт* (Сбм. XV, 382).

Въ современныхъ македонскихъ говорахъ членная форма прилаг. и мѣстоим. имѣеть окончаніе -и-о[t] или -и-ѣо[t]. Это обычное окончаніе въ центральныхъ и юго-западныхъ говорахъ. Въ говорахъ юго-восточной области на-ряду съ -и-от находится и -и-от. Напр., въ одномъ и томъ же леринскомъ говорѣ отмѣчено: *слѣпио* и *слѣпjo*, *самъjo* (*самъio*), *постаръjo* и др. (Сбм. VIII, 160, 161); *едѣнъio* *едѣнъjo*; „казва се сжшо: єднио“ (ib. 204, прим.) Въ восточной македонской области употребительна членная форма на -јот. Такой видъ эта форма имѣеть въ говорахъ, находящихся въ областяхъ между Воденъ-Солунъ-Кукушъ на югѣ и Штипъ-Кратово на сѣверѣ: *арнјот*(-ут), *лошјот*, *високјот*, *нашјот*, *първијот*, *п(ф)торјот*...— съ діалектическими особенностями въ отношеніи неудареннаго *o* и окончанія *t* (Сбм. XVIII, 457; Книжици II, 41, 48; III, 57; Псп. V, 117, 121; „Карац“, III, № 5 и др. зап.; ср. также замѣчаніе Матова: „За историята на новобълг. грам.“ 21).

ј-ј послѣ согласныхъ.

Въ замѣнѣ раннихъ праславянскихъ сочетаній-їє(а) представленъ ѡ-ј послѣ *s*, *z*, губныхъ согл. и, м. б., *l*. Примѣры см. выше. Н.-греческому *ἀπὸ ρούράλη* соответствуютъ въ аром. *тѣ[=de] үтоৱালітъ*, алб. *пѣ үтоৱালітъ*, болг. ёт *үпюлітъ*=от *bjulica* (120).

Въ Дидаскалии встрѣчаются такія написанія для перевода въ дачи „1000“ и „2000“: *үйлѣтъ*, ёрѣ *үйлѣтъ* 181. й-хъ можетъ выражать -ї-а- или -ї-ја-. Съ тѣмъ и другимъ сочетаніемъ эти

слова известны македонскимъ говорамъ. ил'ада, (напр., въ с. Църско,—въ зап. илыада¹⁾: Сбм. XIX, 17; въ лерин. с. Екиши-су; въ зап. илыади: Шапк. IX, 317; въ рѣсенскомъ говорѣ: Псп. XZI—XZIII, 881). хил'ада (напр. въ с. Киречк'ой, Книжици II, 43). Въ нѣкоторыхъ говорахъ произносится толгое І': il'l'ada, (напр., въ охридскомъ: Изв. на сем. III, 243; также и въ юго-зап. Болгаріи, въ г.-джумайскомъ говорѣ: Сбм. XX, 23).

Написаніемъ *целосу* 181 передано *тилиун*. Ср. въ м.-рѣканскомъ с. Тресонче: милиун година (Браство IX-X, 389).

i→j.

Заударный гласный i, находясь за гласнымъ, измѣняется въ j. Такъ измѣнялось i, напр., въ формахъ сущ. мн. съ оконч. на -оi изъ оцi. Эта категорія формъ сущ. передана такимъ образомъ: зѣтреѫте 137, стафхѡѫте 124, зѣлкоѫте 143, зѣюѫ 162, хлѣсѡѫ 164, цѣ(=б)рхѣѫте 137, зѣт(-д)ѡѫте тѣбѣ 158, зѡлѡѫте 162. Въ такихъ примѣрахъ, какъ зѣтреѫте, стафхѡѫте и, можетъ б., стафхѡѫте значеніе ȳ—j, то же, что и въ написаніяхъ тѣбѣ м. ед. 155, хѡѫ м. ед. 162 и др. На такое значеніе ȳ указываетъ и мѣсто ударенія, падающее на третій слогъ отъ конца: по утратѣ i гласный i въ этомъ положеніи сталъ неслоговымъ, а удареніе перешло на предшествующій слогъ по общему закону для этого говора,—употреблять удареніе на 3-мъ слогѣ влѣво. Другіе примѣры своимъ удареніемъ указываютъ какъ будто на то, что они произносились съ гласнымъ i. И это вполнѣ возможно, хотя мѣсто ударенія на -o въ этой категоріи именъ и не всегда указываетъ на то, что за o произносится i. Встрѣчаются формы на -бi, безъ переноса ударенія на предшествующій слогъ. Отсутствіе этого переноса могло быть вызвано сочетаніемъ съ слѣдующимъ словомъ (напр. мѣстоименной энклитикой), составляющимъ съ предшествующимъ словомъ одно цѣлое въ акцентномъ отношеніи. Изъ такихъ и имъ подобныхъ сочетаній, широко распространенныхъ въ македонскихъ говорахъ, могли обособиться формы мн. съ удареніемъ на бi.

Если для опредѣленія значенія ёi, какъ бi, мѣсто ударенія и не имѣеть безусловного значенія, то все же возможно полагать, что такое произношеніе окончанія формы

¹⁾ i въ болгарскихъ записяхъ обозначаетъ j-j.

м. множ. *Војнурдих* знала. О такой двойственности въ окончаніи формы множ. м. (ој и ої) свидѣтельствуютъ и позднѣйшія данныя македонскихъ говоровъ, въ числѣ которыхъ представлены и говоры, ближайшіе къ говору Ди-даскалии. Таковы, напр., формы въ зап.-битольскомъ говорѣ, отразившемся въ *Кхусудзе ჯა თელათა ყოფილი*. Однѣ изъ этихъ формъ переданы съ окончаніемъ на -ої; значеніе ї опредѣленное: ї: *უხილი*, *იასტა*, *თე* и т. под. Другія переданы съ окончаніемъ на -ої; значеніе ї: тоже опредѣленное: i: *კავილი*, *თერცი* и *თერცით* и др.

Итакъ, 1) *петѣте-рорѣте*, *пахѣте-ратоите* (Сбм. XV, 381...) и 2) *ზეგი—zbógoi* (ib.)

-ої па-ряду съ ої наблюдается и въ современныхъ македонскихъ говорахъ. Ср. записи прилѣпского говора (въ Сбм. XI, XVI—XVII): сйнои, синби си, синбі си, сйної, тфоите сйнои; збороите, збороите и др. Такъ для Порѣчья: сватоји, градоји, кралои дворои („Карац.“ III, № 5)—съ и, а не съ ї.

Форма мѣстоименія вин. мн. і, находясь послѣ гласного, переходитъ въ ї: тѣ *იატედეს*—и да і (вин. мн.) учит 160.

Вторичное ї передъ палатальнымъ согласнымъ.

Въ македонскихъ говорахъ развивался ѣ или далѣ ј послѣ гласного, какъ переходный звуковой элементъ къ слѣдующему палатальному согласному¹⁾). Такое і развивалось передъ палатальными п. к—г, з. Не во всѣхъ македонскихъ говорахъ, знающихъ вторичное ї указанного происхожденія, находится ї передъ каждымъ изъ этихъ палатальныхъ согласныхъ. Нерѣдко приходится наблюдать, что ѣ—ї не употребляются послѣдовательно даже передъ однимъ и тѣмъ же согласнымъ. Наиболѣе распространено употребленіе ї передъ давнишнимъ (праславянскимъ) палатальнымъ п: коїп', ხաїп'а. Послѣ развитія ї палатальный и отвердѣвалъ во многихъ изъ этихъ македонскихъ говоровъ. Его отвердѣніе происходило или въ закрытомъ слогѣ (такъ, напр., въ При-льпѣ), или во всѣхъ положеніяхъ: коїп, коїпа, ხաїна (напр.,

¹⁾ Параллельное явленіе можно наблюдать и въ другихъ славянскихъ говорахъ: русскихъ (с.-великорусскихъ и малорусскихъ), польскихъ, лужицкихъ, словинскихъ. Несколько близка (но вѣсту образованія) артикуляція палатального п' къ ї, свидѣтельствуетъ иное вытекающее п' исчезновѣмь ї въ албанскихъ говорахъ: ხაյ—დѣлаю, кѣј мн. къ կѣп—источникъ.

въ Костурѣ и Кайлярѣ). і развивалось и передъ палатальнымъ и новаго происхожденія, въ замѣнѣ *-пїе(а):—јпе(а). Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ происходило отвердѣніе и въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, отвердѣвалъ и въ сочетаніи—јп'е(а).

і передъ п'—п вм. *пј отмѣчено почти во всѣхъ областяхъ Македоніи, за исключеніемъ окраинныхъ областей на западѣ (Дебърскій и Кичевскій края: *коп'*, *кон'от'*, *кон'е*; но въ Кичевѣ—*dejn'a*), на съверѣ (Д. Пологъ, области Скопья, Кратова) и нѣкоторыхъ мѣстностей на востокѣ. При этомъ, і передъ п(п') +глас. распространено шире, чѣмъ передъ п въ закрытомъ слогѣ. Напр., въ солунскихъ говорахъ *кон'*, но *байн'a* (*Oblak. Mac. St.* 48), лаїни (*Книжици II*, 44; здѣсь мягкость и новаго происхожденія: въ праслав. это слово относилось къ основѣ на й; см. въ статьѣ Б. М. Ляпунова: „Этимологическія изслѣдованія въ области др.-рус. языка“. Р. Ф. В. 1916, № 4, 251—253). Написаніе Дидаскалии *λάνυι* (129) выражаетъ повидимому *lán'i*. Съ другой стороны на съверѣ, въ Кумановѣ, *коп'*, но *којна* (*Broch. Dial.* 117). По говорамъ развитіе вторичнаго і зависѣло и отъ качества гласнаго (широкаго образованія) въ слѣдующемъ слогѣ. Такъ въ Радовишѣ при—*jaden'e*, *три'e* и *кон'у*, *кон'о* находится кучиїната, *пејна* („Караџић“ III, № 5); послѣднему сочетанію предшествовало *пејн'a*,—съ и по аналогіи съ именами на —н'a: *бан'a*...

Отвердѣніе конечнаго п', извѣстное многимъ македонскимъ говорамъ, произошло также за предѣлами Македоніи, въ зап. и вост. Болгаріи. *коп* произносится въ Г. Джумаѣ (Сбм.ХХ, 13, 28), въ Кюстендилѣ (Сб. Любенова, 65), въ Разлогѣ („Додатак“, 40), въ Търнѣ (Псп. XIX—XX, 151), въ разныхъ другихъ говорахъ Болгаріи (Weigand. Jahresber. XV, 161) и въ говорахъ болгарскихъ колоній въ Россіи (Н. Державинъ. Болгар. колоніи, II, 34...).

Говоры, которымъ извѣстны -јп'e или -јпе, указаны выше: говоры Прилѣпа, Маріова, Водена, Гевгели, Охрида, Рѣсена (при—*којnot*, *камејne* произносится—*déjn'a*: Сбм. VIII, 257), Лерина, Костура (при—*којna*, *штејнето*—*dejn'e*: Книжици II, 54, 49; VIII—X, 210). Въ прилѣпскомъ говорѣ на-ряду съ—*кбајn'e*, *камејn'e*—произносится—*плајne*, *нијn'e*, *долин'e*, *дечин'a*, *пйлин'a*... Въ Охридѣ при—*камејне*, *бѣгајне*, *гатајне* находятся—*дѣчина*, *врѣмина*, *планин'e*... Но

и въ этихъ образованіяхъ на—јп'е, јп'а прилѣп. и на—јп'е, јна охрид. могло быть ј или върнѣе Ј, которое постъ і въ неударенномъ положеніи утрачивалось. Ср. аналогичныя образованія въ другихъ говорахъ, гдѣ ј находится подъ ударениемъ:—дечијна (Леринъ), имијна, пустијнъта (Воденъ).

Отмѣтимъ говоры, въ которыхъ при сочетаніи који['] находится—п'е или пе вм. *-пје.

Битоля, Велесъ, Дойранъ (?), Кукушъ, Мегленъ.

Въ западной и отчасти въ срединной (въ Битольскомъ округѣ) Македоніи суффиксъ—са находясь послѣ и, испыталъ слѣдующее измѣненіе:—піса→пјса→п'са→јп'са→јса. Примѣры съ—јпса вм.—піса имѣются для говоровъ съ постояннымъ мѣстомъ ударенія на 3-мъ слогѣ отъ конца. Сочетаніе—піса находилось въ заударномъ положеніи. Въ зависимости отъ этого положенія и происходило измѣненіе і въ указанномъ направленіи. Благопріятствовалъ такому ходу измѣненія въ сочетаніи—піса и сонорный и, съ которымъ ассимилировалось ј и который иѣкоторое время могъ быть слогообразующимъ звукомъ.

Охридъ: водѣјница, топѣјница, чѣїнца, пѣјница и др.; въ производныхъ: водѣјнчар (Сбм. XVIII, 531; Шапк. VIII, 109). Струга: чеинца (Миладин. 36). Рѣсенъ: пчѣјница, водѣйница (Книжици, IV—VII, 267, Iсп. XLI—XLII, 398, 903). Битоля: пшѣјница, водѣјницата; водѣјнчарот (Сбм. XV, 90, 121). Кичево: тупајница, лубејнци (Сбм. XIX, 5, 111), водѣјница, пчѣјница (Шапк. VIII, 243, 266).

јпса-јпса известно и въ дебърскихъ говорахъ. Но тамъ процессъ измѣненія—піса еще не охватилъ всѣхъ сочетаній съ -піса. Такъ, въ Галичникѣ произносится—гусеница, но—гласејница (Изв. на сем. II, 233. Oblak. Mac. St. 24). Кроме того, въ этой области колебаніе происходит и по граммъ: Галич.: пченица, но въ Обоки: чѣїнца (Oblak. Mac. St. 80).

Утрата і въ сочетаніи -піса пережита и отдаленными говорами восточной Болгаріи. На сѣверо-востокѣ Л. Милетичемъ отмѣчены слѣдующія сочетанія: рѣпса=рапіса, vrâпса=vrâтница, uděnса=voděnica и т. под. (D. Ostb. 86). Въ Ертекечи: uděпсь, а также ѣенѣ, віцѣсъ (D. Ostb. 156). И въ послѣднемъ примѣрѣ обнаруживается значение въ процессѣ

Западните 1919
Балкани

утраты і, которое имѣла сопорность звука, предшествовавшаго неударенному і¹⁾.

Вторичное і передъ п' было известно и вымершему говору семиградскихъ болгаръ: oftze i szuyina, f ogaiп. ogaiп i ogajn' (Denkschr. VII. 114, 117, 116. Сбм. XIII, 229).

Во всѣхъ македонскихъ говорахъ известно употребление вторичного і послѣ гласнаго передъ палатальнымъ k'(g'). Вм. і произносится иногда й, иногда этотъ переходный звуковой элементъ совсѣмъ отсутствуетъ. Процессъ развитія і передъ k'(g') не отразился еще на всѣхъ случаяхъ „глас. І-к'(g')“, не даль пока опредѣленныхъ результатовъ во всѣхъ тожественныхъ случаяхъ. Въ одномъ и томъ же говорѣ можно слышать -кук'а- и -куїк'а-, -браjk'а- и -браjк'а-. Рѣже употребляется -jк'- на сѣверѣ Македоніи, чѣмъ въ центрѣ или на югѣ. Огмѣтимъ нѣсколько примѣровъ для 3—4 областей.

Леринъ: куїк'а, неjк'у, лаjг'а, друjг'и, но -л'уг'е, фак'ам, паплек'и, граг'анка (Сбм. III, VI, VIII зап.).

Рѣсенъ: куїк'а, неjк'еле, браjk'а, треjк'от, сеjк'ира, по-пайг'ата, ливаjг'ено, но -сѣк'и, друjгиот; встрѣчается и -куk'а, брak'а (Книжици IV—VII. Сбм. VI, VIII, IX, зап.; Псп. XLI—XLII, 893).

Дебър. с. Обоки: пoйk'а, пoйk'no-poёспo, vёйk'i, streйk'а, по -vrёk'а, kük'ata (Oblik. Mac. St. 65).

Кратово: неjк'ем, неjк'у (Псп. V, 116, 1120).

„браjk'а“ свойственно и нѣкоторымъ говорамъ западной Болгаріи. Такъ въ Кюстендилѣ (Сбм. X, 357), въ Царibродѣ (Сбм. X, 24), въ Чип[о]ровцахъ (Сбм. XVI—XVIII 135), въ софійскомъ с. Локорско (Сбм. XI, 92).

-браjк'а—и въ далекомъ банатско-болгарскомъ говорѣ Винги. Тамъ і и въ—мъjже (Сбм. XVI—XVII. 420—421). Изрѣдка і передъ k' является и въ говорахъ юго-восточной Сербіи: въ Кривой Феѣ (O. Broch. Dial. 39), въ тимочской группѣ (Беличъ. Диал. 180, 198—199. Для Пирота см. также Сбм. I, 145; V, 194).

-jze. Область распространенія—jze не совпадаетъ съ областью, знающей употребленіе і передъ п'(n) и k'(g'). Во

1) Параллельное явленіе представляютъ сѣв.-греческие говоры: тамъ неударенные pi→p', li→l': ғrимi=λοτόρια, mél'sat=μέλισσα, гiéán'=ροδόν. И иногда І, п' такого происхожденія являются слоговыми или долгими (Kretschmer. Der lesb. Dial. 77). Соответствующее явленіе знаютъ и албанскіе и румынскіе діалекты (съ дальнѣшнимъ п'→j).

многихъ говорахъ на югѣ и въ центрѣ Македоніи находится -*zje*. -*же* употребляется преимущественно на западѣ и сѣверѣ. См. выше.

Главное условіе развитія ѡ въ данномъ случаѣ находилось въ связи не столько съ палатальнымъ характеромъ з, сколько съ прочими условіями образованія этого согласного въ сочетаніи съ ё; послѣдній звукъ, какъ показываютъ переходныя сочетанія дебърскія и штипскія (*ložje*), вполнѣ не ассимилировался съ з: *z' -> z'j -> žj*.

Въ иѣкоторыхъ говорахъ областей, находящихся къ сѣверу и западу отъ Македоніи, если развивался ѡ, то только передъ этимъ согласнымъ (кромѣ рѣдкихъ сочетаній ѡк' въ тимочской группѣ). См. выше.

Изъ представленного общаго очерка употребленія ѡ-ї видно, что это явленіе ни въ одномъ говорѣ не проведено последовательно. Въ однихъ говорахъ обнаруживаются только слабые признаки его: *žk'* при *k'* въ совершенно тожественныхъ условіяхъ; въ другихъ - вовсе оно неизвѣстно. Повидимому, это явленіе въ иѣкоторыхъ говорахъ только еще развивается. Въ говорахъ съ болѣе раннимъ развитіемъ вторичнаго ѡ появленіе этого переходнаго звукового элемента находилось въ зависимости отъ отдѣльныхъ палатальныхъ согласныхъ, а также отъ вида слога, закрытости или открытости его: передъ открытымъ слогомъ ѡ развивалось свободнѣс, чѣмъ въ закрытомъ слогѣ.

Војлѣріја Дидаскалии вторичнаго ѡ не представляеть. Имѣемъ основаніе полагать, что и въ живомъ говорѣ ся это явленіе въ то время, въ XVIII в., не было общеизвѣстнымъ. О случайному пропуску въ фиксаціи этого ѡ нельзя думать, ибо примѣры, гдѣ ожидалось бы появленіе вторичнаго ѡ, многочисленны въ Дидаскалии, а составитель ея хорошо передавалъ явленіе живого говора. Относясь по своимъ чертамъ къ говорамъ западно-битольского округа, *Војлѣріја* Дидаскалии указываетъ на то, что въ этихъ говорахъ въ XVIII в. вторичное ѡ не было въ [общемъ] употребленіи. Рѣдко употребляется вторичное ѡ въ этихъ говорахъ и въ настоящее время. Въ трескавечскомъ помяннике XVIII в. часто встрѣчается упоминаніе маріовскаго села Дѹне. Въ настоящее же время это название имѣть видъ -Дуйне. Нѣть указаній на вторичное ѡ и въ памятникахъ 2-ой половины прошлаго вѣка,—въ памятникахъ, близкомъ (хотя

и не то жественною) къ языку Диаскалии, — въ Канчаке *“а* *заката утітшлжои”*.

**и.*

Вм. праславянского *и* въ болгарскомъ говорѣ Диаскалии находится въ однихъ случаяхъ *v(f)*, въ другихъ пульчука. *v(f)* употребляется въ концѣ слова, послѣ согласного, передъ согласнымъ, передъ гласнымъ начального слога. Между гласными замѣна и выражается непослѣдовательно: въ однихъ случаяхъ наблюдается утрата *и*, въ другихъ употребляется *v(и-w)*: опредѣленного результата процессъ измѣненія *и* между гласными еще не далъ. Лишь въ одной категоріи, въ формахъ сущ. муж. множ., во всѣхъ случаяхъ отсутствуетъ *и* между *o* и *i*: вм.-оци послѣдовательно употребляется *-oi* или *-oj*.

Представимъ примѣры употребленія *v(f)* и утраты *и*. *чáрф* — кърф 139. По аналогіи къ нечленной формѣ *ф* прошило и въ членную форму: кърфот 140, 146.

гáвранот 125, *влáкот* 136, *влáкна* 158, *влéзит* 153, *врéме* 119, *бvnите* 119; *две* 138, *два* 139; *зréстутé* — *звéздите* 116, *дърва*, 117, *ráдваат* 121 и др.

Въ зависимости отъ предшествующаго глухого согласного является *ф* вм. *в*:

послѣ *c*: *сфáдбите* 135, *сфатот*, *с[и]фák'ата* 160, *сфéкор*, *сфекár[-ър]ва* 160, *сфéт*, *-от* 132, 146, *сфéтецу[о]т* 142, *сфéшта* 142, *сфýн'ите* 167, *сфýта* 172 (2 р.), *сфýте* — *мъст.* множ. 116, 118, 143, *сфýрдéлото* 149, *сфýршéниот* 163.

послѣ *t*: *тфóи[-оj]* — множ. 129, *тфóи[-ij]те* 136, *тфoja* 136, 144, *отфориш* 147, 171, *отфбрени* 168, *чéтфорток* 127.

послѣ *ч*: *бчфа* 132.

послѣ *к*: *се лéкfat* 133, *цérкфата* 141, *смóкфи* 132, *по и* — *смóква* 138.

ф вм. *в* находится и передъ *и* и *ч*: *бфците* 119, *бфчарот* 168.

**цътор* —>*втор*: *во втбрникот* 127.

Въ трехъ случаяхъ наблюдается перестановка въ сочленіяхъ *tf-* и *vd-*, происшедшая въ то время, когда эти сочетанія произносились еще съ билабіальными звуками. *фтбóто* 135, *фтбета* 149; *двойците* 171. Если въ послѣднемъ сочетаніи отражается соответствующій фактъ говора,

то можно думать, что въ этомъ случаѣ *w* стало звучать за *o* еще до утраты ц между о—i.

Въ современныхъ говорахъ въ такомъ видѣ эти мѣстоименія и существит. не отмѣчены. Но по діалектамъ албанскаго языка наблюдается перестановка *vd-*: гег. *dves* при тоск. *vdes*—умираю (Ректеzi 68).

Передъ гласнымъ начального слога: *vár* 121, *víkat* 121, *vísko* 124, се *vadit* 139, *voloj[-j?]te* 122, *vódata* 125 и др.

-*v*— между гласными *a—a*: *glávata* 136, 156, *mrávata* 126, *kráva*, 120, *zavárniца* 147, *dávat* 119, *dávash* 128;

между *a—o*, *a—i*: *zdrávo* 133, 167, *úbavo* 120, 165, *zdrávi* 153, 173, *bzdraviš* 141.

между *o—a*, *o—i*, *o—o*: *bva*—сред. ед. 161, *növi—mi*. 143, *novo* 171;

между *e—e*, *i—a*, *e—a*, *i—i*: *nevéstite* 145, 178, *dévst* 176, 180, 181, *tóplivat* 134, *plývamс* 137, *livádata* 175, *lévata* 135, *trévata* 117, *dívite* 118, *žívime* 121.

между *u—a*: *č'uvat* 119.

Между тѣми же гласными, а также *o—e*, Дидаскалія представляетъ примѣры съ утраченнымъ ц. Не думаемъ, чтобы въ написаніяхъ съ Ѣ между гласными отражалась славянская грамотность составителя болгарской параллели. Нѣтъ достаточнаго основанія заподозривать фонетическое значеніе этихъ написаній: они являются отраженіемъ живого говора, гдѣ происходило колебаніе въ употребленіи между гласными звука, передаваемаго въ Дидаскаліи посредствомъ Ѣ. Значеніе же Ѣ въ этомъ положеніи было *u* и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ц—*w*. То же, м. б., выражено посредствомъ Ѣ и въ сочетаніи Ѣ́ору́хът 127.

Колебаніе въ употребленіи ц между гласными до сихъ поръ еще переживается многими македонскими говорами.

Примѣры съ утраченнымъ ц въ Дидаскаліи:

a—a: *gláata* 166, *póznaan'e* 122, *proshtaan'eto* 182, *dáash* 171, *pródaam* 138, *ostaash* 164;

a—o: *úba*;

a—i: *кукайцата* 123; *крастаци* 134, *капайците* 154, *валица* 105, *nápraiш(-jsh?)* 120, 147, 151, 173; также -напраени 156;

o—a: *tba* 1в8, 146, 149, *tóby[a?]riš* 175;

o—i: ср. формы м. множ. съ оконч. -oi(oj); *бракоите* 135, *вбоите* 122, *дабои[-j]* 117 и т. под.;

нёгојте 125, 142; ластойците 122, на полобната 177, лбиш 178, лојам-*ж* 136.

o-e: побел'а- *пъзл* 116.

u-a: чуам 138.

**цъь*.

Въ замѣнъ формъ мѣстоименія *цъь*... имѣются не типаковые начальные звуки во всѣхъ случаяхъ. Въ однихъ случаяхъ вм. **цъь*- находится только s, въ другихъ результируетъ перестановки и дальнѣйшаго измѣненія въ s:

сите, 129, 134. се-: сѣкаде -*пактоб* 128, 129; сфиот 127; сфите 116, 118, 137, 143; сфеко 127.

**цъz*.

Префиксъ **цъz*- въ формахъ для глагола **цъзелі* замѣнѣнъ повсюду посредствомъ z-: зѣмам 133, се зѣмаш 150, зѣмин 173, зѣмит 142 (2 р.), зѣмат 167, зѣмаат 122, зѣдох 139, зѣде 158.

**цъ*. *цъ* предлога замѣненъ во всѣхъ случаяхъ посредствомъ uo. Въ качествѣ префикса служить v: влѣзам 136, влѣши 153. Какъ архаизмъ, является въ сочетаніи -вуме-, ставшемъ нарѣчіемъ: да ймаш вуме [зубце 151.], 'Роф. *уа про-тѣудѣ*, *Вѣдъ*. *зѣ аѣ хастіха* [kästigă], 'Л.З. *та ххѣсъ хорѣт-и фѣсъ* 151. Въ этомъ сочетаніи v уже не воспринималось ни въ качествѣ предлога, ни въ качествѣ префикса.

Утрата *цъ*- вм. *цъ-* произошла въ словѣ *циръ(a)tre*: *устрѣнatre* 153, восходящемъ къ **цилqtr*-, съ гласнымъ q-->a. Замѣни ту же гласнаго (*q) представляютъ въ этомъ словѣ и другіе македонскіе говоры ¹⁾.

Въ отношеніи замѣнъ **цъ* современныи македонскіе говоры представляютъ слѣдующее.

Вм. **цъ* они имѣютъ губно-зубной v-f въ концѣ слова, въ срединѣ слова въ сочетаніи съ согласнымъ (кромѣ s!), въ началѣ слова передъ гласнымъ. Но такое опредѣленіе условій употребленія v(f) имѣеть значеніе не для всѣхъ говоровъ. Надо имѣть въ виду, что въ македонскихъ, какъ и въ говорахъ сосѣднихъ областей Болгаріи и юго-восточной Сербіи, при произношениі звука, соответствующаго v, нерѣдко участвуетъ и верхняя губа, и получается уже губно-

¹⁾ О значеніи *цилqtr*... и *цилqtr*... болгарскихъ памятниковъ см. у В. Н. Ценкіна: „Болон. Пс.“ 136-137 и у Г. А. Ильинскаго: „Бѣл. Анаст.“, LXIII.

губной w; при дальнѣйшемъ же окружлсніи губъ и подъемѣ задней части языка вм. w развивается ц. А. Беличъ отмѣ чає кромѣ того слабую степень энергіи при произношеніи звука ц въ говорахъ юго-восточной Сербіи, въ результатѣ чего можетъ появиться ц неполного образованія, или совсѣмъ можетъ произойти утрата ц (Дијал. 153-154) ¹⁾. Возможно, что w-ц развились изъ болѣе ранняго v (губ.-зубного). Но видѣть въ послѣднемъ согласномъ (v) общую раннюю замѣну праславянскаго *ц для этихъ говоровъ нѣть достаточныхъ основаній. Рядъ явлений, находящихся въ связи съ судьбой *ц въ этихъ говорахъ, указываетъ на то, что ранней замѣнѣ *ц здѣсь было ц-w ²⁾). При сохраненіи многими говорами w въ однихъ случаяхъ могъ развититься v въ другихъ; а это v, не представляя обычной артикуляціи въ замѣнѣ *ц, переходило къ прежнему образованію—w. Тѣ черты въ образованіе v-w-ц, какія отмѣчены для говоровъ юго-восточной Сербіи, свойственны и говорамъ Македоніи. Такъ, ср. въ крушовскомъ-міяцкомъ говорѣ выражение: „жї ми дстёнцо“ (Сбм. XVI—XVII, 302), въ рѣсенскомъ говорѣ: „жи-ми Господ“ (Псп. XLI-XLII, 892), какъ и въ кумановскомъ: „жи ми Госпот“, но „живи ми чеда“ (Хц-Василь. I, 349). Губно-губной звукъ въ „žiw“ ассимилировался съ слѣдующимъ губнымъ m. Но жїц отмѣчено передъ иными согласными въ другомъ говорѣ, въ битольскомъ: „жиў, жиў жиуле (въ зап. изъ с. Грајешница. „Карац.“ II, № 5; въ записи употреблено у).

Въ началѣ слова передъ гласнымъ также употребляется по говорамъ w-ц. Такъ, для дебърской области отмѣчено woda, uoda. Въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ ц въ этомъ положеніи отсутствуетъ: оѣка при цоѣка и тѣка другихъ говоровъ этой (солунской) области. (Oblak. Mac. St. 75, 76).

Во многихъ говорахъ Македоніи распространено произношеніе f передъ п въ начальномъ слогѣ (въ замѣнѣ сочетанія *цъ-п-т-гл.): фиуче, фиуци па и префиуци... Тотъ же согласный находится и передъ плавнымъ (въ замѣнѣ соче-

¹⁾ Та же физиологическая природа замѣнителя * ц наблюдается въ отдельныхъ говорахъ восточнаго болгарскаго нарѣчія. Miletić D. Ostv.

²⁾ Ср. соображенія С. М. Кульбакина, изложенныя имъ въ статьѣ: „Спирантъ въ словянскихъ языкахъ“. Сбор. ист.-филолог. об.-ва при Харьк. ун-тѣ, т. XV, 225 сл.

шія ұғы+гл.). Выше (стр. 35—36) было указано аналогичное явление и въ передачѣ предлога f¹),, fъ(о)f, иf²).

Въ замѣнѣ начального цъ- передъ п, I въ македонскихъ говорахъ извѣстны и ц, щ, съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ: 1) утратой щ, 2) съ гласнымъ и. Въ томъ и другомъ видѣ эти сочетанія употребляются, напр., въ области Д. Позога (Отчетъ 16). Передъ прочими согласными въ начальномъ слогѣ является v(f), w, ц, щ или его утрата: tornik, doveс. На примѣрѣ для рѣсенского и кумановского говоровъ была указана способность звука ѿ ассимилироваться съ слѣдующимъ губнымъ согласнымъ (т). Ассимиляція ѿ происходила и передъ п въ отношеніи дѣятельности небной занавѣски: она стала опускаться уже въ моментъ произношенія w, откуда иатѣмъ т: мнука (Охридъ: Сбм. XVI—XVII, 342; Изв. на сем. III, 244; Кичево: Сб. Иконом. 112). О физиологической близости wп- и тп- свидѣтельствуютъ и говоры Водена, Кукуша, Гевгели: тамъ на смѣну начального тп- явились wп-, ѡп-: вногу, фногу (Сбм. XVIII, 456. Шапк. IX, 339) ³). Въ воденско-кукушскихъ говорахъ извѣстно и—ногу, предполагающее предшествующія стадіи съ цп-, щп-: -ногу- употребляется и въ иѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ.

Если въ начальномъ слогѣ цп- или wп- измѣнялись неодинаково въ македонскихъ говорахъ, давая въ результатахъ тп-, wп-, fn-, ѡп-, -п, то въ срединѣ по всей Македоніи произносится тп-: damno (odamna), glamna, ramno и далѣе ramen.

Послѣ согласного произносится v(f). Но если звуку ц предшествовало st, то ц утрачивался: bogasto, carsto, јunaksto ⁴).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ц въ сочетаніи съ согласными не утрачивался, вместо него развился f передъ и за глухими согласными по ассимиляціи съ послѣдними: бфци, бфчар, кфачка, тфоj, сфет, сфадба.

¹⁾ Е выш. ц независимо отъ слѣдующаго согласного зваютъ и говоры восточнаго болгарскаго нарѣчія. См. у Милетича: D. Ostb. 81, 89; D. Rhodopm. 31, 103, 105, 133, 165, 178. Такъ же въ говорахъ болгарскихъ колоній въ Россіи: f, ъf, й—Державинъ. Болг. кол. II.

²⁾ Также въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ: saf [ъf], f: saf greaoft, f ogain (Denkschr. VII. Смб. XIII).

³⁾ Параллельное явление отмѣчено и для восточно-болгар. нарѣчій. Такъ въ родопскомъ селѣ Батакъ: fnogo. Miletic. D. Rhodopm. 46.

⁴⁾ Такъ было и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ: vo-gaszto (Сбм. XIII, 239).

Сюда не относятся тѣ случаи, гдѣ і находится передъ звонкимъ звукомъ (согласнымъ и гласнымъ), гдѣ причина появленія глухого звука вызывалась не соседнимъ глухимъ звукомъ, а самою физиологическою природою въ данныхъ говоровъ, въ которыхъ этотъ звукъ сталъ произноситься въ началѣ слова при пассивномъ (неподвижномъ) положеніи голосовыхъ связокъ.

Что касается судьбы *ц между гласными, то въ болѣшой части македонскихъ говоровъ ц или Ѣ утрачивалось. Въ пѣкоторыхъ изъ нихъ эта утрата еще не закончена и до настоящаго времени: на-ряду съ сочетаніями съ утраченнымъ ц употребляются и сочетанія съ ц—ъ между тѣми же гласными. Такъ, въ говорахъ Д. Полога: сїноїи, попоїа к'ёрка, чуїај, сваќојте, јунакоа, цареа, дёојка, по и-девојка и др. (Оччеть 15). Утрата ц происходила между гласными: а-ї, [а-е], о-ї, о-о, о-а, а-а, и-а, а-о, і-о, е-а, о-е, е-о, с-ї, с-е. Укажемъ примѣры лишь для двухъ областей: Прилѣпа и Кичева.

Прилѣпъ: праам, праиш, прасен, крастают, зимојще, ўлоиф, попој, негојо манастир, негоо, негоа, коам, глаа, кажуаат, чуал, здрао-жио (Сбм. XX, 11; въ XI, 142: здраоживо) бијолче, цареа, поек'е, гроши, дожди(-ј). (Сбм. XI, XVI—XVII зап.; XX, 11 опис.).

Въ бѣрсѧцкомъ крушовскомъ говорѣ, того же типа, что и прилѣпскій, и въ первой половинѣ XVII в. отсутствовало ц между гласными: чоекъ, забаите, останите—въ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 292, 293). Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в., съ чертами прилѣпскихъ говоровъ, также имѣются примѣры утраты ц между гласными, хотя и испослѣдовательно проведенной.—воловите (19об., 21об. и др.), неда цветоица (118), криїгащани (39), но и—Се^з Кривогащани (4об.), село живово (36).

Въ кичевскомъ говорѣ также во всѣхъ указанныхъ примѣрахъ отсутствуетъ ц. Кроме того и -несста (зап въ Сбм. II, XIX; Сб. Иконом.; „Новини“, III, № 40).

По утратѣ ц между гласными въ отдельныхъ (рѣдкихъ) случаяхъ происходило стяженіе: два соседнихъ гласныхъ стали произноситься при одномъ выыхательномъ напорѣ.

Струга: даме (Сбм. IX, 137). Рѣсень: неста, (Сбм. VIII, 230). Порѣчье: прам („Карац.“ III, № 5). Кукушъ, Боденъ: прам, клам (Сбм. XVIII, 444).

Балканы 1919

Утрата и между гласными могла зависеть отъ характера образованія послѣднихъ. Чаще происходила эта утрата между гласными а-и¹⁾). Она наблюдается и во многихъ такихъ говорахъ къ сѣверу отъ Македоніи и въ западной Болгаріи, гдѣ цѣ между другими гласными не подвергалось утратѣ. Таковы говоры областей скопско-черногорской, кумановской, Чип[о]ровцевъ, Кюстендила, Дупница, Самокова, Г. Джумай. Но и между гласными а—и утрата цѣ не была пережита всѣми македонскими говорами. Таковы, напр., говоры велесскіе, гдѣ находится: *прави*, какъ и *човекот*, -ови въ формѣ сущ. множ.

Съ другой стороны, между гласными передняго ряда е-е, е-и утрата цѣ не происходила и въ иѣкоторыхъ изъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ было утрачено цѣ при другихъ условіяхъ. Напр.: Прилѣпъ: невеста; также между с-о: девоčин'а; Д. Пологъ: живи; Маріово: невеста; также въ Охридѣ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Сохраненіе ц-в (и далѣе в) между гласными могло зависѣть отъ положенія цѣ передъ удареннымъ гласнымъ. Ср. костурскія сочетанія: напрѣдъ, но -правѣла, направѣла, на половѣната (Книжици II, 49. Шапк. IX, 334) ²⁾.

Говоры, пережившіе утрату цѣ между гласными, занимаютъ западныя и центральныя области Македоніи. Лишь говоры М. Рѣки имѣютъ въ между гласными: глѣва, чѹвек, напрѣвиле, -ови въ формѣ сущ. множ. (Изв. на сем. II, 248, 260, 283). О существованіи здѣсь в-цѣ свидѣтельствуютъ такія передачи въ записяхъ С. Томића: лїадо, зѣлена лїаадо (Браство. IX-X, 475). Но въ сосѣднихъ дебърскихъ

¹⁾ Утрачивается цѣ между гласными, а также въ началѣ слова и посль глагаснаго передъ гласнымъ о по говорамъ восточно-болгарскаго нарѣчія. Между а--и утрату цѣ знаютъ и такіе говоры, которые въ прочихъ положеніяхъ имѣютъ в. Miletić. Das Ostb. 68, 175, 200. Die Rhodopit. 87. Утрачивается цѣ между а-и и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ: oszta-te (Denkschr. VII, Сбм. XIII). Утрата цѣ между а-и и о-и пережита во многихъ областяхъ славянщины. Напр., въ лужицкихъ говорахъ (*rukajsa*, *lojš*. Mücke. Laut-und Formenlehre d. nsorb. Spr. 253), въ кашубско-словинской группѣ (*bolidajca*, *jaliſſojca*, *Pavljōjc*, *grochōjzna*. Lorentz. Slovinz. Gram. 100. Rudnicki въ Materyały i prace Kom. jęz. VI, 75—76, 78—79, 97), въ иѣкоторыхъ польскихъ говорахъ (Materyały i prace, III, № 1-2, 35).

²⁾ Ср. сохраненіе цѣ подъ удареніемъ и въ сѣв.-восточномъ болгарскомъ діалектѣ: *guvēdata*, но *guvedat*, *tъrgoec* (Miletić. Das Ostb. 277).

говорахъ Дримкола, Голо-Бърда, Джупы и Поля ц между гласными утрачено: чбек, гбедо, ѹбоо, сбпой, царой (Изв. на сем. I, 273).

Въ восточной части Македоніи, въ области Вардара (отъ Велеса) и далѣе къ востоку отъ него, утрата ц между гласными наблюдается рѣдко.

Въ соотвѣтствіи мѣстоименіямъ др.-ц.-сл. пъсъ, пъсакъ -пъсанъ македонскіе говоры представляютъ различныя новообразованія. Главнѣйшимъ измѣненіемъ въ судьбѣ сочетанія *цъ- была утрата начального ц, — утрата, о которой свидѣтельствуютъ всѣ македонскіе говоры. Лишь на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, по близости къ діалектическимъ областямъ, гдѣ общей чертой въ измѣненіи *цъ- является перестановка ($s\bar{c} \rightarrow sv-sf$), находятся sv-sf. Такъ въ Скопско-черногорской области, какъ и въ Кумановской и Прешевской: съв, све, сви, свите, свак, свекој. Такъ и въ г. Кратовѣ: съв, сви, свакуде, но -секи (Псп. V, 116, 119, 120). Такъ и въ говорахъ юго-восточной Сербіи (Broch. Dial. 141, 253, 303; Белић. Дијал. 426) и въ западной, преимущественно сѣверо-западной Болгаріи: Царибродъ: свѣто, свѣте (Сбм. X, 155, 156); Чипројловци (Сбм. XVI-XVII зап.), въ другихъ мѣстностяхъ сѣв.-зап. Болгаріи (Мариновъ. Ж. Ст. II, 66, 92).

Въ юго-западной Болгаріи также известны результаты перестановки. Кюстендилскос sef говоритъ объ этомъ (ссф, сѣва света гора. Сбм. X, 253). Но обычными сочетаніями здѣсь являются сочетанія съ утраченнымъ ц.

Въ македонскихъ говорахъ изрѣдка встрѣчается также sv- (sf-). Но это сравнительно рѣдкій варіантъ въ замѣнѣ *цъ-.

Костуръ: све друго, свички и --сичките, свите, свата, свеки (Книжици II, зап.). Леринъ: свѣкакви (Сбм. V, 143; VIII, 162). Дебъръ: све, свите (Oblak. Mac. St. 97). Охридъ: сфета и--сета (Шапк. VIII); св(ф?)и и--сите (Изв. на сем. III, 252), Кичево: сфешчо (Шапк. VIII, 224; въ прочихъ записяхъ съ утратой ц). Порѣчье: сви, све („Карац.“ III, № 5). Г. и, Д. Пологи (Отчетъ 20-21; „Новини“ 1891, № 27-28). Скопье (Минало I 1, 70, 71).

Обычными замѣнами *цъ- являются сочетанія съ утраченнымъ ц. Въ македонскихъ говорахъ утрачивалось ц и въ другихъ случаяхъ, оказавшихъ передъ s (по утратѣ редуцированного): ср. poposki, ivanoski и т. п. образованія. Формы,

соответствующія *цънъ, *цъна, *цъне, имѣютъ слѣдующія образованія.

сът, съта, съто (или се), сите: Костуръ, Леринъ (мн. съти; съ- въ сочетаніи съ -нош: сънош), Струга (для муж. ед. здѣсь—съдов); Рѣсенъ, Воденъ, Кукушъ (мн. съте), Штири (здѣсь и—съчка, съчкото).

Въ этихъ сочетаніяхъ *з*—„вторичное“ и раздѣляетъ судьбу гласнаго въ позднѣйшаго происхожденія. Поэтому въ дебърскихъ говорахъ въ соотвѣтствіи леринскому *сънош* находится *sonoć*.

Другіе варианты въ образованіи формъ этого мѣстоименія: си[i]от, сет—въ Штипѣ, сѣта, сѣто (и -се), сите: Битоля, Прилѣпъ, Маріово, Охридъ, Струга (мн. -сите и -сиве), М. Рѣка, Крушово (сите и въ письмѣ 1637 г.), Кичево, Велесъ, Скопье, Пологъ (сите), Штипъ, Радовишъ, Гевгели, Струмица, Кратово (къ югу отъ г. Кратова).—Въ словѣ на Усп. Богородицы, находящемся въ трескавечскомъ монастырѣ и написанномъ въ 1833 г. на языкѣ славянъ центральной Македоніи, находятся формы для множ. си[си] и сите (слово напечатано въ Сбм. XVI—XVII, 493—495).

Для женскаго рода *са* въ сочетаніи санош [-к’]: Рѣсенъ, Охридъ (и-сѣлето, сѣзима, сагодина), Кичево, Велесъ; Воденъ: саа ноjk’; Кукушъ: саа ношт. Въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ второе *а* появилось по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ—тая, ваа...

Для Струги отмѣчено и—сагора (Сбм. IV, 255).

са- во всѣхъ этихъ примѣрахъ представляетъ собою замѣну предшествовавшаго цса-, замѣнившаго праслав. цъса. Такимъ образомъ, *а* является непосредственнымъ продолженіемъ исконнаго гласнаго того же вида, а не вторичной замѣнной *з*. Если бы это *а* еще возможно было объяснить, какъ вторичную замѣну *з*, для Кичева и Велеса, то это объясненіе неприложимо къ *са* кукушско-воденскихъ говоровъ, не представляющихъ измѣненія *з* въ *а*.

сосем[a] или *сосе*—общее для всѣхъ македонскихъ говоровъ.

Въ соотвѣтствіи др.-ц.-слав. ысѧкъ-ысакъ, —а... македонскіе говоры представляютъ слѣдующія образованія: сѣкоj секи, сѣкоja-сека, секо, секого, секакви, сички.

Въ одномъ лишь сочетаніи въ македонскіе говоры имѣютъ *ц-в: vezden; въ сѣверно-македонской области—узыдъ (Кратово).

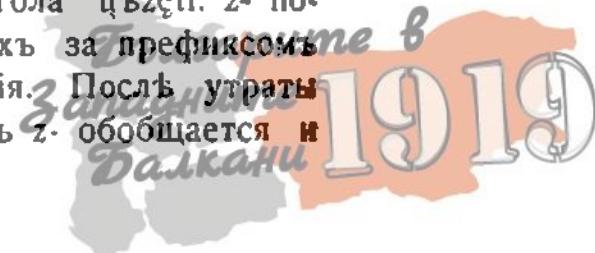
То же сочетаніе (уъздъи) представляютъ и нѣкоторые говоры юго-восточной Сербіи. уъздъи обычно употребляется и въ сѣв.-западной Болгаріи, а vezden въ юго-западной.

*цъz-. Судьба префикса цъz- была одинакова въ говорахъ Македоніи (за исключениемъ Скопской Черной Горы), юго-западной и восточной Болгаріи: цъz→z-, при рѣдкомъ діалектическомъ цъz→uъz- съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ гласного ъ. цъz→z и въ Кратовской (Псп. V, 117; Минало I 1, 76), Скопской (Сбм. XI. Минало I 1, зап.; исключая Скоп. Черную Гору, гдѣ—iz: Населья. III. Ети. Зб. VII; зап.), Тетовской областяхъ (см. ниже о говорахъ Д. Полога). Впрочемъ, въ Кратовѣ въ первой половинѣ прошлаго вѣка было колебаніе между z- и iz-. Такъ, въ записи кратовца (помѣщена ниже, въ отд. о х. Іоакимѣ) находится:—й го узелъ — Въ записи другого кратовца того же времени: какѹ зема Максимъ сапѹшїа ѿ Кратово. (Годишница Николе Чупића. Књ. XXXII, 270).

Также въ Кумановской области iz- употребляется смѣшанно съ z-: зима, зему, земе, земев (сс. Стрезовце, Кокотиње, Байловице. Хц.-Василь. Ј. Ст. Срб. I, 346, 348, 349). Но въ тѣхъ же говорахъ и-узнеш, узимам, узеле, узе, узеде (Хц.-Василь, ib.). М. б., iz- въ послѣднихъ примѣрахъ и не представляетъ собою фонетической замѣны *цъz-, а и является здѣсь префиксомъ, употребленнымъ по аналогіи съ перфектными глаголами, имѣющими префиксъ и (у), какъ, напр., въ костурской области: узме момата ми с юзвѣа (Книжици II, 58). Если такъ именно обстояло дѣло, то слѣдовательно и въ Кумановской области, какъ и южнѣе отъ нея, обычной замѣнѣ *цъz- служить z-. Другой вопросъ о происхожденіи этого z- въ кумановскомъ говорѣ: развилась ли эта замѣна фонетически вм. *цъz-, или была воспринята отъ сосѣднихъ южныхъ говоровъ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверо-западной Болгаріи вм. *цъz- употребляется iz-, т. е. та же замѣна, какая свойственна сосѣднимъ говорамъ Сербіи.

Примѣры, употребленія z- вм. *цъz-, которыми мы располагаемъ, ограничены формами для глагола *цъзeti. z- появилось сначала въ формахъ, въ которыхъ за префиксомъ слѣдовалъ гласный полнаго образования. Послѣ утраты „слабаго“ ѿ, цъz→z, какъ и цs→s. Затѣмъ z- обобщается и

для прочихъ формъ. Впрочемъ, такихъ формъ, гдѣ бы находилось сочетаніе цъгът- съ „слабымъ“ въ -ьш въ говорахъ не имѣется: по всѣмъ формамъ проведенъ гласный е (изъ *e и *ę).

Рѣдкое діалектическое vez- вм. цъз- обязапо было формамъ съ „сильнымъ“ ё въ цъз-цъз- (цъз—отъ сочетаній, гдѣ цъз-цъз- передъ глас. полн. образ. передняго ряда). vez- извѣстны нѣкоторымъ солунскимъ говорамъ: везмеш, везми, везмьайтс; въ софійскомъ округѣ: везе, везса, везели (В. Н. ІЦепкинъ. Разсужденіе. 210—213).

Во многихъ македонскихъ говорахъ употребляются кромѣ сочетаній zem- (zema[т], zemіш...), и zeva[т], zvel, zve... Такія сочетанія можно отмѣтить для говоровъ: Костура (зёва, звел, звеле, зве, звёа: Atch XV, 43; Книжици II, 49, 56; Шапк. IX, 334); Струги (зент: Миладин. 47; зёйш, Шапк. IX, 485; я ке ж зеа—я ее возму: Миладик. 464); Лерина (зеа, зевал: Сбм. VIII, 160, 161, 173), Солун. села Киречк'ой (zeva: Rad, knj. 145, стр. 155), Водена, Кукуша (зёвъм: Сбм. XVIII, 456); Меглена (зёвиш: Сбм. IV, 187).

Неполнота располагаемаго матеріала касательно судьбы префикса *цъз--удерживаетъ отъ опредѣленнаго объясненія сочетанія зев-. Ограничимся лишь двумя предположительными объясненіями, не высказываясь окончательно за то или другое.

1) Параллельно съ sz- произошла въ отдѣльныхъ случаяхъ и перестановка цz-: zuel, zzech... Затѣмъ появились формы и наст. вр. съ гласнымъ e, по аналогіи съ ber-, nes-: zeu-a[т]...

2) ц-у въ формахъ zeu-a(т), zuel... не находятся въ связи съ ц профиекса iz-: ц въ послѣднемъ сочетаніи утрачивалось. Въ формахъ zeda(т), zuel... ц находится въ связи съ ц глагольнаго суффикса ца, съ которымъ стали произноситься формы наст. вр. глагола zemia...: zemua... Ср. въ говорѣ Струги: преземвит (Сбм. V). Ср. и контекстъ леринской записи: си зевал пудвајсетина пари на ден и на вечерта си купвал лепче (Сбм. VII, 173). т ассимилировалось съ ц или w: zemua или zemwa стали звучать zeua, zewa-zeva. Позднѣе, когда въ качествѣ основной базы стало восприниматься zem-zev, какъ ber-, nes-, появились сочетанія для формъ: прич. прош. и аор. zvel, zvech..., подобно тому, какъ къ формамъ наст. вр. ber-a(т) имѣлись формы прич. и аор.-втall[ч]:

Балкане в
Западни 1919

чередование *bet-* и *br-* могло вызвать пару *zv-* - *zv-*. Но не ясно въ такомъ случаѣ гласный *e* въ прич. и аор. *zvel[ch]*: по контаминаціи съ формами прежняго образованія *zel*, *zech?* Затруднительно принять это объясненіе и по другому обстоятельству. При встрѣчѣ т и ц(w) перевѣсь былъ на сторонѣ губного т: ср. *жи-mi*. Но возможно, что въ геми-а перевѣсь на сторонѣ ц(w) оказался вслѣдствіе того, что направленіе ассимиляціи было одинаково съ направлениемъ ея въ *жи-mi*.

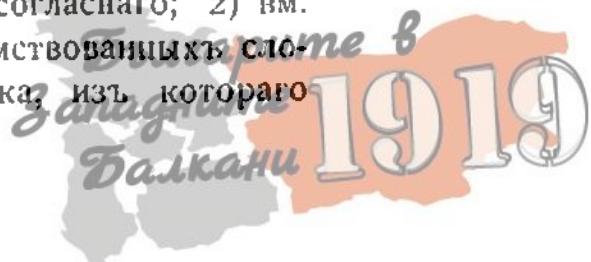
Изрѣдка вм. **цъz-* въ томъ или иномъ болгарскомъ говорѣ находится *воз-*, что представляетъ, несомнѣнно, церкославянізмъ: такъ напр., въ тетовской зап.: *воздишам* (Сбм. XI, 52), въ Самоковѣ: *вознѣсе се на небесѣ* (Сбм. X, 158), к'е се *возгордѣе* (Сбм. IX, 168; ср. здѣсь и *-ор-*); *повоздишал*, въ соф. селѣ Локорско (Сбм. XI). Такъ же и въ говорахъ Сербіи, напр., въ области средняго Тимока отмѣчено—воздук (Дијал. Зб. II, 371).

**цъzъ*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи и Болгаріи употребляется въ качествѣ предлога замѣна *цъzъ*. Въ этомъ случаѣ судьба *цъzъ* была не тожественна съ судьбою *цъz-* префикса: въ предлогѣ *цъzъ* утраты цъ не происходило и не могло произойти, ибо не было вліянія сочетаній цъ съ „слабымъ“ ѣ. Въ македонскихъ и юго-западныхъ болгарскихъ говорахъ этотъ предлогъ имѣеть видъ *voz*; въ кукушскомъ говорѣ—*uz*; (тожественное измѣненіе происходило въ этомъ говорѣ и въ предлогѣ *цъцъ*, замѣнившемся посредствомъ цѣ: см. выше): *нѣридила ус кѣтки* (Сбм. XVIII, 433).

voz: *воз(c)* планина (Малешовское с. Пехчово. „Новини“, II, № 48); *вос таја гѣра* (Г. Джумая. Сбм. XX, 32); *воз небо*, *вос планината* (Дупница. Сбм. X, 179, 163), да погледнеш *воз баджата* (тамъ-же. Сбм. X, 188).

f.

Говору Дидаскаліи извѣстенъ согласный f. Онъ употребляется въ слѣдующихъ условіяхъ: 1) послѣ глухихъ согласныхъ вм. v и передъ с, ѿ вм. того же согласного; 2) вм. сиц; 3) вм. си въ концѣ слова; 4) въ заимствованыхъ словахъ, соотвѣтствуя согласному f того языка, изъ котораго заимствовано слово.

Примѣры:

1) См. выше.
2) фáтиш 135, се фáштаат 122, фáштат 156, фýрл'ам 136, фýрл'ат 157, фýрлиш 153.

3) бреф 138, нэзлегоф 132.
4) фтасам - ڇڻاڻي, 'Рѡи. ڇڻاڻو 137; фтáсаат 131. фтéсаает--ڇڻاڻي، 'Рѡи. ڇڻاڻي 173. Но ср. новогреч. ڇڻاڻي و ڇڻاڻي.

фéлаат 120. 'Рѡи. ڇڻاڻي 173. Но въ аромун. і въ словѣ того же корня, какъ и въ болгар.: ڇڻاڻي 173; въ алб.—v: ڇڻاڻي - vjén'e. Нгр. ڇڻاڻي.

фýрната (вин.), 'Рѡи. тóу ڇڻاڻي 153. 'Алж. ڇڻاڻي 153. Въ Вláж. инос слово: ڇڻاڻاپلی—čirapli. Въ „карамалицкой“ параллели солунского изд. ڇڻاڻي 140б. Н.-греч. ڇڻاڻي—лат. furnus (St. Romansky. Lehnwörter latein. Ursprungs im Bulg. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ XV, 104).

[от] фара, 'Рѡи. [άπο] γενεά, Вláж. té[de] ڇڻاڻا, 'Алж. тé ڇڻاڻا. Въ н.-греч. известно также ڇڻاڻا. „Германское слово, пришедшее на Балканский полуостровъ при помощи романскихъ языковъ“ (G. Meyer. Neugriechische Studien. IV. „Sitzungsber.“ Bd. 132. Стр. 94).

фортбата, 'Рѡи. тó ڇڻاڻي 174. фортоми, 'Рѡи. ڇڻاڻي 157. Но въ н.-греч. и тó ڇڻرتما.

фýрката (вин.), 'Рѡи. тó ڇڻاڻي, Вláж. ڇڻاڻي, 'Алж. ڇڻاڻي. Лат. furca (Romansky. Op. cit. 107).

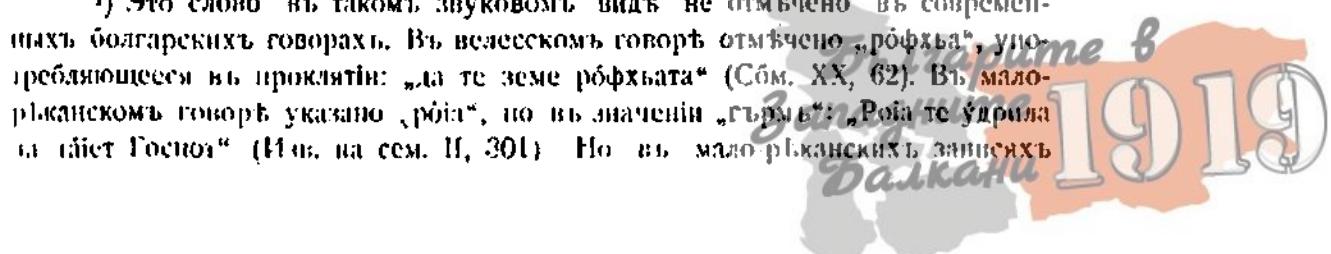
[от] дáфина, 'Рѡи. [άπο] δάφνη, Вláж. té[de] τ[d]αφή, 'Алж. тé τ[d]افنے 151. Вульг.-лат. daphne вм. daphne (Meyer. Wörth. d. alb. Spr. 58).

[от] триапдáфилот, 'Рѡи. [τοῦ] τριαντáفیلو, 'Вláж. [ا] ترختاڻیلو, 'Алж. [ئى] ترختاڻیلازى 148. Н.-гр. тó τριαντáفیلو, тó ترختاڻیلو.

наffora (въ солунскомъ изданіи—изфýра), 'Рѡи. ڇڻاڻو 172. Вláж. ڇڻاڻورا. 'Алж. ڇڻاڻو 142. Ср.-греч. ڇڻاڻورا (sacra oblatio, hostia).

рофéа¹⁾; сходно въ 'Алж. ڇڻاڻي. 'Рѡи. тó ڇڻاڻي 165. Греч. ڇڻاڻي (M. Фас-

1) Это слово въ такомъ звуковомъ видѣ не отмѣчено въ современныхъ болгарскихъ говорахъ. Въ велесскомъ говорѣ отмѣчено „рóфъя“, употребляющееся въ проклятіи: „да те земе рóфъята“ (Сбм. XX, 62). Въ малорыканскомъ говорѣ указано „рóја“, но въ значеніи „гърьма“: „Рóја те удрила и гáст Госпог“ (Ив. на сем. II, 301). Но въ малорыканскихъ записяхъ

меръ. Греко-слав. этюды II. „Изв. Отд. р. яз.“ XII, кн. 3, стр. 272).

зиафетите; сходно съ Ві́хъ. Σιαφέτης. 'Роф. τὰ σφυπό-
τα. 'Лір. z[г]ωφέτірат 135. Тур.-араб. зуясет.

кафесот—хáфесот, Ві́хъ. καφάσσα, 'Лір. харáсс, 'Роф.
тò хлоўзі 123. Имѣется и въ п.-греч. χαράστι, -ιοу. Тур.
kaſes (kaſas).

ch.

Во многихъ говорахъ Македоніи съ измѣнялось при извѣстныхъ условіяхъ въ ц и раздѣляло судьбу послѣдняго. *Воуїчáрхъ* Дидаскаліи, какъ и прочіе македонскіе говоры, имѣетъ сочетанія съ утраченнымъ ch. Утрачено съ въ началѣ слова (передъ гласнымъ и передъ l, r), между гласными, послѣ гласнаго передъ согласнымъ и въ концѣ слова. Такъ же, какъ и въ другихъ македонскихъ говорахъ, вм. съ. являемся f. Въ Дидаскаліи f замѣняеть собою только конечный ch.

1) арио 175, со áрио 160, ўбао, ўбаво 123, 120, 165;
леп 128, 171, не ранит 125, се ранит 126, раненіе 130.

2) чели—т҃éлъ 174, вм. че[х]ли; глúците γλούτες 168.

Въ другихъ говорахъ вм. ch находится f, развившееся при двухъ благопріятныхъ условіяхъ: при предшествующемъ гласномъ у и слѣдующемъ согласномъ—глуфци, глуфчес. Такъ въ Леринѣ (Шапк. IX, 315, 333) и въ иѣкоторыхъ другихъ говорахъ.

Утрачено ch въ бѣл[х]и; при этомъ, ch подъ влияніемъ слѣдующаго гласнаго i замѣнилось палатальной артикуляціей: ch'—j, и ассимилировалось съ предшествующимъ l, сообщивъ ему мягкость: үләж-бъл-бълъ 157.

3) сиаата 160, сáати 171, тѣргаа 157, бéа 161, мýата 126,
назýата 173, сýи—множ. 153.

4) се качи аор. 1 ед., 161.

f: бреф 138, йзлегоф 132.

Гораздо чаще въ Дидаскаліи встрѣчаются написанія съ ѿ. Такъ, образованія съ ход--постоянно передаются съ

II. Дыновскаго ветрѣчается „рофя“, въ знач. „молній“. — и [мълніците] носитъ за да я неударят рофиа през лето-то (Жив. Старина, 1899, I, 126). Близко къ мало-рѣканскому (по зап. Дыновскаго) сочетанію охридское: „рофја“—Св. Илья къ го потомит [согрѣт] вѣкот (сфѣгот) со рѣбните си—(Сбор. Шапкарева VIII, 188). Въ видѣ рофија, рофија, ровја* оно известно и другимъ говорамъ (Дювернуа. Словарь, 2064. Геровъ. Рѣчникъ, Ч. V, 81).

начальныиъ չ: хбдаат... и др. 122, 165, 174. Послѣ гласнаго: страхот 142, мѣхот 167, стрѣхата 143, грѣхойте 142, грѣхби[и?]те 182, шихна 160, иихтире 172 (2 р.); грѣх 133; форма аор. I сд., за исключениемъ двухъ вышеуказанныхъ случаевъ.—наїдох 136, клѣдох 138, зѣдох 139 и др.; въ числѣ послѣднихъ примѣровъ и—слѣгох 161; ср. на 132—йзлегоф.

Обычно չ употребляется въ словахъ заимствованныхъ. харен и другія образованія съ хар-; всего 11 случаевъ. Но 3 раза и безъ չ: см. выше. Греч. ἡ χάρις и другія образованія хѣл'аде хѣл'аде, 'Ром. χιλιάδες.

хброни[и]те(вин.), 'Ром. τοῦς χορός, Вѣлѣх. χόροιρη 135. (Алѣз. Յալետ). хброт[о] 176: да играш хброт. 'Ром. υἱοὶ χορεύῃς. Вѣлѣх. սեւօտչոյ շխօրիրոյ—se dѣoici пкоти. Греч. χορός. хаванот, 'Вѣлѣх. χαζାନ୍ତେ, 'Алѣз. χାଜାୟ 170. ('Ром. τὸ γουଡ଼). Тур. havan.—*ح*.

харамиите (2 р. 145. Въ одномъ случаѣ и въ Вѣлѣх. χა-
րամිස්ලී, и въ 'Алѣз. χାରାମିତା. Тур. harami.

хѣндек, 'Алѣз. չենտէх 157. Ср. 139: два хѣндека, 'Алѣз.
τοῦ չենտէх. Тур. چەندەك, چانداك. γ=չ.
хўзмик'ар, 'Алѣз. χօζμିକାର, Вѣлѣх. յօସମିକାରୁ 143.
Тур. χିର୍ମେଟକାର.

хѣкимот, 'Алѣз. չեଖିମା 139. Тур. hâk'im.
халиштата 126, хѣлиштата 151. Тур. χали.
йхтиза, Вѣлѣх. էջ! Հայա, 'Алѣз. էջ! Հ 118. Тур. اجتیاج-
لایی ijtihadz, iqtitâ (Ср. и слав. македонское cht-kt).
мѣхлем 147; въ аромун. и алб. параллеляхъ съ չ вм.
չ: Вѣлѣх. μεղլամ, 'Алѣз. μεղլեմ. Тур. mѣhlѣm и mѣhlѣm
(Miklosich. Die türk. Elemente. Denkschr. XXXV, 126). Въ солун-
ской книжкѣ „карамалицкая“ параллель имѣеть мѣхлѣмъ (13).

бахча 137, бахчета 139. Тур. bagča. Въ турецкихъ діалек-
тахъ Малой Азіи, откуда направлялись колонизаціонныя волны
въ Македонію, въ этомъ словѣ произносится Խ: բաշչա ¹⁾.

Въ одномъ случаѣ вм. չ находится չ, въ передачѣ չ
турецкаго تەجىز-zahmet. Съ չ передано это слово и въ ал-
банской параллели. Вouky. ڦاھمٰت, 'Алѣз. ڦاھمٰت 129.

Отсутствуетъ չ въ передачѣ заимствованного тур. слова
չاخىرە. Безъ չ и въ аромун. и алб. параллеляхъ. Но въ
греч. съ չ. 'Ром. ڦاھەرە, Вѣлѣх. ڦاھرە, Вouky. ڦاھرە.
'Алѣз. ڦاھرە 127.

¹⁾ В. Максимовъ. Опытъ изслѣдований тюрк. діалектовъ, въ Худавенди-
пар. и Караманіи. СПб. 1867, 38.

Отсутствует χ и въ передачѣ турецко-араб. слова *-sâ'at*. Безъ χ и въ аромун. параллели; съ χ —въ албанской. *Воуку. зâтат. Вlâd. зâтатъ, 'Алз. зâтат* 171.

Въ одномъ случаѣ употреблено χ вм. φ : *пôстахот* 166, въ значеніи корыта у колодца, у чешмы.—да пёрит на постахот на бўнарот, на чёшма. Въ томъ же значеніи это слово (съ *в-ф*) употребляется и въ другихъ говорахъ (Геровъ. Рѣчникъ. Ч. IV, 224. Сапкоf. Gram. 193). Въ албанской параллели находится то же слово съ согласнымъ φ : *постаф*. Несомнѣнно, и въ болгарскомъ говорѣ Диадаскалии находился тотъ же согласный: *постаф*, а затѣмъ по аналогіи и въ членной формѣ: *постафот*, какъ къ *рф-кърфот* (см. выше). χ появилось или по недосмотру наборщика, взявшаго изъ кассы вм. φ сосѣднюю букву— χ , или вслѣдствіе стремленія составителя болгарской параллели писать въ концѣ χ вм. φ . Въ послѣднемъ случаѣ опредѣлялось бы значеніе написаній съ конечнымъ χ .

Во многихъ южно-славянскихъ діалектахъ образованіе *ch* не представляло такой узкой тѣснинѣ, которая вызывала бы значительное треніе воздуха при прохожденіи послѣдняго въ полость рта. *ch* имѣло въ этихъ говорахъ широкое образованіе, и струя воздуха довольно свободно проходила между мягкимъ небомъ и приподнятой задней частью языка; треніе было незначительно, вслѣдствіе чего и шумъ получался слабый. Въ теченіе времени это небольшое съуженіе вовсе могло утратиться. Но раньше этой утраты артикуляція для такого *ch* отодвигалась дальше назадъ; съуженіе происходило ближе къ гортани или даже въ области ея. Развивался придыхательный элементъ *'*. Измѣненіе въ артикуляціи проходило и въ такомъ направленіи, что она осложнялась активнымъ участіемъ губъ, ихъ окружненіемъ и съуженіемъ этого окружненія. Вмѣсто *ch* (съ очень слабой фрикаціей) или *'* развивался *ff*— билабіальный съ слабо звучащей струей воздуха. Вѣроятно, близкій къ такому билабіальному звуку я наблюдалъ въ говорахъ Д. Полога: *fali, izlegof* и *izlegoç, -wif*. Еще же ближе къ переходному *ff* тотъ звукъ, который слышится здѣсь въ заимствованномъ словѣ *ka"fe* (Отчетъ 25).

Измѣненіе *ch* находилось въ сильной зависимости отъ окружающихъ звуковъ, какъ отъ предшествующихъ, такъ и отъ слѣдующихъ. Изъ дальнѣйшаго обозрѣнія замѣнъ *ch*

ясно будетъ видна эта зависимость. Отмѣтимъ лишь 2 примера. 1) На зависимость отъ предшествующаго гласнаго особенно ясно указываютъ нѣкоторые говоры сѣв.-восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи: тамъ вм. *ch* развился гласный неполнаго образования, по качеству подобный предшествующему: *du^unál*, *tekb^ote*, *sédná^ate*, *rotolíⁱte*...

2) Другая замѣна въ видѣ *čf* или *č* развивается въ зависимости отъ сосѣдняго гласнаго, гл., обр., лабіализованнаго, и отъ слѣдующаго согласнаго: *tiča*, *píčno*.

čf или замѣнившее его *č* могли утрачиваться при общихъ условіяхъ утраты билабіального *f* (глухого, соотвѣтствовавшаго билабіальному *w*) и *č* или замѣняться посредствомъ *f* въ концѣ слова и въ срединѣ передъ согласнымъ, преимущественно глухимъ. Передъ звонкимъ согласнымъ и между гласными такое *čf* замѣнилось съ теченіемъ времени посредствомъ *č-v*; но передъ сонорными *p*, *t* извѣстенъ и *f*. Онъ появлялся въ однихъ случаяхъ по аналогіи съ родственными образованиями, гдѣ *f* вызванъ былъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ: въ формѣ аор. 1 мн.—*fme* по аналогіи съ—*ste* 2 мн. Въ другихъ случаяхъ развитіе *f* находилось въ связи съ физіологической природой *č* и тѣмъ болѣе *čf* даннаго говора, произносившихся при ненатянутомъ положеніи голосовыхъ связокъ: ср. выше о *f* вм. *č*.

Таковъ общий характеръ измѣненій, пережитыхъ македонскими говорами въ области **ch*. Но отмѣтить діалектические районы, въ которыхъ отражается то или иное изъ указанныхъ измѣненій, невозможно: одна и та же діалектическая группа представляетъ нѣсколько стадій и видовъ измѣненія *ch*, иногда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

ch еще держится въ говорахъ юго-восточной Македоніи: въ Кукушской, отчасти Воденской (Сбм. XVII, 452, 455) и Солунской (Oblak. Mac. St. 77; Rad, knj. 145, 136 и зап.) областяхъ употребляется *ch* между гласными, передъ согласнымъ въ срединѣ слова, въ концѣ слова; въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ кромѣ того и въ началѣ слова передъ гласнымъ; въ начальномъ же слогѣ передъ согласнымъ и въ этихъ говорахъ *ch* утрачено: *tana*, *lep*. Лишь спорадически передъ согласнымъ въ начальномъ слогѣ (передъ I) произносится *ch*. Согласный *ch*—сь очень слабой фрикаціей, въ особенности между гласными и въ концѣ слова.

Въ указанныхъ положеніяхъ сохраняется такого же образованія сh и въ ближайшихъ говорахъ юго-западной Болгаріи (въ Г. Джумай: Сбм. XX, 10; въ Кюстендилѣ: Сбм. X, 360; Сб. Любенова: ср. его замѣчаніе: „тукъ [бех] х-то се чуе много слабо“. 66).

Въ тѣхъ же областяхъ юго-восточной Македоніи, гл. обр., въ Воденской и Солунской, известны сочетанія и съ утраченнымъ сh не только въ начальномъ слогѣ, но и въ срединѣ слова (между гласными).

Что касается гортанного элемента ⁴ вм. сh, то онъ отмѣченъ въ говорахъ съверной и восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи. Д. Пологъ: 'атот, со'атот, 'арно му је тамо; грѣтум (Отчетъ 17). Скопье: остави'ме, не можемъ (Минало I 1, 66). Кратово: „Звукъ х постоянно с като придиление, на пр. 'убав, сна'a, реко'“ (Псп. V, 122). Штипъ: между гласными (Сбм. XI, 589. Шандаровъ). Кюстендиль: Сбм. X, 360 (Й. Ивановъ). Г. Джумая: Сбм. XX, 10 (Хр. Стоиловъ). И въ другихъ мѣстностяхъ западной Болгаріи встрѣчается ⁴ вм. сh. Такъ, въ записяхъ изъ Чипор[о]вцевъ, находящихся въ „Памятникахъ болгар. народ. творчества“ Качановскаго, нерѣдко находится ⁴, значеніе которого сомнѣнія не возбуждаетъ: 'ала, 'алу (339). Такъ и въ видинскомъ Н. Селѣ: отидѣ (Сбм. XVIII, 483). Еще въ 40-хъ г.г. прошлаго вѣка употребленіе сh (слабаго) или ⁴ (h-γ) было известно не только въ западной Болгаріи и съверной Македоніи, но и въ юго-западной области Македоніи. Такъ, по отношенію къ говору Струги обѣ этомъ ясно свидѣтельствуютъ записи В. И. Григоровича. На листкѣ, находящемся въ папкѣ № 1858 Румянц. Музея, записаны 2 пѣсни „слышанныя въ Стругѣ 14 мая“ [1845 г.—добавлено въ копіи, сдѣланной Григоровичемъ для Шафарика и хранящейся въ Чешскомъ Музѣѣ ¹]. Въ этихъ записяхъ имѣются такія передачи: губаво,—въ праж. спискѣ—hubavo, ohгido града. Въ тѣхъ же записяхъ встречаются примѣры и утраты сh и его замѣны посредствомъ v: ўбавина та, лѣбъ, пазуа; суво. На существование въ македонскихъ говорахъ h или ⁴ вм. сh указываетъ замѣчаніе Григоровича, сдѣланное имъ въ лекціяхъ по „Обозрѣнію Слав. Нарѣчій“ (Румянц. Музей, № 1855): „х произносится глуше, чѣмъ въ ц. слов. языке и даже

¹) Пользуюсь спискомъ этой копіи, принадлежащимъ проф. Н. М. Петровскому.

переходитъ въ г: орѣхъ-орѣгъ" (20). Тамъ же указаны и замѣны сh посредствомъ ф (8). Эти замѣны, а также безслѣдная утрата сh отмѣчены имъ и въ „Донесеніяхъ“ (Казань. 1915, стр. 207).

Въ прилѣпскомъ говорѣ ' или h держалось и позднѣе, въ 80-хъ и 90-хъ г.г., какъ увѣряетъ К. Шапкаревъ. „То [x] се чуе, нѣ не ясно, а твѣрдѣ глухо и тѣмно“ (Псп. XLVIII (1895), 993). Д. Мирчевъ, въ описаніи прилѣпскаго говора (Сбм. XX, 1904), уже отрицаетъ существованіе ' —h въ этомъ говорѣ (стр. 12).

Чаще всего однообразіе въ судьбѣ сh въ македонскихъ говорахъ наблюдается въ положеніи его 1) въ началѣ слова, 2) въ концѣ слова. Въ первомъ случаѣ, когда за сh слѣдовалъ согласный, сh утраченъ всѣми македонскими говорами, за исключеніемъ немногихъ на юго-востокѣ (сплср). Также почти во всѣхъ говорахъ утрачивался сh и передъ гласнымъ въ начальномъ слогѣ. Но въ этомъ положеніи на юго-востокѣ встрѣчается сh чаще, чѣмъ передъ согласнымъ въ начальномъ слогѣ. 2) Въ концѣ слова сh сохраняется въ нѣкоторыхъ говорахъ юго-восточной Македоніи: отечs, strach, форма аор.-имперф. 1 ед.: Солун. Формы аор.-имперф. 1 ед. оканчиваются на сh и въ говорахъ воденскихъ и кукушскихъ. Слабое сh произносится въ концѣ слова и въ Г.-Джумайской области.

Въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ конечно сh утрачено безъ слѣда: Костуръ: стра, вѣр (Книжици II, 51). Леринъ: сирома, јас виду-аор., направи, побѣгна (Сбм. VIII, 160, 161). Д. Пологъ: гра, стра (Отчетъ 17). Скопье: сирома (Сбм. XI, 111). Велесъ: стра (Сбм. II, 214). Кратово: пратѣ, дојдѣ (Минало I 1, Сбм. IV).

Въ большинствѣ же македонскихъ говоровъ вм. конечнаго сh развился f.

f (v) вм. конечнаго сh находится въ говорахъ битольскихъ, прилѣпскихъ, маріовскихъ, рѣсенскихъ, охридскихъ, стружскихъ, дебѣрскихъ, кичевскихъ, порѣчскихъ, крушовскихъ, г.-положскихъ, радовиштскихъ. Непослѣдовательно f употребляется въ говорахъ д.- положскихъ, скопскихъ и скопско-черногорскихъ, велесскихъ.

Битоля: излагайф, сакаф (Сбм. XV, 90), сиромаф, страf (Шапк. IX, 297, 309). затворив закл'учив, кога влегов, најдове арамија („Карац.“ II, № 5). Прилѣпъ: страf, буф-филипъ (Сбм. XI, 98, 139), бреф (Сбм. XX, 12), отидоф, беф, посиф...

Маріово: сиромав; зедов, пресудив; во нив (Сбм. XVI—XVII, 286, 288, 289). Рѣсенъ: страф, аор. 1 ед. на -в, ф (Сбм. VIII, 230, 231; Псп. XLI—XLII, 868...). Аналогичны примѣры и для прочихъ говоровъ.

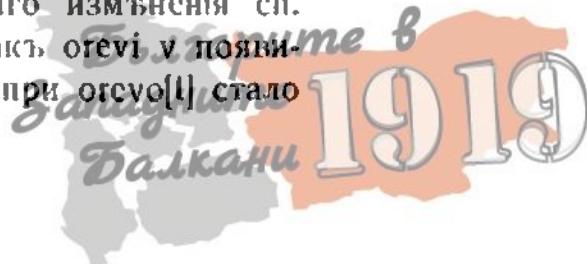
Замѣна сѣ въ срединѣ слова не представляеть такого сравнительно единообразія, какое отмѣчено для конечнаго сѣ. Въ этихъ случаяхъ надо различать положеніе сѣ а) между гласными и б) послѣ гласнаго передъ согласнымъ, ибо измѣненія сѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ были различны въ томъ и другомъ положеніяхъ.

1) Между гласными слабо-фрикативнос сѣ, а во многихъ говорахъ несомнѣнно билабіальное ڇf или ڇ, развившіеся вм. такого сѣ, были утрачены: тиѣ, огѣ, siromao[t], тиа, ио, vikaа, doidoа... Такъ вообще по всѣмъ говорамъ Македоніи. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на-ряду съ сочетаніями безъ замѣны сѣ употребляются и сочетанія съ въ между гласнаго. въ находится послѣ гласныхъ задняго ряда: а, о и чаше всего послѣ и; рѣдко между е и гласнымъ задняго ряда.

Костуръ: пазўата (Книжици II, 50), кожўви (Сбм. VIII, 255). рўвото („Новини“, 1890, № 5), мавае (Книжици, I, 32). Прилѣпъ: мува и—муза, уво, пазува и пазуа, гревот... (Сбм. XX, 12). Маріово: доїдова (Сбм. V, 27), Рѣсенъ: ўвото (Сбм. VI, 139), мўва, мўјте (Сбм. VIII, 231). Крушово: руо, пазува (Сбм. XV, 163, 169). Велесь: грёвота и грёота (Сбм. XIII, 164), ўвото (Сбм. VII, 128), пérдувот (Сбм. XII, 133), се на́вога (Сбм. II, 213), сўво (Сбм. V, 171), но—мўа (Сбм. VII, 126).

Послѣдовательно въ между гласными употребляется въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 244; Oblak. Mac. St. 77; Жив. Стар. 1899, I, II, зап. Дыновскаго). Тамъ не только—„кожуви“, но и „ореви“, хотя не исключено и ореji. Въ нѣкоторыхъ другихъ дебърскихъ говорахъ также присутствуетъ въ вм. сѣ между гласными, напр. въ говорѣ с. Кленье (Oblak. Mac. St. 78). Но въ одной категоріи сочетаній замѣна сѣ отсутствуетъ во всѣхъ дебърскихъ говорахъ: въ формѣ имперф. и аор. 3 мн.: плѣтс[j]а, зѣ[j]е[j]е, йгра[j]е, плѣто[j]е.

Вѣроятно, не во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ присутствіе въ зависѣло отъ фонетического измѣненія сѣ. Полагаемъ, что въ такихъ сочетаніяхъ, какъ огѣ, у появилось подъ вліяніемъ формы ед: огево[i]; при огево[i] стало произноситься также огѣ вм. огѣ[j].

2) Въ положеніи с̄h передъ согласнымъ наиболѣе распространеннымъ въ македонскихъ говорахъ явлешиемъ было развитіе f--v. f по говорамъ находится не только передъ глухимъ согласнымъ, но и звонкимъ. О причинахъ появленія f говорилось выше. v—f передъ согласнымъ известно говорамъ областей Битольской, Прилѣпской, Маріовской, Рѣсепской, Охридской, Стружской, Дебърской, Кичевской, Порѣчской, Крушовской, Положской, Скопской, Велесской,—т. е. говорамъ, занимающимъ всѣ центральныя, западныя, юв.-западныя и юго-западныя области Македоніи.—мавни, сиромафче, бафча, завмет, пистовме или -фмс, плетофме, носивме или -фмс, носифте...

На югъ, въ Костурскомъ и Леринскомъ краяхъ, с̄h утрачено безъ слѣда и передъ согласными, какъ и въ концѣ слова. Костуръ: мାнал, имаме, имате—аор. (Книжици II; Шапк. IX; зап.). Леринъ: манити го оттука! доїдоме, видбте (Сбм. VIII, зап. Шапк. IX, 324). Да въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ Македоніи встрѣчаются случаи безслѣдной утраты с̄h передъ согласнымъ: въ Воденѣ, Кукушѣ (Сбм. XVIII, 370), Дойранѣ (Шапк. IX, 370), Радовиштѣ („Карац“. III, № 5): мане, вјане; въ Піянцѣ: янál го с [коня] (Псп. XII, 120).

По говорамъ произносятся па-ряду съ v—f и билабіальные звуки съ болѣй или меньшей звонкостью. Такое явленіе отмѣчено мною въ говорахъ Д. Полога: jadowmo i riwmo... Гѣ же говоры представляютъ и иную замѣну с̄h передъ соглас. звонкимъ: фрикативный задненебный ڻ: dojdoڻtme, но рядомъ и turivme.

Наконецъ, передъ согласнымъ вм. с̄h является гласный неполного образованія, по качеству подобный предшествующему гласному. Такъ въ велесскомъ и штипскомъ говорахъ: сълѣда^зме, сѣде^зме, дуунал сум, рекбо^зме, помолй¹ме (Сбм. XI, 489—590; X, 138); зѣдо^зме, сѣдна^зме (Сбм. V, 172).

То же явленіе развитія неполного образованія гласного свойственно и говорамъ западной Болгаріи: кюстендилскому, самоковскому, дупническому (зап.). Съ другой стороны на южно-западѣ, въ Видинѣ: пра^зтж, муунал, ду^з божи и въ концѣ: кожу^з, мъ^з, тѣжък дѣ^з (Сбм. XIX, 9).

Между гласными и послѣ гласного передъ согласнымъ им. с̄h въ отдельныхъ случаяхъ по говорамъ употребляется i (j). Слѣдуетъ разграничить двѣ категоріи употребленія i

вм. ch. 1) ѿ (j) фонетически могъ развиться вм. чи, находившагося послѣ гласнаго передняго ряда или передъ гласнымъ того же ряда. Въ такомъ положеніи ch→ch'→j. Стадія ch' до сихъ поръ еще сохраняется въ говорѣ деревни Дере-к'ой (въ округѣ Казыл-Агачъ; жители этой деревни, по наблюдению Б. Цонева,—потомки переселенцевъ съ запада, изъ восточныхъ областей Македоніи. См. его статью: „Westbulgarische Dialekte in Ostbulgarien.“ Zbornik u slavu V. Jagića). Здѣсь говорятъ: irēch', kírīch'. Въ срединѣ же слова—j(j): strēja, kiprījte, bъjla. Сходное явленіе представляеть говоръ с. Чешнегиръ Нова-Махала въ Станимачской околії.—чуих', чуих'ти, плитѣх',—х'ти... Въ срединѣ же сочетанія, передъ звонкимъ согласнымъ (съ гласнымъ передняго ряда) вм. х' является ѡ: одиѡми, видиѡми, таїни... (Изв. на сем. II, 428—429)¹⁾.

Отъ сочетаній съ гласнымъ передняго ряда ch'-j могло переноситься и въ сочетанія съ другими гласными въ родственныхъ формахъ. По аналогіи съ образованіями molijte; molija, nesejte, neseja могло появиться vikaјte, vikaјa²⁾.

2) ѡ появляется послѣ окончательной утраты чи между гласными: а) послѣ i, какъ переходный элементъ къ слѣдующему гласному, б) между другими гласными: saat ; saјat; ср. колебаніе въ употребленіи сочетаній съ прежними ѡ: таја и таа, одаја и одаа и т. под. Развитіе вторичнаго между гласными задняго ряда или передъ гласнымъ того же ряда довольно значительно въ македонскихъ говорахъ. Напр.: се зёмат ѡбата (Леринъ): да ѡбат, да ѡубијс, нијс ѡоба (Кайляръ, Костуръ), ѡот, ѡуграс... (Крушово).

Случаи употребленія ѡ между гласными въ кориѣ словъ рѣдки: стреја, мејана, сајат. Чаще послѣ гласнаго i передъ согласнымъ: нијна, нијнио(т), кијнал. Гораздо чаще, а въ нѣкоторыхъ областяхъ послѣдовательно употребляется ѡ между гласными въ окончаніи формъ имперф., аор. З мн. Въ этомъ положеніи ѡ известно и на югѣ Македоніи, и въ центрѣ, и на сѣверѣ.—молија, несеја, одеја, седнаја, к'ини-

¹⁾ Переходъ чи въ чи' подъ влияниемъ предшествующаго i наблюдалась и въ нѣкоторыхъ другихъ слав. языкахъ. чи' при такомъ условіи отмѣчено О. Брокомъ въ польской краковской рѣчи, въ сербской мостарской (Очеркъ физіологии 160).

²⁾ На Косотѣ отмѣчено: у зелену бајчу (Срп. Ети, 36, VII, 208). Появлениe адѣсь ch→j(j) вызвано было переходной артикуляціей отъ а къ ѡ.

саја, дојдоја. Рѣже ј находится и въ формахъ 1, 2 мн.: бејме, пајадојме (Велесъ. Сбм. V, 148).

ј въ окончаніи формъ имперф., аор. 3 мн. известно и говорамъ западной Болгаріи, южной и съверной: зимаја, казуваја, лажеја, викаја, молија,—на югъ; беју—на съверо-западѣ Болгаріи (Мариновъ. Ж. Стар. II, 67.). Съ другой стороны, „беју“ и т. под. слышатся къ съв.-западу отъ Македоніи, на Косовѣ (Срп. Ети. Зб. VII, 195). Но какъ въ македонскихъ говорахъ, такъ и въ западно-болгарскихъ, формы имп., аор. 3 мн. употребляются и безъ ј.

ј въ формахъ имперф.-аор. въ отдельныхъ говорахъ появилось въ очень недавнее время. Въ этомъ отношеніи важное значение имѣютъ даннія писаній Кирилла Пейчинича и его земляковъ-современниковъ: въ говорѣ Кирилла Пейч. еще не было распространенія ј въ окончанія формъ основъ не -i. Въ „Огледалѣ“ (1813 г.), „Утѣшениіи грѣшнымъ“ (1840), Житії Лазаря (напеч. въ Отчетѣ, 37—41), рукописи Начова (Псп. XXXIX, 419—427) отсутствуютъ примѣры, которые указывали бы на это распространеніе: закопа, пи-саа, велеа, бришеа, чинеа, носеа и др. Но въ основахъ на -i присутствуетъ ј: йзвѣдіј (Утѣш. 41, 42об., при йзвѣдіа 40об.); поставіј (Жит. Лаз. Отчетъ 38—3 р., 42); ёбим (ркп. Нач. Псп. XXXIX, 423—2 р.), ѿвориј ib. 420), фатиј (ib. 427).

Позднѣе, ј проникло и въ формы другихъ основъ. Въ современныхъ говорахъ ј находится не только въ „молија“, „скрија“, но и въ—сѣдаја, даруја, венчаја, се собраја (Отчетъ 17).

Такую же пеструю картину въ отношеніи судьбы ch представляли македонскіе говоры и въ XVII—XVIII в.в. Несомнѣнно, еще существовало слабо-фрикативное ch. Но при сочетаніяхъ съ такимъ ch употреблялись и сочетанія съ утраченнымъ ch или со звукомъ, замѣнившимъ собою ch: Іv), ј. Такъ, въ письмѣ изъ Крушова 1637 г. находятся: шреи, ѿдамъ, 1 саять, седовъ, зедовте (Минало I 3, 292-293). Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в.: ѿреви 29об. миалие 70об., зеа 17об., сѣлш ѿрешвецъ 9, 36 и др.. цветко мариѣсцъ 42. селш строфиа 36, 112. (и—строфиј 112; соврем. Стровия, Прилѣп.). Но и—строхиа 64об. (2 р.), 67 об. ѿрѣхвецъ 6, сел ѿрѣхбвъдоль 11; ханџа 115, Сахани 17об. михо 72об. село рѣхци 17, 38 об., 80 и ѿ рѣхчевъ 86. исхтена 117об. и др. харизанъ и аризанъ 79 и др. О звуковомъ значеніи этого х, о его близости къ і или била-

запишите в
Балканы 1919

біальному і, свидѣтельствуетъ употребленіе въ вм. ф въ передачѣ слова „фортома“: ѿ хортома 70об.

снц. Сочетаніе снц замѣнилось однімъ билабіальнymъ звукомъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ это былъ билабіальный і или w.

Вслѣдствіе нахожденія этого билабіального звука въ началѣ слова передъ гласнымъ, утраты его не произошло¹⁾. Но въ срединѣ слова между гласными онъ могъ утрачиваться. Ср. прилѣпское к'еот (Сбм. XI, 144), нечл. к'еф (хотя въ этомъ словѣ и не было исконнаго снц, но все равно: прежнее снц и заимствованное і дали одинаковый результатъ). —Припомнимъ, что въ томъ же говорѣ и—ореот, нечл. ореф.

Съ теченіемъ времени вм. билабіальныхъ і w, не подвергшихся утратѣ, стали произноситься губно-зубные. Но и билабіальное образованіе, нѣкоторыми говорами до сихъ поръ еще удерживается. Таковы говоры Д. Полога: *fali*. Такого же образованія і я слышалъ и въ заимствованномъ словѣ *baſčalukot*. Съ большей билабіальностью и звучностью произносится тамъ і въ „кофе“: *kaſfe*.

О і въ заимствованныхъ словахъ ср. ниже.

і вм. снц слышится въ областяхъ Костура, Охрида, Дебра, Д. Полога, Тиквеша, Водсна, Кукуша, Солуня.—Ср. здѣсь случаи употребленія і вм. (v) въ начальномъ слогѣ передъ п, л.—і употребляется и въ другихъ македонскихъ областяхъ. Но тамъ известна и другая замѣна снц: v. Напр., Рѣсенскій край: фатил (Сбм. IX, 155), се фалиш (Книжици IV—VII, 268), върлив, вѣтеше (Псп. XLI—XLII, 887, 902). Леринская область: фатил и—вѣти (Шапк. IX, 313). Кичево: фати, зафали се, преимущественно съ-ф; вѣтила, върлил (Сбм. XIX, II, зап. Сб. Иконом. 141, 142; Шапк. VIII, 224-225, 231). Порѣчье: фатујеш, ватат („Караций“ III, № 5). Велесь: се фатиме, фак'а; ване (Сбм. V, 148; XIII, 174). Въ бѣрсацкомъ кружовскомъ говорѣ первой половины 17 в. употреблялось і вм. снц: фала—въ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 291).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ употребляется преимущественно v. Такъ въ Битолѣ, Прилѣпѣ, Скопѣ, Кратовѣ, Кумановѣ, Скоп-

1) Въ нѣкоторыхъ восточно-болгарскихъ говорахъ утрачивалось въ опредѣленныхъ случаяхъ и начальное ц (см. выше. Miletić. D. Ostb.). Тамъ же можетъ утрачиваться и начальный слабый спирантъ вм. снц или сохраняться въ видѣ с: ѡкът—хвѣркатъ (Ст. Село у Тутракана. Weigand. Jahressber. XV, 160).

ской Черной Горѣ. Но сочетанія съ і не чужды и этимъ говорамъ. Въ юго-западной Болгаріи находится ф вм. счц.

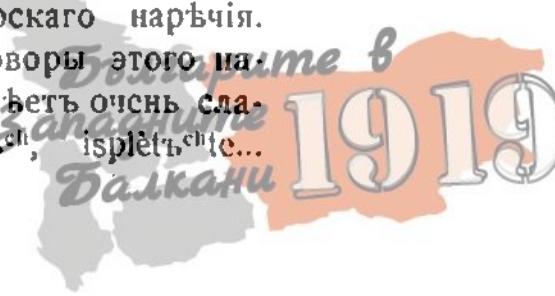
Въ съверо-западныхъ говорахъ Болгаріи произносится в: прл'и, вану (Търиъ. Псп. XI, 122, 137).

Въ юго-восточной Сербіи вм. счц- находится ц и „весьма рѣдко“ ф (Беличъ. Дијал. 164).

Однаковую съ судьбу съ сочетаніемъ счц- имѣль і заемствованныхъ словъ: въ этихъ словахъ произносится или і (или билабіальное і) или в (w).

Костуръ: на сїл'афо, флорйни, фурната, софра (Книжици II, зап.);—ср. ф вм. счц. Порѣчье: весот („Карадић“ III, № 5);

ср. ф и в вм. счц. Битоля: вўрни, зијавето, собра; здѣсь же и—вѣтија (Шапк. IX, 299, 301 Сбм. XV, 121, 127). Рѣсенъ: весот (Псп. XLI—XLII, 899). Прилѣпъ: вес, верман, каве (Сбм. XI, зап.), вајде (Сбм. VIII, 170); здѣсь преимущественно в и вм. счц.—Въ трескавечскомъ помяниникѣ; отразившемъ черты прилѣпскихъ говоровъ, также встрѣчаются в вм. ф: йосивовъ 21об., йосибъ 121, митко вилиповъ, стеванъ 125. совиѣ 128об., чивликотъ 46об.—Велесъ: ср. замѣчаніе Бояджіева: „изобщо звукъ ф се употребує вместо в отъ гражданите а нашите селани го произнесујатъ како в : внука, се вана, врли (хвърли), Сия (София) весь (фесь) и пр.“ (Псп. III, 183, прим. 6). Д. Пологъ: билабіальные, f—щf: см. выше. Кратово: вес, вурна; вм. счц—v; отсутствуетъ утрата ц между гласными—(Сбм. IV, 316 и др. зап.). Ск. Черногорье: вурна: куде вурнацију (Насеља III, 491; Срп. Ети. Зб. VII, 510). Такъ же въ Кумановъ: вамилија (Хц.-Василь. I, 331). Въ Прешевскомъ краѣ это слово имѣеть ф или п, к. Съ однимъ изъ двухъ послѣднихъ согласныхъ оно произносится въ области Пчини (Хц.-Василь. II, 284).—ср. также—пајтон (ib. 291).

Совершенно въ такомъ же, какъ въ Македоніи, направлениіи происходило измѣненіе ch въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи: утрата ch, замѣна его посредствомъ і (въ концѣ слова и въ срединѣ передъ согласнымъ), v (между гласными задняго ряда), ј (фонетически въ зависимости отъ гласнаго передняго ряда въ сосѣднемъ слогѣ, а по аналогии и въ другихъ положеніяхъ). Такія измѣненія ch представлены говорами всѣхъ областей восточно-болгарскаго нарѣчія. Но на-ряду съ утратой ch и его замѣной говоры этого нарѣчія удерживаютъ и ch, которое иногда имѣеть очень слабую артикуляцію. тиch'a, kàrach'a, isplètch'e...

(Miletić. Die Rhodopin. 129, 133, 223). Т. обр., процессъ утраты ч въ восточно - болгарской языковой области еще не завершился: еще держатся сочетанія съ ч на - ряду съ сочетаніями безъ ч при одинаковыхъ условіяхъ. Интенсивнѣе процессъ утраты ч отразился въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ категоріяхъ: именно, конечное ч въ формѣ аор. и имперф. 1 ед. замѣнено обычно посредствомъ І. Тотъ же согласный является вм. ч и въ формѣ 1, 2 множ.: ſme, ſte. Въ формѣ 3 мн. чъ обычно утрачено безъ слѣда. Рѣже въ или ј замѣняютъ ч въ этой формѣ. Такова же судьба чъ была и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ (см. тексты въ Denkschr. VII и Сбм. XIII). Въ общемъ судьба чъ въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи одинакова съ судьбою чъ въ восточно-македонскихъ говорахъ. Большинство же прочихъ македонскихъ говоровъ окончательно утратило чъ или безъ слѣда, или замѣнивъ его другимъ звукомъ. Если македонскія и болгарскія измѣненія чъ проходили независимо один отъ другихъ, то все же несомнѣнно: эти измѣненія исходили отъ одинакового физиологического характера чъ въ болгарской и македонской языковыхъ областяхъ, — характера, обусловившаго и дальнѣйшіе тожественные результаты измѣненія этого согласного. Одна изъ существенныхъ чертъ образованія болгарско-македонского звука, соотвѣтствовавшаго праславянскому чъ, заключалась въ активномъ участіи губъ при произношеніи этого звука при сосѣднемъ гласномъ задняго ряда или при слѣдующемъ согласномъ. При широкомъ образованіи для чъ, при постепенно развившейся утратѣ съуженія между задней частью языка и мягкимъ небомъ, при участіи губъ,—ихъ округленіи, замѣнитель *чъ сталъ произноситься, какъ билабіальное І (w)→І (v). Взаимная близость между слabo-фрикативнымъ чъ и билабіальнымъ І въ македонскихъ говорахъ была отмѣчена выше. О ией говорятъ факты и восточно-болгарского нарѣчія. Ср., напр., нерѣдко встрѣчающееся явленіе чъ вм. І: ѡchci, ѡchse, Ich вм. leſ (lev), truchilo (Miletić. Das Osib. 99, 156). Съ другой стороны ср. въ говорахъ юго-западныхъ І вм. чъ: дѣфтор [kt-čt], дофторт (Кюстендиль. Сб. Македонскаго 8), пофти (Сб. Любенова 10); фтела (Разлогъ. „Додатак“, 41).

Вм. чъ- въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи І и чъ въ fürlit, zalâne, chânyl, chytli, ischlîrle (Miletić. Das Osib. 277, 288, 156; Die Rhodopin. 90). Вм. І. въ заимствованныхъ словахъ

и ч: *musalirin, marisét, chilip* (Miletic. Das Ostb. 277, 251, 89).

Чл. обычно заменено посредствомъ ф. Но и въ этомъ сочетаніи некоторые восточно-болгарскіе говоры имѣютъ чл: *ch'ážl'čimě, ch'az'at* (Miletic. Das Ostb. 98).

Въ юго-восточной Сербіи чл утрачено обычно безъ слѣда. Рѣдко между гласными находится ц: *dreni, béci* (Белић. Дијал. 162, 163). Но въ этихъ случаяхъ ц не представляетъ фонетической замѣны чл: онъ появился послѣ окончательной утраты чл. ц находится въ зависимости отъ сосѣдняго лабіализованного гласнаго, какъ и въ другихъ случаяхъ между гласными: *atpacití, cídica, kaçítin, précipik, rgañicet, i çedni...* (Белић. Дијал. 162--163).

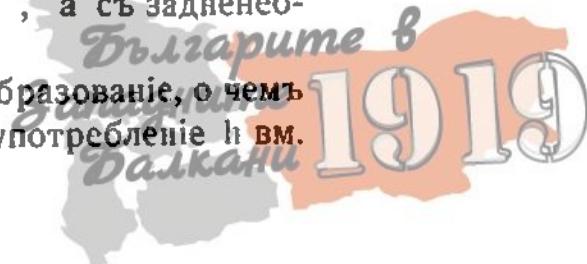
Такого же происхожденія ц—у и въ сочетаніяхъ *gluv, óčuv, suv* (Brocl. Dial. 28. Дијал Зб. II, 384), где конечное у обязано вліянію тѣхъ формъ, где за и слѣдовалъ гласный: *glu-v-a, suva, očuvaš.. -j (i)* въ *grej* (Дијал. Зб. II, 384) подъ вліяніемъ *grejove*. Въ зависимости отъ гласнаго передняго ряда появилось ј и въ слѣдующихъ сочетаніяхъ: *çnaje, mejanе, mejačiku* (Пиротъ. „Карац“ I, № 3—4).

Албанское и аромунское һ (ch).

Образованіе глухого фрикативнаго һ и его измѣненія въ албанскихъ говорахъ тожественны съ судьбою чл въ славяно-македонскихъ говорахъ. Албанское һ имѣеть широкое образованіе задняго ряда, близкое къ области образования гортанныхъ согласныхъ. Въ особенности оно „слабо“ произносится въ говорахъ тосковъ и южныхъ геговъ, обычно имѣя значеніе придыхательного фрикативнаго элемента. Энергичнѣе образованіе этого звука бываетъ непосредственно послѣ согласнаго: *kha, rehui*. Въ началѣ слова, между гласными и въ концѣ слова һ совсѣмъ утрачено многими говорами, преимущественно тосковъ и южныхъ геговъ. Въ концѣ слова и передъ согласнымъ һ— замѣнилось посредствомъ ф, въ особенности послѣ о, и; но эта замѣна не проведена послѣдовательно. *šof (šoh)* —вижу, *n'of (n'oh)* —знаю; но только *krah*-рука, *kra'z*-тоск. мн., vlah — *vle* ← *vlee* ← *vle'e* ← *vlehe*, i leste вм. i lehte — легкій.

Особое замѣчаніе надо сдѣлать для заимствованныхъ турецкихъ словъ: они произносятся не съ һ, а съ задненебнымъ согласнымъ һ: *zahmet*.

Албанское һ имѣло лабіализованное образованіе, о чмъ свидѣтельствуетъ не только һ → ф, но и употребленіе һ вм.

въ такомъ заимствованномъ словѣ: pluhur вм. лат. pulvorem.
—Объ албанскомъ ю см. замѣчанія Weigand'a: Alb. Gram. 6,8.
Pekmez'i: Gram. 62. Pedersen'a: Alb. Texte 7. Dozon'a: Manuel
de la langue chkire. Paris. 1879. 180—181.

Что касается аромунского *h-čh* (въ заимствованныхъ словахъ) то его утрата или замѣна посредствомъ ¹ встречается въ говорахъ, хотя и не повсюду. Такъ въ говорѣ аромунъ, живущихъ въ Албани: 'andži, 'andžiuļu (Jahresber. d. Inst. f. rum. Spr. XVI, 203). Такъ въ охридскомъ говорѣ: abarc вм. habare, avaе вм. havac... (Weigand. Die Aromunen. II, 357). Такъ и въ говорѣ мегленскихъ влаховъ (Weigand. Vlacho-Meglen. 20).

tj (-kt') -*dj.

Замѣна ранняго праславянскаго сочетанія *tj, а также общеиндоевропейскаго *kt передъ гласнымъ передняго ряда въ болгарскомъ говорѣ Диадаскаліи не одинакова во всѣхъ случаяхъ: она является или какъ št—š, или какъ k' палatalное Основная замѣна *tj (*-kt') въ этомъ діалектѣ—št(s). Возможно, что въ произношениі были не только элементы št, но вторая часть этого звукового комплекса, его взрывная часть, сопровождалась слабымъ длительнымъ элементомъ š, т. е. št имѣло небольшую длительную рекурсію. Писавшій въ 18-мъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые изъ записывающихъ народныя „умотворенія“ и въ наше время, могъ ограничиться только знаками для št: ст.

лѣстѣ—лѣшта 133, сфѣшта 142, врѣштата 174, гаштите—хѣстїте 166, фаштат 156, се фаштаат 122, 125.

уá пóлнóзз· на полнош 121.—Въ этомъ выражениіи ѕ (вм. št—št) держится еще во многихъ македонскихъ говорахъ, употребляющихъ уже но[j]k'. На-ряду съ „наполиош“ въ ходу другое нарѣчіе „но[j]k'а“ (ночью). Такъ и въ говорѣ Диадаскаліи.

Для žd-žd' примѣровъ въ Диадаскаліи не имѣется, кромѣ ненадежнаго въ этомъ отношеніи слова—тъобустру—чужди или чузди 163. По говорамъ въ Македоніи это слово произносится съ жд или зд. Ни въ одномъ говорѣ, хотя бы онъ и послѣдовательно употреблялъ г' вм. *dj, нѣть г' въ этомъ словѣ. Съ -жд оно находится и въ нѣкоторыхъ говорахъ съверо-западной Болгаріи (Цоневъ. Сбм. XVII, 409; Мариновъ. Ж. Стар. II, 73) при ч, дж вм. *tj—*dj. Также въ Пиротѣ: чуждо (Сбм. I, 142, при ч—дж вм. *tj—*dj).

Балкане въ 1919

Другой замѣнной *tj (-*kt') въ Дидаскаліи является k'. k' въ этомъ говорѣ не представляетъ его исконно-традиционной замѣны съ вариаціями, происходившими въ теченіе времени. Это k' проникло изъ другого діалекта и употребляется въ отдельныхъ, опредѣленныхъ словахъ, которые съ k' прошли во многіе говоры на югъ Македоніи и юго-востокъ Болгаріи.—въ говоры, которые имѣли и имѣютъ для *tj(*kt') —*dj замѣны не k'—g'.

Въ Дидаскаліи k' встречается въ слѣдующихъ словахъ: *хѣрката*—к'ерката—керката 160, *хѣрхѣ*—к'ерк'и—керк'и 162; *хобъхїа*—кук'а 144, 149, 154; *хобъхїата*—нбк'ата—почью, 145. k'—хәi въ передачѣ буд. вр.: к'е чекам 131, к'е влѣзам 136, к'е вѣрнит 164 и др.

М. б., въ словахъ *хѣрхї*, *хѣрхѣ*, *хобъхїа* сочетаніе ke- не имѣло k' такого палатального образования, какое было въ словѣ *kuk'a*. Разнаго образования k въ этихъ словахъ представляютъ иѣкоторые македонскіе говоры.

k'—g'.

Въ говорахъ Македоніи, а также западной и отчасти восточной Болгаріи употребительны палатальные согласные k'—g', по говорамъ болѣе задняго или болѣе передняго образования. Эти согласные произносятся въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ отдельныхъ словахъ, вытѣснивъ замѣну *tj—*dj данного говора;

2) въ замѣнахъ рапнихъ праславянскихъ сочетаний *-tjес(a) —*-djес(a);

3) въ заимствованныхъ словахъ вм. k'—g';

4) вм. k—g передъ гласными передняго ряда;

5) послѣ ѡ и палатальныхъ (палатализованныхъ) согласныхъ (рѣже);

6) вм. t—d передъ замѣною *ь (конечного), *č, *e, *ě (въ восточно-болгарскихъ говорахъ; на юго-западѣ Болгаріи лишь конечное *-ть--k' въ иѣкоторыхъ говорахъ; то же на юго-востокѣ Македоніи).

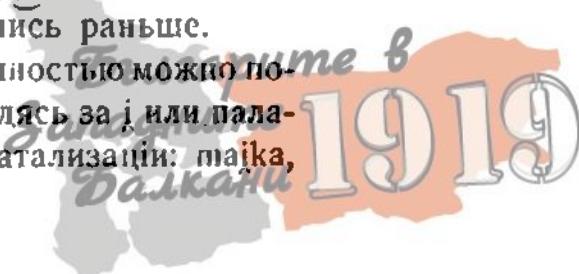
Примѣры изъ Дидаскаліи:

1), 2) указаны раньше.

3) *хобъхїар*—хўзмик'ар 143, *хѣсструнїа*—к'бшин'а 143.

4) примѣры многочисленны и отмѣчались раньше.

5) примѣровъ не имѣется. Но съ увѣренностью можно полагать, что въ говорѣ Дидаскаліи k, g, находясь за ѡ или палатальнымъ согласнымъ, не испытывали палатализаціи: тајка,

Гелка.: к' въ этомъ положеніи знаютъ говоры южныхъ и сѣв.-восточныхъ предѣловъ Македоніи, къ которымъ говоръ Дидаскаліи не относится.

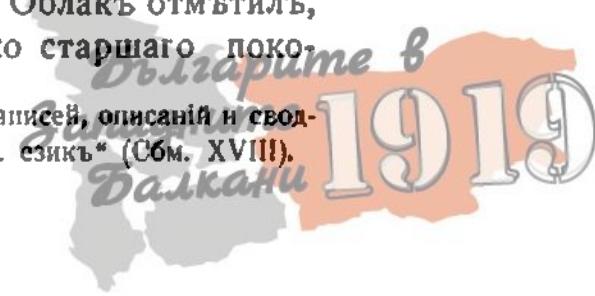
6) Какъ и прочимъ македонскимъ говорамъ, за исключениемъ говоровъ юго-восточной полосы, -к' вм. -^{*t}ъ неизвѣстно: пат 127, 144; зѣтого 100.

Македонскіе говоры въ отношеніи замѣнъ *tj(*kt)-*dj представляютъ слѣдующія двѣ группы.

1) На западѣ, югѣ и востокѣ замѣнами этихъ звуковыхъ сочетаній являются št-žd или болѣе раннія стадіи -šč-ždž. Въ отдельныхъ случаяхъ находятся š-ž. Это говоры областей Дебърской, Стружской, Охридской, Рѣсенской, Констурской, Леринской, Солунской, Кукушской, Дойранской, Малешовской¹⁾). š въ тѣхъ или иныхъ изъ указанныхъ говоровъ возникло двоякимъ путемъ. 1) Изъ сочетанія št, а) при его положеніи въ концѣ слова, въ чёмъ отразилось общее явленіе утраты конечнаго t послѣ согласныхъ s, ſ: пош; б) въ срединѣ слова передъ нѣкоторыми согласными, напр., зубнымъ п: тошпс. 2) Изъ сочетанія štš: при слабой артикуляціи взрывного элемента štš--štš--š-ž. Въ нѣкоторыхъ говорахъ такое š отличается особымъ „острымъ“ призношніемъ.—Подобнымъ образомъ возникало и ž.

Во многихъ изъ этихъ говоровъ, знающихъ šč-ždž, употребляются вмѣсто послѣднихъ сочетаній не только š-ž, но и št-žd. Въ особенности обычно сочетаніе žd при существованіи šč. Такъ въ нѣкоторыхъ дебърскихъ, рѣсенскихъ, Констурскихъ говорахъ. Ослабленіе и утрата второго длительнаго элемента въ сочетаніяхъ šč-ždž происходила не одновременно въ говорахъ балканскихъ славянъ, измѣнившихъ *tj-*dj въ šč-ždž: въ юго-восточной области Македоніи (вероятно и дальше къ востоку и сѣверо-востоку, — въ областяхъ нынѣшняго восточно-болгарского нарѣчія) štš-ždž или št-žd существовали уже во второй половинѣ IX в., какъ это обнаруживается въ языке кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ. Но этотъ процессъ продолжался по говорамъ и въ послѣдующее время; обнаруживается онъ и въ наше время. Такъ, въ солунскомъ селѣ Вардаровци В. Облакъ отмѣтилъ, что šč (вм. štš) свойственно говору только старшаго поколѣнія.

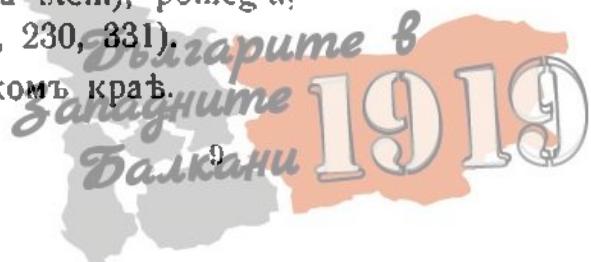
¹⁾ На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ записей, описаній и сводной статьи Б. Цонева: „Уводъ въ историята на бѣлг. езикъ“ (Сбм. XVIII).

лѣнія. Молодежь произносить уже št (Mac. St. 60). Подобное указано Б. Цоневымъ для самоковскаго говора: „по-младите не изговорятъ вече тич-жц, а шт-жд!“ (Сбм. XVIII, 401).

Во всѣхъ говорахъ вышеотмѣченныхъ областей употребляется еще одинъ варіантъ замѣны *tj -*dj,—варіантъ, не находящійся въ фонетической связи съ šč, št, š —ždž, žd, ž. Это палатальные согласные k'-g', приближающіеся иногда къ ё -dj(ž). Чаще всего k'-g' находятся въ словахъ kuk'a, k'e, k'u-nežik'u, vek'e, rožek'e, —požik'e, k'etka, vrek'e, mež'u, božik'-božik. Съ k'-g' эти слова произносятся и за восточными предѣлами Македоніи, въ юго-западной Болгаріи; а а k'e въ передачѣ буд. вр. распространилось еще дальше, въ юго-восточную Болгарію: въ родопскихъ говорахъ отъ Сакаръ-планины и Димотики къ Лозенграду и Бунаръ-Хисару (Miletič. Das Ostb. 211). k'e встрѣчается по говорамъ и сѣв.-восточной Болгаріи (Miletič. ib. 138). Въ тѣхъ же говорахъ Б. Цоневъ отмѣтилъ -кук'a, врејк'a, хуг'e (Сбм. XX, 77). Далеко ушло и нарѣчіе vek'e-veke: оно вошло въ обиходъ и въ сѣверо-восточной Болгаріи (Miletič. Das Ostb. 96 и зап.). Въ македонскихъ šč(št)-ždž(žd)-говорахъ кромѣ указанныхъ словъ съ k'-g' известны и другія, въ однѣхъ мѣстностяхъ въ большемъ количествѣ, въ другихъ меньшемъ. Можно отметить, что чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ рѣже встрѣчаются примѣры съ k'-g'. Но все же и въ южныхъ краяхъ Македоніи, въ Кайлярскомъ, на-ряду съ замѣной *tj(*kt') посредствомъ ё извѣстно и k'. Такъ, k' произносится въ словѣ kujk'a (Кайлярская область. Сбм. XVI-XVII, 64). Въ ближайшихъ говорахъ костурскихъ употребляется еще къёса (с. Бобища. Книжици II, 50, 51...). Общеупотребительны въ этихъ краяхъ k'e (и ke-ki) въ буд. вр. (ke имѣ) и нарѣчіе vek'e-veke.—k въ ke и vek'e болѣе задняго образованія, чѣмъ k' въ kujk'a. То же наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Македоніи (такое же k встрѣчается и въ kerka). Въ прочихъ македонскихъ ё(št)- говорахъ сочетанія съ k'-g' употребляются еще чаще. Уже въ Леринскомъ краѣ k'-g' находятся не только въ тѣхъ же словахъ, какія извѣстны въ Кайлярской области, но и въ рядѣ другихъ: k'etka, палак'am, náplek'i, прич. на -k'i (въ костур. на -štem), rožeg'u, grag'ánka (Сбм. III, VI, VIII, зап.; Шапк. IX, 230, 331).

Еще чаще слышатся k'-g' въ Дебърскомъ краѣ.

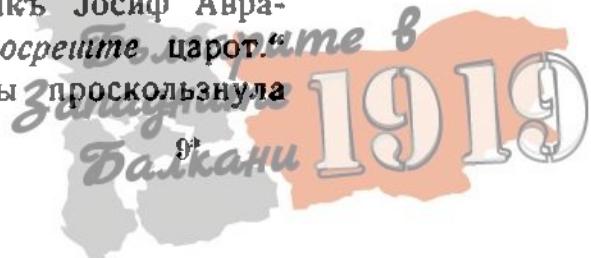
Употребленіе *k'-g'* не ограничено кругомъ опредѣленныхъ словъ и формальныхъ категорій. Въ этомъ отношеніи *šč(št)-ždž(zd)*-говоры представляютъ большое разнообразіе. Даже въ говорахъ одной и той же діалектической группы нѣтъ единства въ условіяхъ употребленія *k'-g'*. Таковы, напр., говоры дебърскіе: въ однихъ и тѣхъ же словахъ одни говоры имѣютъ *k'*, другіе *šč* (*št*). Такъ, въ Кленѣ говорятъ *svěšta*, въ Галичникѣ же и Обоки— *svek'a-sveća*; въ Кленѣ и Обоки—*fášta[-at]*, *vřáštaet,-ame*, въ Галич.-*fáća*; въ Кленѣ—*plašta*, въ Обоки—*plák'am*. Въ Кленѣ и Обоки—*težda*, въ Галич.-*medja* (међа) и др. (Oblak. Mac. St. 67).

Такое разногласіе въ употребленіи *k'-g'* указываетъ на то, что *k'-g'* здѣсь не исконные, не фонетическіе продолжатели **tj-*dj*, а элементы пришлые, усвоенные подъ вліяніемъ другого діалекта. Отдѣльные говоры усваивали палатальныс *k-g* независимо одинъ отъ другого. Поэтому могло и не быть вполнѣ тожественныхъ результатовъ, хотя, разумѣется, въ рядѣ случаевъ и бывали совпаденія. На происхожденіе извнѣ согласныхъ *k'-g'*, какъ замѣнителей **tj-*dj*, свидѣтельствуетъ и слѣдующее обстоятельство. Выше отмѣчено, что обще-распространеннымъ въ Македоніи и въ юго-западной Болгаріи словомъ съ *k'* является *ku[j]k'a*. Ни одинъ изъ этихъ говоровъ не знаетъ иного гласнаго элемента въ корнѣ, кромѣ *i*. Если произносится это слово съ *š*, то уже—*k'a* отъ *stvuet'*, а имѣется—*šta* или *-šča* (см. выше, стр. 48). Гласный и въ данномъ случаѣ (какъ замѣна **q*)—элементъ не македонскихъ говоровъ, а говоровъ областей, находящихся къ сѣверу и сѣв.-западу отъ Македоніи.

Во всѣхъ областяхъ Македоніи, кромѣ названныхъ выше, замѣнами **tj* (-*ktf*)-**dj* являются *k'-g'*, а иногда *č-dj(h)*. Въ южной части срединной области, въ Битольскомъ, Маріовскомъ, Прилѣпскомъ краяхъ, не чужды и *šč(št)-žd*. Но примѣры съ такими замѣнами немногочисленны; обычно вм. **tj-*dj* произносятся *k'-g'*. Происхожденіе *k'-g'* въ говорахъ центральной и сѣверной Македоніи темно. Если *k'-g'* этихъ говоровъ фонетически развились вм. **tj-*dj*, то слѣдовательно эти говоры уже въ очень раннее время пошли особымъ путемъ въ измѣненіи указанныхъ раннихъ праславянскихъ сочетаній,—путемъ, отличнымъ отъ направленія вышнихъ измѣненій, какое было пройдено прочими говорами Македоніи и Болгаріи (кромѣ сѣв.-западной полосы ея). Встрѣ-

чающіеся рѣлкіе варіанты *šč(št)-žd* представляютъ собою заимствованіе отъ южныхъ македонскихъ говоровъ.—Но такое объясненіе *k'-g'* и *št-žd* въ срединныхъ македонскихъ говорахъ непрѣемлемо по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ македонскихъ говорахъ ясно обнаруживается тенденція вытѣсненія *šč(št)-ždž(žd)* посредствомъ *k'-g'*. Она отражается даже въ такомъ отдаленномъ краю, какимъ является Кайллярская область. При существованіи такой тенденціи непонятно появленіе *šč(št)-žd* въ *k'-g'*-говорахъ центральной Македоніи. За то, что въ этихъ послѣднихъ говорахъ *št-žd* элементы старые, говорить и географическая номенклатура центральной Македоніи. Въ то время, какъ въ живомъ разговорномъ языкѣ обычнымъ названіемъ штановъ является слово „*gak'i*“, въ родственномъ названіи села въ Прилѣпской области сохраняется еще сочетаніе *št*: „*Кривогаштани*“. Такъ называлось это село и въ 18 в. Въ помянникѣ трескавечского монастыря часто встрѣчаются жертвователи изъ этого села. Это село существовало и въ XIII—XIV в.—Стась въ кривогаштанехъ—упоминается въ хрисовулахъ трескавечскому монастырю первой половины XIV в. (Гласник XLI, 360; XI, 132; III, 372). И еще болѣе важно название села *Саждово*, въ с.-западномъ углу Прилѣпского округа. Теперь это село арнаутское. Поселеніе арнаутовъ въ этой мѣстности произошло ранѣе 19 в. (В. Кчинчовъ. Македонія 96). Въ нѣкоторыхъ салахъ славянское населеніе еще держится, въ другихъ оно вытѣснено арнаутскимъ. Но прежнее название того или другого села сохранено. „*Саждово*“ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ языкѣ прежнихъ обитателей этого непригляднаго по названію села находилось сочетаніе *žd* вм. **dj*.

Т. обр., и въ срединной Македоніи *šč(št)-žd* представляютъ собою не заносный элементъ, а пережитки прежняго состоянія, уцѣльвшіе при тѣхъ или иныхъ благопріятныхъ условіяхъ. *k'-g'* усваивались въ срединной и въ особенности въ сѣверной Македоніи интенсивнѣе, чѣмъ на западѣ, югѣ и постокѣ. Въ сѣверной Македоніи уже не встрѣчаются *st-žd*, какъ замѣнители **lj-*dj*, кромѣ отдельныхъ очень рѣдкихъ случаевъ. Такъ, мною отмѣчено нѣсколько примѣровъ съ *št* въ Д. Пологѣ, въ с. Лешокъ. Старикъ Йосиф Аврамовик'[] въ сказкѣ употребилъ: „*та го посрещите царотъ*“ (Одинъ разъ въ разговорѣ бабы Цвѣты проскользнула

„къшта“, вмѣсто обычной „кук‘а“. Когда затѣмъ я сталъ допытываться, часто ли она такъ говоритъ - къшта-, она мнѣ замѣтила: „къшта викаа надоле, по земн‘сие, у сёло мис ви-камо кук‘а“.

Мы склоняемся къ положенію о неисконности k'-g' въ Македоніи, — къ положенію, которое было уже выскажано В. Облакомъ (Arch. XVII, 456), Л. Милетичемъ (Arch. XX, 584), Б. Цоневымъ (Сбм. XVIII, 422) ¹⁾. k'-g' появились въ македонскихъ говорахъ не вслѣдствіе послѣдовательного фонетического измѣненія замѣнъ раннихъ праславянскихъ сочетаній tj(kf') - dj, а вслѣдствіе вліянія другого діалекта, въ которомъ k'-g' (не обозначаетъ болѣе точно образованія этихъ согласныхъ) представляли собою результатъ фонетического измѣненія, пережитаго этимъ діалектомъ въ судьбѣ *tj-*dj. Но гдѣ искать этотъ діалектъ, передавшій свои k'-g' македонскимъ говорамъ? И при какихъ обстоятельствахъ произошла эта передача?—Взоры изслѣдователя обращаются въ сторону Шаръ-Планины, въ сторону Старой Сербіи и ся сосѣднихъ областей. Оттуда въ турецкое время вылилось много колонизаціонныхъ волнъ, направлявшихся къ сѣверу. Но на юго-востокъ, въ Македонію, эти волны въ то время не докатывались: условия жизни здѣсь были ис легче, чѣмъ въ Старой Сербіи. Само македонское населеніе искало себѣ убѣжища въ другихъ болѣе безопасныхъ мѣстахъ: турецкое и арнаутское засиліе гнало славянъ изъ Македоніи. Но сербскія поселенія въ Македоніи были, только относились они къ болѣе раннему, до-турецкому времени,—ко времени политического господства сербовъ въ Македоніи.

Съ конца XII-го и преимущественно со второй половины XIII-го вѣка обнаруживается стремленіе молодого краевства Неманичей распространить предѣлы своего политического господства и на области, подходившія къ Рашкѣ съ юга и юго-востока. Вниманіе Неманичей привлекаютъ богатыя долины Вардаря и Струмы, ведущія къ Эгейскому морю. Уже великий жупанъ Стефанъ Неманя пытался утвердиться

1) Впрочемъ, еще въ 40-хъ г.г. С. Николовъ замѣтилъ о же въ передачѣ буд. вр. слѣдующее: „Може да сѫ посѣтъ това ке по онѣ странѣ отъ силнаго Стефана Сербскаго кралѣ когато ги облада“. (Болгарска Ариѳметика. Сочинена отъ Хр. К. Сичанъ Николовъ. Бѣлградъ. 1845. V стр. предисловія).

въ съверной Македонії. „шнъ же светы [сумешинъ]... иде съ силою своею на градъ перынкъ, и тъ скроушивъ силою своею и въ шпоустѣниє сътвори и, и градъ стовъ, и градъ земльнъ, и градъ вельвлоуждъ, и градъ житомитъскъ, и градъ скыпъль, и градъ лѣшьскъ оу долынѣмъ положъ... приложи же къ земъли штычъствиа своего шбласть нышикъскою до конъца, мыштани же и моравоу и глаголемы врани, призрѣнъскоу же шбласть и полога шба до конъца съ мегами своими“¹⁾.

Правнуку Стефана Немани—Урошу II Милутину (1282—1321) удалось крѣпче утвердиться въ Македонії. Продолжая завоевательный путь на юго-востокъ, онъ занялъ области съверной и западной Македоніи: „прѣехъ по мычу скопъскоу страшоу и швчепольскоу и положскоу и дѣбрьскоу и ине проче стране“, — говоритъ Милутинъ въ одномъ изъ своихъ хрисовуль²⁾). Въ другомъ онъ подробнѣе перечисляетъ за-воеванныя имъ области: „шба Полога и съ градови и съ областю ихъ, и градъ славныи Скопіе, по сихъ же. Швче поле и Злетовоу и Шаньцъ“; „прѣехшъ съ градовы и шбластию ихъ: землю Д(ж)ебрьскоую, државоу земле Кічанскыи и землю Поречкоую“³⁾). При преемнике Милутина, при Стефанѣ Дечанскомъ (1321—1331), къ сербскому кралевству отошли Вельбуждъ, Дупница, Самоковъ, Ихтиманъ въ юго-западной Болгаріи и Велесъ, Просѣкъ, Штипъ въ Македоніи. Стефанъ Душанъ присоединилъ къ своему государству прочія области Македоніи: Прилѣпъ, Воденъ, Струмицу, Меленикъ, Беръ, Охридъ, Костуръ⁴⁾.

Въ новыхъ областяхъ сербскіе крали оставляли сербскіе гарнизоны и сербскую администрацію. Нѣкоторыя мѣстности они колонизировали переселенцами изъ прежнихъ сербскихъ областей. Такъ, Кантакузенъ, говоря о событияхъ 1351 г., замѣчаетъ относительно Бера: „Хотя въ Берѣ и раньше жили многіе сербы, посланные королемъ [т. е. Душаномъ] на жительство, не только солдаты, но и богатые люди,

¹⁾ Житіе св. Симсона, пис. Стефаномъ. Šafařík. Památky dějin. písemn. plchoslovan. 1873. 8. См. также у Ст. Новаковича: „Земљиште радије Неманиће“. Београд, 1877.

²⁾ Споменик, III, 14.

³⁾ Ibid. III, 19, 20.

⁴⁾ Т. Флоринскій. Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. Вып. II. СПб. 1882. Гл. III. С. Jireček. Geschichte der Serben. Bd. I. Gotha. 1911. Гл. III.

какъ ради другихъ удобствъ, такъ и потому, что городъ былъ обширенъ и многолюденъ и могъ дать мѣсто не только солдатамъ, но и вельможамъ, изъ коихъ многихъ или лучше сказать всѣхъ король выгналъ, когда взялъ городъ; однако опасаясь еще, чтобы онъ не отпалъ, оставилъ въ немъ на постоянное жительство не мало солдатъ и нѣкоторыхъ властелей¹⁾.—Имѣется и рядъ другихъ свидѣтельствъ о сербахъ, поселившихся въ Македоніи. Такова, напр., греческая надпись 1361 г. надъ входной дверью церкви „Заумъ“, въ южной части восточного берега Охридскаго озера.—„Воздвигнутъ отъ основанія этотъ божественный и всечестный храмъ Пресвятой Богородицы Захлумской [τῆς Ζαχλούμιστε-ζας] иждивеніемъ всеблагочестивѣйшаго кесаря Гургуря и ктитора²⁾.—Гургуръ сынъ севастократора Бранка, „господина града Охрида“, и братъ знаменитаго въ сербскомъ эпосѣ Вука Бранковича. При посвященіи храма Пресвятой Богородицѣ Захлумской Гургуромъ Бранковичемъ руководила память о храмѣ въ честь Богородицы въ его захлумской баштии³⁾.

Сербскіе поселенцы образовывали иногда цѣлые села. Таково было село Вѣлчье въ Порѣчье, заселенное Милутиномъ — „Селце Вѣлчнє, ію је населило систин крамъ“, — говорится въ двухъ хрисовулахъ, данныхъ Стефаномъ Душаномъ трескавечскому монастырю (Гласник XLI, 359; XI, 134).

Интенсивнѣе сербская колонизация происходила въ сѣверной Македоніи.

Въ монастырскихъ хрисовулахъ и другихъ документахъ при перечисленіи семействъ и отдельныхъ лицъ, принадлежавшихъ тому или иному монастырю, изредка отмѣчается национальность нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ: влахъ, грекъ, срѣбинъ. Такъ, въ хрисовулѣ Милутинца хиландарскому монастырю указано: „и прида қралевѣтко ми цркви архістратигоу шти педыградша Шипровскаго и людн. а се имена

1) Д-ръ Цвінчъ. Замѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. СПб. 1906. 18. С. Jireček. Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien. II. Wien. 1912. 21.

2) Напечатана у Н. Н. Милюкова: „Христіанскія древности Западной Македоніи.“ „Изв. Рус. Археол. Института въ Констант.“ IV. 83—84. Также у Й. Иванова: „Старини изъ Македоніи“. 218. Неточно въ Сбм. X, 570.

3) Н. Н. Милюковъ. Ibid. 85.

Задокументе въ
Балканы 1919

тѣмъ людемъ:... Рады срѣбнинъ съ дѣтию“. Въ другихъ случаяхъ национальность не указывается (Miklosich. Monumenta serbica. 62--63.).

Описаніе (XV в.) владѣній и населенія, принадлежавшихъ хиландарскому монастырю (Споменик III, 40—46), занято поименнымъ перечисленіемъ семействъ нѣкоторыхъ сель въ юго-восточной Македоніи. Национальность вообще не отмѣчается. Но „оу селѣ Каменици: Никола попъ, срѣбнинъ“ (44). Послѣдній документъ представляетъ также указаніе на мѣстопроисхожденіе нѣкоторыхъ изъ македонскихъ поселенцевъ: „Въ жоуше Строумъсцѣ село Градецъ... Михаиль Лиманинъ“ (40).

Географическая номенклатура Македоніи также свидѣтельствуетъ о сербскихъ поселеніяхъ. Такое значеніе могутъ имѣть названія сель съ „срѣб—“: Срѣбниово (въ Тетовскомъ округѣ, а также въ юго-западной Болгаріи, въ Г.-Джумайскомъ округѣ), Срѣбица и Срѣбяни (въ Кичевскомъ), Срѣпци (въ Битольскомъ).—Жители нѣкоторыхъ изъ этихъ сель (Срѣбица, Срѣбяни) успѣли уже сдѣлаться потурченцами и подпасть подъ албанское вліяніе¹). Въ тетовскомъ Срѣбниовѣ славянскій элементъ совсѣмъ вытѣсненъ арнаутскимъ. Сербскимъ поселенцамъ и особенностямъ ихъ говора обязано название „Злокук'ани (—сѣла въ Кумановскомъ, Скопскомъ и Битольскомъ округахъ). Подъ такимъ же названіемъ (Злокућани,-'е, Злокучани,-'е) известно нѣсколько сель въ юго-восточной и Старой Сербіи.

Сербскіе крали дали Македоніи не только сербскую администрацію, сербскіе гарнизоны и сербскихъ поселенцевъ: благодаря уссрдію кралей и ихъ протосевастовъ, севастократоровъ, властелей, въ Македоніи въ XIV-мъ в. возникаетъ рядъ церквей и монастырей, щедро одаренныхъ ихъ религіозными ктиторами. Архитектура нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей въ сѣверной Македоніи (въ Скопскомъ округѣ) представляетъ черты, характеризующія архитектурные памятники чисто сербскихъ областей²).

Развалины башенъ (кули), крѣпостей памятники былого политического господства сербовъ въ Македоніи.

¹⁾ Материалъ по изучанію на Македония. София. 1896. 475. В. Іхламп. Македония. 47,95.

²⁾ Н. П. Кондаковъ, Македонія. СПб. 1909. Гл. IV.

Сербское владычество въ Македоніи оставило слѣдъ и на народномъ эпосѣ македонскихъ славянъ: выдающіеся сербскіе владѣтели, въ особенности Марко-Кралевичъ[Кралевике] дали сюжетъ многимъ эпическимъ пѣснямъ этихъ славянъ.

... Милош поче да попева,
А красну је песму започео
Од сви наши боли и старији,
Како ј' који држ'о краљевину
По честитој по Маћедонији
Како себе има задужбину;
А Марку је песма омилила...¹⁾

Съ XIV-го вѣка отпечатокъ сербского вліянія отражается и на памятникахъ македонской письменности. Среднеболгарскіе памятники XII—XIII в.в., относящіеся къ Македоніи, отражаютъ языковыя явленія, свойственныя мѣстнымъ говорамъ. Таковы памятники: Добромирово Ев., Болонская Пс., Охридскій Ап., Орбельская Тріодь, Битольская Тріодь и др. На основѣ прежней среднеболгарской ореографической традиціи въ Македоніи пишутся памятники и въ послѣдующее время. Но въ то же время тамъ появляются рукописи и съ такими особенностями правописанія и языка, которые характеризуютъ собою рукописи сербского происхожденія. Таковъ, напр., Трефологій XIV в. (Хлуд. собр., № 164), написанный въ Порѣчье, въ с. Калугерецъ: „Пысасе сий книга оу порѣчи. оу сељ зовомъ калугерецъ. въ дни блгокрїнаго крїлја марка“. Запись принадлежитъ писавшему эту книгу: „докре днѧкъ рађовъ сїй“. (л. 170 об.). Палеографические черты этой рукописи отмѣчены П. А. Лавровымъ²⁾. Въ отношеніи правописанія и языка ея укажемъ слѣдующее: въ вм. ѿ и ѿ; частое употребленіе ѿ: ѿзыкъ проїклїтѣ проложешїтѣ 8; Горестъ др҃єноу ѿ ѿстанлы ѿоб.; ѿе вывшимъ таниамъ 11; промоудры филипъ 43; како съвръ[б4]ши теченије 54об. и т. д.

єцъ вм. ѿци: калугерецъ, (ср.-на калугерци)-зап., конецъ 7об., кѣсловецъ 13об., свѣтотоносцы 43, вѣнецъ 54об., танописецъ 10об. и др.

є вм. ѿ въ шед-, чест-:-принести ѿмъ 11об.; честнї кѣтъ 80б.

1) В. Карадић. Јјесме. II (1895), 208. М. Халанский. О сербских народных пѣснях косовского цикла. Варшава. 1883 (Отт. изъ „Рус. Фил. В.“), 43.

2) Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. Птэр. 1915. 222—223.—Не указано, где находится этотъ памятникъ.

-ок-вм. -жк: пачетокъ 13об.

оу вм. ю.

оу вм. въ: оу порѣчи, оу селѣ.

оуз- вм. куз-: оуз€—зап.

цир-вм. чир-: цирви€—зап.

Сербизмы въ языке и правописаніи представляютъ и позднѣйшіе македонскіе памятники письменности, въ особенности возникшіе на сѣверѣ Македоніи ¹⁾). Безъ сербизмовъ не обходятся даже краткія записи и надписи: Сиа печать *ва* Велешъкъ предели *Ва* гори Клепа ²⁾. *ва* лето, *саврьшениемъ*, *са* поспешениемъ и др. ³⁾.

Въ результатѣ сербскаго культурнаго вліянія вообще и въ отношеніи языка письменности въ частности, мѣстное населеніе Македоніи стало смотрѣть на этотъ языкъ, какъ на общий литературный языкъ не только сербовъ, но и болгаръ. Интересное указаніе въ этомъ отношеніи представляеть весьма важная запись дьяка Дмитрия кратовскаго въ переписанномъ имъ законнику для великой соборной охридской церкви (XV в.; собр. Григоровича, № 1707, Румянц. Муз. Отч. за 1876—1878 г., стр. 20—21). Законникъ написанъ исклѣніемъ иже въ тогданиесъ време соѹїа въ Охридѣ влѣнааго архіепіка, вѣгарскаго курѣ Дороѳеа". Архіепископъ болгарскій Киръ Дороѳей, при посѣщеніи богохранимаго мѣста Кратова, обратился вмѣстѣ съ первыми боярами этого мѣста къ дьяку Дмитрию съ внушительной просьбой исписать законникъ на сербскомъ языкѣ для великой соборной охридской церкви, ибо ей нельзя не имѣть книги на сербскомъ языкѣ. тогдаже признана мѣ къ сеѣ сътвѣ [архіепископъ Дороѳей]....

1) П. А. Лавровъ. Налеографическое обозрѣніе. 46, 47, III, 178.
П. А. Сырку. Очерки изъ исторіи литературыхъ спошній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVIII вѣкахъ. Сбор. Отд. р. яз. Ак. Н. Т. LXXI, стр. 02—03, LXXVI—LXXVII, CXC, CCXI—CCXLVIII. Б. Цоневъ. Класификация на българските книжовни паметници. Годишникъ на Софийския Ун-тъ I, 54—55, 60. Его же. Хиляда години бълг. езикъ. Лѣтописъ на Бълг. Клиж. Друж. IX, 128—131. К. Ф. Радченко. Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ филиппопольской городской б-ки. Изв. Отд. р. яз. Т. VIII, кн. 3, 343—344. Л. Милетичъ. Конрищенски дамаскинъ. Бълг. Старини. Кн. II, стр. IX—X.

2) Й. Ивановъ. Старини, 228.

3) См. замѣчаніе Л. Милетича въ „Изв. Рус. Арх. Института въ Конст.“ IV, стр. 99 (въ описаніи П. Н. Милюкова).

шкразы различныи оувѣщаніа ймоуцк, не прѣслоушиати ли по-
келніа ёго. та́ко и съ всѣми съборнѣ коўно, сїе́нными
же и прѣвыми мѣста Крѣтовъ. та́ко да йспишоу законий съ и
вѣліком цркви охрѣскон,... на срѣсъки єзикъ прѣведенъ вѣшии.
занѣ не имѣти глюроу тиѣ книгы оу севѣ съборнѣи цркви 'Охрѣ-
скон, по єзыку срѣскомоу йсписанѣ, развѣ по грѣческомъ..."

Въ результа́тѣ сербскаго вліянія, исходившаго и отъ
сербской администраціи, отъ сербскихъ властелей, и отъ
сербскихъ поселенцевъ, и отъ сербскихъ грамотеевъ, могли
появиться въ языке македонскихъ славянъ въ нѣкоторыхъ
случаяхъ (спорадически) черты сербскаго языка: и вм. ъ ←
q (см. выше), k'—g' вм. šč(št)—ždž(žd), замѣнившихъ *tj
(kt')—*dj. Въ съверной полосѣ Македоніи процессъ усвоенія
k'-g' былъ интенсивнѣе, чѣмъ въ центрѣ и на югѣ Македоніи.
Можетъ быть, тамъ находились говоры, по замѣнѣ *tj-*dj (какъ
и по нѣкоторымъ другимъ явленіямъ) стоявшіе въ близкомъ
отношениі къ сосѣднимъ сербскимъ говорамъ. Съ съвера
Македоніи k'-g' распространілись дальше, въ срединныя
области ея. Этому распространенію благопріятствовали раз-
личные обстоятельства сербскаго вліянія. По мѣстамъ на
западѣ, югѣ и востокѣ k'-g' могли появиться вѣ связи съ
съверомъ, въ результа́тѣ вышеуказанного воздействиа серб-
скаго элемента на македонскихъ славянъ. Въ послѣдующее
время одни македонскіе говоры съ заимствованными k'-g'
могли оказывать вліяніе на другіе.

Что изъ сербской фонетики оказали такое значительное
вліяніе эти k'-g' (или звуки близкіе къ нимъ), то это нахо-
дилось повидимому въ связи съ склонностью македонскихъ
говоровъ развивать согласные k'-g' и въ другихъ условіяхъ,
—въ условіяхъ, сложившихся внутри самихъ говоровъ, безъ
вліянія со стороны. Такъ получились k'-g' вм. tj-dj по утратѣ
между ними слабаго редуцированного гласнаго (brak'a, l'ug'c),
вм. k-g передъ гласными передняго ряда, послѣ ѡ и палаталь-
ныхъ согласныхъ (tajk'a, l'uł'k'a), вм. k'-g' заимствованныхъ
словъ, обычно турецкихъ (k'ošc, g'umče). Процессъ развитія
k'-g' указанного происхожденія такъ же длителенъ, какъ и
процессъ усвоенія k'-g' вм. šč(št)-žd, и не вездѣ закончился
до нашего времени (ср. brat'a и braća въ болунскихъ го-
ворахъ).

Западные Балканы 1919

Когда обнаруживаются к'-г' въ памятникахъ языка македонскихъ славянъ? Дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ пока нѣтъ возможности, вслѣдствіе того что памятники македонской письменности XIII—XVI в. еще не изучены съ надлежащей полнотой. Примѣры, приводившіеся изъ молдавско-валашскихъ памятниковъ не доказательны, такъ какъ эти примѣры, какъ замѣтилъ В. Облакъ (Arch. XVII, 456), представляютъ чистые сербизмы. У П. А. Лаврова указаны примѣры изъ тихонравовской рукописи XVII в.: иекиѣ (Обзоръ. 97; Прилож. 24, 25). Но въ сравни. ст. это нарѣчіе имѣеть ч: пѣвче (П. А. Лавровъ. Обзоръ. Прилож. 26, 28, 34...). Но ч свойственно сѣверо-западнымъ болгарскимъ говорамъ; п о в е ч е проникло и въ нѣкоторые говоры восточного нарѣчія, такъ же какъ и в е к е. Пути проникновенія были, разумѣется, различны. Въ прочихъ случаяхъ этотъ памятникъ имѣеть ѿ. ѿ и въ ѿ въ передачѣ буд. вр.; ѿ и въ қыщите (Лавровъ. Обзоръ. Прилож. 36). Другія черты говора, отразившагося въ этомъ памятникѣ, принадлежать не македонскимъ говорамъ, а восточно-болгарскимъ. Т. обр., примѣръ съ к (иекиѣ), если и имѣеть указательное значеніе для Македоніи, то только косвенное, свидѣтельствуя, что въ какомъ-то діалектѣ (во всякомъ случаѣ не особенно отдаленномъ) въ большомъ ходу было нарѣчіе веке (vek'e).

Для сѣверной Македоніи примѣры употребленія к(к')-г(г') можно отмѣтить изъ памятниковъ XV в. Въ записи при книгѣ твореній св. Григорія, писанной въ 1409 г. „къ странѣ скопыл гра—къ црнои горѣ“, читается: гїпс деспотиц, гюргиа калышкіа, гюргиемъ (Отчетъ Птгр. Публ. Б-ки за 1883 г., 74-75). Но, по всей вѣроятности, въ данныхъ примѣрахъ отражаются обыкновенные сербизмы. Важнѣе другая запись XV в. въ Трефологіи XIV в. (Хлудов. собр., № 162), сдѣланная въ Скопской области: ёи кюкъ, ёи кѣкъ, ск-грагеномъ. Впрочемъ и эти примѣры также не имѣютъ безусловнаго значенія въ отношеніи соответствія явленіямъ живыхъ говоровъ Скопской области, къ югу отъ Скоп. Черногорья. Вѣроятнѣе полагать, что въ этой записи отражаются черты говора скопско-черногорскаго: ср. окончаніе -га: стѣга, форму аор. 3 мн. оузѣниe, прѣсемѣниe.

Для XVII в. можно указать уже несомнѣнныи примѣры употребленія к' въ Македоніи, при этомъ въ центральномъ говорѣ ся. к' вм. *lj и g' вм. вторичнаго d(j) свойственны

говору бърсяка, писавшаго въ Крушовѣ въ 1637 г.: ке го
пушамъ, Секулоикъ, речете му на Дима Секулоика; лугето
(Минало I 3, 292, 293).

Для выясненія отношенія македонскихъ k'-g' къ замѣнамъ *tj *-dj въ сербскихъ говорахъ необходимо указать, насколько близки по своему образованію эти замѣны въ тѣхъ и другихъ говорахъ. Артикуляція при образованіи македонскихъ k'-g' заключается въ слѣдующемъ. Языкъ передней своей частью соприкасается съ твердымъ небомъ. Это соприкосновеніе происходитъ въ части твердаго неба между мѣстомъ артикуляціи для палатального k'(g') и палатальнаго t'(d'), ближе къ той или другой части твердаго неба, но не заходить такъ далеко назадъ къ предѣлу k' и не подвигается впередъ къ предѣлу t' (краепалатальнаго). Мѣсто затвора колеблется (въ указанныхъ предѣлахъ) не только по говорамъ, но и въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ одного и того же говора. Повидимому, македонскіе говоры имѣютъ затворъ ближе къ области палатального k'(g'), чѣмъ t'(d'), но все же, естественно, онъ недалекъ и отъ области артикуляціи палатального t'(d'). Слѣдуетъ отмѣтить и слѣдующій моментъ въ образованіи македонскихъ k'-g': большую степень энергіи въ артикуляціи этихъ согласныхъ по сравненію съ образованіемъ прочихъ согласныхъ,—энергіи, вслѣдствіе которой получается особый оттѣлокъ сильнаго, рѣзкаго взыва ихъ.

О такомъ образованіи k'(g') я знаю на основаніи собственнаго наблюденія въ сѣверной Македоніи (въ Д. Пологѣ). Для прочихъ областей указанія представлены В. Облакомъ¹⁾.

Какова форма языка при „рекурсіи“ македонскихъ k'-g'? Послѣ взыва: свободно ли проходитъ наружу струя воздуха, или же она направляется по желобку, образованному спинкой языка, и разбивается о передніе зубы?—Точныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Одни утверждаютъ, что длительный элементъ ѿили ѿ (ж или Ѿ) не сопровождается артикуляціи k'-g'. Такъ увѣряютъ Д. Ма-

1) О македонскихъ k'-g' говорить также Л. Мазингъ (*Zur Laut-und Akzentlehre der macedonischen Dialekte*. SPb. 1891). Но его указания, основанные на записяхъ, немногихъ и ненадежныхъ, мало помогаютъ въ уясненіи физіологии македонскихъ k'-g'.

говъ¹⁾), Л. Милстичъ—для велесского²⁾, Д. Мирчевъ—для прилѣпского³⁾, М. Григоровъ—для мало-рѣканского⁴⁾ и другие болгары, описывавшие эти звуки.

Иначе опредѣляетъ эту часть артикуляціи *k'—g'* В. Облакъ: этимъ согласнымъ присущъ фрикативный элементъ. „*k'—g'* sind, was ich ausdrücklich bemerke, nicht bloss palatales *k g*, sondern haben hinter sich ein fricatives Element (Mac. St. 59; Arch. XVII, 452). *k'—g'* близки къ ё—ђ; послѣдніе отличаются лишь болѣй степенью экспираціи: „*Beim stärkeren Expirationsdrucke hörte ich gewöhnlich ein ё, dj, beim schwächeren vernahm ich in demselben Worte k', g'*“. Фрикативный элементъ несолько значительное прис—đ(j), чѣмъ при *k'—g'* (Arch. XVII, 952). Македонское ё отличается отъ сербскаго ё тѣмъ, что послѣдніе артикулируется „немного дальше впереди“ (Arch. XVII, 452; Mac. St. 59). Ст. Новаковичъ вполнѣ отожествляетъ македонскіе *k'—g'* съ сербскими ё—đ(j) („ђ и ё у македонскимъ диалектима“). Глас. XII; см. его замѣчанія и записи въ Arch. XII). Тщательное экспериментальное обслѣдованіе уклада языка при артикуляціи македонскихъ *k'—g'* можетъ разрѣшить этотъ споръ о присутствіи условія для образованія слабыхъ ђ(đ)—ж(ž). Такого обслѣдованія до сихъ поръ не произведено.

Мое наблюденіе, ограниченное лишь областью Д. Полога, привело меня къ отрицанію существованія фрикатив-

1) „азъ прѣзъ 2 години наблюдение при сичкото си услушваніе не можихъ да чуја въ иѣкой македонски говоръ да се произнося ё, ё“ (—Кратка расправа по етнографията на Македония.—Отд. отт. изъ XXXIV-V Псл. Стр. 27).

2) Aussprache nach meinem Mutterdialecte von Veles mir ganz geläufig ist.—Arch. XX, 584.

3) Сбм. XX, 12.

4) Като желая да услужа на истината по тоя въпросъ, азъ рѣшилъ но заявявамъ, понеже добре познавамъ родния си говоръ, а така сѫщо понеже зная и какъ се изговаря ѡрѣбскитъ звукове ё и ё, че въ нашия говоръ не съществуватъ тия и пещи ѡрѣбски звукове, и че винаги вместо тѣхъ се явяватъ меки гърлени *k'* и *g'*“ (Изв. на сем. II, 241). Рѣшителъное заявленіе М. Григорова отчасти подтверждается данными, сообщенными Облакомъ и С. Томичемъ. Въ м.-рѣканскихъ записяхъ С. Томича замѣнѣ *tj* (*kt'*) —*dj* переданы обычно знаками ё-ђ. Но въ 2-хъ случаяхъ, точно стараясь передать звуковой характеръ этихъ замѣнъ, онъ употребилъ написаніе ё^к: но ё^к, ё^керка,—за что вызвалъ рѣкис упреки со стороны М. В. Веселиновича: “је тај покушај залудан. Б. Томић „бануо на ту ёва врата“! (Браство IX-X, 490, 491).

Балкане въ
Балкане 1919

наго элемента при обычномъ образованіи *k'*—*g'* различныхъ оттѣнковъ (то болѣе заднихъ, то болѣе переднихъ). Но спорадически происходитъ и слѣдующее явленіе: съ незначительной подвижкой артикуляціи впередъ происходитъ и небольшое измѣненіе въ укладѣ передней части языка, которое обусловливаетъ появленіе слабаго длительного элемента *š(š)*—*ž(ž)*: именно, при опущенномъ кончикѣ языка передняя часть языка представляеть желобообразную форму; по этому желобку и направляется струя воздуха при рекурсіи согласныхъ, которые въ этомъ случаѣ становятся близкими къ сербскимъ *ć—dj(h)*, хотя все-таки не совпадаютъ съ ними: мѣсто образованія д.-положскихъ *ć—dj(h)* и при такомъ укладѣ языка остается болѣе заднее по сравненію съ мѣстомъ образования сербскихъ *ć—dj(h)*.

Такого же болѣе задняго образованія являются соотвѣтствующіе звуки въ говорахъ Скопскаго Черногорья. Ат. Петровичъ въ своихъ записяхъ этого говора употребляетъ перечеркнутое вверху *k*: „Словомъ *k* [перечеркнутымъ] означен је глас између *h* и *k*“ (Етн. Зб. VII, 512).—керка, свињарчики, пајсторчики, опашчики, ја ке донешу, пазарееки и миришееки, плачееки (ib. 355, 392, 507, 509). Существование здѣсь такого согласнаго утверждаетъ и Св. Томичъ (Насеља III, 496).

Въ юго-восточной Сербіи,—въ южно-моравской и запланьской діалектическихъ группахъ,—находятся замѣны **tj*—**dj*, также отличныя отъ сербскихъ *ć—dj(h)*. А. Беличъ, описывая физіологическій характеръ сербскихъ *ć—dj* и въ частности особенности образованій ихъ соотвѣтствій въ южно-моравской и запланьской группахъ, утверждаетъ наличность въ этихъ согласныхъ длительного элемента, хотя и весьма слабаго (Дијал. 167—171). По наблюденію О. Б р о к а, въ говорахъ южной Моравы и Запланья замѣнители **tj*—**dj* обычно не имѣютъ этого слабаго длительного элемента *š(š)*—*ž(ž)*. Это „палатализированные, т. е. дорсально-образованные, „мягкіе“ *t—d*; эти *t'—d'* слѣдуетъ лучше всего сравнить съ произношеніемъ московскихъ ть-дь (напр. зять, тѣло, дѣло и др.); только въ южносербскихъ *t'—d'* по большей части нельзя констатировать слѣдовъ того краткаго шипящаго звука (шума отъ тренія — *Reibungsgeräusches*), который легко появляется и въ Москвѣ послѣ мягкаго *t—d*“ (Dial. 37). Во всѣхъ этихъ говорахъ находятся и *ć—dj(h)*,

Задногласные в
Балканах 1919

представляющіе или далыг'йшее фонетическое развитіе т'-д' или заимствованія, развившіяся подъ вліяніемъ сербскаго говора литературнаго и государственнаго.

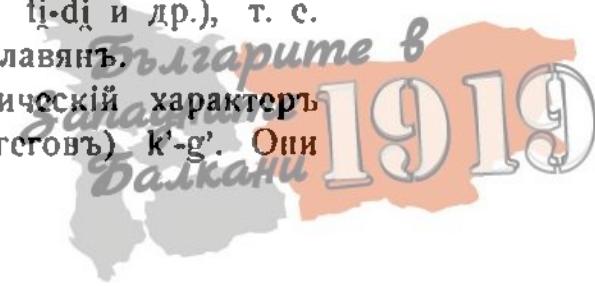
Въ южной части южно-моравской группы, въ Вранѣ, произносится вм. т' согласный к'. По наблюденію О. Бро-ка, употребленіе к' въ враньскомъ говорѣ ограничивается сочетаніемъ к'с въ передачѣ буд. вр. Такое ограниченіе употребленія к' указываетъ на неисконность здѣсь этого согласнаго,—на то, что онъ проникъ изъ другихъ говоровъ (Dial. 42).—изъ Македоніи. А Беличъ отмѣтаетъ также для говора Врапи и ся окрестности присутствіе согласнаго к' (по его мнѣнію, һ'к'). По его же наблюденію, к' (һ'к') изрѣдка встрѣчается и съвернѣе отъ Врапи. Изъ примѣровъ, сообщенныхъ А. Беличемъ, видно, что к' употребляется обычно въ к'e. Но имѣются немногіе примѣры и другихъ сочетаній съ к' (Диал. 182—185).

О замѣнахъ *tj(*kt)-*dj въ говорахъ Старой Сербіи ничего неизвѣстно.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, различіе между южно-сербскими и македонскими замѣнами *tj-*dj заключается въ мѣстѣ образованія этихъ замѣнъ: въ говорахъ южной Моравы и Запланья онѣ болѣе передняго образованія (т'-д'), чѣмъ въ говорахъ Македоніи (к'-г').—Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о фрикативности ихъ.—Это различіе—несомнѣнно. Оно обнаруживается и въ томъ, что случаи съ к' въ южно-моравской группѣ ограничены областью, ближайшей къ Македоніи.

Указанное различіе само по себѣ еще недостаточно для отрицанія положенія о томъ, что македонскіе к'-г' вм. tj-*dj вызваны вліяніемъ сербскихъ замѣнъ этихъ праслав. сочетаній,—замѣнъ, которые по своему образованію были близки къ нынѣшнимъ южно-моравскимъ т'-д' (а не һ—һ'). Если не получилось вполнѣ тожественныхъ звуковъ, то это не удивительно для говора людей, воспринимавшихъ чужое произношеніе: вм. палатальныхъ т'-д' стали произноситься близкіе къ нимъ, но болѣе задняго образованія палатальные к'-г',—звуки, развивавшіеся въ македонскихъ говорахъ и при другихъ условіяхъ (вм. вторичныхъ tj-dj и др.), т. е. свойственные артикуляціи македонскихъ славянъ.

Не безынтересно отмѣтить физіологический характеръ албанскихъ (у тосковъ и южныхъ геговъ) к'-г'. Они

произносятся, какъ взрывные палатальные согласные, безъ фрикациі. Въ Дураццѣ *k'-g'* имѣютъ болѣе переднєе образованіе, приближаясь къ *t'-d'*. Къ съверу отъ Крои эти палатальные *t'-d'* сопровождаются палатальнымъ спирантомъ. Съ фрикацией эти согласные произносятся и въ Дебърской области (G. Weigand. Alb. Gram. 10. Рекици. Gram. d. alb. Spr. 18).

Въ говорахъ Македоніи палатальные *k'-g'* (или звуки, близкіе къ нимъ) употребляются не только въ качествѣ замѣнителей **tj—*dj*, появившихъ на мѣстѣ болѣе раннихъ замѣнъ (*šč—ždž*), но и въ качествѣ звуковъ, развившихся внутри самихъ македонскихъ говоровъ: 1) вм. вторичныхъ *tj—dj* (по утратѣ редуцированного гласнаго передъ *j*), 2) вм. *k—g* передъ гласными *i* и *e*, 3) вм. *k, g* послѣ *j(i), l', n'*. Кроме *k'-g'* указаннаго происхожденія, эти согласные употребляются 4) въ заимствованныхъ словахъ вм. *k'-g'*.

О 1) говорилось выше (74, 78).

Что касается 2), то *k'-g'* вм. *k-g* передъ гласными *i, e* свойственны всѣмъ говорамъ Македоніи. Но въ иѣкоторыхъ изъ нихъ эти *k'-g'* не совпадаютъ съ *k'-g'*, замѣняющими *tj-dj*: образованіе *k(g)* въ *k(g)i(e)* болѣе заднее, при этомъ, передъ гласнымъ съ подвижка артикуляціи для согласнаго *k(g)* впередъ еще болѣе незначительна. Таковы сочетанія *k'i, k'e* *-g'i, g'e* въ говорахъ, напр., М. Рѣки (Изв. на сем. II, 245).

Измѣненіе *k-g* передъ гласными *i, e* известно также говорамъ западной Болгаріи (записи) и многимъ говорамъ восточнаго нарѣчія.

Соответствующее явленіе наблюдается и въ говорахъ тимочско-лужнической группы. Въ особенности же значительна подвижка въ образованіи *k-g* при указанномъ положеніи въ говорахъ пиротскомъ и лужническомъ (Беличъ. Дијал. 143—193; Broch. Dial. 43, 285; Сбм. I, V, XVI, зап.).

3) Та же подвижка въ образованіи *k-g* вызывалась и вліяніемъ предшествующихъ звуковъ: *j(j), l', n'*. Измѣненію *k* не препятствовалъ предшествовавшій *s: vojsk'a*. Послѣ развитія *k'-g'* по говорамъ происходила утрата *j* и „отвердѣніе“ *l', n'*. То и другое измѣненія были пережиты говорами западной Болгаріи, тимочской группой въ юго-восточной Сербіи (—группой, очень близкой въ діалектическомъ отношеніи къ съверо-западнымъ говорамъ Болгаріи), иѣкоторыми говорами восточно-болгарскаго нарѣчія и Македоніи.

Кюстенд.: мајк'а, девојк'а (Сбм. X, 357; Сб. Любенова, 10). Г. Джумая: мак'а, вбск'а, л'ул'ка (Сбм. XX 9.). Дупница: мак'а, пиштал'ка, сен'ка (Сбм. X, 164, 178, 181). Самоковъ: мак'а, свин'ка (Сбм. X, 158, 159; Шапк. IX, 380). Въ сѣв.-западной Болгаріи: мак'а, девок'а, люл'ка, сенк'а, седёнк'а (Мариновъ. Ж. Стар. II, 72, 79, III, 19). Видинъ: Софік'а, Марік'а, мак'а (Сбм. XIX, 10). Враца: седёнк'а, воск'а, мак'а-мајк'а (Сбм. XXV, зап.), без мајк'а, без родителк'а (Сбм. X, 26). Търнъ: девок'а, девдок'о (зват.), три девдок'е, при мак'у си (Псп. XI, 137). Чип[о]ровци: майтя, сеньрю, сеньтя, меанджійтъ (въ зап. Качановскаго: „Памятники“. 232.—тя, тю t'ka(u)). Софія: војск'а (с. Войнеговци. Сбм. XVI—XVII, 315).

Примѣры для тимочского говора см. у Белича: Дијал. 197—198, у Брука: Dial. 39, 214, 215.

Для говоровъ восточно-болгарского нарѣчія: тајк'а, Marijk'a, l'ul'k'a (Панагюр., Габрово, Троянъ), также въ родопскихъ говорахъ. См. у Милетича: Das Ostb. 166, 188; Die Rhodopm. 75, 89, 182. Въ родопскихъ же говорахъ известны и сочетанія съ утраченнымъ ю: mak'a(ä) (Miletič. Die Rhodopm. 34, 49, 121, 205).

Въ говорахъ Македоніи это явленіе известно немногимъ говорамъ: на крайнемъ югѣ да на сѣверо-востокѣ. Костуръ: воск'а (Книжици II, 49). Кайляръ: мајк'а, но мајко (Сбм. XVI—XVII, 63, 67). Леринъ: болк'а и бол'к'а (Шапк. IX, 318). Малешово: мак'а (Новини II, № 48). Піянецъ: мак'а, вбск'а (Псп. XII, 118).—Говоры малешовскіе и піянеческіе находятся въ ближайшемъ родственномъ отношеніи къ сосѣднимъ говорамъ юго-западной Болгаріи.

На измѣненіе задненебного *k* въ направленіи къ ряду палatalныхъ согласныхъ можетъ оказывать вліяніе и предшествующій гласный *i*: ezik'. Такъ въ солунскомъ селѣ Н. Село (Oblak. Mac. St. 50). Такъ и въ иѣкоторыхъ говорахъ западной и восточной Болгаріи. Въ иѣкоторыхъ восточно-болгарскихъ говорахъ *k'* вм. *k* появляется и въ зависимости отъ предшествующаго *e*: tsumik'—ечникъ (Weigand Jahresber. XV. 157), dirék' (Miletič. Das Ostb. 96).

Въ иѣкоторыхъ говорахъ восточнаго болгарского нарѣчія развились *k'* *g'*, (разумѣется, не произносящіеся повсюду одинаково) и им. *t*—*d* передъ *e* (изъ *ъ, *е, *ѣ), передъ замѣнами *ѣ и въ конечномъ *t(ъ). Послѣдовательно это измѣненіе проведено въ балканскихъ говорахъ Котла, Елены,

Дрянова (Miletič. Das Ostb. 167, 196—172) и въ говорахъ Чепина и Широкой Лъки въ Родопской области (Miletič. Die Rhodopm. 174—176, 208—213). k' вм. конечнаго *t[ь] известно и нѣкоторымъ говорамъ съверо-западной Болгаріи, пак', пак'о (Мариновъ Ж. Стар. II, 70; Сбм. XXV: врачанскія зап.; Сбм. XVI—XVII, 314: Софійское село Войнеговцы). Говорамъ Македоніи, за исключеніемъ немногихъ на юго-востокѣ, k'—g' такого происхожденія неизвѣстны. Только въ кукушскомъ, дойранскомъ и нѣкоторыхъ солунскихъ (Негуванъ) говорахъ употребляется k': ръk' (Сбм. XVIII, 454; Шапк. IX, 372; Oblak Mac. St. 49). Въ близкомъ къ Негувану сель Сухо—pѣt' (Oblak. ib. 49). Въ македонскихъ говорахъ вм.—tъ находится t: pѣt—pat, zet.

4) k'—g' въ заимствованныхъ словахъ: k'oše, k'otek, k'ot, k'utit, izmek'arite—izmik'arite, g'um, g'umče и др.

k'—g' въ балканскихъ языкахъ.

k'—g' въ вышеуказанныхъ категоріяхъ извѣстны говорамъ и другихъ балканскихъ языковъ.

1) Та же подвижка (безъ развитія фрикації) въ образованіи t—d передъ j (j) произошла и въ нѣкоторыхъ албанскихъ (напр., въ Эльбасанѣ) и греческихъ говорахъ. Въ этихъ греческихъ говорахъ k'—g' находятся не только вм. tj—dj, но и вм. ti—di: sk'ag=щюар, nik'ja=үүсүүж, kis=tic, charki=җартi (Kretschmer. D. lesb. Dial. 143—147). Алб. k'et  -tjet , ak' =atj , g' =dj , g'ale=djal . (Pekmezi. Gram. 65).

Относительно 2-ой категоріи замѣтимъ, что и въ другихъ балканскихъ языкахъ k—g передъ гласными передняго ряда испытывали измѣненіе, выражавшееся въ передвижкѣ мѣста образования въ область палatalную. При этомъ измѣненіи во многихъ балканскихъ языкахъ и ихъ діалектахъ развивались аффрикаты (c,  , c—d , d , dz). Аффрикаты такого происхожденія извѣстны діалектамъ румынскимъ (дакорум. и макед.-рум.), греческимъ (пренимущественно южнымъ), съверно-албанскимъ. k'—g' представлены говорами южно- и средне-албанскими и многими греческими.

3) Въ албанскомъ языке k → k', g → g' посль i: pik'ni 2 мн. „печете“ (ед. pjek), dik'ni, dig'ni—„сжигаете“ (djek, djeg).

Въ 4-ой категоріи и другіе балканскіе языки имѣютъ k'—g' (или результатъ дальнѣйшаго діалектическаго измѣненія ихъ).

Западные Балканы 1919

I-epentheticum.

I-epentheticum неначальныхъ слоговъ болгарскимъ говоромъ Дидаскаліи утрачено. Относящіяся сюда слова переданы такимъ образомъ: *ζέμια* 116, *ζεμіа* 116, 117, *ζέμіа* 121, *ζέμіа* 174; *саміа* 155.

Чтò выражено въ приведенныхъ написаніяхъ посредствомъ *ia*—*ia'*—М. б., и 'а и ја. Имъя въ виду указанія современныхъ македонскихъ говоровъ южныхъ и центральныхъ областей, полагаемъ, что *ia*—*ia'* въ данныхъ случаяхъ передавали ја. Значить: земја, сабја.

Какъ указано выше, въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи были сочетанія съ ја(е) и въ замѣнахъ *-губ. согл.+тија(е): снопје, здравје.

Важно замѣтить, что *Воулгáріхъ* знаетъ „сабја“, но не —„сабл’а“. Въ послѣднемъ видѣ это слово находится въ нѣкоторыхъ говорахъ съверо-восточной Македоніи и западной Болгаріи, какъ пережитокъ сербскаго вліянія.

Въ Дидаскаліи встрѣчается *λάμυια*—лам’я 118. *Влáхъ* также имѣетъ *λάμυια*. Въ другихъ параллеляхъ этому соответствуютъ слова иного образованія: ’Рѡи. ὁ δράχων, ’Алб. спрѣхъ (У албанцевъ-тосковъ извѣстно *lamje*. G. Meyer. Wörb. 231). Но ромейскому языку извѣстны и *λαμіа*—лам’я. Болгарскій и аромунскій говоры Дидаскаліи заимствовали изъ новогреч. *λαμп'a*. Въ однихъ македонскихъ говорахъ это слово извѣстно съ согласнымъ п’ (Велесъ. Сбм. XI, 132, и „ламъя“. Сбм. XVI—XVII, 228), въ другихъ безъ п’. Первое восходитъ къ новогреч. *λάμυια*, второе къ *λαμіа*.—ламја, лам’я, напр. въ Охридѣ, Галичникѣ, Крушевѣ (Шапк. VIII, 220; Сбм. XI, 151; Сбм. XVI—XVII, 322). Новогреческое *λαμіа*, перешедшее въ такомъ видѣ въ нѣкоторые македонскіе говоры, въ томъ числѣ и въ болгарскій и аромунскій говоры Дидаскаліи, не позволяетъ отожествлять по происхожденію п’ въ этомъ словѣ у славянъ съ тѣмъ п’ послѣ губного т (zemп’а), который находится въ съверно-македонскихъ областяхъ.

Судьба I-epentheticum въ македонскихъ говорахъ была та же, какая была пережита вообще болгарскими говорами: онъ утрачивался не въ начальныхъ слогахъ. Вм. сочетанія —губ. согл.+и'+гл.—здесь выступаетъ сочетаніе—губ. согл.+и

Западните въ
Балкани 1919

+гл.—или—мягкий губ. с.+ гл.— Въ формахъ именъ послѣ губного т нѣкоторые говоры съверной Македоніи и западной Болгаріи имѣютъ п' или п: zemn'a, zemna (рѣже). Послѣднее сочетаніе развилось вм. zemn'a. Отвердѣніе п' въ именахъ происходило и въ другихъ случаяхъ: bajna, kojna... Сочетаніе же zemn'a естественно предполагаетъ предшествующую стадію съ ѿ: zemja или ранѣе zemja. Развитіе вм. тј (разнаго происхожденія) передъ гласнымъ палатального п известно во многихъ областяхъ славянщины: и русскіе (малорусскіе) и польскіе (мазовецкіе) и чешскіе (и въ Чехіи и въ Моравіи) знаютъ п' такого происхожденія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ славянскихъ говоровъ возникновеніе п' нормировано еще условіемъ нахожденія тј передъ гласнымъ задняго ряда¹⁾.

Итакъ, въ Македоніи развились двѣ замѣны прежняго (не въ начальномъ слогѣ) сочетанія—губ. согл. +І'+гл.—: 1) губ. согл. +ї+гл., 2) мягкий губ. +гл.—. Что касается взаимоотношенія этихъ двухъ сочетаній, то первое изъ нихъ предшествовало второму: zemja→zemn'a. То же переживалось нѣкоторыми говорами и въ сочетаніи—губ. +ї+гл.—, развившемся при другихъ условіяхъ, вм. *губ. +iјe(a): zdravje→zdrav'e; niv'e, niv'a. Такимъ образомъ, общей замѣнной сочетанія съ эпентетомъ I у македонскихъ славянъ явилось сочетаніе—губ.+їe. Такова же судьба I-erenth. была и въ говорахъ Болгаріи. Но тамъ процессъ ассимиляціи ѵ съ предшествующимъ мягкимъ губнымъ охватилъ всѣ діалектическіе районы. Аналогичное измѣненіе было пережито ими и въ судьбѣ *губ.+iјe(a): губ. мягкий+гл.

1) Какъ на независимый параллелизмъ, укажемъ, что такой же результатъ измѣненія палатального т ($m' \rightarrow mn'$) известенъ и за предѣлами славянщины. Такъ въ греческихъ говорахъ: тј+глас. (a)→пн'; mn'a=ш'a, rotamn'a=жотам'. То же свойственно румынскимъ діалектамъ. Въ особенности былъ интенсивенъ и послѣдовательно проведенъ процессъ измѣненія палатальныхъ губныхъ въ македоно-румынскихъ говорахъ: въ этихъ говорахъ утрачена артикуляція губного согласного; сохраненъ лишь тотъ палатальный согласный, который развивался за губнымъ при диспалатализаціи послѣдняго: гарio→arak'u, rinus→k'in, bëpe→g'ine, fërrum→h'er, vënio→jin, mëdius→n'edzu и т. под. См. S. Рицкагиц. Zur Rekonstruktion des Ugrumänschen. „Beihefte zur Zeitschr. f. rom. Phil.“. № XXVI, 33—34. См. также записи и описание Вейганда; цит. выше.—Ср. ходъ измѣненія т', в', б', й', р' въ мазовецкихъ говорахъ: тј—mn'—n', вј—vz'—z', бј—bz'—z', йј=fj'—fj', рј—rzh'—ps'—s'.

Стадія съ ј+гл. отражается (хотя и непослѣдовательно) уже въ памятникахъ др.-ц.-сл. языка¹⁾.

Въ большинствѣ македонскихъ говоровъ находятся сочетанія губ. согл.+ј+гл.—. Въ областяхъ Костура, Лерина, Рѣсена, Битоли, Прилѣпа, М. Рѣки, Крушовѣ, Велеса, Штипа, Кратова, Радовишта, Кукуша, Водена, Дойрана, Солуня произносится земја, sabја (ср. передачу въ записяхъ „земіа“, „сабіа“, гдѣ i—j, j; земія для Рѣсена (Псп. XLI—XLII, 899), земѣа—для Меглена (Сбм. III, 120); земіа для Штипа (Сбм. VII, 248), земіята для солунскаго села Киречк'ой (Книжици II, 40).

Сочетанія съ ј+гл. находятся и въ говорахъ юго-западной Болгаріи: въ Г. Джумаѣ, Дупницѣ.

Въ тѣхъ же областяхъ Македоніи и западной Болгаріи и послѣ губного согл. произносится и въ сочетаніяхъ, замѣнившихъ "-губ. согл.+јie(a). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ областей извѣстны сочетанія, представляющія дальнѣйшее измененіе — губ. согл.+ј+гл.—: мягкий губ.+гл.—. Такъ въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 248), въ нѣкоторыхъ солунскихъ селахъ (Oblak. Mac. St. 68), въ Рѣсенѣ, въ Кратовѣ. Въ другихъ областяхъ сочетаніе — мягкий губ. согл.+гл.— является общеупотребительнымъ: въ Маріовѣ, Кичевѣ (ср. здѣсь и —zdrav'ie: Сбм. XIX, 2... зап.; Сб. Иконом. 113).

-mn', -тп. zemn'a (zemна) находится въ говорахъ западной, сѣверной и восточной частяхъ Македоніи: въ Порѣч'ѣ (дур до земна; на земна паднале. „Карац.“ III, № 5); въ Д. Пологѣ (земн'a: Отчетъ 12; здѣсь и въ передачѣ р.-церк.-славянского слова „память“ находится -mn': „вѣчна памятъ“, на надгробной плите въ с. Теарце. Отчетъ 61.—„помни гдї іеромонаха Арсения“, —земляка Кирилла Пейчиновича. Зап. въ Уставѣ Хлуд. Собр. № 123). Такъ же въ Велесѣ (земн'a: Сбм. VIII, 256; IX, 131; XI, 84; въ этой области и —zem'a: Сбм. XIV, 100); въ Скоп. Черной Горѣ (Срп. Етн. Зб. VII, зап.: зем'я, зем'иу); въ Кумановѣ (земн'a: Хи.-Василь. I зап.); въ Кукушѣ (земна: Сбм. XVIII, 453), въ сѣверно-солунскихъ селахъ Н. Селѣ и Ватилѣкѣ (zemn'a: Oblak. Mac. St. 68). Извѣстно -тп'- и за предѣлами Македоніи, въ ближайшихъ

1) В. Н. Щепкинъ. Разсужденіе. 261—263. Обозрѣніе фактовъ др.-ц.-сл. памятниковъ относительно І-еренті. ср. въ статьѣ П. Орѣшкова: „Отношенія на старобѣлг. памятники къмъ епентетично .“ (Изв. на сем. II); у В. Вондрака: Allkirchenslav. Gram. 2 Aufl., 322—340.

областяхъ Старой Сербіи и юго-восточной Сербіи: земн'a, врз земн'e—слышится на Косовомъ Полѣ (Етн. Зб. VII, 198). земн'a—встрѣчается и въ нѣкоторыхъ говорахъ юго-восточной Сербіи, преимущественно южной части южно-моравской области (Беличъ. Дијал. 225—226; Broch. Dial.: zémn'a (mit auffallendem п') для Лукова (130), для Кр. Феи (206).

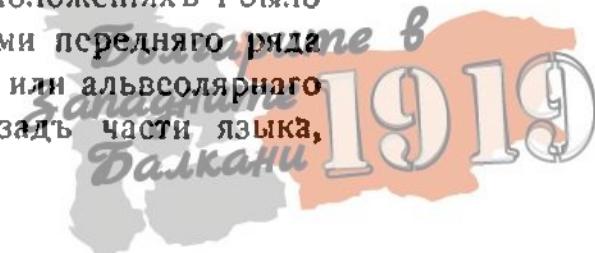
Еще чаще -тп- встречается въ говорахъ западной Болгаріи: въ Кюстендилѣ (Сбм. X, 357), Самоковѣ (Сбм. III, 95), Търнѣ (Псл. XI, 138: земнята, у земню; съ другой основой: зем: улезла у зем. ів. 137), Софіи (Сбм. VIII, 175; XI, 93), Видинѣ (и—земл'a: Сбм. XIX, 11; здѣсь произносится -пп'- и въ заимствованномъ р.-церк.-славянскомъ словѣ „имя“: во јими'a оца... Сбм. XIX, 11).

Въ говорахъ Македоніи, Старой и юго-восточной Сербіи и западной Болгаріи, въ которыхъ находится -тп'a, замѣна сочетанія *-губ. согл.+iјe(a) представлена посредствомъ губ. согл.+j+гл. Отсутствіе п' въ послѣдней замѣнѣ объясняется тѣмъ, что предшествующимъ согласнымъ является не иносовой губной (примѣры съ т мнѣ неизвѣстны).

Въ нѣкоторыхъ сѣверно-македонскихъ и западно-болгарскихъ говорахъ употребительны сочетанія съ I-ерентh. Наиболѣе распространено съ І' сочетаніе sabl'a. Съ І' оно извѣстно говорамъ Д. Полога (Отчетъ 11), Кюстендила (Сбм. X, 357; Сб. Любенова 31), Самокова (Сбм. IX, 279) и нѣкоторымъ другимъ. Въ самоковской области извѣстно и -земл'a- на-ряду съ -земн'a, въ говорѣ одной и той же деревни (Oblak. Arch. XVII, 458). Въ Кратовѣ л' сочетаній -сабл'a-, а также -земл'a- отвердѣло: сабла, земла (Сбм. IV, 315). Съ л' „сабл'a“ распространилась далеко на востокъ (съ запада, изъ сербскихъ языковыхъ областей). Такъ, въ софійскомъ селѣ Гурмазовѣ произносится „сабл'a“ при земн'a“, въ Пирдонѣ, Габровѣ, Ихтиманѣ, въ с. Батакѣ (Oblak. Arch. XVII, 458).

I, I, I'.

Дидаскалія различаетъ, по крайней мѣрѣ, два вида плавнаго I: I и I'. I, передающееся посредствомъ л, находится передъ гласными и передняго и задняго ряда и въ концѣ слова. Возможно, что не во всѣхъ этихъ положеніяхъ I было одинакового образования. Передъ гласными передняго ряда это быдь плавный I „средній“, зазубнаго или альвеолярного затвора, образованный безъ оттяжки взадъ части языка,

находившейся за затворомъ: — ѡ́твоте 122, ѿ́ж(г)од 116, ѿ́твота 117 и др. Такое же I было и вм. *I' въ пѣхето 117. Передъ гласными задняго ряда и въ концѣ слога произносился плавный, близкій къ І,—корональный, съ средоточеніемъ средней и задней части языка дальше взади по сравненію съ положеніемъ языка при образованіи I: пѣхтъ=плочи 121, пѣхтъот 121, ѿ́жогуте 122, ѿ́ж 141, ѿ́жозает 123, ѿ́ж-глас 123, пѣхтууето 117, ѿ́жуата 118, пѣхух 130, ѿ́жух 118, ѿ́жахъ-се ужалвиш 144, ѿ́ж пѣх. ѿ́з—наполноит 122, ѿ́ж- цел 171, ѿ́жак 144 и др.

Слѣдовъ ц вм. I Дидаскалія не представляется. Имеется парѣчіе ѿ́жхор (161, 181) при ѿ́ж- ѿ́жор (см. выше).

I,—плавный палатализованный или палатальный,—передается въ Дидаскаліи обычнымъ образомъ для мягкихъ согласныхъ: ѿ́ж или ѿ́ж: ѿ́ж Іа, ѿ́ж Ги.—зѣхлац—фѣрлам 136, пѣхълъд 116, ѿ́жиста-чѣл'ат[т]а 133, постѣлата 140, ѿ́жает- бол'ает 141, ѿ́жбѣлает- се мѣл'ает 143, ѿ́жѣлесто-крѣл'ето или крѣл'ето 124.— Такъ же передается I' и въ Канонице ѿ́ж ѿ́жата упітвѣлъхъ: ѿ́жѣл'ите, ѿ́жил- ѿ́жилът (Сбм. XV, 378, 379).

I'—I. Въ образованіяхъ съ Губ-, Гуд-, Гут- произошло измѣненіе I' въ I: ѿ́жпѣтъ- лѣбіш 135, ѿ́жпѣтъ- лѣбит 141, ѿ́жпѣхъ- лѣбает 160(2 р.); от ѿ́жүр - от лѣгі[е], Рум. атѣ ѿ́ж- ѿ́жпѣтъ; 132; ѿ́жпѣхъ- лѣтин'e 119. Но въ корнѣ послѣдняго слова колебаніе: ѿ́жпѣтъ 146.

Написанія съ ѿ́ж- не представляютъ недосмотра. Составитель болгарской параллели послѣдовательно передавалъ мягкость согласного передъ гласнымъ посредствомъ : или удвоеніемъ знака согласного. Въ написаніяхъ съ ѿ́ж- вм. ѿ́ж- отражаются факты живого произношенія. Измѣненіе I' въ I въ указанныхъ словахъ извѣстно и другимъ македонскимъ говорамъ (см. ниже). Многіе македонскіе говоры измѣнили I' въ I въ словахъ nedel'a, postel'a, košul'a. Но говоръ Дидаскаліи знаетъ -Іа, переданное посредствомъ— ѿ́ж и - ѿ́ж: ѿ́желата 126, ѿ́желъд 128, постѣлата 140, пѣхтѣлъд 155, ѿ́жкоула 152.

Македонскіе говоры имѣютъ троякаго вида I: велярное I, „среднее“ I и палатальное или палатализованное I.

I. I находится передъ гласными задняго ряда и въ концѣ слога, замѣния праславянское велярное же I или I'.

съ „слабымъ“ въ конечномъ слогѣ и передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія. Впрочемъ, вм. *І по говорамъ встрѣчается І и І-¹). Образованіе І не тожественно во всѣхъ краяхъ Македоніи: въ однихъ оно болѣе заднее, въ другихъ оно произносится кромѣ того съ лабіализаціей, въ третьихъ имѣетъ образованіе ближе къ среднему ряду, т. е. языковое тѣло не отодвинуто далеко назадъ за затворомъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ вм. І велярио-лабіализованного развилось и въ концѣ слова. Такова судьба велярного *І въ говорахъ Полога: stóц, sòкоц, ràsoц-meso, práц, -pràjla, dòшоц, ríц sum, вец-trendàfile, voцk-voцci, ацвàtнice, ronedaцnіk. Въ тѣхъ же говорахъ (сс. Лешокъ, Тесарце, Челопекъ) не совсѣмъ еще утрачено и образованіе І: на-ряду съ и произносятся сочетанія и съ Ѣ, ѵ (Отчетъ 16; Минало I 1, стр. 74, прим.).

Измѣненіе конечнаго І (І) въ и извѣстно также кратовскому и криво-р.-паланскому говорамъ. Но примѣры съ такимъ измѣненіемъ плавнаго въ этихъ говорахъ ограничены категоріей формъ прич. муж. ед.. Кратово: викаў на-ряду съ діалектическимъ вариантомъ—викаја (Сбм. IV, 315). Криво-Р.-Паланка: зачуў, пофалийў... (Сбм. IX, 29). Съ окончаніемъ на и эта форма употребляется и въ мѣстностяхъ верхней Пчини, если такъ понимать заявленіе Ху.-Васильевића: „се свршава на у“ [ј?] (J. Ст. Србија. II, 286). На -ц сканчивается форма прич. муж. ед. и въ нѣкоторыхъ говорахъ западной Болгаріи, напр., въ говорѣ брезническомъ (Сбм. X, 161: он опитаў).

Кромѣ положскихъ говоровъ, І знаютъ и другие македонскіе говоры. Изъ центральныхъ отмѣтимъ прилѣпскій: „твердое и среднее л встрѣчается, какъ и въ ст.-болгар. и восточно-болгар., но съ той разницей, что твердое особенно отвердѣло“,—заявляетъ Д. Мирчевъ въ описаніи прилѣпскаго говора (Сбм. XX, 16). На „гуттуральное“ І въ этомъ говорѣ указалъ и Ст. Новаковичъ... Bei dem Consonanten І bemerkte ich... etwas gutturales (Arch. XII, 81). Изъ западныхъ говоровъ отмѣтимъ дебѣрскіе, въ которыхъ также нахо-

1) Передъ суф. *ък-а: бол'ка, жел'ка, зел'ка... Такъ во многихъ говорахъ, въ томъ числѣ и рѣсенскихъ (Сбм. VIII, 254) и леринскихъ (Шапк. IX, 318). Какъ параллель, отмѣтимъ изъ албанскаго языка Ік-¹к-²к-³къ: bulk-¹buk-²buk-³buk (крестьянинъ).

дится І, въ однихъ болѣе велярнаго образованія, въ другихъ менѣе (Oblak. Mac. St. 48-49. Григоровъ. Изв. на сем. II, 246-247). Изъ южныхъ укажемъ на корчанскіе (Arch. XVI, 44). Изъ юго-восточныхъ сошлемся на солунскіе (Oblak. Mac. St. 48).

Въ иѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ велярность І зависитъ отъ положенія въ словѣ: въ концѣ слова І велярнѣе, чѣмъ въ срединѣ. Такое различіе отмѣчено для корчанскихъ и солунскихъ говоровъ.

Измѣненіе І въ цѣ въ концѣ слова, извѣстное говорамъ Полога, представляютъ говоры и иѣкоторыхъ другихъ областей Македоніи, но представляютъ при слѣдующемъ условіи: *toit* вм. *tolt*, развившагося вм. *tłt*. Это измѣненіе свойственно говорамъ Рѣсенской области (см. выше). Если же здѣсь въ концѣ слова произносится І, а не цѣ, то это зависѣло отъ того, что І въ *tłt* имѣло болѣе велярное образованіе, чѣмъ І въ другихъ положеніяхъ и І (вторичное) въ концѣ слова: ср. сказанное выше о замѣнахъ *tl* въ македонскихъ говорахъ. Нѣсколько шире области употребленія цѣ-І при другомъ условіи,—въ словахъ *točki*, *kočki*, *nekоčki*. Возникновенію въ этихъ словахъ І и его измѣненію въ цѣ, благопрѣятствовали составнія артикуляціи: предшествовавшаго гласнаго *o* и слѣдовавшаго тоже задняго образованія согласнаго *k*, лабіализующее дѣйствіе котораго отражается и въ другихъ случаяхъ. оц въ указанныхъ словахъ отмѣчено въ слѣдующихъ областяхъ: Леринской (Сбм. VIII, 160, 162; V 144), Рѣсенской (Книжици IV-VII, 267; Псп. XLI—XLII, 887; Сбм. VIII, 258), Скопской (Минало I 1, 166), Штипской (Сбм. XI, 581; здѣсь и -маўку, съ ў нефонетического происхожденія, а по аналогіи съ -тѣўку, кѣўку; если въ слѣдующемъ слогѣ гласный нелабіализованный (-а), то „отвердѣнія“ І не происходило и развивался Г; зел’ка, л’ул’ка. іб. 587).

Въ только что названныхъ областяхъ при существованіи сочетанія *točki* употребляется сочетаніе *tuki* изъ *toki*, съ замѣной *to-* посредствомъ *tu-* подъ вліяніемъ слѣдующаго слова (-ku).—Ср. окулу, наокулу.—*toko-tuki* при *tolku*, *kolku*, *nekolku* извѣстно и въ сѣверныхъ и въ центральныхъ и въ самыхъ южныхъ говорахъ Македоніи. *toko*—въ Дебърскомъ краѣ (Сбм. XI, 145, Браство IX—X, 368). *tuki*—отмѣчены въ слѣдующихъ областяхъ: въ Костурѣ, Рѣсенѣ, Охридѣ, Ки-

Балкане въ 1919

чевѣ, Порѣчъѣ, Крушовѣ, Битолѣ, Маріовѣ, Велесѣ, Кратовѣ и даже въ Кумановѣ (Материали по изучв. на Макед. 54б) — подъ вліяніемъ другихъ, южныхъ говоровъ¹⁾). Такъ же въ юго-западной Болгаріи, въ Самоковѣ и Дупницѣ: туки, tolku. Но въ Кюстендилѣ и Г. Джумаѣ: токи, kolki. Подъ вліяніемъ этихъ образованій стало произноситься токи. (Но ср., напр., для г.-джумайского говора присутствіе І въ сочетаніяхъ: bil'ka, ful'k'a. См. ХХ, 9).

Что касается происхожденія tol'ku (дебърское, м.-рѣканское) — tolku-tołku-toçku, toko-toku-tuki, то tol'ku-tolku, съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ I (І, ү) ясно: оно восходитъ къ *только (см. „Изслѣдованіе о языкѣ синод. списка 1-ой новгород. лѣтописи“ Б. М. Ляпунова. СПб. 1899, стр. 162—163). Къ сочетаніямъ съ -ль- восходятъ и kolki, nekolki, onolki. Ясенъ и ходъ развитія *только-...toçku (съ нефонетическимъ конечнымъ -и, по аналогіи съ исконными парѣчіями на -и). Развитіе веляриаго I и его измѣненіе въ и въ tolku, kolki... находилось въ зависимости отъ соседнихъ артикуляцій: отъ предшествующаго задняго лабіализованного гласнаго (о) и слѣдующаго тоже задняго образованія согласнаго k. При произношеніи [k]jоi- часть языка, артикулировавшая по отношенію къ заднему небу, была въ общемъ одинакова при o и І. При переходѣ отъ этихъ артикуляцій къ слѣдующему -ко(и) легко могъ быть опущенъ зазубній (или альвеолярный) затворъ, и черезъ артикуляцію и прямо могъ наступить затворъ задненебный для k.

Что касается toku-tuki, то не можемъ считать ихъ за сочетанія, фонетически развившіяся изъ toqko-toçku, при предположеніи, что артикуляція для о, развившагося вм. І, съ теченіемъ времени совсѣмъ совпала съ артикуляціей предшествующаго гласнаго; сочетанія же tu- вызвано вліяніемъ слѣдующаго слога съ и(-ки); tu- смѣнило собою или to-, или toç-. Такому объясненію появленія toko-toku-tuki противорѣчить общераспространенное въ Македоніи сочетаніе tolku (tolku), существование kolki, nekolki (kolki, nekoçki); -kokи-kuki македонскимъ говорамъ неизвѣстны. Нѣть достаточныхъ основаній полагать, что въ tolku и kolku условія для измѣненія I были различны: то и дру-

¹⁾ туки въ значеніи „только“ переняло и въ говорѣ мегленскихъ вѣховъ (Weigand. Vlacho-Meglen. Leipzig. 1892. 33).

гое сочетаніе имѣло по говорамъ одинаковую судьбу: ср., напр., тoцки, кoцки. Согласно съ изслѣдованиемъ Б. М. Ляпунова (ср. cit. 159) полагаемъ, что македонско - болгарскія toku - toku имѣютъ иное образованіе по сравненію съ tolko - tolku, kolko-kolku, восходя къ *to+ko. Какъ нарѣчіе, toku въ болгарско-македонскихъ говорахъ стало употребляться съ окончаніемъ -и, какъ и во многихъ другихъ нарѣчіяхъ. При такомъ объясненіи понятно будетъ существование toku (tuku) при tolku (toцку), kolku (коцку), nekolku (некоцку), — сочетаній, засвидѣтельствованныхъ почти всѣми македонскими говорами. Наличность сочетаній toku (tuku) при tolku находитъся въ зависимости отъ значенія того и другого сочетанія: toku (tuku) употребляется въ значеніи „только“, а tolku — „столько“. Это различіе значеній представляютъ въ македонскіе говоры.

Отступленіе въ параллелизмъ звуковыхъ сочетаній toku (tuku) | tolku, kolku наблюдается лишь въ юго-западной Болгаріи, именно въ говорахъ кюстендилскомъ и г.-джумайскомъ: здѣсь безъ I находится и kolku: koku, и даже таки при tаlku (Сбм. X, 358; XX, 21... зап.). Для таки несомнѣнно, что утрата I обязана аналогіи съ toku, koku.—Ср. тоже направление аналогіи въ ютипскомъ говорѣ — tаlku. — Но не совсѣмъ ясно происхожденіе въ кюстендилско-джумайскомъ говорахъ сочетаній toku, koku. Вѣроятно и здѣсь toku т.м. *toko, а koku развилось не фонетически вм. kolku[o]—koлько, а по аналогіи къ toko(u) ¹⁾.

Нѣть достаточнаго основанія объяснять to- сочетанія tokо[и], какъ замѣну *tъ- сочетанія *tъкъ[и]: послѣднее имѣеть свою непосредственную замѣну въ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи въ видѣ tokino. Напр.: Охридъ: Изв. на сес. III, 254; Прилепъ: Сбм. XV. 4; Г. Джумая: Сбм. XX. 19 и въ другихъ областяхъ. Съ to- это нарѣчіе известно и въ д. Пологѣ: см. ниже характеристику говоровъ этой области. Если д.-положское tokmo не представляетъ заимствованія отъ говоровъ т. — o, то приходится полагать, что и въ tokmo лежитъ въ основѣ *to-.

Г. 1. Палатальное или налатализованное I (I') македонскимъ говорамъ известно. Но употребленіе его не является послѣдовательно проведеннымъ во всѣхъ случаяхъ съ преж-

¹⁾ Такъ же можно объяснить, и діалектическая русскія тóko(í), skóko(í). Среди говоровъ, имѣющихъ такія сочетанія, отмѣчу говоръ цукановъ Ливенского у. (Орлов. губ.) и „мѣщанскій“ говоръ той же местности. Обычнымъ же являются — тók'a: tol'ka, skol'k'a.

нимъ *lj: въ большомъ распространеніи замѣна l' посредствомъ l „средняго“, въ особенности передъ гласными передняго ряда. Если въ томъ или иномъ говорѣ или отдѣльномъ словѣ не произошло еще совпаденія l' съ l, то все же l' по своему образованію не далеко отъ l. Это надо замѣтить для разныхъ македонскихъ говоровъ, въ томъ числѣ и для сѣверныхъ. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ l→l' испытало и дальнѣйшее измѣненіе въ томъ же направленіи: часть языка, находившаяся за затворомъ, отодвинулась дальше взадъ въ среднюю область рта, а боковыя части языка опустились нѣсколько ниже: l приблизилось къ l'.

l (вм. l'), переходное къ типу l, находится въ отдѣльныхъ случаяхъ почти во всѣхъ областяхъ Македоніи. (Въ болгарскихъ и сербскихъ записяхъ для передачи такого l употребляется тотъ же знакъ, какой служить для l „твѣдаго“: л, а не лъ, ль). Это „отвердѣніе“ l' наблюдается передъ гласнымъ a, въ конечномъ и срединномъ слогѣ, въ замѣнѣ конечнаго -l' (въ основахъ на *-jo), передъ и (у) въ начальномъ слогѣ. Но, какъ уже замѣчено, не во всѣхъ случаяхъ передъ гласными a, и является l съ „отвердѣніемъ“: при nedela можетъ произноситься въ томъ же говорѣ postel'a и наоборотъ.

nedela, postela, košula, selanec-selanin, selani, pri[j]ateli-pri[j]atelo[t] можно указать, при только что упомянутомъ ограниченіи, для слѣдующихъ областей: Лерина, Битоли, Прилѣпа, Маріова (и—povela, kral), Велеса, Рѣсена, Дебра, Кичева, Порѣчья (kralot, kraloi dvoroi), Полога, Скопья, Кратова (здѣсь l и въ -sabla, zemla).—Записи и описанія.

То же явленіе наблюдается и въ говорахъ юго-западной Болгаріи.—Зап. и описанія.

lug'e, lut-: lut, -a, -o, lutina, nalutil, razlutil; lub-: lubil, lubiš, luben'e, luba; blu-: bluen'e; plu-: pluskam, -š, pluska въ race (Прилѣпъ); kluč; klun—ключъ, kluna—3 ед.—Также въ этихъ и имъ подобныхъ сочетаніяхъ возможны по говорамъ сочетанія съ l въ одномъ словѣ при l' въ другомъ. Но обычно въ каждомъ говорѣ съ lu- произносится большая часть изъ указанныхъ сочетаній (не говоримъ „всѣ“, вслѣдствіе недостатка примѣровъ изъ разныхъ говоровъ). Такъ въ Леринѣ, Битолѣ, Прилѣпѣ, Маріовѣ, Велесѣ, Охридѣ, Дебрѣ, Кичевѣ, Порѣчье, Скопье, Штипѣ, Кратовѣ, Кумановѣ (онъ плује сва лето на бостан).—Записи описанія.

Заданиe въ
Балкани 1919

Іц- знаютъ и говоры западной Болгаріи, на югъ и отчасти на съверѣ.

О І' въ замѣнѣ *-lje(a) ср. стр. 78.

Изрѣдка І употребляется и въ юго-восточной Сербіи. Немногіе примѣры съ І, собранные А. Беличемъ, относятся, гл. обр., къ южной части южно-моравскаго діалекта (Дијал. 212). І находится передъ гласными задняго ряда (одинъ примѣръ—блѣдън) и въ концѣ слова. „За ъ [I] се никако не може рећи да зависи од нарочитихъ, специјалнихъ погодаба; али се може рећи тако исто да оно није у општој употреби, да се чује спорадички, можда не у аухтона, и да се у свима другим случајевима изговора л као нашеично, књижевно, бези најмање склоности да се изговора у правцу тога гласа“, -замѣчаетъ Беличъ. Повидимому, спорадическое появление І въ этихъ областяхъ обязано вліянію съ юга, шедшему отъ предѣловъ Шаръ-Планины.

Въ албанскомъ языке известны альвеолярный плавный „мягкій“ І и альвеолярный же І. Палатального образованія І' перешелъ въ ѡ и только въ немногихъ говорахъ тосковъ онъ сохранилъ свое образованіе плавнаго: Іериг-заяцъ (H. Pedersen. Die albanesischen I-lauten. „Zeitschr. f. vergl. Sprach.“ В. XXXIII, 551). Въ говорахъ геговъ І произносится или произносится съ участіемъ губной артикуляціи: ср. близость І къ спиранту Ѹ (вм. Ѹ встрѣчается въ, вм. Ѥ—І. Pekmez. Gram. 8, 59-61. Weigand. Gram. 8-9).

Плавный І (при І и І') известенъ и нѣкоторымъ аромунскимъ говорамъ,—тѣмъ, которые находятся рядомъ съ албанскими. Вліянію послѣднихъ и обязано появление І (или Ѥ) у этихъ аромунъ. Такос І (вм. І) отмѣчено у фаршеріотовъ, живущихъ преимущественно въ средней Албаніи (Weigand. Агорашен. II, 187), и аромунъ Тираны (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. XVI, 209).

dz. dz̄.

Болгарскому говору Дидаскаліи известенъ слитный со-гласный dz, переданный посредствомъ тѣ. Такъ выражается dz и въ аромунской и албанской параллеляхъ, напр., ѿзѣут-ѣ=usändze (Вѣлѣ.), тѣднъ=dzén (Лѣв.). Кавалліоти также пользуется тѣ или для большей ясности утѣ (бртѣо=ordzu, утѣаута=dzadă. Sitzber. В. 132, стр. 8). Для з служить обыч-

занное въ Балканахъ 1919

но *č*, рѣже *z*. Примѣровъ съ этой аффрикатой въ Дида-скалии немного: *уѣтѣтѣ*—подзите 176, 177; *треўтѣη*—другіи 117, но тутъ же и *треўтѣη*, въ чёмъ отражается соотвѣтствующее явленіе живого говора, которое можно наблюдать въ разныхъ македонскихъ областяхъ. *цѣлѣтѣη*—мѣълдзи 169. Въ одномъ заимствованномъ словѣ: *тѣзѣрѣ* дзарар 126; но въ другомъ случаѣ—*Цѣрапот* 144. Въ албанской параллели въ обоихъ случаяхъ это слово передано съ *č*: *Çarar*. *Çarar*,

з находится и въ сочетаніяхъ *зѣстѣтѣ*—звѣздите 116 и *ѣтѣтѣ* 157. Между тѣмъ, въ македонскихъ говорахъ именно въ этихъ сочетаніяхъ, и въ особенности въ первомъ чаще всего употребляется *dz*.

Рѣдко встрѣчаются сочетанія съ *dz* на юго-востокѣ (въ области солунскихъ говоровъ) и на западѣ (въ области дѣбърскихъ говоровъ). *Возлѣгари* Дида-скалии въ ближайшемъ отношеніи находится къ говорамъ западнаго края Македоніи.

dž вм. *ž*. Дида-скалия предлагаетъ только одинъ примѣръ съ *dž* вм. *ž*: *сѧоцпѣтѣхѣт*—се ублѣджаєт 131; *Роф*, *ѹжчакуноѹ*, *železo* передано посредствомъ *Чѣлѣзо* (121). *ž* Даніилъ, Кавалліоти и другие выражаютъ посредствомъ *ž*, а *dž*—*č*. Въ Дида-скалии имѣется написаніе *зѣжак* жвакаш 169. Въ македонскихъ говорахъ встрѣчается *džvaka* и *žvaka*—(см. ниже).

Македонскіе говоры, какъ и говоры западной и отчасти восточной Болгаріи и юго-восточной Сербіи, имѣютъ *dz* на мѣстѣ праславянскихъ *dž* и *z*. Въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ говорахъ *dž* послѣдовательно замѣняетъ прежнее **dž*, и спорадически, въ отдѣльныхъ словахъ, эта аффриката употребляется вм. **z*. Въ другихъ говорахъ *dž* является спорадически не только вм. **z*, но и вм. **dž*. Въ третьихъ, *dž* находится только вм. **z* въ отдѣльныхъ словахъ. Если въ послѣднихъ говорахъ находится *džvѣzda*, то здѣсь *dž* неисконно, а нового происхожденія, вм. *z* начального слога.

Развитіе *dž* вм. *z* отражается уже въ памятникахъ XI в., —въ Ассеманіевомъ Ев.: *прозѣвѣ* (Leskien. Handbuch 1, § 31a). Среднеболгарскіе памятники XII—XIII в. представляютъ уже въ многочисленные примѣры сочетаній съ новымъ *z*: Болон. Пс. (В. Н. Щепкинъ. Болон. Пс. 207—209), Охрид. Ап. (С. М.

Кульбакинъ. Охридская рукоп. Апост. СIII—СIV), Слѣпч. Ап. (Г. А: Ильинскій. Слѣпч. Ап. LXXVI), Добрѣйшово Ев. (Б. С. Цоневъ. Добрѣйш. Четвероев. 85), Битольская Тріодь (Й. Ивановъ. Старини 102) и др. Сочетанія съ dz вм. зъ большою частью являются общими для среднеболгарскихъ говоровъ, насколько послѣдніе отразились въ памятникахъ письменности. Въ тѣхъ же словахъ dz представляютъ и современные говоры, преимущественно македонскіе и юго-западной Болгаріи. Къ среднеболгарскимъ сочетаніямъ съ новымъ dz затѣмъ присоединились и другія, болѣе поздняго происхожденія, заимствованія изъ турецкаго, имѣвшія z (въ начальномъ слогѣ).

Списокъ примѣровъ съ dz для трехъ говоровъ: тѣрновскаго, кюстендилскаго и охридскаго данъ В. Н. Щепкинымъ (Болон. Пс. 209—210)¹⁾. Этотъ списокъ можно дополнить нѣсколькими примѣрами изъ другихъ говоровъ. См., напр., въ описаніи Хр. Стоиловыма г.-джумайскаго говора (Сбм. XX, § 96)²⁾. В. Н. Щепкинымъ представленъ ходъ развитія нового dz и результатъ этого процесса, отразившійся въ разныхъ болгарскихъ говорахъ. Главное условіе для появленія dz вм. зъ—начало слова, преимущественно начального. „Въ виду того, что въ ново-болгарскую эпоху очень рѣдко dz послѣ гласной, можно думать, что въ такихъ случаяхъ, какъ кесро, омраса средне-болгарскій звукъ dz (вмѣсто z) былъ или діалектическимъ явленіемъ, или dz было здѣсь неполнаго образованія и позднѣе сново перешло въ z“,—

¹⁾ Въ числѣ этихъ словъ для охридскаго говора В. Н. Щепкинъ, пользуясь перечнемъ, находящимся въ описаніи Е. Спространова (Сбм. VIII, 526), приводитъ и -назод. Но съ гласнымъ o это слово не соответствуетъ чертамъ охридскаго говора. Въ этомъ сочетаніи, какъ и въ некоторыхъ другихъ, a→ъ: сныга, мъщча, назъд. Что действительно здѣсь произносится назъд, см. указанія въ „Изв. на сем.“ III, 242. Въ дебърскихъ говорахъ, гдѣ также въ этихъ словахъ a→ъ, произошла замѣна всячего зъ посредствомъ o: снога, мошчеа, наzdод. Если и употребляется въ охридѣ „наzdод“, то гласный o здѣсь появился подъ влияніемъ дебърскихъ говоровъ. Интересно отметить, что то же карѣчѣ съ o зашло и дальше на югъ, въ Рѣсенскій край: uāzot („Македовія“ I (1867), № 39), а также въ Постурскій: назо[д]“ (Книжици II, 53).

²⁾ Ни у Щепкина, ни у Стоилова (въ описаніи г.-джум. говора), ни у Мирчева (въ описаніи прилѣп. говора) не отмѣчено -dzev-, находящееся въ спискахъ изъ с. Цѣрско, принадлежащаго по говору къ Кичевской области: -prósevat=позывываетъ (Сбм. XIX).

лишетъ В. Н. Щепкинъ (Болон. Пс. 210). Въ списъ ново-
болгарскихъ примѣровъ съ $\widehat{d}z$ слова „езеро“ не имѣется.
Но тѣмъ не менѣе (r)esero съ s [dz] произносилось въ
средне-болгарскую эпоху. Съ $\widehat{d}z$ это слово произносится
и въ настоящее время въ иѣкоторыхъ македонскихъ гово-
рахъ, напр. въ кичевскомъ: см. обширныя записи изъ
с. Цѣрско (въ Сбм. XIX), съ часто встрѣчающимся „езеро“.

Въ заключеніе небезынтересно будетъ отмѣтить отно-
шеніе самихъ говорящихъ къ сочетанію съ $\widehat{d}z$ въ мѣстно-
стяхъ, гдѣ сталкиваются представители двухъ разныхъ діа-
лектическихъ группъ, отличающихся одна отъ другой между
прочимъ и тѣмъ, что сочетаніямъ съ $\widehat{d}z$ одной изъ нихъ
соответствуютъ сочетанія съ z другой. Такъ, въ говорѣ
Скопья среди словъ съ $\widehat{d}z$ имѣется и „дзвона“. Въ разговорѣ
сторожъ при одной изъ церквей города употреблялъ на-ряду
съ „дзвона“ и „звонна“. На мой вопросъ, почему онъ произ-
носитъ это слово то съ з, то съ $\widehat{d}z$, отвѣчалъ: „звонна викаат
сърби; у нас дзвона“

$\widehat{d}z$ вм. ж встрѣчается въ говорахъ Болгаріи и Македо-
ніи гораздо рѣже, чѣмъ $\widehat{d}z$ вм. z. Въ началѣ слова $\widehat{d}z$ вм. ж
произносится по говорамъ въ словѣ dželezo (Cankof. Gram.
7; Objak. Mac. St. 53; Миладиновци 341; Miletic. Das Ostb. 92).
džváka[m] (въ Дебърскомъ краѣ. Дримколъ. Тамъ и -джва-
каніцата. „Сбор. въ честь на Милетичъ“ 147; въ Прилѣпѣ.
Сбм. VIII, 228, XX, 16; въ Велесѣ. Сбм. VIII 461). Въ срединѣ
слова $\widehat{d}z$ вм. ж находится послѣ n, m, r, l, а также и глас-
ныхъ: dъrdže, dъldžila, lъndža (Miletic. Das Ostb. 92; Илиевъ.
Сбор. I, 34, 28; Objak. Mac. St. 63, 54;—въ Воденѣ: дълджила.
Сбм. V, 163); „дължинъ“ и въ болгарскомъ говорѣ далекой
Винги (Сбм. XVI—XVII, 420). gъmdži (Cankof. Gram. 7); нод-
жина, ноджиште, книджовниче, Беджѣ Мурат-бедже! (Мила-
диновци 512, 341, 179). pólodže (Cankof. Gram. 7).

Развитіе аффрикатъ dz вм. z, с вм. s, ё вм. ѕ извѣстно
и албанскимъ говорамъ, преимущественно тосковъ:
dzvetk(zverk)—затылокъ, pælcás(pelsás)—трескаюсь, kurcim
(kursim)—бережливость, ſragbój (Špagoj)—заплатить, harçane в
(hapša)—Optativus отъ har—открываю (Pekmezic. Gram. 96).
Ср. также у Pedersen'a: Texte. 9).

š, ž, č.

Согласные č, ž въ болгарскомъ говорѣ Дидаскалии были до иѣкоторой степени „мягкими“. На ихъ „мягкость“ указываетъ употребленіе, хотя и непослѣдовательное, знака ī передъ знакомъ гласнаго — тѣсъзат—čuvat или čuvat 119, 134, но — тѣсъзат 146. тѣсъзат—supělkata или šupělkata 140; ѿзїа, но и ѿзїа 156; тѣсъз—шѣй 179, но и тѣсъз 180.

Интересное явленіе представляеть передача „6“ и „16“: шѣй и ѿшнаесет — тѣсъззушает 179, при тѣсъз тѣсъз 180. Въ этихъ словахъ ѿ вм. съ возникло вслѣдствіе прогрессивной ассимиляціи; ей благопріятствовалъ и слѣдовавшій за s согласный п: передняя часть языка, поднятая къ твердо-небной области для образования согласнаго š, пропустила звучащую струю воздуха для гласнаго e, принимала опять прежнее положеніе: вмѣсто длительного согласнаго s произносился согласный ѿ, и стоило кончику языка немнога ближе подойти къ небно-зубной области и упереться въ нее, — готовъ быть затворъ для слѣдующаго п. Какъ видно, переходъ къ образованію согласнаго п способствовалъ распространенію артикуляціи ѿ на слѣдующій согласный s передъ п. Такое сближеніе въ артикуляціяхъ ѿ и п легче происходило при корональномъ ѿ, какимъ и былъ этотъ согласный въ болгарскомъ говорѣ Дидаскалии¹⁾. При паузѣ послѣ s или st, не было благопріятныхъ условій для распространенія артикуляціи ѿ²⁾. Въ македонскомъ говорѣ Дидаскалии ѿ появляется и въ „6“: шѣй, но появляется инымъ путемъ сравнительно съ ѿ въ ѿшнаесет, путемъ аналогіи къ послѣднему сочетанію. Впрочемъ, возможно, что и въ ѿ ѿ вм. съ развилось такимъ же образомъ, какъ и въ ѿшнаесет: тѣсно примыкало къ слѣдующему относящемуся къ нему слову, начинавшему съ зубного п, т³⁾: тѣсъз-пок'i → ѿш-пок'i, тѣсъз-трапоџи→ ѿш-трапоџи... Изъ подобныхъ сочетаній могла обособиться и отдельная форма ѿш. Въ Дидаскалии ѿш находится въ счетѣ, виѣ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго: pet, ѿш, sédim..., dváeset i ѿш... Если же слѣдующее слово, съ которымъ „шесть“ находится въ сочетаніи,

¹⁾ Ср. и діалектическое русское „шашашацат“ (въ Дивенскомъ у. Орлов. губ., и въ иѣкоторихъ другихъ великорусскихъ говорахъ).

²⁾ Ср. русское діалект. „шесть“ при „шашашацат“.

³⁾ Ср. русское діалект. „шашашацат“ (тамъ же).

начиналось согласнымъ с, то въ зависимости отъ этого ſes-s..: ſes-sta (180).

Въ описаніяхъ и записяхъ, относящихся къ македонскимъ говорамъ, обычно отсутствуютъ указания на образование ѿ, ѿ, ѿ, на ихъ „мягкость“ или „твърдость“. Но все же имѣется возможность сдѣлать общее, хотя и недостаточно опредѣленное положеніе, что въ македонскихъ говорахъ сохраняется нѣкоторая мягкость этихъ согласныхъ. Такими ѿ, ѿ, ѿ отмѣчены Облакомъ въ солунскихъ говорахъ. (Mac. St. 46, 51). Ср. и въ записи изъ солунскаго с. Киречк'ой: ѿúdo (Rad, knj. 145, стр 154). Такими эти согласные отмѣчены мною на съверѣ, въ Д. Пологѣ. При этомъ надо замѣтить, что ихъ образование зависитъ отъ слѣдующаго гласнаго; именно, передъ і согласные ѿ, ѿ, ѿ въ д.-положскихъ говорахъ являются въ рядѣ случаевъ „твърдыми“, а і послѣ „отвердѣнія“ этихъ согласныхъ приблизился къ гласному средняго ряда у(ы): се свърши[ы], държи[ы]ја, неплачи (Тетово; ч — тверже русскаго ч); также безъ „мягкости“ произносилось ѿ и передъ е: шес године (Тетово). Но „твърдые“ ѿ, ѿ произносятся передъ и непослѣдовательно. Нерѣдко приходилось слышать и— муж'и, лъж'ичка, ж'иви.

Въ Д. Пологѣ съ средней „мягкостью“ произносится и ѿ: ц'иганк'ите. (Отчетъ 12).

Для западныхъ говоровъ Битольской области указаніе на „мягкость“ ѿ представляеть Качуцаде ҃а зѣкатъ илтѣлъзхъ: ла́ж'ат - лаж'ат 26, ка́ж'ат - каж'ат (Сбм. XV, 379).

*съѓt-, *сert.

Въ замѣнахъ праславянскихъ сочетаній ѿѓt-, ѿert-, послѣ того какъ ѿ оказалось рядомъ съ плавнымъ г (послѣ утраты неслогового ь- ѿѓt и послѣ перестановки— ѿѓt) македонскими говорами было пережито дальнѣйшее измѣненіе ѿ въ с. Но во многихъ изъ этихъ говоровъ въ группѣ ѿѓt- раньше развившійся между ѿ и г гласный элементъ е или і удерживалъ ѿ отъ перехода въ с: ѿегеѓa - ѿегеѓna, ѿегева - ѿигева; ѿегера. Такое объясненіе ѿегеѓna при срѣда-съѓtna было сдѣлано В. Облакомъ (Arch. XVII, 444) и В. Н. Щепкинымъ (Болон. Пс. 123; Учебникъ болг. яз. 26). Но и въ ѿѓt- съверно-македонскіе говоры и нѣкоторые центральныe, а также западно-болгарскіе замѣняли ѿ посредствомъ ег. Такъ въ

западните в
Далеки 1919

с. Църско (Сбм. XIX, 99), въ Прилѣпѣ (Сбм. XX, 13), Велесѣ (Сбм. XII, 183), въ Штипѣ (Сбм. VIII, 246; Arch. XVII, 444), въ Г. Джумай (Сбм. XX, 10), въ Самоковѣ (Сбм. X, 158); creva, creja¹⁾). — сѣт - съйт — теперь свойственно всѣмъ говорамъ Македоніи и западной Болгаріи (кромъ близкихъ къ восточному нарѣчію) и нѣкоторымъ родопскимъ. Говоры съ Ѹйт-, ѿйт- идутъ къ востоку и съверу отъ Самокова и Софіи (Oblak. Arch. XVII, 444—445; Цоневъ. Сбм. XX, 76). Измѣненіе ѿт- въ сѣт- составляетъ общее явленіе и говоровъ юго-восточной Сербіи, какъ и вообще сербскаго языка.

Въ Дидаскалии замѣны ѿт- переданы посредствомъ тѣар-: тѣаръ 125, ѿтѣарѣаутъ 175, тѣарѣауетъ 177. По всей вѣроятности, въ указанныхъ написаніяхъ тѣ имѣеть значение съ, хотя съ достовѣрностью это утверждать нельзя: въ близкомъ говорѣ охридскомъ еще въ началѣ XIX в. произносилось ѿт-. (Arch. XVII, 444). Несомнѣнно, ѿ находилось въ словахъ тѣрѣзухъ 138 и тѣтреѣзата 167. Весьма вѣроятно предположеніе В. Н. Щепкина, что сѣт- „возникло на крайнемъ западѣ Болгаріи и крайнемъ съверѣ Македоніи, вслѣдствіе діалектическаго родства съ сербскимъ языкомъ, и затѣмъ распространялось на востокъ и югъ, вытѣсняя ѿт-“ (Учебникъ болг. яз. 26). Во второй половинѣ XIII в. въ Македоніи сохранялось ѿт-. Въ съверно-македонской грамотѣ Константина Асения (до 1277 г.) употребляется чр. Чрѣско градище (въ запад. Македоніи); ѿ Чрѣмогорѣ (Скопской); до Чрѣнаго каменѣ (въ съв. Македоніи); съ чрѣшниспо (Г. А. Ильинскій. Грамоты. 15—16). Это вытѣсненіе обнаруживается уже въ XIV в. ловре дишаки рѣдокъ синъ, написавшій Трефологій (Хлуд. собр., № 164) оу порѣчи. оу селѣ зономъ палоугерци. въ дїыѣ бѣгокѣриаго вѣла маѣка, пишеть: црквишъ (запись, л. 170 об.). Къ съверу отъ Скопья, въ Черной Горѣ, въ то же время и раньше говорили чр-. Но примѣръ можемъ отмѣтить только для 1409 г.: запись при книжѣ твореній св. Григорія гласитъ, что она написана шъ странѣ скопска грѣ, въ цркви гоѣ (Отч. Публ. Б-ки за 1883 г., 74).

¹⁾ Облакъ и для кюстендилскаго говора указываетъ ѿт- ѿтви. Но Й. Ивановъ (Сбм. X, 369) и записи въ сборн. Георг.-Македонскаго (Зимни шопи, 17) представляютъ „черѣма“.

str. mbr.

Сочетанія со вторичнымъ т между s и г находятся въ слѣдующихъ словахъ: stram--: strámotа 163, strámen 128, се strámit 175, се strámaest 161; сред-: strédata 127, на strедe: по срединѣ 156; болѣе ранніго происхожденія въ strépwt вм. stréprwt[о] strébröt[о] 156.

Въ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи сочетаніе str находится не только въ соотвѣтствіи праславянскому такому же сочетанію со вторичнымъ т между s и г, но и въ соотвѣтствіи праславянскимъ ser-, sog-, передъ согласнымъ и sъг--передъ гласнымъ полнаго образованія. Послѣ того, какъ s оказался передъ г, т. е. послѣ перестановки въ se(o)r+согл. повторилась праславянская манера развитія затворнаго переходнаго отъ s къ г согласнаго t: str+согл.->stra-1 согл.; stré+согл. ->stré+согл. То же явленіе происходило и позднѣе, по утратѣ редуцированнаго „слабаго“ между s и г: sъга-->stra-. Между z и г въ соотвѣтствующихъ условіяхъ развивался d: zr->zdr.

Новое str (zdr) со вторичнымъ t(d) свойственно почти всѣмъ говорамъ Македоніи и юго-западной Болгаріи. Встрѣчается str и на сѣверо-западѣ Болгаріи (въ Софійской области: стрет. Сбм. XI, 92; XVI—XVII, 6; средата. Сбм. XXV, 28; въ видинскомъ Н. Селѣ: стрѣда, стрѣтил. Сбм. XVIII, 483 и въ др.). Отмѣчено str и на сѣверо-востокѣ: stram, str'adъ, stréšnъch, stréknem (Miletić. Das Ostb. 98).

На юго-востокѣ Сербіи весьма рѣдки сочетанія съ str (съ вторичнымъ t). Въ книгѣ А. Белича (Дијал.) находятся только два примѣра съ такимъ сочетаніемъ: stramotă (218) и strámyн (61).

Примѣры съ str, zdr для македонскихъ говоровъ: stram, stramota; stračka; streda, strede, strel, stredni, a,-o; prestretiš..., strek'a; stral...; црк.-слав. straženje. zdrel, zdree(l), prezdrcaana...; zdřak-zdřaci, zdřasti.

Эти и имъ подобныя сочетанія представляютъ говоры въ областяхъ: Корчи, Костура, Кайляра, Лерина, Рѣсена, Охрида, Дебра, Струги, Крушона, Битоли, Прилѣпа, Маркова, Кичева, Велеса, Скопья, Водена, Солуня, Кукуша, Гевгели, Тиквеша.—Записи и описанія. На сѣверо-востокѣ Македоніи, въ Штипѣ (Сбм. IX, 160, VIII, 244), Кратовѣ

Балкане въ 1919

(Псп. V, 119), Радовиштѣ („Карац“, III, № 5) произносится *st: stam, stal, stede, stetnal.*

Въ Скопской Черной Горѣ также *st:* среле (Насеља III, 190, 491), срамота е, пасред (Ети. Зб. VII, 507.). Но въ ближайшемъ селѣ Црешевѣ, издавна находящемся на „межѣ“ съ черногорскими селами, въ обиходѣ сочетанія—*страм, стрѣде зима* (Минало I I, 68, 69).

Въ говорахъ Велесской области, соирикасающейся на востокѣ со Штипской, наблюдается двойственность въ судь-*овъ* *st:* престрете и -пресрете (Сбм. V, 170, 171), срел (Сбм. VIII, 214); стрѣде морс (Сбм. VIII, 258), пасреде, спрете (Сбм. IX, 131).

-среде- при -стрѣде- наблюдается и вдали отъ сѣверныхъ предѣловъ Македоніи. Такъ, въ Рѣсень: пѣстрало (Сбм. IX, 159), но—срѣт-зиме лѣгвит, среде (Сбм. VIII, 230). Въ Костурѣ: срѣтвал (Книжици II, 50). Встрѣчаются *zr* (*sr*) и въ Прилѣпской области —позрѣил (Сбм. VIII, 178). *zr* вм. болѣе ранняго *zdr* этимъ говорамъ было известно и въ XVIII в. Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в. очень часто встрѣчаются —[за]зраве— (93, 127об., 129...). Такъ же и въ болѣе поздней записи: [за]зраве (Сбм. XIII, 258).

Въ томъ же направлениі посльдовательнѣе пошли говоры Порѣчья и Полога. Они не только не имѣютъ новаго *str*, но и старое, праславянское *str* измѣнили въ *st*. Порѣчье: сесра, три срани, срашни („Карац.“ III, № 5). Д. Пологъ: сра,—сраф, срашни, сѣсра,—сѣсре; срана, зравуам (Отчетъ 18; Псп. XXXIX, 419, 422, 427). *-st-* произносилось въ Д. Пологѣ и во время Кирилла Пейчиновича (ср. во II т. о Д. Пологѣ). *zdr*—*zr* наблюдается по говорамъ и въ западной Болгаріи: цѣро жибо сѣстро (Тѣрич. Псп. XII, 123). *str*—*st*, *zdr*—*zr* пережили и нѣкоторые говоры восточно-болгарского нарѣчія. Такъ въ Пирдопѣ: *sesrá, strachí, streá* (Miletič. Das Ostb. 162). То же явленіе представляютъ и отдельные родопскіе говоры: *strachí, sesri, bisra, ozravée* (ib. 235; Лавровъ. Обзоръ. 113).

Отсутствіе въ современныхъ сѣверо-западныхъ македонскихъ говорахъ сочетаній *str* еще не достаточно для того, чтобы полагать, что эти говоры въ этомъ отношеніи издавна отличались отъ прочихъ македонскихъ, не развивая і между *s* и *t*.

тѣ р. Аналогично процессу развитія і между *s* и *t* появлялся въ между *sh* и *t* въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи.

Такъ, для костурского говора отмѣчено: дѣтето ўмбре (Шапк. IX, 336). Для битольского *imbril* удостовѣряеть Нанахаджи (Scriitori, 312).

Въ албанскомъ языке также известны сочетанія съ *slr* вм. *sr*, а также *ndr* вм. *nr*, *mbl* вм. *ml*.

[d]. [t].

Въ образованіяхъ, въ которыхъ иѣкогда входили корневые сочетанія *klad-*, *glѣd-*, *vad-*, въ говорѣ Дидаскалии утрачено d, хотя и не во всѣхъ случаяхъ.

клáаш 143, 149, 164, 170; клáиш 173, 174, 177; но--клáдох 138, клáдиш 128. иѣ глéаш 149, но--глѣдаат 163, глѣдаст 172. изваат 148, но--извáдоа 116.

Кромѣ съверныхъ македонскихъ говоровъ областей Д. Полога, Скопья, Велеса, Штипа, Кратова, по всѣхъ прочихъ говорахъ Македоніи, а также юго-западной Болгаріи утраченъ согласный d въ указанныхъ и имъ подобныхъ образованіяхъ. Ту же утрату знаютъ и иѣкоторые говоры восточной Болгаріи. Такъ же, какъ и въ говорѣ Дидаскалии, наблюдается непослѣдовательность въ этой утратѣ. Напр.: Прилѣпъ: дѣши, дѣ, дѣмс, клајиш, глѣсем, извајиш, изеам, даea, клаеа, „ала срѣща се и крадиш, вадиш, крадеа, вадса“ (Мирчевъ. Сбм. XX, 15). Леринъ: клаj и клаđc (Шапк. IX, 319). Кичево: дает, се наглеат, глеаше, изваи, оит, клаитс и--се гледат, одеа и оија, оj- пов. (Сбм. XIX, зап.). Горѣчье: ојит, најет, но -идет („Карац.“ II, № 4). Сочетанія съ утраченнымъ d сравнительно рѣдки на юго-востокѣ, въ Солунскомъ краѣ, и на западѣ, въ Дебърскомъ.

Кромѣ образованій съ **klad-*, **glѣd-*, **vad-* македонскіе и юго-западные болгарскіе говоры представляютъ и другія формы съ утраченнымъ d. Именно, это формы, куда входили корневые сочетанія *jad-* (*ѣd-*), *chod-*, *dad-*, *id-* съ предшествующимъ префиксомъ, имѣющимъ гласный (*do-*, *na-*, *ro-*: *doid-*, *naid-*, *poid-*), *s d-*: *di -fi s*, *da -daj s*, *ja -ja s*, *izcam*, *d it-d jt*, *se -se t* и т. под. образованія (съ діалектическими различіями въ глагольныхъ окончаніяхъ).

По говорамъ утрачено d и въ другихъ сочетаніяхъ. Богорођца—во многихъ говорахъ, госпоин—госпоїн (Охридъ и другіе говоры), петровен, г'ург'ојен или г'ург'ен (Горѣчье и другіе говоры). понаја (Битоля. Сбм. XV, 90), воица (с.

Църско. Сбм. XIX, 40). клајенец (М. Рѣка. Изв. на сем. II, 249). дедо, но—деото (Дойранъ. Шапк. IX, 375). грѣата, лууту, кирамијтте (Воденъ. Сбм. XVIII, 452, 454), єен-ен сден (г. положское село Стенче. Минало I 1, 72).

Распространено въ Македоніи произношеніе—госпо, съ утраченнымъ конечнымъ *t* изъ *d*. Но сохраняется и—господ[т]. Въ Диадаскаліи Гѣзпогт 116, 119, 146 (хѣзпогт 142).

Какъ видно, *d* утрачено въ заударномъ слогѣ. Утрата вызвана ослабленіемъ артикуляціи для *d* между гласными и въ цѣлпередъ гласнымъ. Но въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ отсутствіе *d* зависѣло отъ вліянія родственныхъ формъ, издавна неимѣвшихъ *d*. Такъ, можно объяснить, напр., *daiš(-eš)*, *dait(-et, -e)...*

Сочетанія съ утраченнымъ *d* въ XVII в. уже существовали. Въ письмѣ кружованина 1637 г. находится: наите, изванте (Минало I 3, 292)¹⁾.

Въ говорѣ Диадаскаліи утрачено *t* изъ *d* въ начальномъ слогѣ передъ *š*: штиците 149. Утрата *t* въ этомъ случаѣ известна всѣмъ македонскимъ и многимъ западно-болгарскимъ говорамъ.

Еще шире утрата согласныхъ между гласными проведена въ албанскомъ языке: эта утрата касается всѣхъ звонкихъ взрывныхъ согласныхъ и относится, по мнѣнію Г. Мейра, къ общеалбанской эпохѣ. *-bē-[—]bēda* (ср. слав. *bēda*). *dra-[—]dragā*. (*Bodensatz des Oels*). Утрата звонкихъ согласныхъ расширялась и на латинскія заимствованія (G. Meyert. Alb. Stud. III, 37. Wörtb. d. alb. Spr. 72-73).

Во многихъ греческихъ говорахъ (Эпира, Пелопонеса, Македоніи и другихъ областей) также произошла потеря согласныхъ *γ*, *ρ* между гласными (Thumb. Handbuch d. neugr. Volksspr. 1895. 14. Kretschmer. Der lesb. Dial. 190—191). — Ср. также параллели съ утратой *g* въ романскихъ языкахъ, отмѣченныя Dieterichомъ (Neugriechisches und Romanisches. II. „Zeitschr. f. vergl. Sprach.“ Bd. XXXIX. 91, 97).

¹⁾ По говорамъ утрачиваются и другие согласные въ заударныхъ слогахъ. Общераспространенными въ Македоніи сочетаніями являются—сеа, коа (произносится и „кога“ въ однокъ и томъ же говорѣ, напр., приѣзжемъ), скоани (скокоји—Охридъ), тоа (и—тога). Въ с. Стенче коа—[—]кобо (ср. тобрич. Минало I 1, 12). коо вм. коа—кога и въ Рѣсечѣ (Нен. XL, 888). Таюже общирнопотребляются — моят, не мојт и тому под. Въ Воденѣ и—деај вм. чекај. Въ Диадаскаліи —кога 118, 111; тога 165, сега 132, 138, 140; чекам 131.

*-stъп, *-zдъп.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда за п слѣдовалъ гласный полнаго образованія, въ въ stъп, какъ „слабый“, утрачивался, а stъп измѣнялось въ sp. Утраты не происходило тогда, когда за п слѣдовалъ гласный тъ (ь) „слабый“. По утратѣ „слабаго“ тъ(ь) и замѣнѣ „сильнаго“ тъ посредствомъ е вм. -*stъпъ(ь) стало произноситься -sten. Для утраты согласнаго t, его ассимиляціи съ п, не было условій характера физіологическаго. Но въ болгарскомъ говорѣ Диадаскалии происходила все же утрата t и въ такомъ случаѣ, подъ вліяніемъ фактора психологическаго, по аналогіи съ родственными образованіями, гдѣ было sp вм. stн+глас. полнаго образованія. —радосен 176, подъ вліяніемъ радосна или—радосни. Но сохраняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ sten: честен 128 при чесна 152.

Вліяніемъ формъ жен., ср. ед. или формы множ. объясняется появленіе -эн— въ---праѣнен 142.

Утрата t и d въ сочетаніяхъ st и zd, вызванныхъ въ формѣ муж. ед. вліяніемъ формъ жен., ср. ед. или множ., произошла и въ другихъ македонскихъ говорахъ. радосен (Цѣрско: Сбм. XIX; 22; Галичникъ: Жив. Старина 1890, I, 120; Охридъ: Шапк. VIII, 152; Штипъ: Сбм. X 151), чесен, бесчесен (Прилѣпъ: Сбм. II, 181; XVI—XVII, 304; VIII, 194; Крушово: Сбм. XVI-XVII, 73; Охридъ: Шапк. VIII, 116). побсен (Велесь: Сбм. XI, 85). праѣн (Леринъ: Сбм. II, 201; Шапк. IX, 330; Прилѣпъ: Сбм. XVI—XVII, 306; Охридъ: Шапк. VIII, 213). По говорамъ сохранено и -sten: радостен (Галичникъ: Сбм. XI, 146). честен (Кичево. „Новини“ III, № 40). Въ солнскихъ говорахъ встрѣчается -zдино(а): рѣзднѣ, praz^hna (Oblak. Mac. St. 69). Но zd въ этихъ формахъ, повидимому, вторично и обязано вліянію формы муж. ед., сохранившей -zden: prazden. Но и въ этихъ случаяхъ положеніе zd не прочно: zd >z^d, съ слабой артикуляціей для d.

радосен встрѣчается въ юго-западныхъ и въ восточныхъ болгарскихъ говорахъ (Сбм. X, 187—Дупница. Санков. Gram. 199).

та—т'а (ta^ha).

Въ двухъ случаяхъ въ Диадаскалии слово prag передано посредствомъ прїух, прїаух 150, что выражало рѣак или

рѣак говора составителя. Развитія с, є между г и а или даже иѣкоторой „мягкости“ г въ славянскихъ говорахъ Македоніи не отмѣчено; но оно извѣстно албанскимъ говорамъ и сѣв.-западнымъ аромунскимъ, сосѣднимъ съ албанскими (напр., говору Лунги: *pręag, gręas, al'untreęa*. Weigand. Die Aromunen. II, 357). Аромунская и албанская параллели также имѣютъ *pręag* или *pr'ag*: *Vlaх прęахлоу, прęахх [опеч.]*. *Ллѣ. прęах, пр'ах*. Прототипъ Кавалліоти въ аромунской параллели представляетъ также *pręag-pr'ag*: *Прęахкоу*. Въ албанской же указано *Прáх* (Sitzber. Bd. 132, 64.).

Другія явленія въ области согласныхъ.

pš-→rč: иченѣца, пчёнка 120. Такъ и во многихъ другихъ македонскихъ говорахъ.

sv-→sv-→sf: *срѣтъата* -сфѣт' [к']ата 117.

Конечное *st* измѣнено въ *s*: *рѣс-мас*, *Роу. Зоўтур* 119. *шес-шеш* 179 -180.

Конечные согласные, бывшиe иѣкогда передъ *b*, тверды: пѣт и другія числительныя на *-ь(179); тѣстот 159, предполагающеe существованіе тест; ср. и зѣтото 160; кърф 139; мас 119; на пролета 124 вм. на пролетта изъ ‘пролѣтъта; на чѣл'ата 133 вм. чѣл'адтак *чел'адьта.

Звонкіе конечные согласные перешли въ соответствующіе глухіе: *эрзз-ърш* 120, *уэрзз-нош* 155, кърф 139; по аналогіи къ нечленной формѣ ф проникло и въ членную форму: кърфот 140, 146. Соответствующес явленіе знаютъ и другіе македонскіе говоры.

Глухіе вм. конечныхъ звонкихъ согласныхъ представляютъ и говоры Болгаріи и юго-восточной Сербіи.

Склоненіе. Имя существительное.

Падежные отношенія въ говорѣ Дидаскалии выражаются такъ, какъ вообще въ болгарскомъ языке. Извѣстны слѣдующія формы именъ: 1) форма именит.—вин. пад., 2) форма дат. пад., выражающаяся посредствомъ на + ф. имен.-вин. Форма звательная въ Дидаскалии не встрѣчается.

дѣнесит на иббот 142; страхот на гбепот 142; дават вѣла 119; от краꙗ 120; да и нѣсам на чѣл'ата 133; да дѣ-

ваш на слéпите и да побожиши на сýромасите со тоа што мбжиш 128; да не пýеме многу вýно со приятéлите 133; со лéвата [рака] да дé[ъ]ржиш чáшата 135; оти ме єдри со тупаница 139. се бéraст во стрéхата 143; да донéсиме слáма на волби[j]те 162; да мблит на гбспод за иéгојте грéхојте 142; от тóј 181; прилегат на сфýте 178.

Множ. ч. Во множеств. ч. имена муж. имѣютъ окончанія i и oj-oj изъ оцi. Послѣднее окончаніе (oj-oj) свойственно именамъ односложнымъ въ ед. ч., а на i оканчиваются преимущественно неодносложныя въ ед.; i является окончаніемъ и въ нѣсколькихъ словахъ односложныхъ, которыя и въ другихъ болгарскихъ (и сербскихъ) говорахъ имѣютъ то же окончаніе. Во множ. ч. сохраненъ результатъ измѣненія задне-небныхъ согласныхъ передъ i: c, dz, s. Но въ говорѣ Дидаскаліи, какъ и въ прочихъ говорахъ Македоніи и Болгаріи, наблюдаются уже новообразованія по аналогии: при наличии формъ съ dz з имѣются и формы на g(g'); при s находится форма безъ s, съ [ch]. --вѣците 168; дру́дзи и --дру́зи (другiс) 117; но--по мног'ите пати 125; сýромасите 128, 146, но--брей[i] изъ оре[x]и 133. суднициte 146, комши-ите 129, мажите 121, кон'ите 120, костите 133, забите 169, бвинте 119, харамайте 145 (2р.) и др. Интересное образование представляеть форма пáзахътэ пáшајте- наши 146. Какъ видно, въ составъ ся входитъ цѣликомъ сочетаніе для формы ед. (паша)-t окон. i (-те--постпозит. членъ) Неизмѣнное сочетаніе раša въ образованіи множ. ч. имѣютъ также аромунская и албанская параллели. Здѣсь еще значительное отражается вліяніе турецкаго: и въ суффиксальныхъ элементахъ перенесено турецкое сочетаніе для формы множ. -lat. Вѣдъ: пазалáрълъ rãshalari; 'Л.з. пазалáратъ pašalárat.

-lat (-lät) въ качествѣ суффикса для множ. ч. имѣютъ къ алб. и другiя турецкiя слова: babalärt, atlät...

Не чуждо образованіе въ заимствованныхъ изъ турецкаго словахъ съ -lat(+i) и нѣкоторымъ болгарскимъ и сербскимъ говорамъ: agalari (Миклошичъ. Über die Einwirkung des Türkischen... „Sitzber.“ Bd. 120, стр. 9). Но тѣ же имена употребляются и съ мѣстными, славянскими окончаніями формъ мн.; напр.: [х]оджа- [х]оджови (Лавровъ. Обзоръ. 148).

Окончаніе -oi -oj: штъркбонj-їте 124, вѣтројте, бранда-[-j]те 137, стбојте 143, садби[-j]те 158, сѣни[-j] 162, волби[-j]те 162, клáсонj-ї] 164.

Западные Балканы 1919

То же окончание и въ формѣ— хбројте 135: да не хдиши... на хбројте; Риф. уж јшт, перипатиј... віс тоје хорој. Въ отношении рода Всокујаќија согласуется съ греческой (χρόνος) и аромунской параллелими. Вѣдј.: хбројрї; ед. коти. Но Ајзахітија имѣеть соотвѣтствіе иного происхожденія и жен. р.: зајаќ; ед. valа, чл. valаја.

Ч. Цидаскалия представляетъ рядъ образованій множ. ч. съ окончаніемъ на *e* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или *j*. Эти образованія возникли по образцу формъ, принадлежавшихъ къ основѣ на *-i:—їе... плавнѣсто 117; крѣсто [спрѣстри] 124; каминѣ хамциује 121 (ср. ниже окончаніе для множ. -in'a); снобжето 169. Во всѣхъ этихъ случаяхъ иноязычныя параллели имѣютъ соотвѣтствія во множествѣ. Ч.

Полагаемъ, что съ окончаніемъ *e* произносились въ живомъ болгарскомъ говорѣ Цидаскали и слова: лојуј 132, пѣ бројухуј 121, паратенуј 166. Появленіе здѣсь ю вм. є представлять собою отраженіе съверныхъ новогреческихъ говоровъ: неударенное э—ї (ср. выше о другихъ случаяхъ смѣщенія ю и э).

Къ той же категоріи образованій относится и -рѣмен'а: јерѣу ѿб ѕбрѣсющї ю ѿб јеџеџеуј 157. Процессъ въ образованіи этой формы пошелъ дальше: окончаніе 'e' стало недостаточно выразительнымъ для значенія множ. ч. Употреблено окончаніе -a, изъ основы на -o ср. р. То же наблюдалось и въ другихъ македонскихъ говорахъ.

Формы средняго р. въ ед. ч. не вызываютъ никакихъ замѣчаній. Отмѣтимъ лишь слова—небо[то,-т] 116, 164, 130, съ гласнымъ -o, и -рамо[то] 147.

Во множ. ч. обычное окончаніе -a. — зърна 147, дѣрвата 154, јагънцата 119, чиревата 167, дѣца 130 (ед.-дѣте 175).

То же *a* и въ словахъ на -ашта: ўлишта: имам ўлишта миоѓу 138. Въ ед. ч. употреблялась, по всей вѣроятности, форма -улиште, какъ во многихъ македонскихъ говорахъ. Часто встрѣчается и въ трескавечскомъ помянникѣ: ј јлище па ѣлицата за³ (т. е. за зѣдраве) 51 и др.. Но известна въ Македоніи и форма--улеј. кълчишта—халиј; вм. с [Ц]рота 148; ед. ч. кълчиште, халиштата 126, 151, въ значеніи -рѣбите. Послѣднее слово, какъ синонимъ къ -халиштата-, употреблено рядомъ на 151. И въ данномъ случаѣ окончаніемъ является не -ашти, а только -a, ибо въ ед. ч. говоримъ известна форма -халиште; ср.

турец. -хали (коверъ) и -халичё (коврикъ). Но несомнѣнное распространеніе звукового сочетанія *-иши-* находится въ слѣдующей интересной для говора Диадаскаліи формѣ: бѣли рўбишити 178. Прежнѣе окончаніе для множ. ч. оставлено: *и*. Но отъ формы ед. ч. она отличается не только конечнымъ гласнымъ, но и суффиксальными элементами *-ишт-*: ед. ч. -рўба 151 (Лѣз. *рофтә* — *робә*). Возникновеніе здѣсь *-ишт-* недавнее и стоитъ въ связи съ суффиксомъ синонимическаго слова -- халишта. -рўбишити- не исключаетъ и прежнѣго образованія -рўби[те], рядомъ съ которымъ поставлено -халишта[та] 151.

Еще легче сочетаніе *-ишт-а* проникло въ иѣкоторыя слова средняго рода съ основой на *-e* (*-ѣ!): нѣго[те] пїлишта 125. Въ ед. -пїле: варено пиле 170. Но для -пиле- во множ. ч. употребляется и другая форма, съ оконч. на *-ин'а*, характернымъ для македонскихъ говоровъ: пїлин'ата 121.

Съ окончаніемъ *-ин'а* Диадаскалія представляеть и другія имена ср.: магарин'ата 120; сфите к'бшин'а 143. Нѣть мягкости согласнаго *и* въ образованіи врапчната 125.

Отмѣтимъ, наконецъ, форму *[јартїзса] та | —јартиша[та] =* козлята 119.

Имена женскаго р. во множ. ч. имѣютъ окончаніе *и*. рїбитс 116, бѣците, кѣзите 119 и др. многочисленныя образованія.

и и въ формѣ -нѣдзитс 176, 177, съ дѣ отъ прежней формы им.-вин. двойств. ч.

Сочетанія существительныхъ съ числительными.

Въ одномъ случаѣ существ. жен. р. имѣсть окончаніе *е*, —въ сочетаніи съ числительнымъ „2“: двѣ хїл аде 181 (если только *е* не вм. *ѣ*).

Сущ. муж. р. въ сочетаніи съ числительнымъ „2“ оканчиваются на *-а*: два хъндека 136. Но въ прочихъ случаяхъ имена муж. и сред. р. при числительномъ „2“ имѣютъ формы множеств. ч.; само же числительное употребляется въ видѣ *два* и *две*. —две маѣстори 138; двѣ арапи 157; два лбозja 130.

Отмѣтимъ и остальные случаи употребленія числительного „2“. Въ составъ сложныхъ формъ числительныхъ входитъ *два*: „12“ и „20, 21... 29“: дванаесет 179, дваес-

сет 171, 176, 180 (10 р.). Въ независимомъ счетѣ — *две*: одно, две, три... 178. „22“ двадцат и две 179. „200“—двѣста 180.

Въ счетѣ, когда „2“ не находилось въ первой части сложной формы („12“, „20“), а употреблялось отдельно („2“, „22“, „32“ и т. д.), утвердились форма средняго рода, какъ указываетъ „одно“ (ср. начало счета). Но какимъ образомъ „две“ оказывается въ сочетаніи съ сущ. муж. р., а „два“ средняго? Замѣтимъ, что въ говорѣ писавшаго эти сочетанія еще повидимому не утвердились: онъ говоритъ „две мастори“, но еще и „два хъндеца“. Но чутье въ различеніи значенія рода между „два“ и „две“ для муж. и сред. уже утрачено: можно сказать и „два лоза“. Распространяя форму „две“ на сочетанія съ именами муж. рода, говорящій соединяетъ съ этимъ числительнымъ существительное во множ. ч. Это крупное новообразованіе. Въ этомъ отношеніи *Војнѫръхъ* Дидаскалии пошла далѣе другихъ македонскихъ говоровъ, гдѣ только въ сочетаніяхъ съ числительными, начиная съ „3“, употребляются формы множ. ч. (и то не исключительно: нерѣдко употребляются и формы на -*a*: трите дена. Леринъ. Сбм. VIII, 160; четиријес дёна. Битоля. Сбм. XV, 91 и др.). Разумѣется, съ прочими числительными употребляются въ Дидаскалии формы множ. ч.: три гобини 171, три мѣсечи 123, двадцат и четыри саати 171, четирдесет днї 132. Нѣть достаточнаго основанія полагать, что форма множ. м. и ср. при числительномъ „2“ развилаась внутри самого болгарскаго діалекта Дидаскалии: во всѣхъ говорахъ Македоніи общимъ окончаніемъ существительного муж. въ сочетаніи съ числительнымъ „два“ является -*a*. Это окончаніе распространилось и на случаи сочетанія именъ съ иѣ-которыми другими числительными. Такъ обстояло дѣло не только въ Македоніи, но и въ другихъ областяхъ балканской славянщины. Въ употребленіи множеств. ч. при числительномъ „2“ въ говорѣ Дидаскалии отразилось вліяніе аромунскаго или албанскаго языковъ. Въ послѣднихъ при „2“, doi и dao (аром.) и dë (алб.), существительныя стоять во множ. ч.: *Вѣдѣхъ: тѣхъ дрѣхъ* 'Алб. *utioo дрѣп* съ —утратой конечнаго *а* (*ë*).

Другихъ падежныхъ формъ, кромѣ вышеуказанныхъ, Дидаскалия не знаетъ. Лишь въ немногихъ нарѣчіяхъ сохранились окаменѣлые формы другихъ падежей.— ден'а 146 днемъ; нѣк'ата 145. ночью. на-стреде 156. вѣмс: да ймаш

вұмे [βobme], 'Ром. ұа проеéхүс, Вláx. сé аң хас[š]tíx[g]ax; 'Алз.: тақ ххесс хсүїт[d]éss 151.

Не ясно лéтште -лéтомъ. Если это не опечатка, вм. лéтштө или лéтшое, то возможно, что оно произошло въ результате контаминации „лето“ и „лете“=лéтомъ.

Во многихъ македонскихъ и вообще болгарскихъ говорахъ употребляется нарѣчіе -скришоу)м. Въ Дидаскаліи— скрýшно 166.

Всѣ черты склоненія, представленныя говоромъ Дидаскаліи (кромѣ сочетаній съ числิต. „две“), находять себѣ соответствие въ современныхъ говорахъ Македоніи. Общая картина склоненія въ этихъ говорахъ такова.

Множ. ч. Имена муж. во множ. оканчиваются обычно на--ovi—oi(oj) изъ оці. Вмѣсто -ovi—oi произносится -evi—ei въ прежнихъ основахъ на *-jo и *-i: kl[ʃ]uče[ç]i, sare[ç]i; но -evi—ei — рѣдкій вариантъ окончанія этой формы. Часто -ovi—oi существуетъ и въ словахъ, имѣвшихъ основу на *-jo или *-i: поžo[ç]i, kl[ʃ]učo[ç]i, ežo[ç]i, zeto[ç]i. Съ другой стороны, -evi—ei иногда заходитъ и въ другія основы: mostévi (Маріово: Сбм. V, 127), mřázevi, sónévi, gládevi (M. Рѣка: Изв. на сем. II, 260). ovi—oi находится у именъ односложныхъ и употребляется по всей Македоніи, кромѣ сѣв.-восточныхъ областей ея: въ Кратовской, Штипской, Кочанской, Радовиштской и Піянечской областяхъ имѣется въ этихъ случаяхъ окончаніе -ove (-eve). Кратово: сýнове, цáрове; дéнове, (БПсп. XI-XII, спсл. V, Сбм. IX, Минало I 1; зап.). Кочан: фесове (Сбм. XVI-XVII, 184). Штипъ: грéовете и грéовето, дzверове, воловете, дáровето, ножовете (Сбм. IX, 160 161, 193). Радовиштъ: рогове („Карац“. I, № 11). Піянецъ: ключовето (Псп. XII, 120).—Говоры этихъ областей въ отношеніи формы сущ. муж. множ. объединяются съ говорами западной Болгаріи, южной и сѣверной, а также и съ восточно-болгарскимъ нарѣчіемъ.

Говоры юго-восточной Сербіи представляютъ обычно -ovi (-evi). Лишь ближе къ области Болгаріи, напр., въ говорѣ Пирота, форма муж. множ. оканчивается на -ova (Broch. Dial. 297. Сбм. I, 142; V, 196, 197; Псп. XIX-XX, 285).

—i. На -i оканчиваются имена неодносложные въ един. ч. То же окончаніе имѣютъ и нѣсколько именъ односложныхъ: kon'i—kojn'i, тъž'i (съ з. или другой замѣнной ж.), uſi (съ замѣнной ѹ), raci, zъbi (съ замѣнной ж.), posti. Въ именахъ на задненебный согласный въ един. ч. сохраняется результатъ

ихъ измѣненія передъ ё: *uſci*, *siromasi*, *dždž(z)i*. Но нѣкоторыи имена утратили этотъ результатъ измѣненія задненесбныхъ. Въ этой утратѣ обнаруживается общность среди македонскихъ діалектовъ: она была пережита въ разныхъ краяхъ по отношенію къ опредѣленнымъ словамъ, именно: *oteſi* - *otevi*, *kožuvi*-*kožuſi*, *muſtak'i*. *orei* произносилось и въ первой половинѣ XVII в. Такъ было въ говорѣ бърсяка-крушования, автора письма 1637 г. (Мицало I 3, 293).

Въ западной Болгаріи держатся еще формы *kožusi*, *oresi* (Самоковъ: Сбм. 189; Видинъ: Сбм. XIX, 20), хотя въ нѣкоторыхъ говорахъ наряду съ ними употребляются и *otei* (Видинъ: ib. XXV, 7).

Въ восточной Болгаріи также известны *otei* (Miletic. Das Ostb. 188), *muſtak'i* (въ Родопахъ и на сѣв.-востокѣ. ib. 241, 107), а также *rak'i* (ib. 107).

—e. Во всѣхъ македонскихъ говорахъ широко распространено окончаніе —e, перенесенное отъ образованій съ прежней основой на *-i. Въ отношеніи предшествующаго согласного надо имѣть въ виду то, что было отмѣчено въ замѣнахъ сочетаній *—согл.+iе(a), т. е. мягкость зубного (п, т, д) или плавнаго л, ѡ(j) послѣ губного, плавнаго г и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ (см. выше).

Примѣры изъ Прилѣпа: *tъri'e*, *kryl'ja*-*kril'a*, *dvore* (и-двою), *klasje* (и-класоj), *lisje*, *zъrvje*, *nivje*, *lug'e*, *livag'e*, *plани'e*, *doblin'e*, *kamen'e*, *remejn'e* (Сбм. XX, 20-21; XI, XVI—XVII, зап.).

М. Рѣка: *lis'e*, *prot'e* и *prok'e* (о вм. ъ<-q), *dob'e*-*dob'se*, *snopje*-*snop'e*, *kamen'e*, *plани'n'e*, *ubavini'e* (Изв. на сем. II, 261. Oblak. Mac. St. 94).

Иногда наблюдается дальнѣйшее новообразованіе: форма на 'e или ie въ нѣкоторыхъ словахъ стала невыразительна для категоріи множ. ч., а потому вместо конечнаго e стало произноситься гласный a ('a, ja), которымъ вполнѣ опредѣлялась категорія ср. р. множ. ч. Напр., въ прилѣпскомъ говорѣ: *dъrv'a*-*dъrvja* (Сбм. XVI—XVII, 283); также въ малорѣканскомъ (Изв. на сем. II, 261). Во многихъ говорахъ въ соотвѣтствіи формъ единств. ч. и вѣа находится во множеств. и вїе. Въ нѣкоторыхъ говорахъ для множ. употребляется форма на -a: *nivja*, напр., въ кукушскомъ говорѣ. (Сбм. XVIII, 447).—Та же мансра отражается и въ далекихъ

говорахъ съв.-восточнай Болгаріи: кіш'е и къш'a, ѣен'a, діш't'a, пів'a (Milelič. Das. Ostb. 109, 84).

—е отъ основъ на *-і, перенесенное на другія имена, наблюдалася и въ говорахъ западной Болгаріи. Напр., въ Кюстендилѣ: собраа се сел'ан'ето; соберёте от ерг'ен'e пръстен'сто (Сб. Любенова, 52); въ Дупницѣ: мажёто, ик'й-мје, г'авол'se, трендафил'е, другаре (Сбм. X. 182, 176, 162, 193); въ Видинѣ: көрең'e; күлсі'e (Сбм. XIX, 20).

Въ съверо-западной Болгаріи передъ окончаніемъ -e, значительно распространеннымъ въ формѣ множ. ч., согласный чаще является твердымъ, будеть ли это губной, зубной или плавный. Видинъ: мъж'e, крал'e, кавал'e, цар'e, баштев'e, дед'eve, дствов'e, бъгар'e, говедар'e, и кон'e, г'авол'e, көрең'e (Сбм. XIX, 19-20). Чипоровци: църни аргат'e, млайди шлегар'e, бели бачкар'e (Сбм. XVI--XVII, 128) ¹⁾.

Въ окончаніи -e для формы множ. западно-болгарскихъ говоровъ отразилось e, заканчивавшее раньше формы множ. двухъ основъ: на *-і и на срogl. Послѣ п'(катеп'с...) отражается обычно окончаніе отъ основъ на *-і. Возможно, что и въ прочихъ случаяхъ e перенесено отъ той же основы, но перенесено позднѣе къ основамъ на тв е р д ы й согласный.

Съ говорами западно-болгарскими относительно формы па -e во множ. ч. сходятся сосѣдніе говоры восточной Сербіи. Таковы говоры области Пирота (Broch. Dial. 298. Белић Дијал. 324—325. Сбм. I, 144; V, 196).

Выше было отмѣчено, какъ сильно распространилась категорія формъ множеств. на 'е—је. Въ рядѣ именъ на 'е были и такія, которая имѣли суф. in—: in'e: планин'e, долин'e, убавин'e... Съ теченіемъ времени тѣ же суффиксальные элементы стали употребляться въ именахъ сред. р., вытѣснивъ другіе суффиксы и прежде всего суф.—ен-а. Въ этой категоріи именъ окончаніе in'e съ гласнымъ e было недостаточно для выраженія множ. ч.: конечный гласный, а обычно характеризовалъ категорію формъ сред. множ., вслѣдствіе чего in'e смѣнилось посредствомъ -in'a. -in'a въ именахъ средн. р. является обычнымъ окончаніемъ, употребляющимся по всей Македоніи. Нѣсколько примѣровъ. Солунь: уѣзин'a, киџин'a, прасин'a, тамин'a (Oblak. Mac. St. 92). М. Рѣка: пйлин'a,

¹⁾ Примѣры изъ другихъ болгарскихъ говоровъ см. въ статьѣ И. Плачкова: „Окончаніе -e въ мн. на єже. отъ множ. родъ въ новобългарски“. (Исп. XLV, 419—458).

тёлин'а, поблин'а, езёрин'а, момычин'а, юмин'а (Изв. на сем. II, 261). Прилѣпъ: кучин'а, дечин'а, пйлин'а, поблин'а, юмин'а, сёлин'а (Сбм. XX, 21). Пологъ: юанин'а, свек'ин'а, девбючин'а (Отчетъ 24, 30). Куманово: кутрин'а, момчин'а, юбавин'а (с.с. Карабич., Стрезовце и на Овчемъ полѣ. Хи.-Василь. I, 338, 345, 373).

Въ иѣкоторыхъ говорахъ вм. -ин'а находится сочетаніе -јла. Такое окончаніе имѣютъ эти формы въ говорахъ охридскомъ, стружскомъ, кукушскомъ, отчасти рѣсенскомъ, прилѣпскомъ и леринскомъ (при -ин'а). Охридъ: юмина, сёмина, кучина, тёлина (Сбм. XVIII, 533; Изв. на сем. III, 249). Струга: юмина, времина (Миладин. III, VI). Рѣсенъ: слепи кучина (Книжици IV—VII, 266), но и--дечин'а (Псп. XLI—XLII, 870). Прилѣпъ: юмин'а и юмина, врёмин'а и врёмина...—Въ това място има колебание между меко и твърдо и; говорятъ се и двѣтъ почти еднакво— (Мирчевъ. Сбм. XX, 17). Леринъ: десет магарина; парчина (Шапк. IX, 328), и--дечијна, съ твердымъ и, какъ и въ—камејна, спајне, кобина (Сбм. VI, 166; VIII, 160, 162), но и--кучијата (Шапк. IX, 315). Кукушъ: сёмина, поблина, мбрена (Сбм. XVIII, 460).

Суффиксальнымъ элементамъ -ина предшествовало -ин'а. и вм. н' появилось въ результатѣ 1) фонетического измѣненія, 2) вліянія аналогіи.

1) Эти говоры относятся къ такимъ, въ которыхъ развивалось і передъ палатальнымъ н' (ср. выше). Послѣ развитія вторичнаго і передъ н' послѣдній отвердѣвалъ. Въ ударенному слогѣ і сохранялось. којп, кобјот, кобјпі (Рѣсенъ, Леринъ и др.). Сохранялось і и въ неударенномъ слогѣ послѣ гласнаго а, о, е (брајне, камејне... Рѣсенъ, Леринъ и др.), но утрачивался послѣ і; напр. въ Кукушъ: ёдине (неуд. е—і), сёдине, сирине; при такомъ же условіи отсутствуетъ і и въ образованіяхъ: сёмина, поблина, мбрена... Ср. воденскія: пулијна, тилијна, симијна... (Сбм. XVIII, 460), гдѣ і находится за удареннымъ і. Такъ же можно объяснить отсутствіе і и въ формахъ на -ина въ Охридѣ и Рѣсенѣ: неуд. јина (вм. -ин'а) замѣнилось посредствомъ -ина. Въ леринскомъ говорѣ и послѣ удареннаго і возможна была утрата і: магарина при--дечијна.

2) Въ прилѣпскомъ говорѣ „мягкость“ и сохранена и въ случаяхъ, когда предшествовавшій і удерживался (камејн'е), и въ случаяхъ утраты і послѣ неудареннаго і (планин'е).

Наличность въ этомъ говорѣ образованій -- инина, врѣмина... съ твердымъ и представляеть еще не совсѣмъ исчезнувшій остатокъ формъ на -ена. Возможно, что на -ина и другихъ говоровъ (напр. Диадаскалии: врапчина) отразилось вліяніе болѣе раннихъ формъ ср. ед. на согласный -и. Но несомнѣнно, по говорамъ отвердѣніе и' въ ін'а находилось въ связи съ общимъ процессомъ отвердѣнія и' послѣ развитія передъ нимъ вторичнаго i¹⁾.

Изрѣдка -ін'а встрѣчаются въ именахъ мужскаго р. "огін'а--въ сѣв.-солунскомъ краѣ (Oblak. Mac. St. 92).

Въ западной Болгаріи формы множ. на--ін'а встрѣчаются рѣдко. Такъ въ отдельныхъ словахъ въ г.-джумайскомъ говорѣ: дечин'а, кучин'а (Сбм. XX, 16); —какъ видно, въ именахъ, принадлежавшихъ къ основѣ на *-ет. Но въ именахъ сред. съ основой на *-п, сохранено -епа: времена, имена. Въ нѣкоторыхъ говорахъ и на формахъ основъ ср. *-п отозвалось вліяніе формъ на -и'е(а)↔-*піїе(а),—но вліяніе, отразившееся только на согласномъ п: ѹимен'а (и-ѹименá), времен'а (и-временá), семен'а и др. (Видинъ. Сбм. XIX, 20). Что касается говоровъ юго-восточной Сербіи, то тамъ ін'а и' формъ множ. ч. встрѣчаются очень рѣдко и то въ областяхъ, близайшихъ къ Македоніи. Такъ, въ враньскомъ говорѣ отмѣчено -ін'а въ основахъ сред. на -п: ѹін'а, ѹрѣшін'а (Broch. Dial. 106). Здѣсь совсѣмъ „усамѧне су“ — сйтин'а, брдин'а (Белић. Дијал. 387). ѹін'а и ѹрѣшін'а наряду съ ітепа и угтепа извѣстны и говору Лесковца (Broch. Dial. 164). Въ Луковѣ, находящемся вблизи Враны,— ѹін'а, ѹрѣмен'а, сѣмен'а (Broch. Dial. 66, 138), какъ и въ сѣв.-западной Болгаріи. Формы съ основой муж. р. на -п имѣютъ во множ. ч. окончаніе 'а (кѣтен'а, гѣтен'а. Враня и Лесков.; въ послѣднемъ и гѣтенi) или вполнѣ идутъ по основамъ на *-и (кѣтен'е, кѣтен'e, гѣтен'е. Луково, Крива Фея; въ говорѣ послѣдняго пункта—ітепа. Broch. Dial. 218).

-иѣла (-иѣча). Это окончаніе имѣютъ преимущественно имена, выражающія място, пространство: двориѣла, рѣтиѣла. Но -иѣла (иѣча) употребляется и при другихъ именахъ: ѡариѣла, зетиѣла.

Имена женскаго рода имѣютъ окончанія во множ. ч. 'е(је) и i. Объ окончаніи 'е(је) говорилось выше (планин'е,

¹⁾ Ј. Матовъ (За историята.. 15) и В. Облакъ (Mac. St. 92) видѣли въ сочетаніи -ін'а болѣе первичные элементы сравнительно ги'и-и'а: посѣ-и'и'а mit harten и ei'haften (Obl.); ина се е смекчило на ини (Mat.).

нивје.). Обычнымъ же окончаниемъ формы множ. ч. для жен. р. является *i*: *ženī*, *tajk'ī*, *godinī*, *šui*, *peſijestī*. Это окончание свойственно всѣмъ говорамъ Македониї, за исключениемъ съверной ея полосы. Предѣлы употребленія формъ множ. жен. на *i* доходятъ на съверъ до Тетова, до Скопской Черной Горы, до Кумановской области. Что дѣйствительно въ Горномъ Пологѣ форма множ. жен. оканчивается на *-i*, то обѣ этомъ свидѣтельствуютъ примѣры записей изъ слѣдующихъ сель: Никифорово (къ югу отъ Гостивара): на ноги (Стояновъ 84); Врутокъ (юго-западнѣе Гостивара): неестите, девойките (Стояновъ 80); Куново (къ югу отъ Гостивара): були, другачк'и (Минало I 1, 73); Стенче (къ югу отъ Тетова: рбожи, пари, нози (Минало I 1, 72; Сбм. XI, 52). Но уже въ селѣ Челопекъ, находящемся ближе къ Тетову, --с: сел'анк'ете, измѣк'арк'е, у свѣлене пѣлене (Минало I 1, 74). Въ самомъ городѣ Тетовѣ --е (Отчетъ 19). То же окончаніе и въ говорахъ сель, находящихся къ съверу отъ Тетова (Отчетъ 19; подробнѣе въ характеристикахъ д.-положскихъ говоровъ). Въ области Скопья и въ селахъ къ югу отъ него форма множ. жен. имѣеть окончаніе *i*. Скопье: кѣп'и (Минало I 1, 66); Н. Село: пари, гбдини, рук'я (Сбм. XI, 111); Г. Солнце Каршіака: пари (Минало I, 71). *i* и въ говорѣ села Црешева, находящагося на съверо-востокѣ отъ Скопья, рядомъ съ селами Черной Горы, но по говору сохраняющемъ иѣкоторыя особенности, общія съ говоромъ скопскихъ сель: пушк'и, гбдини (Минало I 1, 68-69). Въ селахъ же Черной Горы и Кумановской области форма множ. жен. оканчивается на *-e*. (Населѣа III, зап., Хц.-Василь. I, зап. Кинижици I, 42 прим., Минало I 1, 75-76 и др. записи). Въ кумановскомъ с. Нагорично (къ сѣв. отъ Куманова) и въ XIV в. эта форма имѣла окончаніе *e*: дрѣгѣ книге, сиѣ книге--въ записи Радина нагоричанина (Отч. Рум. Муз. за 1876-78, 9). Но въ южной части Кумановскаго округа, на Овчесъ полѣ, эта форма имѣеть то же окончаніе, что и въ прочихъ македонскихъ говорахъ: *i* (Хц.-Василь. I, 346, 348, 353): пушки, круши; други песни. Ср. и другія особенности говоровъ этой части Кумановскаго округа, общія съ говорами Македониї. Въ пѣснѣ изъ с. Байловоце, въ сѣв.-восточной части Кумановскаго округа, также *i*: првени прѣши; три постѣл'и; но тутъ же и---да йск'ине три пусте завѣике; главнице (Минало I 1, 75).

Въ кратовскомъ говорѣ—*i*: см. записи въ „Срп. книж. Гласнику“, № 133, стр. 208; въ бѣл. XI—XII, сѣл. V, Сбм. II, IV; въ „Минало I“; см. и въ зап. пона Михаила: „деветъ страни“,—въ отд. о. хѣ. Йоакимѣ).

Что касается говоровъ сосѣднихъ областей, то окончаніе *i* свойственно говорамъ юго-западной Болгаріи (Г. Джумай, Кюстендилъ, Дупница, Самокова, Разлога) и всей восточной Болгаріи. Въ сѣв.-западныхъ *-дж-*—говорахъ эта форма оканчивается на—*e* (записи и описание). Въ нѣкоторыхъ западныхъ областяхъ ближе къ Дунаю форма множ. жен. оканчивается на—*i*, напр., въ говорѣ Видина (Сбм. XIX, 20. XXV, зап.).

Остатки формъ двойств. ч. именъ жен. р. представлены въ сочетаніяхъ гъсе (съ замѣнной **q*), подгѣ или позе, употребляющихся въ значеніи не только парности, но и множественности. Въ такомъ видѣ эти формы известны многимъ македонскимъ говорамъ. гъсе, подгѣ-позе переживали и новообразованія: они стали употребляться съ окончаніемъ *i*, обычнымъ для категоріи множ.: гъсі, подгі-позі. гъсе-гъсі, подг(z)e—подг(z)i можно наблюдать иногда въ одномъ и томъ же говорѣ. Наконецъ, въ немногихъ македонскихъ говорахъ отражается послѣдняя стадія въ измѣненіи прежнихъ формъ дв. ч.: въ нихъ не только конечный гласный тотъ же, что и въ рядѣ другихъ именъ жен. множ. на -*i*, но и предшествующій согласный тотъ же, что и въ ед.—*k*, *g*: Такъ въ Кратовѣ (руки, ноги: Псп. V, 119, 121), въ Г. Пологѣ (ноги: Стояновъ, 84, 88). Въ Д. Пологѣ, гдѣ форма множ. именъ жен. оканчивается на -*e*, тотъ же гласный служить и для множ. рука, нога: рук'е, ног'е.

Въ юго-западной Болгаріи, въ Г. Джумай, Кюстендилѣ, Дупницѣ, Самоковѣ, *-тасе*, подгѣ-позе. Въ прочихъ областяхъ западной Болгаріи известны также эти слова съ—*сс,-зе*. Въ Видинѣ—гъссе, но и гъске (Сбм. XIX, 20); позе отмѣчено у Маринова (Ж. Стар. II, 72). Въ Търнѣ и другихъ западныхъ мѣстностяхъ *-тике*, гдѣ —*e* является окончаніемъ формъ множ. жен. Того же происхожденія окончаніе *e* въ формахъ *тике*, *позе* говоровъ юго-вост. Сербії.

Данные для опредѣленія взаимоотношеній между македонскими говорами исосѣдними языковыми группами, бол-

гарской и сербской, заключаются 1) въ общей системѣ склоненія, 2) въ формальныхъ элементахъ.

1) Утрата ряда падежныхъ формъ и выраженіе падежныхъ отношеній въ македонскихъ говорахъ совершило то же самое съ соответствующими явленіями въ болгарской языковой области. Въ сомнѣнія, процессъ переживавшійся тѣми и другими діалектами, былъ общимъ для нихъ. Пусть объясненіе причины утраты падежныхъ формъ въ болгарскомъ языкѣ, какъ вызванной измѣненіями характера фонетического и психологического, развившимися въ самомъ болгарскомъ языке, вѣдь вліянія со стороны, недостаточно обосновано, не приложимо ко многимъ явленіямъ склоненія, не подтверждаемо многими діалектами Болгаріи¹⁾. Тѣмъ не менѣе общность процесса остается языковымъ фактомъ для Болгаріи и Македоніи, не утрачивающимъ своего значенія и въ томъ случаѣ, если толчокъ къ утратѣ падежныхъ формъ и передачѣ дат., твор. и мѣстн. падежей посредствомъ предлога и общей формы былъ полученъ отъ иноязычной, неславянской стихіи.

Полагаемъ, что дѣйствительно въ выработкѣ болгарской системы склоненія не обошлось безъ иноязычного вліянія. Процессъ утраты падежныхъ формъ съ одной стороны и связи болгарскихъ славянъ съ народами єракійскими (ихъ потомками) и романскими—съ другой совсѣмъ еще не разъяснены. Но тѣмъ не менѣе длинный рядъ параллелей, представляемыхъ болгарскимъ, албанскимъ и румынскимъ (въ это діалектахъ) языками въ области формъ и синтаксиса,—параллелей, распространяющихся иногда и на детали того

¹⁾ По взгляду Миклошича (Siarine III, 150), принятому и развитому обѣими подробностями Милетичемъ (Старото склонение въ древнитѣ юж. нарѣчія. Сбм. II, 228; Дако-романитѣ и тѣхната писменостъ. Сбм. IV, 290—296; Нови вѣдо бѣлгарски грамоти отъ Браневъ. Сбм. XIII,—въ соодѣржаний формъ), утратѣ падежныхъ формъ способствовали слѣдующія фонетическія измѣненія: взаимная близость при извѣстныхъ условіяхъ среднебѣлгарскихъ ю и ю, ю(ъ)—>ѣ въ окончаніяхъ, измѣненіе неударенного а по направлению къ ю, ю, 'а—>ѣ. Соединеніе падежныхъ формъ, происшедшее по фонетическимъ условіямъ, повлекло за собой и объединеніе въ однѣй формѣ такихъ падежныхъ формъ, где не было для того подходящихъ условій въ звуковыхъ измѣненіяхъ.—Взгляды Милетича положены на основу работы его ученика: 1) Н. Михова, „За новобѣлгарското изказване на дателенъ падежъ“; 2) Е. Атанасовой: „Изрази за притежание въ бѣлгарски езикъ“, „Изв. на тем. III“.

или иного языкового явления, наталкивает на мысль о связи между восточно-балканскими языками въ переживавшихся явленияхъ (—не опредѣляемъ времени и вида этой связи).

Общею особенностью всѣхъ этихъ балканскихъ языковъ является утрата ряда формъ для однихъ и тѣхъ же падежей. Какъ характерноe явление для восточно-балканскихъ языковъ, надо отмѣтить распространеніе формы винит. за счетъ другихъ формъ косвенныxъ падежей, въ особенности въ сочетаніяхъ съ предлогами. Затѣмъ, общую черту для всѣхъ этихъ языковъ, какъ это указалъ еще Фр. Миклoшичъ¹⁾, составляетъ одинаковая передача родит. и дат. въ каждомъ изъ этихъ языковъ.

Съ формой винит. въ и.-греческомъ, албанскомъ, румынскомъ и болгарскомъ обычно совпадаетъ форма именит.; но есть и различныя для именит. и винит. формы. По дialectамъ известны формы и для нѣкоторыхъ другихъ падежей, не во всѣхъ языкахъ для однихъ и тѣхъ же.

Обозрѣвая отдѣльныя языковыя группы, приходится констатировать, что группами румынскими и болгарской, т.-е. съверо-восточной частью восточно-балканскихъ языковъ, была пережита болѣе послѣдовательная утрата падежныхъ формъ, чѣмъ въ группѣ юго-восточной, въ и.-греческомъ и албанскомъ языкахъ. Въ то время, какъ въ румынскомъ и болгарскомъ общей основной падежной формой служитъ форма имен.-винит. (при рѣдкомъ употребленіи дат. и зват.) въ и.-греческомъ и албанскомъ известны въ обычномъ употреблениi и нѣкоторыя другія формы. И еще одна черта тѣсно объединяетъ болгарскую и румынскую группы: передача род.—дат. представляется сочетаніе общей падежной формы (винит.) съ предшествующимъ ей предлогомъ. Въ и.-греческомъ и албанскомъ языкахъ род.—дат. передается посредствомъ флексивныхъ средствъ.

Вотъ общий характеръ склоненія въ отдѣльныхъ восточно-балканскихъ языкахъ.

Н.-греческий яз. Наиболѣе консервативнымъ оказалось склоненіе имѣнъ м. р. съ основой на -ο. И до настоящаго времени эти имена имѣютъ слѣдующія формы.—
Ед.: именит. -ος ($\sigma\tau\alpha\omega\zeta$); род. -ου; вин. -ο(υ); зват. -ε или -η.

¹⁾ Die slav. Elemente im Rumanischen (Denkschr. Bd. XII. Wien, 1862). ↑

Мн.: им. -οι[-ι], род. -ο(γ), вин. -οις. Во многихъ съверныхъ говорахъ, въ томъ числѣ и македонскихъ, вм. формы вин. на -οις употребляется форма именит.¹⁾. О формѣ род. мн. ср. ниже. Для другихъ именъ существуютъ только формы именит., род., вин. При этомъ, въ именахъ м. р. въ ед. употребляются только 2 формы: имен. (χέρουτας) и вин.-род. (χέρουτα), во мн. имен.-вин. (χέρουτες) и род. (χέρουτω). Въ именахъ ж. и ср. р. известны по 2 формы въ ед. и во мн. чч.: 1) им.—вин. (ед.: μέρη, βρούμ; мн.: μέρες, βρούμα); 2) род. (ед.: μέρας, βρούμος; мн. μέρω(νε), βρούμο(ν)).

Во многихъ съверныхъ говорахъ, въ томъ числѣ и македонскихъ, форма род. мн. совсѣмъ утрачена²⁾.

Албанскій яз. Въ албанскомъ яз. нечленный имсна сущ. имѣютъ двѣ формы въ ед. ч.: 1) им.—вин., 2) род.—дат. (на -и или -и для м., на -с или -је для ж.). Во множ. существуютъ также двѣ формы для этихъ падежей (род.—дат. на ve), а также употребляется во многихъ говорахъ тосковъ форма для „аблатива“ (на -а, прежнее образованіе для мѣст. пад.). Что касается членныхъ сущ., то и для нихъ служить одна форма для род.—дат. (ед. -it, -ut для м., -e-s(ε) для ж.; мн. -ve-t). Во множ. ч. тожественны формы и для имен. и вин. (оконч. -i[ε]). Но въ ед. формальные элементы для именит. и винит. не одинаковы: им. м. -и или -и, вин. м. -in(ε) или -ip(ε), -is; имен. ж. -а или -ја, вин. ж. -ai(ε) или -ai(ε). Возможно, что элементы -пѣ появились въ этой формѣ подъ влияніемъ мѣстоименного склоненія: tñne, atë, të—тоск., при гег. atë, të... Того же происхожденія—пѣ и въ образованіи отъ п’є—одинъ, одна: п’єпѣ—Einzahl (вин.).

Въ ед. и во мн. известны, хотя и не всѣмъ говорамъ, формы мѣстного пад. (на -t). Но, какъ указалъ H. Pedersen³⁾, это формы винит. и род. п., позднѣе распространеныя членными окончаніемъ.

Румынскій яз. Въ народной латыни уже первыхъ вѣковъ по Р. Хр. система именныхъ падежныхъ формъ имѣла свои особенности по сравненію съ системой склоненія писанной латыни. Эти особенности заключались въ томъ, что некоторые падежи передавались описательно, посред-

1) P. Kretschmer. Der heutige lesbische Dialekt. 22.

2) G. Chatzidakis. Einleitung in d. neugr. Gram. Leipzig. 1892. 420. Kretschmer. Op. cit. 228. Ср. также A. Thurnb. Handbuch d. neugr. Volksprache. Strassb. 1895. 23.

3) Albanesische Texte. Leipzig. 1895. 9.

ствомъ предлоговъ въ сочетаніи съ формой имени. Такъ, вм. genet. было въ употреблениі сочетаніе de сущ. Кромѣ того, по причинамъ фонетическимъ и психологическимъ утрачивались и нѣкоторыя другія надежныя формы. Въ послѣдующес время въ романскихъ языкахъ удержались лишь по двѣ формы въ ед. и мн.: именит. и obliquus, затѣмъ совпавшія въ одной для ед. и въ одной для мн. ¹⁾). Въ румынскомъ языкѣ имѣются еще звательныя формы на -e(м.) и на -o(ж.). Но эти формы представляютъ собою славянское заимствованіе. Архаическую черту румынского языка и отличительную его особенность по сравненію съ другими романскими языками, составляетъ то, что въ немъ для именъ жен. р. (1 скл.) ед. удержана форма дат.: case, stele. Но въ аромунскихъ говорахъ форма для дат. употребляется лишь при опредѣленныхъ условіяхъ ²⁾). Членная форма дат.-род. выражается въ румынскомъ яз. посредствомъ формы именит. (винит.) + lui (ei), lor: domnului, tatâlui, casei, familiei; domnilor, tatilor, caselor.

Аромунскіе говоры въ процессѣ объединенія падежныхъ формъ пошли дальше, употребляя въ именахъ ж. р. одну и ту же основу въ имен.-винит. и дат.-род.: mintil'i, cîlatil'i вм. mintil'i, cîtafil'i ³⁾). Въ тѣхъ же говорахъ отражается тенденція къ преимущественному употреблениію lui или въ сочетаніи его съ a (лат. ad) ⁴⁾—al передъ именемъ. Въ говорѣ олимпійскихъ влаховъ форма род.-дат. передается посредствомъ al (али-ж.) + форма имен.-вин.: al domini ⁵⁾). Въ другихъ аромунскихъ говорахъ передъ членной формой род.-дат. обычно находится a: tîndzul a cîpel'ei muri; domni su a agrulci; casa a mul'erî saj. deade kaplu a aušluj, tîrşoarle deade a satrazâmului —она дала голову старику, ножки (ихъ) дала министру ⁶⁾). Посредствомъ a формы род.-дат. пе-

¹⁾ W. Meyer - Lübke. Gram. d. Roman. Sprachen. Bd. II. Leipz. 1894.
A. Zauner. Roman. Sprachwissenschaft. I. II. Leipz. 1905. E. Bourcier. Éléments de linguistique romane. Paris. 1910.

²⁾ E. Bacmeister. Die Kasusbildung des Singular im Rumänischen (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. IV. 1897). 25.

³⁾ Ibid. 37.

⁴⁾ H. Moser. Der Ursprung d. rumänischen Präpositionen. (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. X). 413—414. R. Kurth. Der Gebrauch d. Präpositionen im Rumänischen. (Ibid.) 477.

⁵⁾ G. Weigand. Die Sprache der Olympo-Walachen. Leipz. 1888. 69-70.

⁶⁾ G. Weigand. Die Aromunen. Bd. II. 222 и другія записи.

редаются иногда и въ другихъ румынскихъ говорахъ (за исключениемъ мегленскихъ). Чаще такая передача употреблялась въ старой румынщинѣ передъ нечленной формой винит., а также плеонастически и передъ членной (примѣры въ статьѣ Bacmeisterа, 55—62). Утрата многими говорами предлога *a* была вызвана тѣмъ, что членные элементы именной формы достаточно ясно опредѣляли собою падежное отношеніе (род.-дат.).

Въ румынскомъ (дако-румынскомъ) языкѣ при передачѣ винит. пад. имени или мѣстоименія, относящихся къ объектамъ одушевленнымъ, передъ формой винит. находится пре (pri, ре. .): *am văzut pe fratele tău. apoi chemă pre imperațeasa. pe cine căiem? 1)*.

Соответствующее явленіе при передачѣ винит. представлять испанскій языкъ. Отличіе испанской группы отъ румынской въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что передъ формой имени и мѣстоименія находится не замѣна лат. *per*, но *á*. Кромѣ того, *á* въ передачѣ винит. п. проведено шире, чѣмъ пре въ румынскомъ: *á* находится и въ сочетаніи съ именами объектовъ неодушевленныхъ²⁾.

Параллельное явленіе можно отмѣтить и въ нѣкоторыхъ славянскихъ говорахъ Македоніи (южной полосы ся). Такъ въ Солунскомъ с. Киречк'ой (Книжици II, зап.), въ Кукушѣ (Сбм. XVIII, 462), въ Костурѣ (Книжици II, зап.) на употребляется и при передачѣ винительного падежа. Такая передача имѣеть мѣсто не только послѣ глаголовъ, означающихъ „искам“, „питам“, какъ полагалъ Милетичъ (Сбм. II, 264), но и вообще при винит. падежѣ. Такъ, въ Костурской области (въ с. Бобища) говорятъ:—заколас на наймалѣчката сестра, звѣа па дѣцата,—такъ же, какъ—ти сакаш да мс загиниш на мене (Книжици II, 49, 53).

Въ славянскихъ говорахъ Болгаріи и Македоніи, однаково реагировавшихъ на полученное воздействиѳ отъ иной лингвистической среды,—среды, м. б., въ значительной степени растворившейся въ славянскихъ группахъ, утратѣ ряда падежныхъ формъ содѣйствовали и измененія фонетическія, развивавшіяся въ самомъ бол-

1) St. Stinghe. Die Anwendung von *pe* als Akkusativzeichen (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. III и, главыныи образомъ, IV).

2) Meyer-Lübke. Gram. d. Rom. Spr. Bd. III, 371—373.

гарскомъ языке: развитіе *a* (ă) вм. ѣ изъ ѡ въ окончаніи; 'а-ѣ' и Ѣ-ѣ' въ восточной части болгарскихъ говоровъ.

2) Что касается формальныхъ элементовъ, то для уясненія взаимоотношеній македонскихъ говоровъ съ соѣдними славянскими они представляютъ мало данныхъ.

Окончанія -i, -išta употребляются и въ болгарскихъ и сербскихъ говорахъ.

'с или је также было известно языку среднес-болгарскихъ памятниковъ и памятниковъ сербскихъ того же времени. Въ употреблении эти окончанія и въ настоящее время въ болгарской и сербской языковыхъ областяхъ. Но все-таки въ юго-восточной Сербіи это окончаніе не въ такомъ частомъ употреблении, какъ въ Македоніи; кроме того, на 'с или је формы множ. ч. известны преимущественно въ восточныхъ областяхъ юго-восточной Сербіи (Белић. Дијал. 323—325, 397).

-iñ'a представляетъ собою македонизмъ. Въ соѣднихъ областяхъ Сербіи и Болгаріи формы съ такимъ окончаніемъ употребляются рѣдко и къ тому лишь въ областяхъ, ближайшихъ къ Македоніи.

-o[ц]i -ovi. Вопросъ не въ распространеніи тематическихъ элементовъ он на основы не "-й, известномъ и болгарскимъ и сербскимъ говорамъ, а въ окончаніи i. Нѣть возможности утверждать, что македонскія формы на -o[ц]i развивались въ связи съ такимъ же явленіемъ сербского языка. Для сербского языка формы на -o[ц]i датируются впервые памятниками XIV в. (Даничић. Историја облика 59). Македонскія образованія на -o[ц]i-ovi, появившіяся въ связи съ общимъ распространеніемъ окончанія i для множ. ч. именъ муж. р., возникали внутри самихъ этихъ говоровъ и существовали уже въ XI в. Такъ, въ Синайской Псалт. находятся такія формы им. мн.: сїви сѫшени (10 разъ), велени (Vondrák. Altkirchsl. Gram.?, 420—421).—Замѣтимъ, что въ этомъ же памятнике отмѣченъ былъ и юго-западно-болгарскій или восточно-македонскій видъ предлога ковы.—

Среднеболгарскіе памятники XII—XIII вв., отражающіе черты македонскихъ говоровъ, также имѣютъ формы на -evis: Охрид. Ап.: сїви (С. М. Кульбакинъ. Охрид. рукоп. СХ); Болон. Пс.: жїдї (2р.) ідови (2р.), црачени (В. Н. Іщенкинъ. Болон. Пс. 213), вириинская грамота Константина Асъня: кнѧзени (Г. А. Ильинскій. Грамоты. 76).

и (изъ и) для жен. р. удержано въ Македоніи, какъ и въ Болгаріи. Немногіе говоры на съверѣ Македоніи и на съверо-западѣ Болгаріи для формы множ. жен. усвоили окончаніе *e*, несомнѣнно въ связи съ окончаніемъ той же формы въ сербскомъ языке.

Прилагательный.

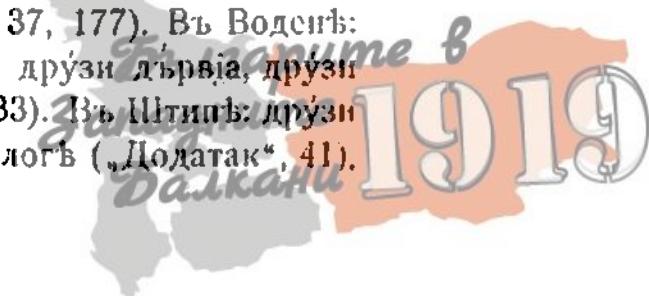
Прилагательный муж. р. нечленный съ окончаніемъ и въ ед. ч. встречаются рѣдко: за дру́г'и пат 164. Гласный и въ -мави- (ачик мави, жен. мавита сфи́та, 177) восходитъ къ такому же гласному турецкаго ایاری -мави (голубой).

Обычно нечленное прилагат. муж. ед. оканчивается согласнымъ корня или суффикса--умен чбек 149, ёден побјас волен 156, чёшел тесен 156, цел 171.

Форма множ. ч. для всѣхъ трехъ родовъ оканчивается на -i, какъ вообще въ Македоніи и Болгаріи (кромѣ съверо-западныхъ говоровъ послѣдней, различающихъ окончанія по родамъ: i---муж., e---жен., a---ср.).—гулабите се чисти 123; широк'i, куси [рубите] 151; јагънцата, јартишата се харни 119; сүи дафърва 153, кблцата беа скайршини 161; малите дёца 130; дру́дзи ме́ста 117. Въ одномъ случаѣ находится окончаніе *a*: ймаме два лозја и се полна от грбје 130-131. а въ -полна- вызвано вліяніемъ такого же окончанія въ -два лозја.

Особое замѣчаніе вызываетъ сочетаніе дру́дзи ме́ста. Этотъ примѣръ указываетъ, какого рода формами стали вытѣснѣться формы сред. [и жен.] множ. прилагат.

дру́дзи не только для муж., но и сред. [и жен.] множ. въ говорѣ Дидаскалии не стоитъ одиноко. То же явленіе знаютъ и многіе другіе говоры Македоніи. Здѣсь не только drug, но и blag, d!g (съ замѣнной й) сохраняютъ въ формѣ множ. dz-i передъ i: drudzi-druzi, d!dz(z)i. Тѣ же формы (съ dz-z) перенесены и на прилагательный жен. и сред. р. Такъ шь Прилѣпѣ: дружите работы (Сбм. XI, 114); стомии друзи (Сбм. XI, 113); ўши дѣлзи (Сбм. XI, 97). Въ Маріовѣ: дружите пари (Сбм. XVI--XVII, 287). Въ Леришѣ: дру́зи глѣви, тру́зите две кѣрки (Сбм. VIII, 162, 163). Въ Охридѣ: дружите уши; дру́дзи работи (Шапк. VIII, 37, 177). Въ Воденѣ: дру́дзи работи (Сбм. II, 189). Въ Велесѣ: дру́зи лървїа, дру́зи жёни; дѣлзи свѣк'i (Сбм. IX, 85, 132, 133). Въ Штипѣ: дру́зи ђеца (Сбм. IX, 160). -дѣзи поли -и въ Разлогѣ („Додатак“, 41).

Сохранено и с вм. к, но только въ выражениі: вѣлици пости (Матовъ. За историята, 17).

По отношению къ формамъ прилагат. сд. ч. въ говорахъ Македоніи и сосьднихъ славянскихъ областей Болгаріи и Сербіи, отмѣтимъ слѣдующее. Всѣ эти говоры имѣютъ окончаніемъ гласный *о* въ формѣ сред. сд. съ прежній основой съ мягкимъ согласнымъ. Согласный передъ гласнымъ *о*, явившимся по аналогіи съ прочими именами сред. ед., сохранилъ мягкость, или послѣ него находится ѹ. Наapr.: Прилѣпъ: кѣзю (Сбм. XX, 13); Кичево, Маріово, Штипъ: трѣк'о (Сбм. XIX, 27.; Псп. XLVIII, 810; Сбм. X, 138); Кичево: туг'о (Сб. Иконом. 126); Радовшитъ: туђото јајце је поголемо („Караџ“, III, № 5); Кратово: син'о (Сбм. IV, 316), Дупница: козјо месо (Сбм. X, 174). На єв.-западѣ: задн'о, зимн'о (Мариновъ Ж. Стар. II, 72). Для юго-вост. Сербіи см. у Брука (Dial. 107...; Хц.-Василь. II, 287).

Ясный слѣдъ позднѣйшаго появленія -о виденъ въ прилагат. и мѣстоим. ср. ед., отмѣченныхъ въ записяхъ изъ с. Цѣрска (въ Битольскомъ округѣ, но по говору относящагося къ Кичевскому): малоо детенце; кѣсе је таквоо и др. (Сбм. XIX, 1, 2...). Также въ битольскомъ говорѣ: малоо дёте, сѣкоо утро (Сбм. XV, 90).

Въ говорѣ с. Цѣрска нѣкоторыя прилагат. утратили мягкость согласнаго передъ -о: близко село (Сбм. XIX, 50).

Сравнительная степень. Образованіе формъ для сравнит. степ. въ говорѣ Дидашкали то же, что и въ про-чихъ говорахъ Македоніи и Болгаріи: по-основная форма. —но-голѣмите 160, помалите 160, по-старите 161, по-[о]харно по-сѫдѹю 120; со (вм. по) арно лубает зѣтото и от синот 160; по мбши лубает к'ерката и от снаата 160.

Мѣстоименія.

Личныя. Ед. I--Им. ѹ-јас 158.

Вин. мѣне, ме: за мене 138; ме ѹдри 139.

Дат. ми: влакна ми 158.

Въ Дидашкали обнаруживается смѣщеніе формъ дат. и вин.: ме употреблено не только для винит., но и для дат.: ме запра кърбот 139-140. Род.: ѹроѣ ст҃рѣтре ѿ ѿрѣ. Вѣдѣ: ѿуїа-и' а-խорутуа ѿуїа-зѣка. Ат. ѹроѣ | т и-|

послѣдній узлакъ. ме тѣс кърф 139. 'Роц.: под єтрење аїца.
Влак.: уні корд зажгъс. 'Лѣз.: па ћод щлак..

Въ употребленіи же вм. ии въ Лидаскалии отражается влияніе аромунскаго или албанскаго языка.

Мв. Им. (примѣръ отсутствуетъ).

Вин. не : не мачит 146.

Дат. *ни. Примѣра, въ которомъ для дат. множ. было бы употреблено ии, въ Лидаскалии не имѣется. Но въ существованіи для дат. ии мы освѣдомляются изъ смѣшениія „краткихъ“ формъ ии и не при передачѣ вин.: ни рѣднаат 121. 'Роц.: юж щаротолоу; Влак.: уа щаризеско. 'Лѣз. уа щахъштуа.

Въ смѣшениіи „краткихъ“ формъ мѣстоим. для вин. и дат. мн. онятъ-таки отразилось влияніе албанскаго или аромунскаго языка: въ томъ и другомъ для вин. и дат. служить одно и то же сочетаніе (см. ниже).

2. Ед. Им. ти 136, 176.

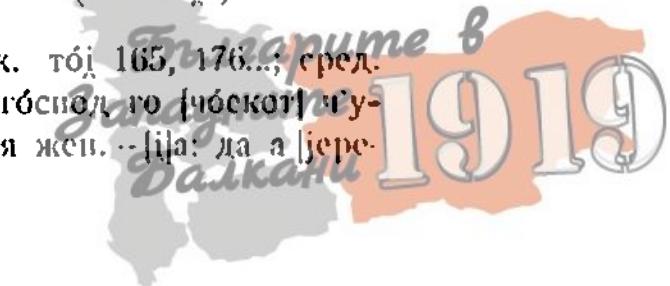
Вин. тебе, те: прѣт тѣбе 159; те бпитвам 181.

Дат. ти 129; да ти побегнат 147. 'Роц. уа ѿб щуу.

Возвратное. Вин. сѣбе - се: иѣка вардает сѣбесе | зѣмпесе| 163-164.

Обобщеніе падежныхъ формъ личныхъ мѣстоименій еще значительныѣ въ аромунскомъ и албанскомъ языкахъ. Въ аромунскомъ, въ особенности въ сѣверныхъ говорахъ, форма винит. ти не замѣняетъ форму именит. еи. ти не совсѣмъ вытѣснило собою прежнее ти. Форма винит. ии. тожественна съ формой род.-дат. 1. 2 мн. (пѣ, вѣ). Въ албанскомъ „краткой“ формой для дат. и вин. 1. ед. служить одна форма -ти, представляющая собою замѣну исконной формы винит. пад. (съ є въ зависимости отъ безударного положенія). И „полная“ форма для дат. и вин. ед. одна и та же: тоск. тиа, гег. тие, также восходящія къ формѣ винит. *тиѣт (въ общеалб.->тоб; би->ша у тосковъ, би->ие у геговъ). Именит. ед.—шие, и.-иѣ является окончаніемъ формы винит. п. Во множ. замѣна формы винит. служить для всѣхъ пад. (кромѣ ablativa): па, пѣ. Въ такомъ же направленіи происходило совпаденіе формъ и для 2 л. Обобщеніе формъ произошло и для мѣстоименія ај (аї) -муж. (изъ а-и); ајб -ж. (изъ а-я).

Указательныя. Ед. Им. муж. тоб 165, 176...; сред. тба 128, 146... Вин. муж. и сред.-то: гбсвод то [блескот] чуват 119; кленялого да то бїеш 143; для жев. -[їа]: да а [јере-

бъцата] слушает 123; въ прочихъ примѣрахъ и для женскаго—го: да земит свѣшта и да го запалит 142. и кук'ата твоја ако капит да го покриеш 154. .

Мн. Им. тиे 122, 149, 163...

Вин. и 131, 132, 140, 144, 155...; за да и [упъзуръ] пблиам (131); да и [смобки] вбсам (132); и к'е и [еден кътник и еден зап] извадам (140).

Дат. му: и малите дѣца вѣкаат оти сакаест ранен'е и не му дават нѣкої 130.

Въ другихъ параллеляхъ „краткая“ форма для дат. множ.: гр. твъръ, аром. ла, алб. і.

му—для дат. множ. известно и нѣкоторымъ другимъ македонскимъ говорамъ.

ової 144; бва 161— сред. ед.; бвис 117(2 р.)—множ.

Притяжательные. Ед. тфбї 155; фтбїто занаат 135; тфбїата 136, 144, 149, 155. Для средняго р.: зёмиш тфбата здравје 170. Форма жен. вм. сред. стоитъ въ связи съ аромунской атã или албанской тѣзїде,—формами жен. вин., находящимися въ соотвѣтствии болгарской параллели.

Мн. тфби[ї]те работи 136.

нихна: к'ерка нѣхна 160.

нѣхтире 172 (2 р.).

нѣго[ї]те 125, 142; на негби[ї]те мѣста 158.

„циѣ-. сфиот 127. сфиите 116, 118, 137, 143, 151, 161, 178;— для 3 родовъ. сите 129, 134. сфеќо 127.

кої 141. нѣкої никто (130).

нѣкоа кѣлт никакая грязь (155). Риф. хамидіа лайра. Алб.: ѳї ууї үтѣлл. Не подъ вліяніемъ ли албанской параллели появилось т въ болгарской? Жен. родъ тоже могъ быть приданъ въ зависимости отъ другихъ параллелей, гдѣ соотвѣтствующее сочетаніе стоятъ въ жен. родѣ. Вѣлѣ: ѿтѣс ѿуа хобура.

ни— находится и въ слѣдующихъ выраженияхъ: нѣкоа майджа (159)—нѣкая, к.-н. пища. Риф.: хамиду ڦھری; нѣкое лёте (175)—нѣкое, к.-н. дитя. Риф.: хамиду پايدی. Возможно, что -никої, никоа, никое—въ значеніи какъ—никої..., такъ и—некої, развились внутри самого болгарского ліалекта Циласкали. Такое значеніе -никої- имѣть въ нѣкоторыхъ говорахъ. Ср. и въ Пришевскомъ краѣ: никој време, ника баба,—

также николико—(Хр.-Василь. II, 298, 290, 294). Ср. также у Белича (Дијал. 425).

што: тбј што хбдит.: 165; жёната штб юмат пърстен[е]...16; жёните што юмаат кбси гблеми.. 172; тие што се жёнаст...163.

ништо=ничто: не патиш ийшто 147, 150.

Для дополненія и уясненія формъ мѣстоименій, представленныхъ въ Диадакаліи, сдѣлаемъ общее обозрѣніе формъ мѣстоименій въ современной Македоніи и замѣчанія объ ихъ отношеніи къ соотвѣтствующимъ формамъ въ съднихъ славянскихъ говорахъ.

Личныя. Для 1 ед. въ Македоніи употребляется *jas* (*jaska*, *jaze*,—сь *j—j*) и *ja* (*ja*). *ja* свойственно говорамъ, находящимся въ сѣверо-западной части Македоніи: въ Дебърскомъ краѣ, вмѣстѣ съ М. Рѣкой (въ Крушовѣ у міяковъ, переселенцевъ изъ Дебър. области), въ Кичевѣ, Порѣчѣ, Пологѣ; Скопьѣ, Кратовѣ. Въ Велесѣ уже *ja* при *jas*¹⁾. *jas-jaska-jaze-jazika* въ прочихъ областяхъ Македоніи. Какъ видно, въ болѣшей части ся діалектовъ въ формѣ этого мѣстоименія удержанъ согласный *z(s)*, иногда распространенный гласнымъ *e*, сочетаніями *-ka*, *-ika*.

Для 1 множ. служатъ формы *pi[j]e* или *pi[j]a* и *ti[j]e*. Обозрѣвая употребленіе этихъ формъ по областямъ, наблюдаемъ, что *pi[j]e* или *pi[j]a* находится тамъ, где для 1 ед. служитъ *jas*..., а *ti[j]e* тамъ, где для 1 ед.—*ja*. Дѣйствительно, въ Дебърской области, въ М. Рѣкѣ, у крушовскихъ міяковъ, въ Кичевѣ, Пологѣ, Скопьѣ, Кратовѣ говорятъ *ti[j]e*. Но въ иѣкоторыхъ изъ этихъ областей, именно, ближайшихъ къ центральнымъ,—въ Кичевской и Скопской, известно и *pi[j]e*. Кичево: мис (Лавчани. Сб. Иковом. 115); къ югу- мис (с. Цѣрско. Сбм. XIX, 13); ниѣ („Новипи“, III, № 40). Скопье: мис, мис (въ городѣ Минало, I 1, 66 67); въ Н. Селѣ: *ja--mис* (Сбм. XI, 110, 111); въ Г. Солне Карпіяка: *ja--mис* (Минало I 1, 70—71). Кратово: мис, мис (Псп. V, 122). *ti[e]* указано и для говора восточного солунскаго села Киречк'ой; но тамъ эта форма употребляется рѣдко, замѣняясь обычно формою вин. мн. *nas* (Книжици II, 42, 47; Rad, knj. 145, стр. 140). Что же касается *pi[j]e* и *pi[j]a*, то по употребленію того или иного образования можно

¹⁾ Пользуемся вѣ дальнѣйшемъ записями и опубликованными, не разъ уже цитированными.

отмѣтить слѣдующія области: иї[ї]а: 1) на югѣ, въ Костурскомъ и Леринскомъ краяхъ; 2) на востокѣ и сѣверовостокѣ, въ Штипѣ, въ Кукушѣ, Дойранѣ¹⁾. Въ прочихъ областяхъ, поскольку позволяютъ судить имѣющіяся данныя,—иї[ї]е.

2 множ.: viї[ї]e · viї[ї]a.

Изъ прочихъ формъ личныхъ мѣстоименій отмѣтимъ „краткую“ форму вин. множ. Во всѣхъ македонскихъ говорахъ она имѣеть образованіе съ е: не, ve. Появленіе здѣсь е обязано аналогіи съ формой мѣстоименія вин. ед. (а не сущ.): ср. ясныя указанія на это кукушскаго и воденскаго говоровъ, гдѣ „краткія“ формы мѣстоим. для вин. имѣютъ видъ шъ, въ (и sъ),—распространенное явленіе въ измѣненіи *te, *te (*sъ) въ болгарскихъ говорахъ. Тѣ же гласные находятся въ формахъ для личныхъ мѣстоим. и въ вин. множ. шъ, въ, употребляющихся при „полныхъ“ формахъ: pas шъ, vas въ (Сбм. XVIII, 460).

Что касается отношенія македонскихъ формъ личныхъ мѣстоименій къ соответствующимъ формамъ въ соѣдніихъ славянскихъ говорахъ, то поэтому поводу можно замѣтить слѣдующее.

По формѣ 1 им. ед. говоры южной, центральной и восточной Македоніи примыкаютъ къ говорамъ Болгаріи,—примыкаютъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи сохраненія чертъ старины. і передъ а известно и въ западной Болгаріи и во многихъ мѣстностяхъ восточной. Среди говоровъ съ jaz есть и такіе, въ которыхъ jaz не представляетъ образованія праславянской эпохи, а явилось позднѣе, замѣнивъ болѣе раннее az. jaz(jaz) появлялось здѣсь двоякимъ путемъ: или подъ вліяніемъ другихъ говоровъ, или благодаря развитію і передъ начальнымъ а. Ср. въ битольской Тріоди XIII в.: а іазъ іагонісѧ ꙗѡнісѹи (по отрывку, сообщен. Й. Ивановымъ. Старинн. 88)²⁾. По свидѣтельству языка др.-ц. славянскихъ памятниковъ, азъ было свойственно, по крайней мѣрѣ, юго-восточнымъ говорамъ Македоніи. Теперь и тамъ jaz. Съ другой стороны, въ болѣе позднєе время

1) Для Дойрана см. запись „iz živili usta“ въ Radu, knj. 145, стр. 140.

2) Свидѣтельство битольской Тріоди существенно дополняетъ указание В. И. Ценкіна: „Въ болгарскихъ рукописяхъ jaz отмѣчено пока только съ XVII вѣка“ (Болон. Пс. 216). Ср. еще въ Еванг., написанномъ въ Софии въ 1329 г.: іазъ (П. А. Яковлевъ. Сборникъ отчетовъ о времіяхъ Ак. И. IV, стр. 355).

при иѣкоторыхъ условіяхъ происходила утрата і въ сочетаніи *jaz* (первоначального или вторичнаго происхожденія). Именно, если предшествовало слово съ конечнымъ гласнымъ *a*, то і, оказавшись между двумя *a*, могло утратиться, подобно тому, какъ этотъ неслоговой звукъ утрачивался и въ другихъ случаяхъ между гласными *a, o—a* и др. (см. выше): *taja -taa, odaia-odaa*. Такъ и *až* при *iaz*: *prenaia až* — въ корчанскомъ селѣ Бобошицѣ (запись Новаковича. Arch. XV, 45).

Общей чертой въ македонскихъ говорахъ (указанныхъ областей) и болгарскихъ (кромѣ родопскихъ и иѣкоторыхъ другихъ) является удержаніе согласного *z(-s)*. Сохраняя сочетанія съ *-z(-s)*, македонскіе и болгарскіе говоры объединяются значительной продуктивностью частицъ *-zi, -ze, -ka, -zika* при мѣстоименіяхъ личныхъ и неличныхъ: *jazeka, jaska, jazika; naze, vaze* (вин. мн.), *tozi* и др. Наиболѣе продуктивны эти частицы оказались въ говорахъ Болгаріи. Ихъ продуктивность слабѣе на западѣ и въ Македоніи, гдѣ эти частицы обычно находятся при мѣстоименіяхъ личныхъ¹⁾.

Сѣверо-западные македонскіе говоры, объединяясь съ прочими въ сохраненіи начального *i*, пережили утрату конечнаго *z(s)*, какъ и говоры сербскіе, м. б., и въ связи съ этими послѣдними (ср. форму 1 им. множ.).

По формѣ 1 им. множ. *jaz*—говоры находятся въ тѣсной связи съ говорами Болгаріи и уже не по чертамъ архаизма, а въ отношеніи новообразованія: *p[i]e—p[i]ja*, и въ этой формѣ обнаруживается въ XIII в.: *тие* и *тие* въ муз. Апост. (В. Н. Щепкинъ. Болон. Пс. 216). Въ окраинныхъ говорахъ *тие* держалось долѣе. Ср. говоръ с. Киречк'ой. *ja*—говоры представляютъ прежній согласный, —*тие*: *ti[i]e*. Памятники письменности сѣверо-западной Македоніи могли бы помочь въ опредѣленіи значенія формы *ti[i]e*: отъ праславянской ли эпохи сохраняется здѣсь *ти-*, или же праслав. *ти-* было вытѣснено, какъ и въ прочихъ діалектахъ Македоніи и Болгаріи, согласнымъ *и-* другихъ формъ множ. и лишь позднѣе было возстановлено *ти-*, вслѣдствіе вліянія сербскихъ говоровъ? Такими данными этихъ памятниковъ мы не располагаемъ пока. Хотя бы въ сѣверо-запад-

1) Жители Кумановской области наемѣхаются надъ говоромъ своимъ, сестрой на югѣ, что они произносятъ „јазека, тиека, што ти работатъ де-чива“... (Хц. Васил. I, 311).

ныхъ македонскихъ говорахъ и удержалось въ этой формѣ отъ праславянской эпохи,—удержалось, какъ и въ сербскихъ говорахъ, все же въ отношеніи второй части этого сочетанія,—элементовъ -је, говоры запада и сѣвера Македоніи развили новообразованіе, одинаковое съ прочими македонскими діалектическими группами.

ti[j]e известно не только въ Пологѣ, Скопьѣ, Кратовѣ, но и въ южной части Кумановскаго округа, напр., въ с. Ко-кошине. Но въ другихъ кумановскихъ говорахъ, а также въ прешевскихъ—*ті*. *ті* проникло и въ нѣкоторые говоры сѣверной Македоніи. Такъ, въ Тетовѣ на-ряду съ обычнымъ *ti[j]e* употребляется изрѣдка и *ті*. (Подробнѣе въ характеристикѣ д.-полож. говоровъ). Съ другой стороны, *ti[j]e* или *пi[j]e* спорадически встрѣчается въ говорахъ юго-восточной Сербіи. Лишь въ говорѣ Кривой Феи (къ востоку отъ Врані, у границы съ Болгаріей) обычно *пi[j]e*; но у молодого поколѣнія—*ті*.

„Краткими“ формами для вин. множ. по всей Македоніи служатъ *пе*, *ве*. Тѣ же сочетанія известны и говорамъ юго-западной Болгаріи, а также родопскимъ. Въ юго-восточной Сербіи *пе*, *ве* „употребляются единственно въ южно-моравскомъ діалектѣ“ (Белић. Дијал. 403). Но здѣсь по говорамъ на-ряду съ *пе* слышится и *пi*: Враня, Лесковацъ. Та же двойственность „краткой“ формы и на Косовомъ полѣ (ib. 402, 403). Къ сожалѣнію, данныхъ для косовскаго говора въ отношеніи формъ мѣстоименій не имѣется. А для объясненія *пе* въ южно-моравскихъ говорахъ надо согласиться съ мнѣніемъ А. Белича, что это сочетаніе явилось въ результатахъ вліянія „со стороны“ (ib. 403). Что касается той „стороны“, откуда шло это вліяніе, то она была на югѣ, въ Македоніи, а не на западѣ, въ Старой Сербіи. На македонское вліяніе указываетъ то обстоятельство, что чѣмъ ближе къ Македоніи, тѣмъ рѣже встрѣчаются *пi*, *vi*, тѣмъ обычнѣе *пе*, *ве*; въ Прешевской и Кумановской областяхъ *пе*, *ве* единственная „краткія“ формы для вин. множ. 1. 2 (Ху.-Василь. I, II). Въ говорахъ же Старой Сербіи *пе*, *ве* при *пi*, *vi* могли развиться виѣ посторонняго вліянія,—развиться въ результатахъ уравненія съ окончаниемъ не только формы вин. ед. (*те*, *те*), но и формы вин. множ. именъ и прочихъ мѣстоименій. Такъ уже несомнѣнно обстояло дѣло въ нѣкоторыхъ говорахъ Черногоріи (Rešetar. Det. štok. Dialekt. 188).

Въ именит. надежѣ ед. ч. для мѣстоименія, соотвѣтствующаго др.-ц.-слав. *онъ...*, употребляется *тој*, *таꙗја*, *тоо* [*теја*], а въ сѣверныхъ и восточныхъ македонскихъ говорахъ — *оп*, *она*, *опо*, какъ и на западѣ Болгаріи и на юго-востокѣ Сербіи.

Для винит. п. муж. и ср. служить *него* и *го*. Употребленіе *нега*, *га* начинается лишь въ сѣверной Кратовской области. Такъ, въ кратовскомъ с. Лесновѣ еще *него*, *го*, но уже въ г. Кратовѣ *нега*, *га*.—Ср. въ сѣверно-кратовской области и другія черты говоровъ юго-восточной Сербіи. *нега*, *га* и въ Скоп. Черной Горѣ. Но въ г. Скопьѣ и скопскихъ сelaхъ—*него*, *го*, *него*, *го* и въ говорахъ Полога (Долин. и Гор.).

Въ жен. р. для вин. ед. употребляются слѣдующія сочетанія: *нејја* или *нейје*—„полныя“ формы, и *ја[а]*, *је*, *га* „краткія“. Изъ двухъ „полныхъ“ формъ *нейје* извѣстна немногимъ говорамъ. Такъ, она употребляется въ Охридѣ. Ея происхожденіе—изъ прежней формы род.: *јем*. Выводить конечное *[ј]е* изъ *и*—*и* затруднительно вслѣдствіе того, что въ охридскомъ говорѣ другихъ слѣдовъ *и* изъ *и* не имѣется; наоборотъ: *и*—*и*, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ современная охридскія сочетанія—*јъзик*, *јъчмен*, *зажък*. Если же въ мѣстоименной формѣ находится *-e*, а не *-и*, то этому *јем* содѣйствовала аналогія съ именными формами род. ед. на *и*—*и*, *л*—*и*, возстановившая прежнее окончаніе *-и*; или же въ данномъ случаѣ не развилось *-и* въ зависимости отъ предшествующаго неслогового звука. А этимъ звукомъ былъ *ј*, позднѣе утраченный въ говорѣ. Но въ—*зажък* гласному предшествовалъ *ј* или *ј*, очень близкій къ *ј*, почему и не произошло его утраты. — *ји* вм. *-ји* незначительно, вѣроятно, отличалось отъ болѣе ранняго *-ји* и съ теченіемъ времени замѣнилось *је* *је*: *пје*. Но что *-и*—*и* въ раннюю среднеболгарскую эпоху распространялось и на сочетанія *јем*, то обѣ этомъ свидѣтельствуетъ написаніе, представляемое Болон. Ісалтырю: *сѫжк* 214.2.—въ значеніи уже вин. ед. (по формѣ—это род. п., но не винит., какъ полагаетъ повидимому В. Н. Щепкинъ. Болон. Пс. 216; ср. и 150—151).

Въ качествѣ „краткой“ формы служить въ Охридѣ вторая часть „полной“ формы *је*. Въ большинствѣ же прочихъ мак-

донскихъ говоровъ формою для вин. ед. жен. является пејла¹⁾ —ја(а), где [ј]а замѣняетъ среднеболгарское—ѧ (вм. ст.-болг. ѹ и ѵ). Въ качествѣ „краткой“ формы наряду съ ја употребляется въ иѣкоторыхъ говорахъ је. Такъ въ Костурской, Леринской, Битольской, Маріовской областяхъ. Примѣръ изъ Лерий. области: да је излѣкват; да ја излѣквам (Сбм. VIII, 160). Изъ маріовской: тревата да ја окосиш и да је свариш (Сбм. XVI XVII, 286) и др.

Въ отдѣльныхъ говорахъ съверо-западной и восточной Македоніи вм. ја— находится га,—сь г, проникшими отъ „краткой“ формы вин. муж. и сред. go. Такъ въ говорахъ положскихъ на съверо-западѣ. Но га въ этой мѣстности не представляетъ собою давняго и исключительного соотвѣтствія др.-ц.-слав мѣстоименію ѿ. Въ началѣ XIX в. въ Пологѣ употреблялась „краткая“ форма, этого мѣстоименія въ видѣ га и ја. На это указываютъ Кириллъ Пейчиновичъ и его земляки своими писаніями (см. подробнѣе во II т.). Не безызвѣстно ја и въ настоящее время положскимъ говорамъ (но отмѣчено только въ иѣсняхъ). На востокѣ Македоніи га употребляется въ Кукушской, Дойранской и Гевгелійской областяхъ; въ послѣдней отмѣчено га и а.

Что касается полной формы, то она естественно представляется сочетаніе безъ г: пејла. Но вслѣдствіе фактора аналогіи га отъ „краткой“ формы можетъ проникнуть и въ „полную“ форму, какъ вторая часть послѣдней. Такъ дѣйствительно произошло въ говорахъ Д. Полога: пега (Отчетъ 20). Въ началѣ прошлаго вѣка употреблялось тамъ еще пеја: ни у Кирилла Пейчиновича, ни у его земляковъ— современниковъ нѣть указаній на пега, хотя случаи употребленія ими этого мѣстоименія встрѣчались нерѣдко (подробнѣе во II т.). Къ югу отъ г. Кратова эта „краткая“ форма имѣеть гласный а. Съ такимъ же окончаніемъ она употреблялась въ первой половинѣ XIX в. и въ самомъ гор. Кратовѣ. Такъ, въ записи кратовца попа Михаила находится: кѹпи га [книгу], коі га украдне... (зап. будетъ напечатана въ отд. о хц. Іоакимѣ Кърч.). Записи болѣе поздняго времени указываютъ, что въ г. Кратовѣ и далѣе къ съверу употребляется уже иной гласный: и(у). Передъ гласнымъ находится г: ги. И „полною“ формой съверно-кратовскіе говоры

1) Въ Рѣсентѣ полная форма— пеја, п'а.

отличаются отъ прочихъ македонскихъ и сближаются съ говорами юго-восточной Сербіи: пита, пит. Такой видъ имѣютъ „краткая“ и „полная“ формы и въ сосѣднихъ говорахъ Кумановскаго и Прешевскаго округовъ и Скопскаго Черногорья. Единственно, въ чемъ можно замѣтить общность съ македонскими говорами,—это въ твердости начального согласного, развившагося въ мѣстоим. формахъ: ги, пита; макед. ga, пе[и]а. Но въ скопско-черногорскомъ и кумановскомъ говорахъ уже п': п'ега (вин. м. и сп.), п'иј, п'ита—п'ит. п' перешло и въ говоръ села Црешева, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ онъ еще удерживаетъ черты говоровъ скопско-велесскихъ. Разумѣется, п' и въ Прешевскомъ краѣ, какъ и въ другихъ областяхъ юго-восточной Сербіи.

Дат. ед. въ качествѣ „полной“ формы употребляется сочетаніе па+„полная“ форма вин., или же только пе[и]е (окрид.: пе[и]дзе),—форма, ясная по своему образованію. Какъ „краткая“ форма, въ большомъ распространеніи је, чѣмъ і. [i]i находится въ восточной части Македоніи. Такъ въ Кукшѣ, въ Маріовѣ (злѣсь і и је). Въ Гевгели і осложнено согласнымъ и: іп. Если [i]i не представляется затрудненія въ выясненіи ея (—вторая часть „полной“ формы, соотвѣтствующей др.-ц.-слав. іи), то не совсѣмъ ясна „краткая“ форма је. По всей вѣроятности, появленіе гласнаго e вызвано было вліяніемъ именныхъ формъ дат. ед. съ окончаніемъ на -e, не только сохранившимъ нѣкоторыми македонскими говорами въ именахъ на -и, но и перенесеннымъ на имена другого образованія. Такъ, въ Охридѣ не только — дај мајк'е, снае, стрїне, но и —таткбс-ти, стрикбс-ти, братбс-ти и т. п. Также въ Дебърскомъ краѣ: Мілке је дошол свршеникот; вуне и тѣтке донесол пѣнкиши, а майке ие; таткове, братове-си; братое-си. Въ сѣверно-кратовскомъ говорѣ и въ отношеніи формы дат. ед. отражается другое направленіе въ образованіи ея,—направленіе такое же, какое происходило въ говорахъ юго-восточной Сербіи: вліяніе твердыхъ мѣстонименныхъ основъ, вслѣдствіе чего появился гласный о: појже. „Краткая“ форма —ви. Отсутствіе мягкости при и еще до нѣкоторой степени сближаетъ сѣв.-кратовскіе говоры съ прочими македонскими. Но въ Кумановской, Прешевской областяхъ и далѣе къ сѣверу п': п'оже; „краткая“ —ви.

Характерной особенностью говоров южной и некоторыхъ центральныхъ областей является употребленје ти и для жен. р. Такъ въ костурскихъ, леринскихъ, битольскихъ, прилѣпскихъ, мегленскихъ, воденскихъ говорахъ. Нѣсколько примѣровъ. Костуръ (с. Бобишта): ..е викнале повтором бабицата, му дѣле пак єден прѣгач флориини и му рѣкле, кжто шо му рекбе и по-напре. Бабицата пак, кжто по-напре, отишла при чуپата и му рѣкла и т. д. (Книжици II, 52). Леринъ: и му вѣли на кобилата (Шапк. IX, 321); на змїјата не му рѣче (Шапк. IX, 323); царовата кѣрка направила кѣо шо беше заръчал татко му (Сбм. V, 146). Битоля: бтишла при мајка си и му кажала; мајка му ѵрѣкла (Шапк. IX, 300). Для Прилѣпа см. въ Сбм. XX, 22; для Водена: Сбм. II, 188; XVIII, 461. Въ тѣхъ же областяхъ му служить и для дат. множ. Прилѣпъ: да му кажуаат на граг'аните (Сбм. XI, 98). Мегленъ: и му рѣкъл на сел'аниту (Сбм. XV, 188). Битоля: да му прочит на жените (Сбм. XV, 378, Милетичъ). Леринъ: царо му рѣчи на ек'иците (Шапк. IX, 318); му нарачал на синойте (ib. 323). Костуръ: и се молѣле па Госпо да му [-имъ] дай ѿшо сака Госпо. (Шапк. IX, 335). Воденъ: он му[-имъ] рѣкъл: „нѣмам“, а бни му вѣлат... (Книжици I, 30; см. и въ Сбм. XVIII, 461).

Для именит. во множ. служать сочетанія *ti[i]je* и *ti[i]ja*. Области распространенія того или другого сочетанія соотвѣтствуютъ распространенію *vi[i]je*—*vi[i]ja*, хотя и не вполнѣ: въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ *ti[i]ja* употребляется при *vi[i]je*. Такъ въ Кратовской области. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ употребляется въ ед. он, она, оно, во множ. — оні.

Для винит. множ. служить въ качествѣ „полней“ формы *pi[ci]*—*pi[v]*. *pi* въ нѣкоторыхъ говорахъ (М. Рѣка) осложнено гласнымъ і, перешедшимъ отъ „краткой“ формы, вслѣдствіе частаго [см. ниже] употребленія сочетанія изъ двухъ формъ: „полней“ и „краткой“. Для „конъюнктиваго“ мѣстоим. служать і или *g*, съ *g* отъ формы ед. муж. и сред. Употребление двухъ звуковыхъ вариантовъ этого мѣстоименія свойственно многимъ македонскимъ говорамъ. Напр., въ Леринской области: фатил да ги оишва; да ти *gi* зѣват ѡвиците и полувицата ке ми и аризат на мене; два браꙑка се милнаа ибгу помег'у ии и *ii* напрѣви да се сбижат (Сбм. VIII, 160); въ Маріовской: и *g*'и излекувал тије...; сичко продаде и му и прати парите (Сбм. XVI—XVII, 286, 287) и др.

На юго-западѣ, въ Рѣсенѣ, Охридѣ, Битолѣ, Кичевѣ, въ качествѣ „полной“ формы винит. и „общаго“ падежа употребляется форма дат. піт, или осложненная гласнымъ і такого же происхожденія, какъ и въ пії.—за ним, во ними; а ними да и зѣгубит (Кичев. гов.; Сбм. XIX, зан.; Шапк. VIII, 224). зѣд-ними, преку-ними (Рѣсенъ. Псп. XL—XLII, 897). Появленіе піт въ вин.-„общ.“ пад: обязано вліянію аналогіи отъ ед. личныхъ мѣстоименій и обнаруживалось сначала въ часто употребляющихся двойныхъ формахъ мѣстоименій: „полной“ и „краткой“. Въ личныхъ мѣстоименіяхъ ед. ч. въ двойныхъ формахъ для вин. и дат. падежей находится общая часть въ „полной“ формѣ (*tebe-te* тѣпе-те; *tebe-ti*, тѣпе-ти). Подъ вліяніемъ этого совпаденія могло произойти объединеніе „въ полныхъ“ формахъ и для множ. ч. какъ въ личныхъ мѣстоименіяхъ, такъ и въ указат. *tjje-tija*. Перевѣсь могла взять полная форма дат. или вин. Такъ, въ охридскомъ говорѣ въ дат. множ. находятся слѣд. сочетанія: *pas-ni*, *vas-vi*—для дат.; *pas-ne*, *vas-ve*—для вин. Въ М. Рѣкѣ также обнаруживается смѣшеніе „полныхъ“ формъ дат. и вин. множ., но перевѣсь на сторонѣ дат.: *vam-ni*, *vam-ni*—для дат.; *vam-ne*, *vam-ve*—для вин. ¹⁾). Совпаденіе „полныхъ“ формъ для дат. и вин. множ. могло распространяться и на *tjje*. Въ говорахъ, знающихъ это совпаденіе, преимущество осталось за „полной“ формой дат. Такъ въ вышеуказанныхъ юго-западныхъ говорахъ (рѣсен., охр., кичев., битольскихъ).

Вмѣсто піт употребляется иногда піші. Это ис остатокъ прежней формы творительного пад. множ., но позднѣйшее новообразованіе. Появленіе конечнаго і вызвано вліяніемъ двойныхъ формъ для ед. ч. мѣстоименій личныхъ и указат. Въ вин. сд. личныхъ мѣстоим. окончаніе „полной“ формы и „краткой“ тожественны: *тѣпе-ти*, *tebe-te*. Для указательного же вторая часть „полной“ одинакова съ „краткой“ *go*: *nego-go*. Въ дат. ед. также обнаруживается тождество второй части „полной“ формы съ „краткой“: *пепи-ши*. Сходство окончанія „полной“ формы и „краткой“ въ винит., а для указат. и дат. ед. могло вліять на множ., вызывая

¹⁾ То же направленіе отразилось и въ павликіанскомъ гардѣи Дарь-дерѣ, на югъ Родопъ: *пам*, *vam* употребляются въ качествѣ формъ „общаго“ пад: *stъ пам*, *-(Miletié. D. Rhodopii. 95)*.

сходство окончаний „полной“ формы съ „краткой“: им. пі́-и, пі́м-і появились сочетания пі́-и-i, пі́м-і-i. Что действительно здѣсь і отъ „краткой“ формы вин., то на это указываетъ параллельное образование формы дат. множ. на съверо-западѣ Болгаріи: пі́м-gi, тgi или ngi (Сбм. XXV зап., XIX, 21; Мариновъ Ж Стар. II, 124). Такъ же въ иѣкоторыхъ говорахъ болгар. колоній въ Россіи: на gãtвinite im di (Державинъ. Болг. кол. II, 276).

Для дат. множ. служать формы пі́т или пі́ті („полныя“) и іm „краткая“. Двойная форма: пі́т-іm, или пі́ті-іm. Вм. „полныя“ формы находится иногда сочетаніе патформа „общаго“ пад., преимущественно въ восточныхъ говорахъ. Говоры, имѣющіе эти для дат. мн., указаны раньше.

Объ отношеніи формъ этого указательного мѣстоименія къ сосѣднимъ славянскимъ говорамъ можно замѣтить слѣдующее. Во всѣхъ формахъ обнаруживается общность въ новообразованіяхъ съ говорами болгарскими. Такъ, имен. ед. тоj, он, она, оно съверно-македонскихъ и юго-западно-болгарскихъ говоровъ находятся въ связи съ такими же формами въ сербскихъ говорахъ. Впрочемъ, они... находится и вдали отъ съвера Македоніи, на юго-востокѣ Македоніи,—въ Воденѣ, Гевгели.

ne[и]а - ne[и]е, ja-јe свидѣтельствуютъ еще о болѣе тѣсной связи съ болгарской языковой областью. Съверо-западное и восточное македонское га своимъ а также находится въ связи съ прочими говорами. г спорадически употребляется и въ говорахъ южно-моравскихъ: gu (Белић. Дијал. 412--413). Нельзя съ увѣренностью утверждать, что появление г въ положскихъ говорахъ находится въ зависимой связи съ развитиемъ г въ формѣ вин. жен. ед. въ южно-моравской діалектической группѣ: г въ этой формѣ могло развиться внутри отдѣльныхъ говоровъ указанной македонской области. И такое объясненіе наиболѣе вѣроятно. Такимъ же образомъ га развивалось и на востокѣ Македоніи, въ Дойранѣ, Гевгели, Кукушѣ, гдѣ о связи съ сербскимъ г въ gu говорить уже нельзя (въ этихъ говорахъ даже нѣть guska, а gъska; въ иѣкоторыхъ изъ нихъ отсутствуетъ и kuk'a: сохранено свое—kъšta). Встрѣчается гъ—ga и въ говорахъ восточно-болгарского нарѣчія (Miletić. Das Ostb. 192, 201, 250. Сбм. II, 240. Пен. XXXIX, 419).

Форма вин. муж.-сред. *него, го* выдѣляетъ македонскіе говоры отъ соѣднихъ сербскихъ и сближаетъ первые съ болгарскими.

То же надо сказать и о формѣ дат. ед. жен.; обобщенія гласнаго *о* отъ твердыхъ основъ, являющагося въ сербскомъ языкѣ вообще и въ ближайшихъ къ Македоніи говорахъ въ частности, македонскіе и болгарскіе говоры не знаютъ.

Форма именит. множ. имѣеть то же значеніе, что и именит. ед.

Формы дат. и вин. множ. не представляютъ данныхъ, которые указывали бы на ближайшее отношеніе македонскихъ говоровъ къ болгарскимъ или сербскимъ. Нѣкоторыя новообразованія въ этихъ формахъ свойственны не всѣмъ македонскимъ говорамъ, но отдельнымъ діалектическимъ группамъ. Независимо отъ соѣднихъ діалектовъ эти новообразованія и развились здѣсь.

Наконецъ, еще одна черта, общая въ македонскихъ и болгарскихъ говорахъ, заслуживаетъ упоминанія: отсутствіе мягкости при и во всѣхъ „полныхъ“ формахъ указат. мѣстоименія съ прежней основ. **jo-*. Въ сѣверной части, преимущественно въ сѣверо-восточной, приходилось не разъ отмѣтить ближайшее отношеніе къ говорамъ соѣднихъ областей юго-восточной Сербіи. Это въ областяхъ Кратовской (не всей, а въ г. Кратовѣ и къ сѣверу отъ него), Скопской Черной Горы, Кумановской: ср. формы мѣстоименій, указанныя раньше, и соответствующія имъ въ юго-восточной Сербіи.—Но въ Кратовѣ все же находится и (не и') въ „полныхъ“ формахъ указанельного мѣстоименія.

Во всѣхъ говорахъ Македоніи, какъ и Болгаріи, употребляются „краткія“ формы дат. ед. и мн. *ti, ti, si, ni, vi*, а также указан. *ти, и(je), im* вм. формъ притяжательныхъ мѣстоименій *твоj, tvoj* и т. д.

Замѣна мѣстоименія притяжательного посредствомъ личнаго, „краткою“ формою (*Conjunction*) дат.-род., представлена и другими восточно-балканскими языками: греческимъ, румынскимъ и отчасти албанскимъ. Въ этихъ случаяхъ форма дат.-род. *Conjunction* употребляется энклитически при существительномъ, находясь въ тѣсномъ сочетаніи съ нимъ. При сочетаніи прилагательного съ слѣдующимъ за нимъ именемъ форма дат.-род. личнаго („краткаго“) мѣстоименія

именія находится за прилагательнымъ. На то, какъ тѣсно притягиваетъ энклитика къ имени или глаголу,—при послѣднемъ можетъ находиться и проклитика, — свидѣтельствуетъ такая передача этихъ сочетаній въ писаніяхъ старыхъ книжниковъ: форма имени или глагола съ „конъюнктнымъ“ мѣстоименіемъ передаются въ написаніи, какъ одно слово. ср. въ Дидаскалії: *Воуѣ. ѡ та юѣтѣает; Аѣр. єдѣ тѣмоозбѣуџ* 160. Ср. въ болг. *и* (вин. мн.), а въ алб. въ одномъ написаніи переданъ и союзъ, соотвѣтствующій болгарскому *да* (*te*), и мѣстоим. *и* (*te-i->i*) и глаголь. Въ изобиліи такія передачи встречаются и у другихъ книжниковъ. Напр. у Кирилла Пейчновича: *майкамъ*, рица *майкинамъ*; испрѣтитего и др. (подробнѣе во II т.). Также у старыхъ румынскихъ книжниковъ: *сінемѣ* [*cine-mă*] *goniă*, *ajutoriumi* [*ajutoriu-mi*] *sii* (16 в.) и др.¹⁾.

Въ н.-греческомъ вообще прежнія формы притяжательныхъ мѣстоименій утрачены. Только въ отдаленныхъ каппадокійскомъ и понтийскомъ діалектахъ представлены эти формы²⁾. *ὁ πατέρας μου. ὁ ἀδελφός τοῦ. τὰ παιδιά μας... ὁ πιστός μου φίλος.*

Въ румынскомъ языкѣ формы притяжательныхъ мѣстоименій существуютъ. Но, кромѣ этихъ формъ, въ значеніи притяж. мѣстоименія въ народныхъ говорахъ употребляются „краткія“ формы дат. личнаго мѣстоименія.—Въ современномъ литературномъ румынскомъ языкѣ такое сочетаніе не часто встречается.—Аром. *frate ni. hoarais*³⁾, *fatsa ts din trăndăfilă. luludzli n', bunlu n', cfendiā ts*⁴⁾. Дако-рум.: *în minte-mă*; *prin mîna-ї*; *în urmă-ї*⁵⁾.

Какъ видно, форма дат. Conjunct. мѣстоименія энклитически находится при существительномъ. Но въ аромунскомъ и дако-румынскомъ формы этихъ мѣстоименій находятся въ такомъ же положеніи и при глаголѣ. Аром. *va ni skoate vestulu*⁶⁾. Д.-рум. *bună să-ї fie înima, cum îi căutătura*⁷⁾.

1) H. Tiktin. Zur Stellung der tonlosen Pronomina u. Verbalformen im Rumänischen. „Zeitschr. f. rom. Phil.“. IX, 595.

2) A. Thimb. Handbuch d. n.-gr. Volksspr. 63.

3) Weigand. Die Spr. d. Olympo-Walachen. 78.

4) Weigand. Aromunen. II. 14, 254, 260.

5) Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. XIV 55.

6) Weigand. Die Spr. d. Ol.-Walach. 78.

7) Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. XIV. 55.

Въ албанскомъ языке образование формъ, служащихъ въ качествѣ притяжательныхъ мѣстоименій, не ясно. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ возникли несомнѣнно въ связи съ Conjunct. личныхъ мѣстоименій. Таковы формы, соотвѣтствующія русскимъ 1) „мой“, „моя“, 2) „вашъ“. 1) im[ɛ] (èm, i (j)èm) — м., i me (eme, e (j)eme) — ж., — формы, образованныя, какъ прилагательныя: i+, „краткая“ форма личного мѣстоименія дат.-вин. m[ɛ]. 2) juaj (jûj, i jûj) — м., juaj (jûj, e jûj) — ж., — образованныя подобно первымъ: i+уај — м., e+уај — ж.; и, ю — „краткія“ формы дат.-вин. для 2 мн. ¹⁾. Притяжательные мѣстоименія въ албанскомъ языке находятся за существительнымъ. Но при нѣкоторыхъ именахъ родства притяж. мѣстоименіе предшествуетъ этому имени ²⁾.

toj, taſſla, toa-too-tè[i]ja.

Во всѣхъ говорахъ Македоніи форма именит. муж. имѣеть гласный *o*. Съ тѣмъ же гласнымъ это мѣстоименіе находится уже въ Савиной книгѣ (то), не знающей *o* вм. *ъ* въ другихъ положеніяхъ (В. Н. Щепкинъ. Разсужденіе о яз. Савв. книги, 100). Гласный *o* въ этомъ мѣстоименіи (тои) представляютъ и ранніе среднеболгарскіе памятники независимо отъ судьбы „сильнаго“ *ъ* въ языкахъ ихъ. тоj свойственно и современнымъ говорамъ не только юго-западнымъ, но и восточнымъ. На сѣверѣ Кратовской области находятся элементы другой діалектической группы — юго-восточной Сербіи: тъj, taj, но и тоja. Для средн. р. наиболѣе распространена въ Македоніи форма toa, развившаяся изъ болѣе раннаго тоua. Охридское тоо также предполагаетъ предшествующее toa: а ассимилировалось съ предшествующимъ лабіализованнымъ гласнымъ: ср. здѣсь и другіе случаи oa→о, напр., sekоš—sekоđ; вм. sekоaš—sekоđglaš. ³⁾.

teja свойственно мало-рѣканскому говору.

овоj--ovaј ovja(ov'a), ova[i]ja -ova, ovoa (ovoо)—ova -ove[i]ja. -опоj -опај -оп'a, опа[i]ja -опа, опоа (опоо)- опа- опе[i]ja. Употребленіе формъ имен. муж. съ *o* или *a* въ основѣ не разграничено по діалектамъ. Часто въ одномъ и томъ же говорѣ употребительны оба сочетанія: ср. записи и описанія

¹⁾ Pekmezj. Gram. 136.

²⁾ Weigand. Alb. Gram. 62, 64.

³⁾ oa→о знаютъ и нѣкоторые другие говоры. Напр., въ Рѣсенѣ (Пис. XLII—XLIII, 888; здѣсь и—ao →oo: бог дооѓда тоj прости. ив. 885); такъ же въ болгарскомъ селѣ Стениче: коa и коđ; тоотil ив. тоотil - тоуtjaril (Мицало I I, 72).

леринскихъ, рѣсенскихъ, прилѣпскихъ, велесскихъ, щтипскихъ говоровъ.

о основы формы муж. обязано вліянію формы *тој*. Что касается *а*, то онъ представляетъ результатъ вторичнаго измѣненія *въ*¹⁾. Въ Кратовѣ *овъј*, *опъј*.

Въ разныхъ областяхъ Македоніи, преимущественно—на сѣверо-западѣ и востокѣ, находится для муж. ед. *овја-ов'а*, *оп'а*. Происхожденіе этой формы, какъ замѣтилъ и А. Беличъ (Дијал. 422), могло быть двояко: 1) *у* и *и* оказались передъ *ја* вслѣдствіе утраты редуцированнаго гласнаго на мѣстѣ *ъ передъ *ј*; 2) *ја* присоединилось къ формамъ *ов*, *оп*, которая давно уже передъ *тѣмъ* утратили конечный *ь*. *пј+гл.* обычно въ македонскихъ говорахъ измѣнялось въ *п'*, а въ сочетаніи губ. согл.*+и+гл.* удерживался *и* или онъ ассимилировался съ смягченнымъ губнымъ (ср. о замѣнахъ **-ије-а*).

Множеств. ч. Во множеств. существуетъ одна форма для трехъ родовъ: *и[i]е*, *ови[i]е*, *опи[i]е* или *ти[i]а*, *ови[i]а*, *опи[i]а*.

Въ охридскомъ говорѣ при *тије* имѣются *дије* и *ди'е*, т. е. *је* присоединялись къ основѣ на согласный *-v*, *-и*, но не на гласный *-и* (*-vi*, *-ni*).

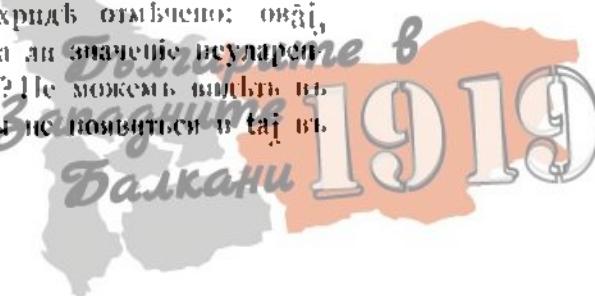
Въ отдельныхъ говорахъ Македоніи нерѣдко встречаются формы мѣстоименій *оп...*, *ов...* безъ начального гласнаго *о*.

Въ отношеніи формы *тој* македонскіе говоры издавна объединяются съ болгарскими гласнымъ *о*. Исключеніемъ, давнимъ или позднимъ, являются сѣверно-кратовскіе говоры, примыкающіе въ этомъ отношеніи къ сосѣднимъ говорамъ областей на сѣверѣ.

Образованіе формы для множ. ч. единственої для 3 родовъ, тожественно въ македонскихъ и многихъ болгарскихъ говорахъ въ особенности юго-западныхъ.

Въ сосѣднихъ съ македонскими говорахъ юго-восточной Сербіи форма им. множ. различна для каждого рода: 1) *ти-тија* *м.*, *те-теј-теја* *ж.*, *тај-таја* (ср. 2) *ови-овија* (*-је*) *м.*, *овеј-овеја* *ж.*,

1) Намъ неясны условия сохраненія *а* въ этой форме. Кроме того, *и* вм. *и* не совпадаетъ со вторичной замѣной *и* въ отдельныхъ говорахъ (ср. леринскіе, рѣсенскіе, а также охридскіе; въ Охридѣ отмѣчено: *овјај*, *опај* (а—редуцир.; а. Изв. на сем. III, 251.) Не выѣда ли значеніе исчулареніеность слововъ въ этомъ образованіи со вторичнами *и*? Не можетъ ли *опај*, *опај* отраженіе сербскаго вліянія: почему бы не появиться въ *тај* въ такомъ случаѣ?

3) опі-опіја м., опé - опéj - опéја ж., опá - опáj - опáја ср. Въ южной части южно-моравского діалекта Брокъ отмѣтилъ тіја для муж. и ср. (Dial. 107).

Наконецъ, отмѣтимъ значительное распространение [u]-v въ мѣстоименныхъ формахъ послѣ гласного о въ говорахъ Македоніи и Болгаріи. Напр., то[у]а — общемакедонское (за исключениемъ дебърского teја); опògova, ovògova (М. Рѣка) и др. Въ юго-восточной Сербіи tova, опова... встречаются лишь въ небольшой области, пограничной съ Болгаріей.

Числительные.

éden (136, 140), восходящее *једынь (См. у Б. М. Ляпунова: „Изслѣдованіе“. 165, 286). То же образование представляютъ и другие македонские говоры,— представляютъ издавна, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ ранніе среднеболгарскіе памятники, относящіяся къ Македоніи. Только въ восточной полосѣ Македоніи имѣется иное образование— съ -in: edin: въ Воденѣ (адин), Кукушѣ (адин и едін;— Сбм. XVIII, 439; Книжици I, 30), въ Струмицѣ („Македонія“ III, № 31 'едїгу). въ солун. с. Киречк'ой и Н. Селѣ (един: Книжици II, 40; Rad, кн. 145, стр. 126; Oblak. Mac. St. 81); въ Дойранѣ (един: Шапк. IX, 370). Но и въ восточной Македоніи такихъ говоровъ немното. Уже въ солунскихъ говорахъ (въ с. Вардаровци) jědèn (Oblak. Mac. St. 13). Въ Мегленской области, въ діалектическомъ отношеніи примыкающей къ Кукушской,—адéн (Сбм. III, 190). Даље къ съверо-востоку—также съ -en. Даже въ такихъ областяхъ, какъ Радовишъ и Малешово, находящихся въ тѣснѣйшей связи по чертамъ говора съ сосѣдними областями юго-западной Болгаріи, гдѣ [i]едін и [i]едéн, имѣются образования на en: едén — једéн (Радовишъ: „Караџ“. I, № 11, III, № 5; Сбм. XI, 63. Малешово: Новини II, № 48). Въ Штипѣ также —едéн (Сбм. XI, 587 и зап.). О Кратовѣ Ефр. Караповъ (кратовецъ) замѣчаетъ: „един, еден, едън се употребляватъ безразлично“. (Псп. V, 122).

éдна (128, 132--2 р.). éдно (178).

О dva-dve, ќeš была рѣчь раньше.

četiri 178. Въ одномъ случаѣ съ утратой і послѣ t: čétri sta 180. Съ конечнымъ гласнымъ і это числительное известно и прочимъ македонскимъ говорамъ.

Въ числительныхъ 11—19 второй частью является пасет.

Сочетанія для „11“, „12“, „13“, „15“, „16“ переданы слитно: *éteuáη[η] вм. ε̄ζετ* (у Лика—*etenáeset*, 401), *ðuðuá-εset*, *triuáeset*, *petuáeset*, *zzeszuáeset* (179). „14“, „17“, „18“, „19“ раздельно: *t̄etirη uáeset*, *zétoúu uáeset*, *ðsoúu uáeset*, *tézet uáeset* (179). Въ составъ формъ для числительныхъ 20–60 входитъ—*-eset*, какъ вторая часть сочетанія. *ðráeset*, *ðráeset* ḡ *étuš...*, *tríeset*, *t̄etiržeset*, *péteset*, *azetzeset* (179–180). Передача „60“ нѣсколько отступаетъ отъ указанного образования: она примыкаетъ къ предшествующему числительному „50“—*pedeset*; по аналогіи къ нему появилось и *šedeset*. *-deset* находится въ одномъ случаѣ и въ „40“: *četsrdeset* 132. *-deset* (а не *-eset*) объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ, что предшествующее сочетаніе оканчивается согласнымъ (*г*), а не гласнымъ (ср. выше объ утратѣ *d* между гласными). Для „70“, „80“, „90“ служить форма для „7“, „8“, „9“ *+deset*. *zétoúu tézet*. *ðsoúu tézet*, *tézet tézet* (180). „200... 900“ переданы посредствомъ „2... 9“ *+sta*: *ðréesta*, *tríesta*, *t̄etir̄ estā*, *péstā*, *zzéz estā*, *zétoúu estā*, *ðsoúu estā*, *tézet estā* (180–181). „1000“—*χilusta*; „2000“—*ðré yilusta* 181. (О звуковомъ значеніи сочетанія *-juz-* см. выше). „1000000“—*milióu*—*milión* 181.

Членъ.

Во^лгáріхъ Дидаскаліи, какъ и другіе болгарскіе говоры, знаетъ членныя формы въ условіяхъ употребленія ихъ. Окончаніемъ членной формы именъ и мѣстоименій муж. р. въ ед. ч. является—отъ: брманот, брелот, пётокот, мадриот и др. (см. выше). Для членныхъ формъ жен. р. окончаніемъ служитъ-та: мечката, лисицата 118, на пролета 124, глáвата 136, тфбіата кўк'а 144 и др. Въ среднемъ р. членныя формы оканчиваются на-to: житото 130, зрецето 162, и зрецесо 163; по опечаткѣ съ вм. т.

Употребление -то находится въ зависимости отъ предшествующаго гласного. Ср. формы множ. на 'е—је: крѣл'ето спрѣстрени 124, сноп'ето 164. Но—зѣл'ета 117,—сочетаніе, имѣвшее значеніе, м. б., множ. ч., какъ въ аромунской и албанской параллеляхъ: зѣ́ртъ (dz)ηї.з (аром.), лѣ́жртъ (алб.).

Имеется одинъ примѣръ съ -то въ муж. р.: зѣтото 160. Если такая форма дѣйствительно существовала въ живомъ говорѣ, то окончаніе -о въ -зето- появилось по аналогіи къ именамъ родства на -о: дедо, чичо. Но скорѣе всего -зетото- явилось въ Дидаскаліи вслѣдствіе того, что составитель болгарской параллели ея нерѣдко смѣшивалъ категоріи рода, въ особенности муж. и сред.: вѣтрото 165, гѣвранот јет цѣрио 125, во грѣбъ нѣво 171, чѣлот 139, нѣбот 139, хѣрот 176, замѣзенъ мѣстото 174 и др.

Во множ. ч. членныя формы оканчиваются на -те для мужскаго и жен. и -та ср.—харамѣте 145, суднищите, пашаїте 146; рѣк'ите, рѣбите 116; тѣфи|їте работы 136¹); лѣцата 145; сфер'ата 117.

О -т въ формахъ множ. на 'е(ie) сказано выше.

Формы съ постпозитивнымъ членомъ извѣстны также языкамъ албанскому и румынскому. Сравнительный анализъ употребленія членныхъ формъ въ болгарскомъ, румынскомъ и албанскомъ языкахъ представленъ въ работе Д. Михова: „Die Anwendung des bestimmten Artikels im Rumänischen, verglichen mit der im Albanesischen und Bulgarischen“. „Jahresber. d. Inst. f. rum. Spr.“ Bd. XIV,²).

Членная форма мѣстоименія цѣль. Интересные указанія на судьбу членной формы для мѣстоименія цѣль предстаиваютъ говоры Македоніи. Если не во всѣхъ изъ нихъ, то въ нѣкоторыхъ несомнѣнно, сочетанія, въ составъ которыхъ входила форма этого мѣстоименія и формальная часть членной формы (-t, -ta...), утратили значеніе, свойственное членной формѣ, и -t является въ этихъ формахъ просто согласнымъ, оканчивающимъ форму муж. р., -ta—форму жен. р и т. д. Сочетанія съ -t, -ta, -to, -te (-ti)—это единственная форма для муж., жен. и ср. р. ед. и мн. ч. этого мѣстоименія. Только замѣна прежней формы ср. ед. цѣле имѣть во всѣхъ говорахъ се. Но это сочетаніе употребляется при слѣдующихъ опредѣленныхъ условіяхъ (не чередуясь съ „съго“, „сето“): когда оно имѣть 1) абсолютное значеніе (опшіѧ—пѣнта) или 2) адвербіальное значеніе (рус. „всё“). 1) Како шчѣ имам?—Сѣ имам (Велесь.

1) чѣрѣтъ 178;—э вм. съ попадо такъ же, какъ и въ бѣрѣзъ.

2) Данныя говоръ, въ особенности болгарскихъ, мало использованы, что отрицательно отразилось на нѣкоторыхъ положеніяхъ.

Сбм. V, 148), се им избрело (Велесь. Сбм. V, 171). йзеде се (Битоля. Сбм. XV, 91). 2) облекал ѡарцките јалишта] се [всё] у злато. да ѡдин се [всё] со тоба д'ете (Леринъ. Сбм. V, 144, 146). ако не се думаш за ийшчо, а само за то, шо трёбит (Охридъ. Сбм. XVI-XVII, 345). Затъмъ 3), когда за се слѣдуетъ *що* (*то, что*) или другое мѣстоименіе или нарѣчіе, тѣсно примкнувшіе къ *се-* и *'утратившиe* въ этихъ сочетаніяхъ самостоятельное значеніе, представляя одну форму съ *се-*. се-шко ѹмаме ни ѹзгоре (Велесь. Сбм. V, 172). се шо заварил (Леринъ. Сбм. V, 142). *đđ үтбїт ѹзгоре* *уđ* *џаројрїхът* *ї* *зз* *этъ*. (Конецъ предлож. Каюцае. Сбм. XV, 379). *зđ* *сэ-хакъро* *т҃аре* (ib. 381). Но когда „што“ или другое мѣстоименіе сохраняетъ самостоятельное значеніе, тогда употребляется „сего“: сёто шо трёбеше (Охридъ. Сбм. XVI—XVII, 345). Нарѣчіе „секъ[а]де“. Также въ нарѣчныхъ сочетаніяхъ употребляется и замѣна цъса: санош, сагодина (ср. стр. 107). Но въ обычныхъ условіяхъ употребленія этого мѣстоименія находятся формы съ т. Эти формы не препятствуютъ употребленію членныхъ формъ находящихся при нихъ существительныхъ. — ѹзгорел диванот сёјот (М. Рѣка. Изв. на сем II, 283). съти пътиштата (Леринъ. Сбм. V, 146). *зїте* *зэлишо*, *зїте* *зэлиште*; *зїте* *тїз* *узмојрїте* (Каюцае. Сбм. XV, 379). На югъ и востокъ формами для мѣстоим. цъва служать сочетанія „сът“, „съта“, „съто“ „съто“ „(съти“); —ср. стр. 107. Самый видъ этихъ сочетаній (для муж. ед. „сът“) могъ затемнять значеніе этихъ формъ, какъ членныхъ. Дѣйствительно, для нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ можно указать несомнѣнныя данныя, свидѣтельствующія, что эти сочетанія не имѣютъ значенія членныхъ формъ. Ср. въ леринскомъ говорѣ форму множ. съ окончаніемъ *и* (-ти), не *-е* (-те), какъ это свойственно членной формѣ множ. —съти нѣгови л'уѓ'e, л'уѓ'ата съти си разотишле. царо заповедал от съти градове да излезе. съти плачки (Сбм. VI, 168, 166). И еще ясное указаніе на то, что сочетанія сът, съта.. не чувствуются, какъ членныя формы: когда нужно выразить опредѣленное значеніе, свойственное вообще членной формѣ, за сът... употребляются обычныя формальныя принадлежности членной формы. Такъ въ леринскомъ говорѣ: той знае сът тоба мемлекет. Но—царо собрал сътио народ (Сбм. VI, 164, 168).

Аналогичный процессъ „морфологической абсорпции“¹⁾, „переразложения“²⁾, состоящий въ отнесеніи формальныхъ принадлежностей членной формы къ формѣ имени (или мѣстоименія), въ раствореніи этой принадлежности въ формѣ имени (или мѣстоименія) съ утратой значенія, свойственного этой принадлежности, былъ пережитъ въ отдѣльныхъ словахъ романскими языками, а также албанскими и греческими діалектами. Таково происхожденіе исп. *lorrío* (лат. *opium*), франц. *lierre*, ст.-фр. *uerre* (лат. *hedera*) и др.³⁾. Алб. *tjaetëz*, *tjetëz* – другой вм. *të-jatëz*, *të-jetëz*⁴⁾. Греч. ὅμαιλος вм. ὁ μαῖλος, ὅρτος вм. ὁ ωρτός. γῆ (τῆς γῆς) вм. η γῆ и др.⁵⁾.

Всѣ указанные до сихъ поръ случаи растворенія членныхъ элементовъ въ формѣ имени относятся къ препозитивному члену. Только въ одномъ словѣ Г. Мейеръ указалъ на подобное явленіе и по отношенію къ постпозитивному члену: въ мадьярскомъ *alakot*, представляющемъ заимствованіе изъ румынского: *alacu-l* (полба): „der einzige mir bekannte Fall von Anschnielzung des postpositiven Artikels“ (Zur neugr. Gr. 23). Но этотъ единственный примѣръ не достаточно показателенъ, ибо отмѣченное заимствованіе слово не опредѣляется еще, что и въ томъ румынскомъ діалектѣ, откуда взято оно, морфологическая граница, какъ исчленной формы, проходила за -il, и послѣднее звуковое сочетаніе не чувствовалось въ значеніи принадлежности членной формы. Македонскіе говоры цѣлой категоріей мѣстоименія, замѣнившаго прежнюю членную форму для именъ, представляютъ указаніе на раствореніе постпозитивного члена въ предшествующей формѣ.

Членныя формы муж. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій. О діалектическихъ областяхъ, имѣющихъ i или ī передъ -ot[], говорилось выше (стр. 92). Въ отдѣль-

1) Терм. Н. В. Крушинского: „Лингвистич. замѣтки“, „Р. Ф. Вѣт.“ 1880, № IV, 54.

2) Терм. В. А. Богословскаго: „Этюдъ по психологии рѣчи. „Р. Ф. Вѣт.“ 1882, 145.

3) Diez, Gram. der Rom. Spr. I (1856), 191. W. Meyer-Lübke, Gram. d. Rom. Spr. I, 356.

4) G. Meyer, Alb. Gram. 28. Pekmezj. Gram. 149. N. Jokl, Studien zur albanes. Etymologie u. Wortbildung. Wien. 1911, 93 (изъ Sitzber. Bd. 168).

5) G. Meyer, Zur neugriech. Grammatik „Alaeota Graeciensis“, Graz. 1893, 6 сава.

ныхъ говорахъ Македоніи изрѣдка встрѣчается -ја вм. -о[т], заканчивающаго собою членную форму прилагат. Например., Леринъ: тѣтковија пријатель (Шапк. IX, 327). Д. Пологъ: постариот син ми [i]се у медж'удија, а другија син ми [i]се дбома (Отчетъ 26). Такое же расхожденіе съ членной формой существ. наблюдалось и въ иѣкоторыхъ говорахъ западной Болгаріи. При этомъ важно замѣтить, что членная форма прилаг. на -ја оканчивается преимущественно въ прилагат. притяжательныхъ, при окончаніи -о[т] въ другихъ случаяхъ. Такое различіе въ окончаніи член. прилагат. иѣкоторыми говорами проведено послѣдовательно. Полагаемъ несомнѣннымъ, что -ја въ членной ф. прилагат. македонскихъ и западно-болгарскихъ говоровъ по своему происхожденію не находится въ связи съ образованіемъ членной формы существ. муж. ед. Именно, это -ја представляетъ собою частицу, которою очень часто распространены формы мѣстоименій, въ особенности личныхъ, указат. и притяжательныхъ: пїја, тоја или тїја (на с.-зап.)—м. ед., тоја—м. ед. и др.—Подробнѣе объ этихъ формахъ прилагат. говорится во II томѣ. (Тамъ же и о другихъ окончаніяхъ членныхъ формъ).

Глаголъ. Настоящее время.

Форма 1 ед. оканчивается на -ат въ глаголахъ всѣхъ основъ. Предшествующій согласный во всѣхъ основахъ—твѣрдый. Только согласный I въ прежнихъ основахъ на -і (и -је?) сохранилъ мягкость. -ймам 133, 137, 138; ѡпитивам 181, продаам 138, дотаїсам 137, макам 131, зѣмам 133, чѣкам 131, чўам 138; влѣзам 138, не се слѣзнам 161, поминам 137, к'иснам 131, не мбжам 140; вѣрдам 138, ѡзвадам 140, нѣсам 132, пѣлиам 131, чѣнам 138, фѣрл'ам 132, 136, к'упам 132, ѡбѣгд 136, тѣт ѡриам 140.

Окончаніями для формы 2 ед. служатъ -аš, -иš, -еј. Первое изъ окончаній употребляется въ глаголѣ -имаš и въ глаголахъ съ новой основой на -а (въ прежникъ на -аје, -ије). -сѣ свойственно глаголамъ съ. прежней односложной инфинитивной основой на i, у: *biti, *riti, *myti, *kгуti... Къ формамъ, восходящимъ къ этимъ глаголамъ, присоединились формы глагола *sъратi. Форма 2 и 3 ед. для этого глагола оказалась односложною (spiš, -t) съ гласнымъ i, который

сталь восприниматься, какъ гласный корни, вслѣдствіе чего наступило уравненіе формъ наст. вр. этого глагола съ формами для глаголовъ *biti, *myti... (bi-eš | sp̄i-eš...) То же окончаніе (-eš) получила и форма для прежняго глагола *žeti, представляя въ основѣ сочетаніе žpi-¹-žđri-: žpi-eš.

-iš находится въ прочихъ глаголахъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно вытѣсняется и окончаніе -aš, хотя этотъ процессъ обобщенія окончанія -iš слабо обнаружено въ говорѣ Дидаскалии: -iš вм. -aš засвидѣтельствовано немногими примѣрами; кромѣ того, на-ряду съ -iš употребляется и форма на -aš въ тѣхъ же глаголахъ.

-aš: ýmaš 147; dáš -- dávaš 171, 128, bostaš 164, rájъltaš 169, ne gléaš 149, žvákaš 169, žákopashaš 171, ýgraš 176, sákaš 153, týrkashaš 141, téraš 151; k'ýnisash 127, kálešash 129, teliósash 136, se výsaš 175; 'Роф. žižđiš².

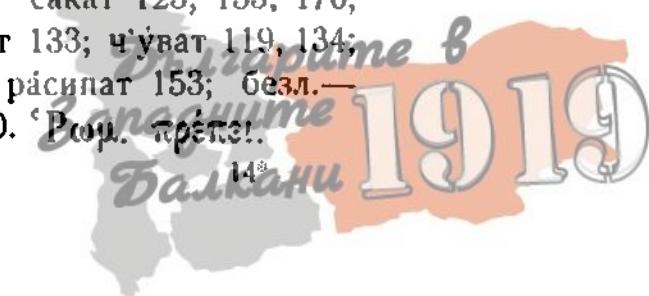
-eš: býesh 140, 143, ýzmiesh 155, piéš 170, pokrish 154, shýesh 127, 152; snyesh 169, jñiesh 175.

-iš, se moliš 127, ýsušiš 175, lúbiš 135, pobetiniš 136, se pôsteliš 135, pôstiš 128, pûstaš 129, slûžkiš 128, xódiš 174, fátiš 135; bériš 127, 177, býdiš 127, 159, mbožiš 128, pômôjiš 128, nájdiš 159, oblicheš 152, 178; bôstaniš 169, rásk'iniš 177, se sôpniš 152, stániš 164; véiš 165, ózdravniš 141, se óslabiš 170, se ýumiš 149, jádiš 170 и др.

-iš | -aš: se zémash 150, —zémiš 170, 173; kláash, 'Роф. žájđiš³, 143, 149, 164, —kláiš, 'Роф. žájđiš 173, 174, 177. Двойственность окончанія въ формахъ указанныхъ глаголовъ вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что раньше въ говорахъ эти формы при определенныхъ условіяхъ могли имѣть разное образованіе, восходя къ основамъ на -e: zeme—(zemíš), klade—(kla[d]iš) и къ основамъ на -a съ и, позднѣе утратившимся: zemua—zema—(zemaš), kladua—klaa—(klaaš). se užalviš 144, —по аналогіи съ—ужалиш. Подъ вліяніемъ двойственности окончанія въ такихъ глаголахъ могло появиться и—се rádviš 144.

Въ 3 ед. -at—it употребляются въ тѣхъ же условіяхъ, при какихъ находятся aš—iš для формы 2 л.

-at: ýmat 123, 141, 148, 162; dávat 130, 153; výkat 121, ýsterat 168, se térat 148, ránisat 150, sákat 123, 133, 176; se ýrivate 174, prókopat 176, se lékfat 133; ch'uvat 119, 134; mírisat 148; ýzvaat 148, létat 124, rácipat 153; bezl.—прилегат—подобаетъ, 126, 141, 166, 170. 'Роф. préte!

-it: бблит 139, 140, се вайдит 139, се вірдит 134, дайфрит 124, исущит 153, л'утит 146, мачит 146, рашит 125, 126, седит 123, 168, 171, сирит 169, стбит 168, се страмит 175, умирит 170, чинит 119, 126, 137, берит 126, билит 182, влезит 153, върнит 164, донесит 142, зайдит 148, идит 139, 168, мѣтит=мететь (143), бстанит 149, сечит 154, 155 (2р.), се стресит 174; всит 165, пеит 123, угреит 147, траит 152, јадит 126, 133, 134 и др.

-at | -it: -зёмат 167,—зёмит 142 (2р.); се искипвит 152; ужалвит 150.

Синонимъ: бстанвит. застанат 123.

побегнат 147 съ -ат: вм. ит. Также, м. б. отк'инам 137, если только это сочетаніе не представляеть образованія на -[и]а-.

Имъются двѣ формы 3 ед. безъ -t: *цѣлѣн--меѣлдзи* 169, падни 165 (на 153—паднит). Отсутствіе -t не представляеть недосмотра, а отражаетъ соотвѣтствующее явленіе говора: при формахъ 3 ед. на -t изрѣдка употреблялись и формы безъ t. То же наблюдается и въ современныхъ юго-западныхъ македонскихъ говорахъ.

Форма 1 множ. оканчивается на -те (-ате, -ите [-ете]): имаме 130, 156, 157; сакаме 156, отк'инаме 137, пли наме 137, живиме 121, зёмиме 181, донесиме 162, стечиме 182, дѣйржиме 181, молиме 181, седиме 181, носиме 157, обесиме 155, чешлиме 156; не піеме 133.

Въ формѣ 3 множ. Диадаскалія обнаруживаетъ, что въ ся болгарскомъ говорѣ еще не установилась опредѣленная передача этой формы. Она имѣеть окончанія -ает, -аат и -ат и въ одномъ случаѣ -ет. Если окончаніе -ат развилось непосредственно изъ -аат, то можно полагать, что въ формахъ съ -ат а имѣло въ нѣкоторыхъ случаяхъ долготу, и въ отношеніи ударенія этотъ слогъ шель, какъ двухслоговой. Такъ можно бы объяснить—излѣзат 118, 168, если мѣсто ударенія обозначено вѣрио. Но въ другихъ трехсложныхъ сочетаніяхъ удареніе показано на 3-мъ слогѣ: донесат 120, се пайдуат 117, не отлепат 144, прилегат 178, работат 118 и др.

Употребленіе окончаній -аат, -ат и -ает не связано съ видомъ основы: нерѣдко формы для однихъ и тѣхъ же глаголовъ имѣютъ различныя окончанія.

Согласный передъ каждымъ изъ этихъ окончаній яв-

ляется твердымъ. Только I въ прежнихъ основахъ на -je и і имѣеть мягкость (ср. Г въ формѣ 1 ед.).

-aet: арѣает 162, се бѣраст 143, бѣдаст 151, 159, бол'аст -пѣласт 141, вѣрдаст 163, гаѣаст 146, глѣдаст 172, се жѣнаст 163, зѣкол'ает -зѣхол'ает 173, избрасает 172, излѣгваст 149, излѣзает 146, їмаст 161, 172, се иск'їнаст 152, иснѣдаст 163, јадает 133, 162, пѣјадает 162, кѣраст 160, кѣдаст 145, кѣлнаст 172, лубает 160 (2 р.) се мѣаст 155, мѣжает 163, се мол'ает -зѣмѣласт 143, омѣкаст 134, пѣднаст 172, пѣсаст 162, пѣчаст 130, прѣдаст- прядутъ (145), рѣстаст 163, сѣкаст 130, сѣает 122, слѹшаст 123, 161, стѣїжет 125, се стрѣмаст 161, се ублѣджаст 131, чѣдаст 154, чїнаст 131, 173, фтѣсаст 173.

-aat: бѣгаат 142, викаат 130, влѣзаат 126, глѣдаат 163, зѣмаат 122, излѣгваат 148, їмаат 119, 122, 167 (2 р.), 172, 173, нѣмаат 120, копаат 138, кѹпаат 130, покрываат 166, прѣстаат 129, рѣдаат, расѣпаат 119, рѣдаат 123, угѣтиваат 146, се фѣштаат 122, 121, 115, фѣлаат 120, фтѣсаат 131 (2 р.); пѣдаат 124, пѣсаат 121, браат 122; пѣаат 122; вѣраат 131, пѣсаат 121, рѣстаат 121, не сѣдаат 122, хѣдаат 122, чинаа[т] 126.

-at: бѣрат 119, дѣват 119, имат 163, се пѣдуат 117, прѣлегат, 'Роф. ѿриѣзъ' 178 (прѣлегат- въ ед., въ смыслѣ „подобаетъ“, см. выше; 'Роф. прѣпе!'); рѣботат 118, рѣзибират 124, пѣят 146, тхѣїжт 145, топливат 134, єриват 154, фѣштат 156, бѣдат 156, 174, донесат 120, излѣзат 118, 168, не бѣлепат 144, рѣдат 123, фѣрл'ат 157, хѣдат 144, се јадат 118.

Неясна передача згѣїжат вм. згї[у]їжат, 'Роф. сїпогути' 164.

Въ одномъ примѣрѣ употреблено окончаніе-ет: се гоjet -зѣ хѣїст 162.

Одинъ разъ встрѣтилась форма безъ -i: чїнаа 126.

Др.-ц.-слав. види.

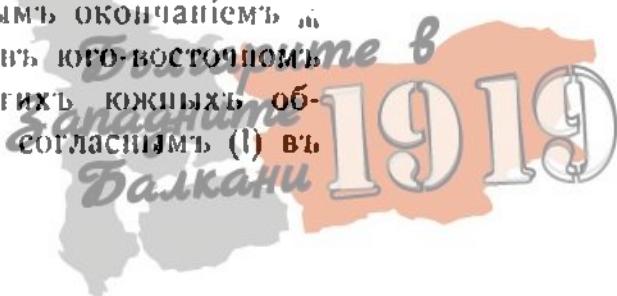
сум	[сме?]
си	[сте? сфе?]
jet- јет -je	се.

По исторіи формъ 1 ед. и 3 мн. сдѣланы въ послѣднее время цѣнныя указанія В. Н. Щепкинымъ (Болон. Пс. 170-186). Но о нѣкоторыхъ македонскихъ областяхъ въ очеркѣ В. Н. Щепкина не имѣется никакихъ свѣдѣній. Таковы области Кичевская, Положская, Скопская,—области поименѣе

изучения. Ниже дополняем обзоръніе глагольныхъ формъ 1 ед. и 3 мн. данными и этихъ говоровъ, иѣсколько видоизмѣнившими діалектическую группировку, предложенную В. Н. Щепкинымъ. Имѣющійся діалектическій матеріаль позволяетъ сдѣлать иѣкоторыя дополненія и по отношенію къ діалектамъ, указаннымъ В. Н. Щепкинымъ.

Насколько позволяютъ судить памятники старо-болгарскіе и средне-болгарскіе, измѣненія, переживавшіяся болгарскими и македонскими говорами въ области формъ 1 ед. и 3 мн., находились въ неразрывной связи въ тѣхъ и другихъ говорахъ. Къ тому же заключенію приводить изслѣдователя и обзоръніе современного состоянія въ отношеніи этихъ формъ. Въ говорахъ Болгаріи и Македоніи въ к. XII-го, въ XIII в. формы 1 ед. имѣли слѣдующій видъ: *настъ, дѣянъ; келъ, мелъ, храни, тавъ, горѣ; илам, гладаіам* или *гладаіаш*. Появленіе *ж* вызвано фонетическимъ измѣненіемъ *и* послѣ *л*, *р*, *и* по направлению къ *ж*. Тогда же въ тѣхъ и другихъ говорахъ появляются вызванныя аналогіей формы *настылъ са, илѣкѣтъ, кидкисъ, сирандъ*—въ Норовской Псалт., восточно-болгарского происхожденія (Щепкинъ. Бол. Пс. 171). О такомъ же измѣненіи основы свидѣтельствуетъ и Добрѣйшово Ев., отражающее черты говоровъ, близкихъ къ сѣв.-македонскимъ: *ѣноустъ, сѣмъ са, пыросъ, приходъ* (Бълг. Стар. I, 88, 186, 196). Утраты въ этихъ формахъ результата отъ прежніго измѣненія **stj*, **sj*, **tj*, **dj* вызвана уравненіемъ съ видомъ основы, съ ея послѣдними согласными, въ формахъ для прочихъ лицъ. Дальнѣйшее измѣненіе въ формахъ 1 ед. во всѣхъ говорахъ Болгаріи и Македоніи состояло въ вытѣсненіи замѣны средне-болгарскаго *ж* замѣной гласнаго *и*, т. е. переносъ этого окончанія отъ глаголовъ *настъ, дѣянъ...* на всѣ прочіе, кромъ глаголовъ съ основою *ва -а*, старого и новаго происхожденія: *илам, гладаіаш* (при діалектическомъ *гладаіамъ*). Въ однихъ говорахъ глаголы типа *мелъ-мелъ* сохраняли мягкость согласнаго, предшествовавшаго окончанію; въ другихъ мягкость этого согласнаго утрачена, не фонетически, а по аналогіи съ тѣми же глаголами, откуда пришло и новое окончаніе,—типа *настъ..* Говоры съ сохраненіемъ мягкости согласнаго передъ новымъ окончаніемъ *и* (*а*) находятся въ восточной Болгаріи, въ юго-восточномъ углу Македоніи и въ иѣкоторыхъ другихъ южныхъ областяхъ послѣдней. Говоры съ твердымъ согласніемъ (*l*) въ

молъ (ъ, а) — въ западной части восточной Болгаріи (въ западныхъ Балканахъ и въ Средней горѣ), въ иѣкоторыхъ еракійскихъ мѣстностяхъ, въ западной Болгаріи и Македонії. Во многихъ македонскихъ говорахъ къ окончанію *ж* (его замѣнѣ) присоединился согласный *т*, перенесенный отъ основъ на *-а¹*). Говоры съ окончаніемъ на *-а* (безъ- *т*) занимаютъ въ Македоніи юго-западная и съверо-западная области: Костуръ, Леринъ, Рѣсенъ, Стругу, Дебъръ (и у міяковъ Крушова). Для послѣднихъ двухъ областей (и для крушовскихъ міяковъ) В. Н. Щепкинъ отмѣчаетъ колебаніе: при формахъ на *-а* находятся и на *-ат* (Бол. Пс. 179). Но то же колебаніе наблюдается и въ другихъ указанныхъ областяхъ, хотя во всѣхъ этихъ говорахъ, за исключеніемъ леринскаго, формы на *-ат* въ меньшинствѣ. Костуръ: земам, нафѣрлам („Новини“, 1890, № 5; с. Жупе); также у Шапк. (ІХ, 336): сакам да се жёнам. Леринъ: бдам, откбам, кунам, вیدам и т. д. (Сбм. VIII, 160-161). Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ горно-рѣканскомъ селѣ Нивица форма 1 ед. также оканчивалась на *-ат*. Въ записи игумена Герасима, происходившаго отсюда,—се моламъ (Уставъ. Хлуд. собр. № 122). Кромѣ того, слѣдуетъ указать, что говоры, имѣющіе *-а* (при рѣдкомъ *-ат*), продолжаются дальше къ съверу. Такъ, въ кичевскихъ говорахъ форма 1 ед. оканчивается на *-а* и изрѣдка на *-ат*: см. обширная записи изъ с. Цѣрска (въ Сбм. XIX), въ діалектическомъ отношеніи принадлежащаго Кичевской области, и въ самомъ Кичевѣ: научи, доїда, зёма, се јава, но- чинам (Сбм. II, 186). Къ съверу отъ кичевскаго окружія, въ Порѣчье, формы на *-а* и *-ат* употребляются уже смѣшанно: залуба, разбуда, раста, припраа, гора; чинам, палејам, избелам, кунам, одам, идам, прѣм, женам („Караџ“. III, № 5). Къ съверо-востоку отъ Порѣчья и Кичева, въ области Велесской, также *-а*. Въ гор. Велесѣ *-ат*²).

3) во не подъ вліяніемъ сербскихъ формъ на ін---еи, какъ пода-
гаєтъ В. Н. Шенкінь. Потому бы не утверждая и гласному основы передъ
и, на сербской манеръ, какъ это случилось въ небольшой съвериої поносе
Македонії и въ западной Болгарії?

2) Ср. замѣтките Боджієва: «Глаголите 1-во и 2-ро спряженіе у 1-во лице, наст. врем. [Ізив, пакъ], съ числомъ, у по-всѣхъ бѣдъ на нашите села, а наѣмнаго у по-далечиннѣ отъ градотъ, окончаваатъ на -и и -я, а не -акъ и -а на сѣ въ Ведесѣ, на -амъ и -ямъ. Така нашиятѣ речовици метамъ, неямъ, държамъ, судамъ и пр. селашите ни ги произнесуятъ: мета, нея, държа, суда и пр. (б. Нен. гор. I, кн. IX-X, 25).

Къ съверу отъ дебърской М. Рѣки, въ сосѣднихъ говорахъ Гоr. Полога, формы 1 ед. на -а: жала, прозбора: села Никифорово, Врутокъ (Стояновъ. 80, 84). Въ другихъ говорахъ Г. Полога и нѣкоторыхъ Дольняго эта форма оканчивается на -ати: кѣжам, рѣчам: с. Стенче (Минало I 1, 72) и пѣкоторыхъ другихъ (Отчетъ 32).

Въ говорахъ небольшой съверной полосы Македоніи, въ Д. Пологъ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кратовскаго округа, форма 1 ед. оканчивается на гласный основы (а, с, і) + т. Д. Пологъ: ѹмам, викам, можем, зѣмем, ѹзгребем, кбем, чුем, кѣжуем, блабсаем, идем, бсолим, улоим, тѣчим... (Отчетъ 21; Псп. XXXIX, 426, 427; Стояновъ. XIII, XX). Въ нѣкоторыхъ говорахъ па-ряду съ такими формами встрѣчаются и формы на -ам: идем, отморим, земем, но и -дойдам, земам, слезам (Стояновъ, XIII, XV); бидем, не смејем да носам, земам (Сбм. XI, 52, 54). Говоры Кратовской области и въ формѣ 1 ед. неоднородны. Въ селахъ къ югу отъ Кратова она имѣть образование такое же, какъ въ сосѣднихъ скопско-велесско-штипскихъ говорахъ (-ат, при рѣдкомъ--ем: кажуем. Лесново. Минало I 1, 78). Въ съверной и восточной частяхъ Кратовской области форма 1 ед. оканчивается на гласный основы + т. Въ говорѣ гор. Кратова также употребителыны формы такого образования. Но чаще здѣсь окончаниемъ является -и (-ат въ основахъ на -а: имам, питам): зему, преврату, готову, кладу, речу, обричу, буду, не можу да га дою, чую. См. въ Сбм. IV, 318—319; бПсп. XI—XII, сПсп. V записи и замѣчанія¹⁾. Форма наст. 1 ед. на гласный основы + т употреблялась въ Кратовѣ и въ XV-мъ в.: въ записи дьяка Дмитра Кратовскаго молимъ, боудемъ (Рум. Муз. Собр. Григоров. № 1707). Говоры д.-положскіе и кратовскіе, имѣющіе форму 1 ед. съ окончаниемъ на гласный основы + т, отличаются отъ территоріально близкихъ къ нимъ говоровъ Скопской Черной Горы. Примѣчательно, что и говоръ села Црешева, находящагося на старинной межѣ съ черногорскими селами, не знаетъ окончанія и, а представляетъ тѣ же сербизмы въ этомъ отношеніи, какіе отмѣчены для нѣкоторыхъ кратов-

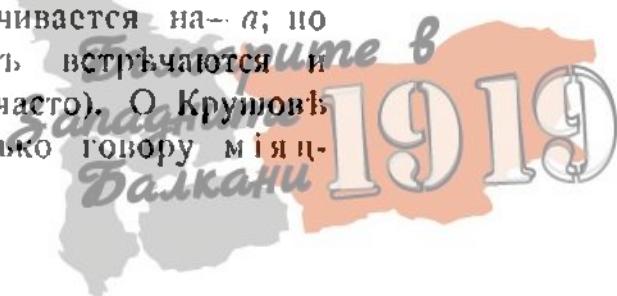
1) Въ записи кратовскаго уроженца Ефр. Карапова (Псп. V) мы видимъ случаѣ находятся: кѣс то неконам и кѣс то направам (116). Не исключено, что рѣдкіе варианты формы, несоответствующіе формамъ 1 ед. въ обычной разговорной рѣчи. Ср. и другую некратовскую черту: то им. га.

скихъ и отдаленныхъ д.-положскихъ: форма 1 ед. оканчивается на гласный основы †т. Въ Скопской же Черной Горѣ эта форма оканчивается на -и (у): туру, куту, ожену, прау, нѣспију, иђу, виђу, пашу (Насеља III, зап.; Етн. Зб. VII 508). Рѣже встречаются образованія съ окончаніемъ на глас. основы †т: напраим (Чучеръ. Насеља III, 493).—Основы на -а всегда, конечно, на -ат: имам, питам. Въ началѣ прошлаго вѣка въ Скопской Черной Горѣ формы 1 ед. употреблялись въ такомъ же видѣ. Въ „Жизнеописаніи Митрополита Охридо-Пловдивскаго Натаанаила“ (Сбм. XXV), уроженца черногорскаго села Кучевишты (Кучевисты), находится нѣсколько фразъ на языкѣ населенія этого села. „Е, мой синко! кете изпратю, да те не видю цѣлу годину“,—слова отца Недѣлка (Наанаила); „ке ти отспѣту язичето“,—слова его дяди (стр. 7, 8); „иѣма всеке да те видью“,—слова матери Недѣлка (стр. 12). Но и---„ке те жалим“,—слова отца (12).

Въ отношеніи формы 1 ед., оканчивающейся на -и (у), говоры скопско-черногорскіе и кратовскіе (г. Кратова) раздѣляютъ общиа явленія съ говорами кумановскими, прешевскими (Хц.-Василь. I, II) и южно-моравскими (Broch. Dial; Белић, Дијал.), имѣющими то же окончаніе, хотя и непослѣдовательно проведенное, замѣняемое нерѣдко другими, болѣе поздняго происхожденія элементами: гласный основы (с, і) †т. Формы такого образованія появились подъ влияниемъ другого нарѣчія, раньше развившаго это образованіе. Въ Скопскую Черную Гору, Кратово и Д. Пологъ формы на гласный основы (е, і) †т пришли не съ юга, изъ Македоніи, а съ сѣвера и сѣв.-запада.

Въ западной Болгаріи форма 1 ед. имѣеть или общеболгарское образованіе, на -а, или на гласный основы †т (О нихъ у Щепкина: Бол. Пс. 177--178; ср. и цитировавшіяся записи).

Итакъ, обозрѣніе формъ 1 ед. въ македонскихъ говорахъ позволяетъ намѣтить слѣдующую группировку. На юго-западѣ, на западѣ и сѣверо-западѣ и въ соѣдниихъ областяхъ центральныхъ,—въ Костурѣ, Леринѣ, Рѣсенѣ, Дебрѣ, М. Рѣкѣ, Крушевѣ—у міяковъ, Кичевѣ, части Гор. Полога, Велеса,—форма 1 ед. оканчивается на -а; но изрѣдка въ тѣхъ или иныхъ областяхъ встречаются и формы на -ат (въ леринской области часто). О Крушевѣ надо замѣтить, что -а свойственно только говору міяц-

каго населенія. У бърсяковъ Крушова уже въ XVII в. эта форма оканчивалась на—*ат*, какъ и въ сосѣднихъ бърсяцкихъ селахъ. Такъ, въ письмѣ изъ Крушова 1637 г. находятся:—моламъ, чинамъ, седамъ, щамъ,—разумѣется и пишувамъ (Минало I 3, 291—293).

Далѣе къ востоку и съверу отъ западныхъ говоровъ находятся говоры, имѣющіе форму I ед. съ окончаніемъ—*ат*. Но и этимъ говорамъ не чужда форма на—*а*. Ес можно наблюдать въ Битольской (Шапк. IX, 299, 300), Маріовской (Псп. XLVII, 809, прим. 2) областяхъ, въ малешовскомъ селѣ Пехчовѣ („Новини“, II, № 48) и въ нѣк. другихъ. Присутствіе здѣсь формъ на *-а* понятно: эти говоры находятся между говорами, имѣющими форму на *-а*: съ одной стороны западные предѣлы Македоніи, съ другой области юго-западной Болгаріи.

Въ окраинныхъ областяхъ съвера отражается вліяніе сербскихъ говоровъ,---вліяніе, не для всѣхъ этихъ окраинъ тожественное въ отношеніи времени воздействиія и направленія, откуда оношло. Такъ, въ д.-положскихъ говорахъ форма I ед. имѣеть образованіе на гласный основы *и-и*. Также въ нѣкоторыхъ съверно-кратовскихъ говорахъ. Но въ самомъ Кратовѣ, затѣмъ въ Скопской Чернай Горѣ форма I ед. оканчивается на—*и(у)*, т. е. имѣеть то же образованіе, какое свойственно говорамъ Кумановскаго и Прешевскаго округовъ и области южной Моравы. Образованіе на гласный основы *и-и*, общераспространенное въ сербскихъ говорахъ, известно также въ указанныхъ областяхъ. При этомъ, въ говорахъ южно-моравскихъ это образованіе вытѣсняетъ собою образованіе съ окончаніемъ *-и(у)*.

Несомнѣнныи сербизмъ въ македонскихъ говорахъ представляется форма *к'-и*, *и-и-к'-и*, или *к'-и-т*, *и-и-к'-и-т*, известная во всѣхъ краяхъ Македоніи.

Какъ и въ формахъ I ед. во всѣхъ говорахъ Болгаріи и Македоніи переносилось окончаніе—*а* (его замѣна) въ формы, имѣвшія въ средне-болгарскую эпоху окончаніе *а*, такъ и въ формахъ 3 мн. происходило въ такомъ же направлениіи объединеніе въ гласномъ окончаніи. Только въ юго-западной и южной части Македоніи это объединеніе совершилось въ иномъ направлениіи,---отъ глаголовъ, имѣвшихъ окончаніемъ средне-болгарское *и-т*. Что касается качества предшествующаго согласного, то сохраненіе или утраты мягкости въ большинствѣ говоровъ соотвѣтствуетъ тому же явленію

въ формѣ 1 ед., но не во всѣхъ: Г въ формѣ 3 мн. (koғat, а также вторичное Г въ mol'at) находится и въ иѣкоторыхъ изъ говоровъ—molat. Такъ въ Штипѣ, Струмицѣ (Щепкинъ. Бол. Пс. 181).

Въ восточной и западной Болгаріи развились окончанія, одинаковыя для всѣхъ основъ: тѣ -at: mol'at—molat, vikat. Такое же образованіе свойственно формѣ 3 мн. и въ говорахъ восточной Македоніи, напр. въ Струмицѣ, въ Солунскомъ краѣ. Съ -at (nesat, imat, vikat) имѣются эти формы и въ говорахъ Кукуша (Сбм. XVIII, 463), Меглена (Сбм. III, 190), Водена (Сбм. XVIII, 464). Встрѣчается -at въ основахъ на -a и на юго-западѣ. Такъ, въ рѣсенскомъ говорѣ at изъ āt—aat. Такжѣ въ западно-битольскомъ Крушевѣ: əzat, əd'zat (Сбм. XV, 379).

Въ области срединныхъ македонскихъ говоровъ также является -at; но въ основахъ на -a имѣется -aat: iŋaat, vikaat. Приближительную западную границу этихъ говоровъ В. Н. Щепкинъ опредѣляетъ косой линіей — Велесъ, Прилѣпѣ, Битоля. Далѣе на западѣ -at, -aat господствуютъ въ Рѣсенѣ. На югъ то же окончаніе свойственно леринскому говору. На востокѣ эта область доходитъ приблизительно до Струмы (Бол. Пс. 181). Но такое определеніе западной границы at—aat—говоровъ требуетъ значительного измѣненія: и въ дальнѣйшихъ областяхъ къ сѣверо-западу господствуютъ формы 3 мн. на at—aat. Въ областяхъ Крушова (не у мѣковъ, а у бѣреяковъ; земат—въ письмѣ 1637 г.), Кичева, Порѣчья, Полога, Скопья форма 3 мн. оканчивается на -at и -aat въ осн. на -a. (Записи). Наблюдаются и слѣдующее явленіе: -aat употребляется въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ основахъ на -e, -i. Напр., въ Прилѣпѣ: ədaat и ədat (Сбм. XX, 28); въ с. Цѣреко: фырлат (Сбм. XIX, 109); такъ, кажется, и въ говорѣ потурченцевъ въ Кичевской области (Материалы по изучавшему на Македоніи. 475).

Въ иѣкоторыхъ говорахъ, имѣющихъ формы 3 мн. на at—aat употребляются изрѣдка формы безъ т. Такъ, наприм., въ областяхъ Битольской („пливци во вода илива“ „Карашинѣ“. II, № 5), Прилѣпской (Сбм. XX, 26, прим.), Маріовской (Сбм. XVI—XVII, 288, 289; Iсп. XLVII, 811), Велесской (Сбм. III, 218, прим. 4). Въ рядѣ случаевъ отсутствие т. находится въ связи съ слѣдующимъ согласиемъ. Это ясно изъ такого

примѣра: измѣните да поїда да го земат (Маріово. Сбм. XVI—XVII, 288). Въ говорахъ Тетова и д.-положскихъ сель формы безъ т употребляются смѣшанно съ формами на т (Отчетъ 21—22 и зап.).

Съ другой стороны, уже въ бассейнѣ Вардара, а не Струмы, находятся говоры, имѣющіе западно-болгарскій типъ образования формы 3 мн. Такъ, въ Штипѣ (карат, терат, проглѣсват, закопат. Сбм. VIII, 239—243; IX, 208); въ южнократовской области (пуштат. Сри. Книж. Глас. № 133, стр. 208), въ Мегленѣ (штат. Сбм. III, 190), въ Гевгели (преранувац, тѣркат. Шапк. IX, 344, 341), въ Дойранѣ (карат. ib. 374), Кукушѣ (Сбм. XVIII, 463), Воденѣ (вѣкат, йграт. Сбм. II, 188).

На юго-западѣ, въ Костурскомъ краѣ, объединеніе звуковыхъ элементовъ въ формѣ 3 мн. происходило въ другомъ направлениі: аналогія шла отъ формъ съ среднеболгарскимъ л (соответствовавшимъ ст.-болгарскому л и ь) и распространялась на формы съ л (основъ е/о, пе/но). Въ результатахъ стало употребляться только одно окончаніе e, перешедшее даже въ основы на -л: nese, mole, gore, vike.

Къ сѣверо-западу, въ области Охрида и Струги, аналогія дѣйствовала также отъ формъ на -лт (-т присутствуетъ), но дѣйствовала болѣе сложнымъ путемъ. По аналогіи mole, goret стали произноситься neset. Въ основахъ на -а тематической гласный былъдержанъ: vikaet, imaeat. Подъ вліяніемъ послѣднихъ формъ стали произноситься moleet, neseet. Затѣмъ и формы на -ael подчинились вліянію moleet, neseet, и окончаніе -eet смѣнило собою -aet. Такое объясненіе предложено Л. Милетичемъ (Сбм. XV, 384) и В. Н. Щепкинымъ (Бол. Пс. 180). Въ дальнѣйшемъ -eet замѣнились посредствомъ eet, -et, -et. Послѣднее окончаніе является обычнымъ въ Охридской области. Но сохраняются еще и болѣе раннія стадіи съ -eet, -et; изрѣдка встрѣчается и -aet въ основахъ на -a. -sákeet и -sákaet (Шапк. VIII, 78, 84). вѣкает (ib. 136).

Далѣе на сѣверо-западѣ, въ Дебърскомъ краѣ, аналогія исходила такъ же, какъ въ Костурѣ и Охридѣ, отъ формъ на -лт. -et находится въ основахъ на -e, -i. Въ основахъ на -a тематической гласныйдержанъ: imaeat, vikaet; neset, molet. Въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 272) происходило и дальнѣйшее измѣненіе: проникновеніе гласного основы въ окончаніе 3 мн.: molit. Дебърскія формы 3 мн. свойственны

и говору крушовскихъ міяковъ. Замѣтимъ, что крушовскіе міяки находятся въ ближайшемъ діалектическомъ родствѣ съ міяками мало-рѣканскими, а не съ міяками западныхъ краевъ Добра. У крушовскихъ міяковъ форма 3 мн. въ основахъ на -i оканчивается на -it: жалит, одит (Сбм. XV, 164). Ср. такое же образованіе этой формы въ основахъ на -i въ м.-рѣканскомъ говорѣ. Но въ западномъ и южномъ Дебрѣ форма 3 мн. въ основахъ на -i оканчивается на -et: storet, odet---на юго-западѣ, въ Кленѣ; mislet, bolet---на съверо-западѣ, въ Обоки (Oblak. Mac. St. 112).

Процессъ въ образованій формы 3 мн., распространение окончанія -e[t] на счетъ -a[l], переживавшееся въ говорахъ костурско-охридско-дебрѣрскихъ, захватывалъ и близкіе говоры юго-западной части Битольского округа. Въ Кахоуадѣ *За сѣлата пѣтіюжко* (1851 г.) еще имѣются формы на -aet: *зѣ улѣзает*, *зѣ поузаєт* (Сбм. XV, 379); имѣются 2 примѣра и на -eet: *ձѣтіюзает*, *ձѣтіюзует* (ib. 379, 381). Въ одномъ случаѣ находится -et: *үѣ լѣзет*, при обычномъ *үѣзает* (ib. 379). Формы на -aet, -eet и -et въ говорѣ Кахоуадѣ, какъ видно, представляютъ собою рѣдкіе варианты. Обычно формы 3 мн. оканчиваются на -at и -aat. Употребленіе этихъ окончаній не всегда связано съ видомъ основы: -aat не только въ основахъ на -a, но и на -i(и -e?): *իցատ*, *զայзат* и *քարձատ* (ib. 379 — 380). Окончаніе -at въ свою очередь находится и въ основахъ на -a: *բակատ*, *ձաբատ*, *հացատ* (ib. 379).

Итакъ, по свидѣтельству Кахоуадѣ, въ юго-западной части Битольского округа, куда относится этотъ памятникъ по чертамъ своего языка, къ половинѣ XIX в. господствовали формы 3 мн. на -at, -aat. Появившись здѣсь подъ влияниемъ сосѣднихъ съверо-восточныхъ говоровъ, эти формы почти совсѣмъ вытѣснили прежнія образованія на -aet, -eet и въ основахъ на -a, и -et въ основахъ на -i и -e.

Дидаскалія представляетъ цѣнныя данныя для исторіи формъ 3 мн. Въ ией -aet употребляется не только въ основахъ на -a, но и въ другихъ случаяхъ,—явленіе, уже неизвѣстное современнымъ говорамъ Македоніи (по крайней мѣрѣ, никогда до сихъ поръ не отмѣченное). Изъ предыдущаго изслѣдованія ясно обнаруживается, что *Возіјараха* Дидаскаліи и по фонетическимъ и по морфологическимъ измѣненіямъ относится къ центральнымъ македонскимъ говорамъ вообще и въ частности къ западнымъ предѣламъ ихъ,—

шь западно-битольской области. На то же діалектическое происхождение тѣс *Војводицѣ* указать и дальнѣйшее обнаружие морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей ея. И въ этой части Македоніи, по свидѣтельству Дидаскаліи, отражался процессъ распространенія -et на счетъ -at. Процессъ остановился на стадіи, какую представляютъ говоры дебърскіе: -aet, -et. Но уже къ половинѣ XVIII в. здѣсь обнаруживаются слѣды сильнаго вліянія,шедшаго отъ говоровъ сѣверо-восточныхъ мѣстностей, имѣвшихъ формы 3 мн. на -aat (иъ осн. на -a) и -at. Пришлиые элементы почти совсѣмъ вытѣснили -et. Въ цѣлой Дидаскаліи встрѣтился только одинъ примѣръ съ -et: *чшет*—*гоjet*, если несчитать общезападно-македонской формы *се[с]ж(t)*. Устойчивѣе оказались формы съ основами на -a: -aet. Это окончаніе не только не утратило къ этому времени, но, смѣшившись съ инодіалектическимъ окончаніемъ -aat (*vikaet*, *vikaat*), распространилось на пришлия образованія съ -at: *nosat*, *storat* | *nosaet*, *storaet*. Конечно, въ первое время держались и прежнія мѣстныя формы на -et: *neset*, *storet*. Не могли раствориться въ -aet и инодіалектическія образованія на -aat, at: *vikaat*, *nesat*, *storat*. При наличии *vikaet* и *vikaat* стали произноситься при *nesaet* и *nesaat*, при *storaet* и *storaat*. Образованія на -et вымирали. Ослабѣвали и формы на -at, хотя все же онѣ были сильнѣе формъ на -et: -at употреблялось не только въ основахъ на -c, -i, но заходило и въ основѣ на -a. Въ послѣднихъ это окончаніе могло развиться и вм. -aat. См. выше-приведенный материалъ изъ Дидаскаліи.

Къ какимъ говорамъ примкнуль въ дальнѣйшей жизни, въ теченіе XIX в., говоръ Дидаскаліи въ отношеніи формы 3 мн.—къ битольско-прилѣпскимъ или къ охридскимъ, дебърскимъ? Повидимому, къ битольско-прилѣпскимъ.

Подобно тому, какъ въ формѣ 1 ед. сѣверно-кратовскіе и скопско-черногорскіе говоры находятся въ связи съ говорами Кумановской и Прешевской областей и южной части юго-восточной Сербіи, такъ и въ формѣ 3 мн. обнаруживается то же отношеніе: она оканчивается на гласный основы ¹-v¹). Кратово: питав, берев, молив... (Сбм. IV; бПсн. XI—XII, сПсн. V). Черная Гора: питав, паднев, йдев, пасев,

¹) Говоры южно-кратовской области и по формѣ 3 мн. примыкаютъ къ прочимъ македонскимъ, въ частности штипскимъ говорамъ.—седат, видат, чинат, лѣлат, пуштат (Срп. Књиж. Глас. № 133, стр. 208; Минало I, 76).

лаев, кажуев, зборив (Насеља III, зап.; Ети. Зб. VII, 507, 508). Для Куманова и Прешева см. записи у Ху.-Васил. I, II. Для юго-восточной Сербии (преимущественно въ области между Враней и Лесковцемъ) у Брока (Dial. III, 142), у Белича (Дијал. 156-160, 514-515).

По въ XIV в. въ говорахъ Кумановской области форма 3 мн. наст. оканчивалась на *у*: до кого дойдоу сиѣ книге— въ зап. Радниа изъ с. Нагоричина (Отч. Рум. М. за 1876—78 г. 9).

Въ некоторыхъ сѣверныхъ д.-положскихъ селахъ форма 3 мн. наряду съ формами, оканчивающимися на *а[т]*, *а[т]*, имѣются и такія образования формы 3 мн.: за гласнымъ основы слѣдуетъ гласный *и* (*у*), не перешедший еще въ *в-* *у*: береу, ореу, писеу, песне поюу (с. Теарце. Отчетъ 22).

-и и -и (*w*) послѣ гласного основы въ формахъ 3 мн. слышатся и въ указанной области южно-моравского діалекта.

2. 3 ед. Дѣйствіе аналогіи отразилось и на формахъ 2 и 3 ед. Но направлениe, въ какомъ дѣйствовала здѣсь аналогія, было не одинаково для всѣхъ македонскихъ говоровъ: въ однихъ (въ большинствѣ) она исходила отъ основъ на *и*, въ другихъ отъ основъ на *-е*. Иногда даже въ одномъ и томъ же говорѣ направлениe аналогіи для формы 2 л. отличалось отъ направленія для 3 л.: при обобщеніи —*и* во 2 л. утверждалось *-е* въ 3 л. Но это рѣдкое явленіе.

Имѣющійся діалектологический материалъ позволяетъ намѣтить слѣдующія группы по формѣ 2 и 3 ед.

На сѣверо-западѣ и сѣверѣ Македоніи, затѣмъ въ юго-восточномъ углу ея сохранено прежнее образование этихъ формъ въ отношеніи тематического гласнаго: 2.—глас. основы (*á*, *é*, *i*) *ѣ*; 3.—глас. основы *| Н |*. Это области дебърской М. Рѣки, (но не Дримкола, Голо-Бѣрда, Джупы и Поля), Гор. и Дол. Пологовъ, Скопья, Велеса, Солуня. Напр., М. Рѣка: *пѣгаш*, *мѣгеш*, *сѫшиш* (Изв. на сем. II, 271). Пологъ: *викаш*, *мѣжеш*, *фѣрлиш* (Отчетъ 21. Исп. XXXIX, 421 и др.); Скопье: *ѣтеш*, *мѣжеш*, *нѣ знаеш*, *бдиш* (Сбм. XI, 110, 111; Минало I 1, 70, 71) и др.

Въ прочихъ македонскихъ говорахъ на формахъ 2 и 3 ед. отражается въ томъ или иномъ видѣ дѣйствіе аналогіи. Но форма отъ основы на *-а* осталась во многихъ изъ этихъ говоровъ незатронутой аналогіей и оканчивается на *-а[т]*, *а[т]*: *їмаш*, *їма[т]*, *vikaš*, *vika[т]*. Но на востокѣ, въ Кукушѣ, Мегле-

Бъльшите въ
Балканахъ 1919

и въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ нимъ, аналогіи подверглась и эта форма: *vikiš*, *vike*.

Форма 2 ед. на -iš (вм. -eš и -iš) развита говорами въ южныхъ, центральныхъ и восточныхъ областяхъ Македонії: *pletiš*, *rečiš*, *vikniš*, *imeiš*, *moliš* и т. под. Такъ 1) въ Костурѣ, Корчѣ, Рѣсенѣ, Охридѣ, въ западныхъ и юго-западныхъ дебѣрскихъ краяхъ: въ Джупѣ, Дримколѣ, Голо-Бѣрдѣ, Полѣ; въ Кичевѣ, Битолѣ, Прилѣпѣ, Маріовѣ; 2) Леринѣ, Воденѣ, Кукушѣ, Мегленѣ.—Записи и описания.

Въ послѣднихъ четырехъ областяхъ сочетаніемъ iš оканчиваются формы и съ основой на -a: *vikiš*. Происхожденіе -iš въ кукушско-мегленскихъ и воденскихъ говорахъ было иное, сравнительно съ -iš въ говорахъ южныхъ и центральныхъ: кук.-мегленское и воденское -iš возникло не по аналогіи, а вслѣдствіе измѣненія неударенного e въ i, явленія, свойственнаго этимъ говорамъ. На то, что въ этихъ говорахъ окончанію -iš въ основахъ на -i, -e предшествовало -eš указываютъ формы съ -eš въ ближайшемъ къ воденскому говору Острова (см. ниже).— Но въ конечномъ открытомъ слогѣ неудар. e произносится какъ с. Кук.: вичёра, кáмин, жинàт-му, болин, тéлito. Воденъ: никóлку вичéри, ричé, си отимнилу, юмíту (Сбм. XVIII, 433—434). Мегленъ: миглéниц (Сбм. IV, 187), юмиту, никóлку време (Сбм. III, 190). Но кукушско-мегленское *vikiš* обязано, конечно, аналогіи.

Въ южныхъ и центральныхъ говорахъ, имѣющихъ формы на -iš и -aš, представлено еще одно окончаніе -eš, послѣ гласного і односложной основы: *riſiјeš*, *bíſiјeš*, *viſiјeš*, *kriſiјeš*, *spíſiјeš*, *žviſiјeš*.— По говорамъ -eš находится и послѣ другихъ гласныхъ: *greeš*, *recš*, *stoeš* (напр. въ Костурѣ).

Въ охридскомъ говорѣ въ формахъ для этихъ глаголовъ утвердилось окончаніе по аналогіи съ основами на -a: пiйтиш, шiйтиш..., какъ и въ вiктиш, тiркълтиш, -тиш вм. неудареннаго -ати (Е. Сироетраповъ. Сбм. XVIII, 541; Ср. въ записи того же лица: дбжнишам, дбжнишаш. Сбм. XVI-XVII, 345).

На сѣверо-востокѣ, въ Штипѣ и въ сосѣднихъ областяхъ, обобщено окончаніе -eš въ основахъ на -e, (-е) и на -i. Штипъ: несеш, нагбреш, насадеш, праtеш.. (Сбм. IX зап.). Радовишть: пуйтеш, видеш („Карацић“, I, № XI, III, № 5). Штипской типъ формъ 2 ед. находится и въ Кратовской области, но съ примѣсью формъ на -iš въ основахъ на -i (за-

Документъ въ
Балканахъ 1919

писи). То же явление отражается и на юго-востокѣ, въ говорѣ Острова: најдеш, кръстеш (Книжици III, 56). -еѣ характеризуетъ говоры всей юго-восточной и восточной полосы: Кайляръ-Леринъ-Острово-Воденъ-Кукушъ на югѣ, Штипъ, Радовиштъ на сѣверѣ.

3 ед. Не всѣ тѣ говоры, въ которыхъ форма 2 ед. оканчивается на -іѣ, имѣютъ тотъ же гласный въ формѣ 3 ед. Нѣ-которые говоры эту форму объединили съ гласнымъ е. Таковы говоры въ Кайлярѣ и Леринѣ. Съ другой стороны, формы на -е свойственны восточно-македонскимъ говорамъ: Кратова (носе, варе, стое), Штипа, Радовишка, Гевгели, Дойрана, Кукуша (здѣсь и саке, вике), Меглена (и—вике), Водена. (Записи). Въ говорахъ всѣхъ этихъ областей форма 2 ед. характеризуется окончаниемъ -еѣ, которое на юго-востокѣ, какъ неударенное, измѣнилось въ -іѣ. Въ формѣ же 3 ед. -е сохранялось, такъ какъ въ конечномъ открытомъ слогѣ неударенное е въ этихъ говорахъ не измѣнялось въ і (см. выше).

Въ центральной и юго-западной Македоніи при формѣ на -іѣ 2 ед. находится форма на -і[t] 3 ед. Именно, это въ говорахъ Костура, Рѣсена, Охрида, Битоли, Кичева, Прилѣпа, Маріова. Въ крушовскомъ бѣрсѧцкомъ говорѣ уже въ первой половинѣ XVII в. имѣлось—даитъ, дрѣжитъ, ос-танитъ (письмо 1637 г. Минало I 3, 292—293).—Записи.

Во всѣхъ этихъ говорахъ употребляется окончаніе е[t] при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ во 2 ед. находится -еѣ: rie[t], krie[t], spie[t]. Въ охридскомъ говорѣ въ этихъ слу-чаяхъ имѣется Ѣ[t], параллельно съ -ѣѣ во 2 ед.: пијѣтъ, шијѣтъ (Сбм. XVIII, 541).

По отношенію къ согласному і отмѣтимъ, что имъ оканчивается форма 3 ед. въ слѣдующихъ областяхъ: Рѣсена, Охрида, Битоли, Прилѣпа, Маріова, Дѣбра, Крушова (у міяковъ и бѣрсѧковъ), Кичева, Порѣчья, Гор. Полога, т. е. преимущественно въ областяхъ центральныхъ и при-мыкающихъ къ нимъ съ юга, запада и сѣверо-запада (записи и опис.).—Въ тѣхъ же областяхъ и членная форма муж. ед. имѣеть -т (см. выше).—Въ Битольской, Прилѣпской, и Маріовской областяхъ на-ряду съ формами на -т употребляются и формы безъ -т. Чаще встрѣчаются формы безъ -т въ Прилѣпской и Маріовской областяхъ. Тамъ же употребля-ются иногда и формы 3 мн. безъ -т.

1. 2 мн. По отношению къ 1 и 2 мн. замѣтимъ, что гласный передъ -те и -те является тотъ же, какой имѣется во 2 и 3 ед.

Леринъ: жѣвиме, рѣчите (Сбм. VIII, 160). Охридъ: жѣвиме, жѣвите, пїшими, пїдъме... (Сбм. XVIII, 541). Прилѣпъ: плѣтиме, -ите, нѣсиме, миѣеме. Въ письмѣ изъ Крушова 1637 г.: речите, наите=найдете, но и—спасете (Минало I 3, 293). Рѣсенъ: *χάζ*(=ж)и^{τε} („Македонія“, I, 1867, № 39). Кичево: за да ти дойдиме („Новини“, III, № 40). Штипъ: дочѣкаме да вѣдеме (Сбм. IX, 187), идете, сваѣтете (ib. 160). Кратово: ловемо, носемо, носете (Псп. V, 116, 117, 122). Кукушъ: плѣтиме, вѣкниме, нѣсіме, сакіме (Сбм. XVIII, 463).

Др.-ц. сл. быти.

Ед. съм, сом, сум, су.	Мн. сме, сне
си	сте, све-сфе
[j]е, [j]ет	са, сâ, се, сет, сат.

О съм...ср. замѣчанія о замѣнахъ -тът.

[j]е и [j]ет въ центральныхъ и юго-западныхъ областяхъ есть (2 р.), е—и въ крушовскомъ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 291—293).

сне—на югѣ, въ Костурѣ (Книжици II, 51), Кайлярѣ (Сбм. XVI—XVII, 65). Также къ востоку отъ Солуния (Oblak, Mac. St. 110).—и подъ вліяніемъ формы мѣстоименія мн.: *pi[j]e*—*pi[j]a*. Аналогичное явление представляеть све- сфе: Дебѣрѣ (Oblak. Mac. St. 110). Въ письмѣ изъ Крушова 1637 г. тоже—све: ви све сами умни (Минало I 3, 293).

сет, се—имѣютъ говоры южныхъ, юго-западныхъ и центральныхъ областей. На съверѣ говоры, имѣющіе -се, достигаютъ области Велеса (Сбм. V, 172; XII, 132). Но въ Рѣсенѣ отмѣчено -са- (Сбм. VIII, 230). Также въ Маріовѣ (Сбм. XVI—XVII, 286). Дальше къ востоку и съверо-востоку--са.

сâ—съ гласнымъ а, произносящимся съ небольшимъ подъемомъ языка и напряженной артикуляціей, отмѣчено мною въ говорахъ Д. Полога (Отчетъ 22). Въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ Г. Полога произносится—сат[сат?]. (с. Стенче: Минало I 1, 72. сâ[тъ]тъ—и въ „Макед.—слав. сбор.“ Драганова, № 83).

Аористъ и имперфектъ.

Форма аор. 1 ед. имѣеть въ Дидаскаліи слѣдующее образованіе. За гласнымъ инфинитивной основы находится сh (ʃ) или же этотъ согласный учраченъ. Въ односложныхъ инфинитивныхъ осахъ на согласный и для глагола *ili ударено образованіе на -och. -och распространено и на *videti. Формы для глагола *цѣгѣти распространены посредствомъ -do- (-de- во 2 и 3 ед.). Для глагола *byti 1 ед. аор.—bech (157).

Во 2 и 3 ед. формы аор. оканчиваются тематическимъ гласнымъ.

Для множ. ч. аор. представлены формы только для 3 л., одинаковыя съ формами имперфекта на -chq, т. е. на [tʃ]a.

Примѣры. 1. се застраших 136, се ўплаших 161, се кáчи 161, отк'инах 158, излегоф 132, слéгох 161, вýдох 132, 157, најдох 136, клáдох 138, зéдох 139.

2. зáг'ина ·181, се скрý 181. не казáндиса 144, уф'тезнајде 144.

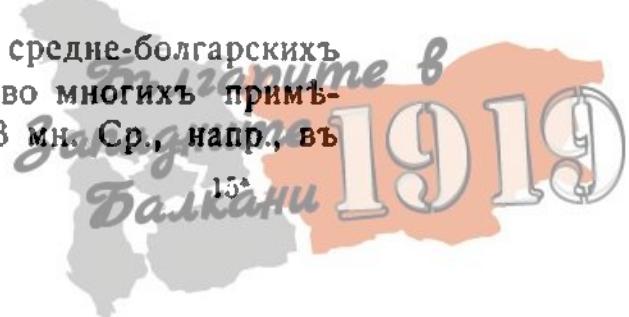
3. ўдри, 'Роф. єзáræзз 139, тече, 'Роф. є-реzз 139, рéче 116, зéде 158, пoел'a 116; стой[-i]: скáтих x[г]jóлæмх зтóн: 'Роф. єстáллжæ; Влáх. статоö; Алз. утæуу — пden' (130). Но ср. форму паст. 3 ед.: вилйцата стóит близу од бráдата (168); 'Роф. стéхетаi; Влáх. стá; Алз. ён.

Имперф. 2 ед. бёше 181; се шéташе 181.

3 мн. търгаа, 'Роф. траzбóссы 157.

Образованіе формъ имперфекта и аориста тожественно какъ въ говорахъ македонскихъ, такъ и болгарскихъ: новообразованія, пережитыя этими формами, были одинаковы въ тѣхъ и другихъ говорахъ. Такъ, проведение -éch... и въ формы имперфекта основъ на -i, окончанія -chme, -chte, сh(j)a въ формахъ имперфекта и аориста, все это предста-вляетъ общее явленіе въ македонско-болгарскихъ говорахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ новообразованій отражаются уже въ раннихъ средне-болгарскихъ памятникахъ. Такъ, въ Болонской Пс. находятся написанія: бáвехъ, ходъахъ, указываю-щія на распространеніе типа -хъ, -хъj въ основахъ на -i (В. Н. Щепкинъ. Бол. Пс. 228).

Въ отношеніи формъ аориста въ средне-болгарскихъ памятникахъ к. XII—XIII в. отражается во многихъ примѣ-рахъ распространеніе -хъ въ формѣ 3 мн. Ср., напр., въ

Болон. Пс. (Щенкинъ, ib. 232), въ Добрѣйшовомъ Ев. (Бълг. Ст. I, 89) и другихъ памятникахъ (Лавровъ. Обзоръ 204). Въ Добрѣйшовомъ Ев. имѣется уже *ж* въ формѣ 1 мн.: *ис ракота ж ми* (ib., 90).

Въ настоящее время такие примѣры, какъ — *pletech*, *rezech*, *melech*, *viknech*, *imeech*, *gotech*, *nosech*, *seech*, *gle-
[d]ach*, *кири[ц]ach* являются общими для всѣхъ македонскихъ говоровъ. Соответствующія образования представляютъ и болгарскіе говоры (М. Ивановъ. За спрѣжненіето въ новобълг. езикъ. Сбм. VIII, 123-125). Разумѣется, въ тѣхъ или иныхъ говорахъ эти формы разнообразятся, вслѣдствіе звуковыхъ измѣненій, пережитыхъ той или иной діалектической группой: въ замѣнахъ є, ch. На гласномъ окончанія могла отражаться и аналогія съ формами 2 и 3 ед. Такъ, напр., въ средне-горскихъ говорахъ —*сетеch*, *pletech*...

1. 2. имперф. *pletechme*, -*chte*, *nosechme*, -*chte*, *gledachme*, -*chte*.

1. 2. аор. *pletechme*, -*chte*, *nosichme*, -*chte*, *gledachme*, -*chte*.

3 мн. имп. *pletecha*, *nosecha*, *gledacha*.

3 мн. аор. *pletecha*, *nosicha*, *gledacha*.

Формы множ. аор. и имперф. одинаковы въ болгарской и македонской языковыхъ областяхъ. Конечно и на этихъ формахъ въ томъ или иномъ говорѣ отражается результатъ измѣненія въ области звуковъ и дѣйствія аналогіи.

Въ тѣхъ южныхъ и юго-западныхъ македонскихъ говорахъ, въ которыхъ форма наст. 3 мн. имѣеть въ окончаніи гласный *e*, тотъ же гласный находится и въ формахъ имперф. и аор. 3 мн. Таковы говоры дебърскіе, костурскіе, стружскій и охридскій: *plete[i]e*, *pleto[i]e*, *igra[i]e*, *ise[i]e*, *ise[i]e*... — Записи и описанія.

Въ костурскихъ и охридскихъ говорахъ встрѣчаются и формы на *-a*. Въ костурскихъ говорахъ эти формы на *-a* встрѣчаются спорадически, въ отдѣльныхъ случаяхъ (см. записи въ Книжици II). Формы на *-a* появляются здѣсь подъ воздействиемъ ближайшихъ говоровъ. Уже въ сосѣднемъ Кайлярѣ формы имп. и аор. 3 мн. оканчиваются послѣдовательно на *-a* (Сбм. XVI—XVII, 64, 65). Въ охридскомъ говорѣ *-a* (ѣ) проведено уже послѣдовательно въ формахъ аор.: *играй*, *плѣтой*—*плѣтоб*. Въ этомъ говорѣ окончаніе *-e* присутствуетъ въ формѣ имперф. 3 мн., хотя и въ этихъ формахъ иногда появляется *-a*: *пїшоѣ* и *пїшоѣ*. *-ѣ* обычно въ основахъ на *-a*: *играй*. (Сбм. XVIII, 452. Изв. на сем. III,

253). Отъ этихъ основъ оно распространяется здѣсь и на другіе случаи ¹⁾.

Въ Кратовской, Кумановской и Скопско-черногорской областяхъ говоры имѣютъ образованіе формъ имперфекта и аориста, уже отличное отъ македонско-болгарскихъ формъ, но общее съ образованіемъ въ говорахъ юго-восточной Сербіи.

Въ говорахъ Скопской Черной Горы -še проведено по формамъ имперф. въ ед. и мн.: 1. 2. 3 ед. ideše; 1 мн. idešemo, 2 мн. idešete, 3 мн. idešev. Формы аор.: dojdómo, dojdoste, dojdoše (Насеља III; Срп. Етн. Зб. VII, зап.). Изрѣдка про скользнетъ и южное -a въ 3 мн. iskočiva (Етн. Зб. VII, 499).

Въ южной части Краговской области формы имперф. и аор. сходны съ формами прочихъ македонскихъ говоровъ. Въ говорѣ г. Кратова формы имперф. ед. ч. имѣютъ такое же образованіе, какъ въ Скопской Черной Горѣ. Формы имперф.—аор. 1 мн. на—[ch]to{-то}, 2 мн. на—[ch]te, 3 мн. на—[ch]a. Ближе къ Пчинѣ формы аор. во множ. употребляются съ окончаніями -smo, -ste, -še (зап.).

Кумановскіе говоры имѣютъ такія же формы аор., какія отмѣчены для скоп.-черногорскихъ и пчиньско-краговскихъ говоровъ: узедомо, бѣсмо, направісте, рекнаше, најдоше (Минало I 1, 75—76; Хц.-Василь. I, зап.). Но говоры кумановского Овчаго Поля въ формахъ аор. и имперф. соглашаются съ говорами македонскими (Хц.-Василь. I, 346, запись изъ с. Кокошиње).

Какъ общую черту для говоровъ всѣхъ этихъ областей, а также областей юго-восточной Сербіи съ одной стороны и македонско-болгарскихъ—съ другой, надо отмѣтить гласный e въ окончаніи имперфектиой основы глаголовъ съ основой на -e и -i: noseše, moleše.

Будущее время.

Будущее время передается въ Дидаскаліи посредствомъ к'е [хэ. ха!]-+ формы наст. вр.: к'е чакам, к'е влѣзам, к'е купам, к'е вѣрнит и др.

Такимъ же образомъ передается буд. вр. и во всѣхъ другихъ македонскихъ говорахъ. Діалектическое различіе

¹⁾ Отмѣтимъ еще одну діалектическую особенность. Въ леринскомъ говорѣ форма имперф. 2-3 ед. употребляется иногда для 1 ед. и мн. -јас сакаше (Сбм. V и прим. 3).

заключается въ первой части: 1) въ качествѣ *k'*, 2) въ видѣ гласнаго, находящагося за *k'*. Въ большинствѣ говоровъ этимъ гласнымъ является *e*. На западѣ Македоніи, въ Дебърскомъ краѣ, включая М. Рѣку и Крушово (міяцкую часть), и въ Кичевскомъ округѣ (при *k'e*) въ составѣ передачи буд. вр. входитъ *k'a*. На югѣ и юго-востокѣ служить *k'i*. Въ Костурѣ *k'i* явилось въ результатѣ обобщенія съ формою 3 ед. прочихъ глаголовъ, оканчивающеся на -*i*. Въ Кайлярѣ, Леринѣ, Воденѣ, въ Солунскомъ краѣ, Кукушѣ, Мегленѣ *k'i* имѣть гласный *i*, повидимому, вм. неудареннаго *e*. Это *e* не подходило къ категоріи сохраненія неудареннаго *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ, ибо *k'e(ke)*, какъ проклитика, примыкало къ глагольной формѣ.

Повелительное наклоненіе.

Примѣровъ повелит. н. въ Диадаскаліи было бы много, если бы въ соответствующихъ случаяхъ употреблялась форма этого наклоненія. Обычно въ этихъ случаяхъ находится *conjunctivus*, какъ и въ другихъ параллеляхъ.—да не ходишъ на сферѣ (135) и т. п. Рѣже употребляется —нека+форма наст. вр. (для 3 ед. и мн. и 1 мн.): нека и сферитъ 162; нека вѣрдаетъ 158; нека и пустимъ 162.

Въ восточномъ и западномъ болгарскихъ нарѣчіяхъ въ формахъ повелительного наклоненія было пережито измѣненіе, аналогичное съ измѣненіемъ въ формахъ имперфекта: распространеніе *fi*--отъ основъ наст. вр. на -*c(-pe)* на основы на -*i*: *tolъ(c)te*, *falъ(e)te*. Ту же черту въ формахъ пов. и 2 мн. представляютъ и говоры юго-восточной Сербіи.

Отклоненіе отъ такого образованія формы 2 мн. представляютъ нѣкоторые говоры въ области Родопъ (*Miletic*. Das Ostb. 267—268; *Die Rhodopm.* 67—68, 161—162, 189, 223) и Македоніи: *tolite*, *fomite*; *plete*, *dignite*. Въ Македоніи къ говорамъ, имѣющимъ формы пов. и на -*ite*, относятся говоры въ юго-западной, западной и съверо-западной областяхъ: въ Охридской, Стружской, М.-Рѣканской, Положской (записи и опис.). Но уже въ Скопской области одни говоры знаютъ -*ite*, другіе -*ete*. Въ Скопье -*ete*: *идите* (Минало I 1, 66). Но въ Н. Селѣ -*ete*: *отсечете* (Сбм. XI, 111). Въ южно-кратовской области колебаніе между фор-

*Западные в
Далматии 1919*

мами на -ete и -ite: затворёте, ѹдите, вїдите (с. Лесново. Минало I, 1, 77—78). Въ самомъ Кратовѣ -ete.

Всѣ прочіе македонскіе говоры имѣютъ -ete. Уже въ сосѣдней съ Дебромъ области Кичевской форма пов. н. 2 мн. оканчивается на -ete: покрепёте, кърстето („Новини“, III, № 40); фатете, исфърлете, спрѣгнете го него (Сбм. XIX, зап.). Такоже въ близкомъ Порѣчье: излезете („Карац“). III, № 5). То же въ Прилѣпской области (Сбм. XX, 28). Въ письмѣ кружовскаго бѣрсяка 1637 г.: речете (Минало, I 3, 292). Въ Рѣсенѣ: кажёте, наточёте, покосете (Псп. XLI—XLII, 893). Съ окончаніемъ -ete эта форма извѣстна и на востокѣ Македоніи. Напр., въ Штипѣ (бранете); въ Кочани (берете ме, но-сете ме. Сбм. XVI—XVII, 184).

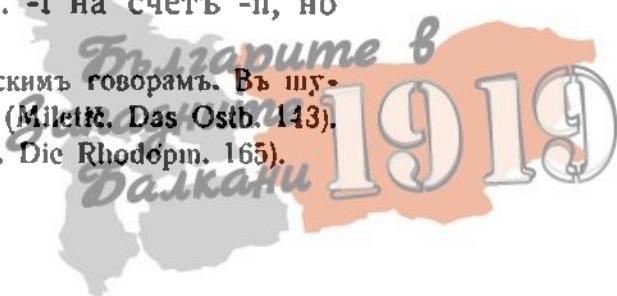
Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ македонскихъ говорахъ -ete распространено посредствомъ і (-eјte), перешедшими въ эти основы отъ глаголовъ съ основой на -је послѣ гласн.: по аналогіи съ формами *vikajte*, *imaјte* появились *doneseјte*, *kireјte*. Такія формы извѣстны говорамъ Солунской области (Oblak. Mac. St. 113--114), Кукушской (Сбм. XVIII, 467) и Дойранской (Шапк. IX, 372, 373).

Причастія.

Дидаскалія представляетъ примѣры только для прич. прош. страд. Суффиксомъ формъ этихъ причастій служитъ еп и лишь въ двухъ случаяхъ іп. Имѣется образованіе и съ суффиксальнымъ элементомъ т.—вѣрено [піле] 170, вѣ[ъ]рзен 157, замѣзен 174, напрѣни 156, отфрени 168, облечен 127, потѣчен 177, измѣни 158, покриен 169, надуѣни 177, г’емиа скѣ[ъ]ршена 136. [бѣа] скѣ[ъ]ршини 161, пѣчино [мѣсо] 170. лѣгнат 140.

Въ такомъ же видѣ формы прич. прош. страд. извѣстны и современнымъ македонскимъ говорамъ. -t употребляется иногда въ основахъ, гдѣ раньше было -п. Напр., въ Прилѣпѣ: менето—обмѣнено (Сбм. XI, 128), потѣмнел, кѣнет (Сбм. XX, 29). Подобные примѣры можно указать для многихъ говоровъ Македоніи¹⁾. Въ кукушскомъ же говорѣ не только не имѣется распространенія суф. -і на счетъ -п, но

¹⁾ То же явленіе извѣстно и восточно-болгарскимъ говорамъ. Въ шуменскомъ говорѣ отмѣчено: *özenit*, *kurit*, *iskopat* (Miletic. Das Ostb. 143). Въ центрально-родопскомъ: *zakopat*, *zberati* (Miletic. Die Rhodopin. 165).

наоборотъ,—онъ совсѣмъ утраченъ здѣсь: извѣстны только формы съ суф. -и (Сбм. XVIII, 466).

Въ передачѣ прош. вр. вмѣсто прич. на -и находится иногда прич. страд. на -и или -т. Напр.: Леринъ: пѣтлите не били пејањи (Сбм. III, 155). М. Рѣка: ср. замѣчаніе М. Григорова: „Въ извѣстни случаи дѣйств. и страд. причастия могутъ да се замѣстятъ одно съ друго: тѣј је паднат, или тѣј паднал; ушче нѣ легнат или ушче нѣ легнал; ја беф стањат или—станајал... (Изв. на сем. II, 275). Для Прилѣпа примѣры въ Сбм. XX, 29. Въ Дидаскаліи также имѣется сочетаніе, въ которомъ употреблено причастіе страд. вм. причастія на -и: и сум на постѣлата лѣгнат 140. И въ другихъ параллеляхъ находятся сочетанія формы глагола „быть“ (вм. „имѣть“) съ формою прич. прош. для страд. зал.:—μένος—греч., -ти- аром., -и- алб. 'Рош. είχα εἰς τὸ ἀτρῶμα πλήγαζμένος. Вѣ. ёзикоу троу от[st]роубоу мтакжтоу—bägatu. 'Алб. ђаш утѣхъстроубарит [të shtruarit] ірёнуа.—Употребленіе для прошедшаго вр. сочетаній, обычныхъ для передачи страдат. зал., встрѣчаются въ балканскихъ языкахъ.

Что касается двойственности гласнаго въ суффиксѣ прич. страд. -ен, -и, то і появилось здѣсь отъ формъ наст. вр. То же явленіе можно наблюдать и въ современныхъ говорахъ Македоніи: при обычномъ -ен изрѣдка встрѣчается и -и. Напр., въ записи изъ с. Цѣрска: затворена и заключена (Сбм. XIX, 17), но и—беше напраина (ib. 16). останено (ib. 32). Струга: налютина (Зап. В. И. Григоровича. Румянц. М. № 1858).

Македонскими и болгарскими говорами было пережито одинаковое измѣненіе въ образованіи формъ прич. прош. страд. въ отношеніи подновленія основы глаголовъ съ осн. на -и. Въ тѣхъ и другихъ говорахъ основа съ результатомъ давняго измѣненія согл. +j была вытѣснена новой основой, въ которой суф. еп присоединялся непосредственно къ согласному корню: roden, pozlaten, zał'ubęn, zaloven, kirep, рокъrsten, obesen, porazen, razvalen. Примѣры для Дидаскаліи ср. выше. Такое же образованіе знаютъ и говоры юго-восточной Сербіи. Но тамъ находятся и образованія съ результатомъ измѣненія согл. передъ j-ен: рођен, кићен, повесељено, чињено и др. (Белић. Дијал. 148-153, 617-618). Повидимому, послѣдняго вида причастія явились подъ влияниемъ сербскихъ говоровъ на сѣверѣ и западѣ.

Балкане в
Балкани 1919

Причастіє на -l. Въ говорахъ Македонії, какъ и въ говорахъ Болгарії, форми причастій на -l, -la... имѣють двоякое образованіе: 1) отъ основы инфинитива (аор.), 2) отъ основы имперфекта. 1) bral, -a..., nesъl, nesla..., tekъl, tekla..., molil, molila...; 2) berel; -a..., nesel, nesela..., tečel, tečela, molel, molela... Во множ. ч. формы причастій имѣютъ окончаніе -le для всѣхъ трехъ родовъ. Только въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ Македонії (Гевгели, Кукушъ, Дойранъ, Іліянецъ) эта форма оканчивается, хотя и не исключительно, на -li. Въ ближайшихъ говорахъ Г. Джумай -li. Въ другихъ областяхъ юго-западной Болгарії употребляются -li и -le независимо отъ рода и значенія ударенія. Форма на -le извѣстна и многимъ говорамъ восточной Болгарії. Съ окончаніемъ -le форма прич. муж. ми. употребляются, хотя и „врло ретко“, въ южной части южно-моравской области (Белић. Дијал. 626). Формы на -le отражаются уже въ раннихъ среднеболгарскихъ памятникахъ. Болѣе подробный обзоръ причастныхъ формъ на -l, -le представленъ во II т.

Формы прич. на -l для глагола viděti представляютъ любопытную особенность въ говорахъ западной Болгарії и юго-восточной Македоніи. Эти формы имѣютъ видъ višty (съ діалектической замѣнной -ъl), višla... Въ такомъ видѣ эти формы извѣстны говорамъ Софії, Радомира, Дупницы, Г. Джумай¹⁾, а также Кюстендила (Македонски - Георг. Зим. Ноши. 8, 10), Самокова (Шапк. IX, 380), Лерина (Сбм. V, VI, VIII, зап.), Костура (Шапк. IX, 335)²⁾. Кромѣ višty въ говорахъ юго-восточной Македоніи (и юго-западной Болгарії?) употребляются также и для другихъ глаголовъ формы причастій на -šty, -ſla... дашле -дали (Костуръ: Книжици II, 50), дашал (Леринъ: Сбм. VI, 169), јашле -ѣли (Костуръ: Сбм. VI, 11), извашла=извадила=извлекла (Леринъ: Сбм. VI, 171). Какъ видно, эти глаголы принадлежать или къ нетематическимъ глаголамъ съ основой на -d, или къ глаголамъ съ согласнымъ d передъ тематическимъ гласнымъ (i- въ наст., é, i- въ инфин.)³⁾.

¹⁾ Ст. Младеновъ. Западнобълг. вишел—вишъл вм. видѣлъ. „Zbornik u slavi Jagića“. 220-221.

²⁾ „вишел“ отмѣчено и для Велеса (Сбм. III, 218, прим. 2); но въ другихъ записяхъ—„видел“ (Сбм. XII).

³⁾ Предложены два объясненія этихъ формъ. 1) ё перешло сюда отъ формъ новелит. н. (П. А. Лапровъ. Обзоръ. 211); 2) по аналогии съ формами

Инфинитивъ.

Форма инфинитива болгарскому говору Диадакаліи неизвестна. Въ этомъ отношении Въюлъарихъ, какъ и прочие македонские говоры, пережила тожественные изменения съ соседней славянской языковой областью—болгарской. Различие лишь въ темпѣ и послѣдовательности языковаго процесса утраты формы инфинитива: македонскимъ говорамъ эта форма въ настоящее время совсѣмъ неизвестна; въ говорахъ же восточной Болгаріи она сохраняется или въ определенныхъ категоріяхъ или только по говорамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Употребляющаяся на востокѣ Болгаріи форма инфинитива представлена не въ полномъ видѣ ея прежнаго звукового состава: она оканчивается на *-t* или на гласный инфинит. основы. Вм. прежней инфинитивной формы въ Болгаріи и Македоніи употребляется сочетаніе *da+* форма наст. вр. Диадакалія: нѣможам да тѣ[ъ]рпам 140. нѣмаат со што да кўпаат 130. сакат да лѣкфат 133. сакаме да не имаме бѣлъ 156—157.

Вм. *da* иногда находится *za da*.—зѣмаат вѣлојте и хѣдаат за дѣ[да] браат и да сѣает 122. да имаш вѣме за да и [рубите] чиниш широкъ 151.—Посредствомъ *da* (или *za da*)—форма наст. вр. замѣняется форма инфинитива и въ другихъ болгарскихъ говорахъ.

Въ сербскомъ языкѣ также нерѣдко вм. формы инфинитива употребляется сочетаніе *da+f.* наст. вр. Но наряду съ такими сочетаніями находятся и формы инфинитива. —*mi ћемо по travici voditi tance, mi vas prvo da ћијемо. Готови da idu. Došao sam, da dam blago, da vodim devojku*¹⁾. Но сербскому языку неизвестно употребленіе сочетаній съ *za da*, параллельное съ *da*²⁾. Очевидно, что развитіе сочета-

чи *otiseli...*: при сходствѣ послѣднихъ звуковъ въ формахъ аор. (*otidoch... vidoch...*) были уравнены и формы причастій: *otiseli...* *višeli...* (Ст. Младеновъ въ цит. статьѣ).—Но при глаголѣ *izvadich...* совпаденія съ *otidoch ..* не было, а причастіе *izvašti, izvašla...* имѣется. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ 1-е объясненіе.

1) См. многочисленные примѣры въ статьѣ A. Musića: „Rečenice s konjunkcijom „da“ u hrvatskom jeziku“. Rad, knj. 142, стр. 26—33. См. также у T. Maretića: „Veznici u slovenskijem jezicima“. Rad, knj. 86, стр. 141; въ акад. Rječniku, sv. 5, стр. 163—214.

2) Встрѣчающіяся (не въ народныхъ говорахъ) сочетанія съ *za da* появилась по итальянскому образцу (*perchѣ* или *affinchѣ*). Maretić. Veznici. 144.

ий съ за да въ говорахъ Македонії находится въ неразрывной связи съ такимъ же процессомъ въ говорахъ Болгарії.

Иной вопросъ, чѣмъ вызвана утрата формы инфинитива и замѣна послѣдней посредствомъ да или за да+форма наст. вр. Давно уже обращено вниманіе, что утрата формы инфинитива и описательная передача его извѣстны не только болгарскому, но и другимъ балканскимъ (неславянскимъ) языкамъ: ново-греческому, албанскому, румынскому. Въ послѣднее время вопросу о судьбѣ инфинитива въ балканскихъ языкахъ была посвящена работа Кг. Sandfeld Jensen'a: „Der Schwund des Infinitivs im Rumänischen und den Balkansprachen“ (въ IX т. Jahresbericht d. Instituts f. rum. Spr.)¹⁾. Вслѣдъ за Г. Мейеромъ и Г. Педерсеномъ С. Іенсенъ полагаетъ, что происхожденіе балканскихъ конструкцій въ замѣнахъ инфинитива слѣдуетъ искать въ греческомъ языке. Главное основаніе для положенія о первенствѣ греческаго языка въ утратѣ формы инфинитива и замѣнѣ ея сочетаниемъ *үж* (*ұң*) съ личною формою глагола заключается въ томъ, что такое вытѣсненіе формы инфинитива обнаруживается „очень рано“ (115). Но не извѣстно, раньше ли, чѣмъ подобный процессъ имѣлъ мѣсто въ языкахъ старо-албанскомъ и старо - румынскомъ. Не зная исторіи (въ полномъ ея объемѣ) звуковъ и формъ и основныхъ датъ для процессовъ, пережитыхъ этими языками, невозможно утверждать сравнительной древности аналогичныхъ явлений въ греч., алб. и румын. говорахъ и приматъ того или иного языка въ этомъ отношеніи. Если и не вскрыта до сихъ поръ основная причина, вызвавшая утрату формы инфинитива и сходную замѣну ея въ восточно-балканскихъ языкахъ, то все же замѣчательный параллелизмъ въ судьбѣ инфинитива въ этихъ языкахъ заставляетъ предполагать, что этотъ параллелизмъ находился въ зависимости отъ какой-то одной или одинаковой для всѣхъ восточно-балканскихъ языковъ причины.

Форма инфинитива замѣнилась въ этихъ языкахъ сочетаниемъ союза съ личною формою глагола. Союзами являются слѣдующіе: гр. *үж*, алб. *të*, рум. *să*(se—Дид.).

¹⁾ Работа представляется собою извлечение изъ изслѣдованія, появившагося въ Консиггенѣ въ 1900 г.

1) греч. δέν τῆτορῳ γά πόρεσ; аром. νοῦ πότοι τα[по опеч. вм. се] ἀράβτοι (arávdu); алб. νούντ та γυօրօնу (gyorón') 140. 2) греч. δέν ἔγον μὲ τὶ γά δύορ-
ζον; аром. νοῦ ḍəу τη[γ] се γούртара; алб. с γάнга
με се та π[в]λέуң 130. 3) греч. ἀγαπᾷ γά ιατρευθῇ; аром.
Յօւշտ սे սեւտրիվաչх; алб. τάշτа (daštē) та յзарсат
(sato[h]et[ε]) 133.—Ср. болгарскія параллели.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда *conjunctiv'omъ* (вм. *infinitiv'a*, повелит. накл. и въ другихъ случаяхъ) выражается цѣль, намѣреніе или желаніе, то передъ *да* послѣдовательно употребляется *за*. Опускается *за* лишь во второмъ изъ двухъ равносильныхъ предложенийъ цѣли, соединенныхъ союзомъ *и*. Тогда же, когда одно предложение цѣли зависитъ отъ другого предложения цѣли, то *за* присутствуетъ и во второмъ предложении. Вполнѣ согласно съ болгарской параллелью находится употребленіе *conjunctiv'a* и въ другихъ текстахъ. Болгарскому *за да* въ нихъ соответствуетъ γιὰ γά—въ греч., τρά σέ—въ аром., γή τа—въ алб. Примѣры весьма многочисленны. Отмѣтимъ лишь 3 изъ нихъ. 1) да шиеш за да бидиш облечен; гр. γά φύγε διὰ γά γάγαι εὐδο-
μένος; аром. σέ κόσοη τρά σέ γή γιακούттоу; алб. τа γέτкъз γή τа γέсса γιάγэ[sh]сур (127). 2) сѣга кладох двѣ мастори за да копаат двѣ хъндека за да йдит мнобу вода и да се вадит бахчета; гр. τώρα ἔρχαι δύο μαζόρους διὰ γά σκάφους δύο χύλαχια διὰ γά ἔρχηται πολὺ νερό και γά ποτίηται ὑπόπος; аром. τώρα μπαχάη (bāgai) τ[d]όη μάстори
τρά σе ἀρέμια τόγι τράπουρη τρά σέ γήγуа мебѣтә апа сэг
σе 2τ[d]апа γ[ε]ларτ[d]иүүх; алб. τакшт Յօյր့а τиүү [dū] μιетар
γή, τа բիւնչ տиүү үчүтеш γή, τа Ֆүүн Յօյрүү սүйүүд өүїз һәдә та
Յәт[d]игетә հօյс[sh]та (138—139). 3) ходаат за ды[да] браат и да сеает; гр. πηγαίνου διὰ γά δργόνоу και γά επέροуу;
аром. γέрх[g]оу τρά σе əрға зот սе զәмүүүд; алб. Յោүүх γή τа լәрбүүд һәдә та үпізкүд (122).

Отражались ли въ такой единообразной передачѣ предложенийъ цѣли соотнѣтствующія явленія живыхъ говоровъ греческихъ, албанскихъ, аромунскихъ и болгарскихъ? Не явилась ли такая описательная передача указанныхъ предложенийъ въ нѣкоторыхъ параллеляхъ лишь какъ результатъ стремленія составителя Диадаскалии къ точному согла-
сованию въ формахъ всѣхъ параллелей?—Наиболѣе вѣроят-
нымъ представляется утвердительный отвѣтъ на первый:

вопросъ и отрицательный на второй. Во всѣхъ восточно-балканскихъ языкахъ, греч., болгар., аромун., албан., широко распространено указанное выше описательное выражение предложенийъ цѣли. Въ каждомъ изъ нихъ, въ большей или меньшей степени, такая же передача перешла и на нѣкоторя другія предложения, имѣющія очень слабое финальное значение или даже совсѣмъ лишенныя этого значенія. Такъ, въ албан. *k'i* (или *k'ë*) входитъ въ составъ передачи и опредѣлительныхъ предложенийъ, выражающихъ хотя бы въ слабой степени финальное значение. Сочетаніе *k'i të...* въ такомъ частомъ употребленіи, что стало „стереотипнымъ“¹⁾. Значеніе *k'i* (*k'ë*) въ другихъ случаяхъ—значеніе опредѣлительного союза „что“, „который“...: *inë edë*, *k'ë eësë nisur*—я знаю, что онъ уѣхалъ; *në kasabâ k'ë is afer fësatil*—одинъ городъ, который былъ недалеко отъ деревни.—Въ говорахъ южныхъ геговъ и въ говорахъ тосковъ въ сочетаніяхъ для выражения цѣли употребляется не только *k'ë të...*, но и *rëg të...* Въ албанскихъ говорахъ Греціи—*rëg të...*²⁾. *rëg* (*prëg*)—по своему значенію точно соответствуетъ болгарскому *за*, греч. *διά*.

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ передается въ Дидаскалии обычнымъ образомъ: посредствомъ формъ дѣйств. з. для глагола „быть“+прич. прош. страд.: бѣдит облечен 127; да бѣдат напрасни 156; бѣх вѣ[ъ]рзен 157; бѣа скѣ[ъ]ршини 161.

Иногда сочетаніе для передачи страдательного з. замѣняется возвратною формою: єдни се јадат 118; краѣтата се тѣрат со пѣпелта 148.—Такъ же въ аромунской параллели: ѕѣ јѹсѹїѧтѣ[—хте]. Но въ албанской—сочетаніе для страд. зал.: *đit et *—*db [h]jet *.—Какъ видно, значеніе этихъ сочетаний нерезультативное.

Нарѣчіа. Предлоги. Союзы.

тѣко (119, 120)—*тѣку* (122, 123...). Значеніе его—„только“ или союза „но“.—*тѣко* гѣспод го ч'уват 119. да не хо-

¹⁾ Weigand. Alb. Gram. 118. S. Jensen Der Schwund des Infinitivs 98.

²⁾ G. Meyer. Beitr e zur Kenntniss der in Griechenland gesprochenen alb. Mundarten. „Sitzber.“. Bd. 134.

лит пра́знеи, току {—но} да зéмит сféшта 142. На такое же значение указывают и иноязычные параллели Дидаскалии: болгарскому токо (току) соответствует греч. μέσον, ὅπερ, πλῆρης, ἀμήτης, аром. μά (и разъ а́моу 122) „но“, алб. πό = „но“. Съ этимъ значениемъ „токо“—„току“—„туку“ употребляется по всей Македонии. Русскому „столько“ соответствует—„толку“ (ср. выше стр. 153—155).

кóли (161, 181) = сколько. Греч. ὕπον, аром. χάτσο, χάτση, алб. چا. Съ л (или съ результатомъ его фонетического изменения) это нарѣчие употребляется по всей Македонии (ср. стр. 153—155).

одвај—едва (158). Съ о- это нарѣчие извѣстно многимъ македонскимъ говорамъ. При этомъ, конечное -а распространено посредствомъ ѹ: одвај. Но въ Македонии имѣются и такіе говоры, которые представляютъ образование съ гласнымъ е-: едвај (см. стр. 87). Интересныя соответствия представляютъ иноязычные параллели Дидаскалии: греч. μέταχε, алб. μίζη=mizë—mezë [те („съ“)+zë (забота, затруднение, печаль)], аром. μέζις (отъ алб.).

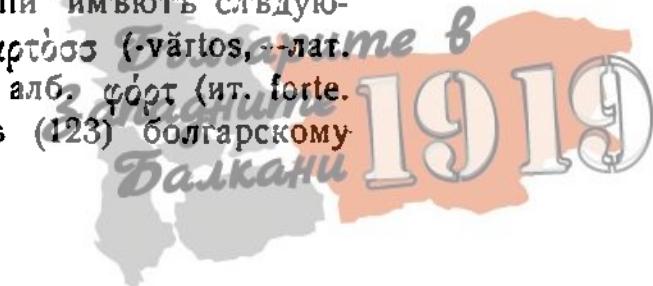
како— какъ, гр. πώς, аром. χωρίς, алб. ھی (171).

така = такъ, такимъ образомъ (127, 137...) Въ соответствующемъ значени и другія параллели: греч. ἔτση, аром. ھۆزەنە (aši-[се]—a+sic. Puşcariu. Etymol. Wörterbuch der rum. Spr. 11); алб. ھۆزەنە-aštë.

Въ соответствии ھۆزەнە греческой параллели въ другихъ находятся сочетанія „такъ+conjunctivus („да будетъ“): болг. та́ка да бидит, аром. ھۆزەنە سے چیپ[b]خ, алб. ھۆزەنە تەجتەت [te jet] (182).

бърго=скоро (152). Съ -го или -гу это нарѣчие употребляется и въ другихъ македонскихъ говорахъ. Соответствія Дидаскалии представляютъ слѣдующія любопытныя образованія: греч. δύλιγωρα,—съ начальнымъ δ-, какъ на Критѣ (Kretschmer. Der lesb. Dialekt. 140) вм. обычного γλυγωρα, γριγωρа; аром. χουρουнту [-ndu], —герундій къ глаг. киг—. (Puşcariu. Wrb. 40); алб. τζάζз—саš вм. čas-čast—„моментально“, „тотчасъ“, (слав. заимств. Meyer. Wrb. 445).

мόшне—очень (120, 123, 179). Такъ и во всѣхъ другихъ болгарскихъ говорахъ Параллели Дидаскалии имѣютъ слѣдующія образованія: греч δυνατά, аром. ۋارتوس (-värlos, -лат. virtuosus,—а, -ит. Papaagi. Scrift. 257); алб. ۋۆرت (ит. forte. Meyer. Wrb. 110). Въ одномъ случаѣ (123) болгарскому

„мόшне“ соответствуютъ другія нарѣчія: греч. πολλά, аром. үсүлтou, алб. զօջմա; эти же нарѣчія обычно соответствуютъ болгарскому „многу“.—„по мόшне“ (ср. ст.); греч. περισσότερου, аром. ҳáмх үсүлтou, алб. мај сóрт (160). сó өднош=сразу; греч. μέ μίαν φορά; аром. ҳој сўнун сóрд (дага—часъ, время, разъ); алб. μέ уні ҳéра (hére—время. разъ) 170.

заедно—вмѣстѣ; греч. ἀντάμα, аром. τεχτούνου [=de-ad-unii, лат. de-ad-unum. Pušcariu. Wrtb. 4]; алб. үпáзхq—baškë (162). „заѣдно“ обычно и въ другихъ болгарскихъ говорахъ. Но въ зап.-битольскомъ говорѣ Качууаде употреблено от- вм. za-: сíce ѕt ёнтуo (Сбм. XV, 378 – 379).

скрышно—тайно; въ другихъ болгарскихъ говорахъ и скрышом, -ум.- Параллели: греч. χρυψά, аром. ἀσχοντά (прич. къ лат. abscondo. Pušcar. Wrtb. 12); алб. фсéоурах -fše[h]ita (прич. къ fše-h-) 166.

стиснато—сжато. Въ другихъ параллеляхъ находятся соответствующія образованія: греч. σφικτά, аром. стрéцптиу [stremptiu], алб. страғурујард [strenguarë] 174.

кночко—тонко, мелко. Встрѣчается и въ другихъ болгарскихъ говорахъ. Параллели: греч. ψυλά, аром. զուլէնք (лат. sibtilis, -e), алб. тa үйл. 169.

колој—легко Общераспространенное на Балканахъ турец. заимствованіе kolaj. Аром. и алб. паралл. үолáт; но въ греч. εύκολa 125.

кóмати кóмати (154) въ значеніи нарѣчія: „кусками“. „на-куски“.—ск'епарот дробит борйната кóмати кóмати.— Соответствующая передача представлена и другими параллелями: греч. κομιάτια κομιάτια; аром. π[в]ουχáтъη πορ-χáтъη; алб. گپارا گپارا. Въ болгарскихъ говорахъ такая передача нарѣчія посредствомъ двойной формы именит- вин. имени, ^{употребляется} Но въ другихъ восточно-балканскихъ языкахъ (греч. и алб.) такая передача представляеть обычное явленіе. Напр. греч.: ἐπίγρινε ωφύη ωφύη.—επí-гáя спрjтjá; фазоўл! фазоўл! үәміз! тó сажкоўл!¹⁾). Такъ же въ алб.: fela fela, čika čika (кусочками) pika pika (каплями)... Ср. и въ аром. зап. Вейганд: násturile pale pale (пуговицы густо насыженные.—Аром. II, 86).

¹⁾ Cette habitude de répéter est un des idiodismes les plus caractéristiques de la langue. Ém. Legrand. Grammaire grecque moderne. 1878. 142.

каде. Значеніе — „где“ и „куда“. — те опитвам, каде бёше, каде загина, каде се скри 181. Съ тѣмъ же значеніемъ, а также съ значеніемъ опредѣлительного союза „что“ и предлога „къ“ „при“ („у“) сочетаніе „каде“ или „къде“, „кодѣ“, — съ замѣною „о,—употребляется и въ другихъ македонскихъ говорахъ (подробнѣе во II т.). Въ другихъ балканскихъ языкахъ также утрачены отдѣльныя нарѣчія для „где“ и „куда“: въ значеніи того и другого употребляется одно нарѣчіе: греч. ποῦ (πού), аром. ји¹), алб. ки, ке, или tuk, tek. Въ соотвѣтствіи указаннымъ болгарскимъ примѣрамъ Дидаскали въ другихъ параллеляхъ находятся такія сочетанія: греч. ...σέ ἐρωτῶ ποῦ ἡρεσι, ποῦ γάληχε; ποῦ χρύσηχε; аром. τέ υτρέπ[в]ου ἵσι φούεσι, ἵσι χυρούεση, ἵσι τεαξιούεσση; алб. τά πισුεσз хоū хїé, хоū χρύψ[в]е, хоū σύμψе. — Въ греч. ποῦ можетъ имѣть значеніе опредѣлительного союза „что“. Въ албан. ке употребляется и въ качествѣ предлога „къ“, „при“, (въ соотв. болгар. „къде“). Въ трехъ слу-чаяхъ болгарскому „каде“ соотвѣтствуетъ въ аром. юсътъ (ju-cido), — нарѣчее болѣе общаго значенія: „куда бы ни...“, „гдѣбы ни“.... Въ алб. разъ употреблено хоутъ (kudò), имѣю-щее то же значеніе.

секаде—всюду, повсюду. Греч. πχтой, аром. юсътъ (ju-cido), алб. хоутъ (kudò). 128, 129.

негде—гдѣ-нибудь. Греч. ποιάτεу, аром. юсъзъ, алб. για-χοјут—g'akindit]. 152.

горе—вверху, в-, наверхъ, вѣрхомъ. Греч. ἀπάνω, аром. τ[д]ε-σοўпра, алб. ојпир (116, 131, 161, 171, 177).

доло—внизъ, внизу. Греч. χάтω, аром. γχибозу — π'оси (←deosum. Rüscar. Wrb. 80), алб.—πώззет[а]—рош[э] (инд.-еврп. рѣd-su. Pedersen, Texle. 180, сравниваетъ съ слав. рѣсь 136, 175.—въ аром. ψтате m·pade).

от ото́здола—снизу. Греч. ἀπό χάтω, аром. πρέχибозу (g'osu); алб. πарпóзз[и] (169).

от озади и от оспереди—сзади и спереди. Греч. ἀπό ὑπίσω χαι! ἀπό ὄμπροστᾶ; аром. τ[д]е τ[д]еуаπѣт[а] ɔтї, τ[д]е τ[д]еуа-|а]уте (de-päroe къ лат. de-ad-pöst; denante къ вульг.-лат. in-ante съ предшеств. de. Kurth. Der Gebrauch der Präposit.

1) Одно нарѣчіе и въ прочей румынщинѣ какъ и вообще въ роман-шинѣ. Ср. Meyer-Lübke. Einführung in das Stadium der Rom. Sprachwissen-schaft. 2-те Aufl. Heidelberg. 1909. 194 195. Gram. der Rom. Spr. III. 510 сѧл.

im Rumän. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ X, 630—631. О другихъ объясненіяхъ въ статьѣ Moser'a: „Der Ursprung der rum. Präposit.“ Ib. 431); алб. *нë сафрапа* ñë *ука[ngal] прах-пëра* (157).

близо,-у. Греч. *сѹщã*, алб. *ëфар[=ëфар]*; Jokl считаетъ заимствованнымъ отъ герман.: ср. гот. *fëra*—сторона. „Studien zur alban. Etymologie“, 104; Meyer возводитъ къ предполагаемому латин. *affinare*, *affinis*. Wrb. 3]. Въ аром. *àпроáпе* — вблизи (къ вульглат. *adprope*. Kurth. Op. cit. 612—613), а также *нëхã* [ningã]—возлѣ, рядомъ, при (въ д.-румын. *lingã*; восходить къ лат. **longum ad*. Kurth. Op. cit. 565—566).

на-стреде—посрединѣ 156. Греч. *εἰς τὴν μέσην*; аром. *тробъ ныблътъсъх* [n'oldžuk]—средина (къ лат. **m̄ediolus locus*. Pušcag. Wrb. 93); алб. *утаңéсэ* (*ndë*—въ, *mes*—средина, греч. *μέσον*. Meyer. Wrb. 270, 299).

нáтрe. Съ гласнымъ, замѣнившимъ прежній *и*, это нарѣчіе извѣстно всѣмъ говорамъ Македоніи. Греч. *μέσα*, аром. *уазъутроу*, алб. *упрёута-* *brénda* (153).

вúме: имам вúме 151. Ср. выше стр. 173—174.

зéтүе—сѣдне—потомъ, послѣ. (116, 143, 166). Съ *đ* это нарѣчіе произносится во всѣхъ центральныхъ областяхъ Македоніи. Въ другихъ мѣстностяхъ находится „сетне“. Параллели: греч. *Յэтера*, аром. *тапóїа*, *àпóїа* (лат. *ad-pōsi*. Pušcag. Wrb. 9), алб. *пастáη*, *пасху:[d]аη* (распространение предлога *pas*—за, по). Въ двухъ случаяхъ болгарскому „сѣдне кбга“... соотвѣтствуетъ въ другихъ параллеляхъ только „когда“ („какъ“): греч. *àφ'οῦ* (131), *съ* (163), аром. *хáра*, алб. *сi-лан'i и годинаа*—въ прошломъ году и въ этомъ году. Въ видѣ „ланi“, „годинаа“ эти нарѣчія употребляются и въ другихъ македонскихъ говорахъ (объ удар. на *-на-* см. ниже). О солунскомъ лајни см. стр. 95. Параллели: греч. *πέρσι* [*←πέρι-ζι*] *хәi фéтѡ*; аром. *ануоу* *сэj* *зéтакууоу* [*←istum appum*], алб. *зүјет* *ëзë* *зүзүјëт* [vjet—годъ, si—указат. мѣстоим., совпадающее по формѣ съ *ablat.(locat.)* указат. мѣстоим. Pedersen. Festskrift til V. Thomsen. 255 слѣд. Texte. 190]. (129). *дéн'a*—днемъ. Въ другихъ македонскихъ говорахъ—„дé[i]н'a“ или „дé[i]н'e“. Параллели: греч. *τὴν ἡμέραν*, аром. *тëсъж* [dzia—къ лат. *dies,-em*, д.-рум. *zi]*; алб. *тëтакуа* [*ditene*—нарѣчіе „днемъ“, по формѣ—вин. ед. член. *dita*] (146).

нóк'ата—ночью. Въ другихъ македонскихъ говорахъ—ношда, ношје, ношта, ношк'a, нóк'a, нóк'e, нóк'ta. Параллели: греч. *τὴν*

у́жта, аром. *уоáпти*, алб. *уáтакъ* [-ночью; по форме вин. ед. член. *náta*] (145).

на-пóлнош (пéтелот вíкат на пóлнош). Въ греч. болгарскому „на-полнош“ соответствует та *μεзáухта*. Въ аром. и алб. параллеляхъ описательная передача: „средина“ и род. п. „ночь“: аром. *троj тóсуматате* [džumeta[t]-de-] *уоáпте*; алб. *утá* [ndë] мéз та *уáтесъ* (121).

сóзéсъра. довéча[е?]ра—сегодня вечеромъ. Ср., напр., въ велесскомъ говорѣ: довéчера кога к'е си лéгнат сýте...; на вéчерта нé довог'a... (Сбм. XII, 163) довéчера дéфот к'е ни дáде вéчера (Сбм. V, 148). Ср. то же сочетаніе въ охридскомъ говорѣ (Сбм. XVIII, 543). Греч. *àπóφε*; въ аром. и алб. сочетанія „эта ночь“ (им. -вин.): употребляющіяся въ значеніи нарѣчій „сегодня ночью, вечеромъ“: *àстáуоáпте*. *оùтe* [so—указат. мѣст., nte—nate—ablat. къ natë -ночь] (157).

кáта-дён. Параллели: греч. *καύημερούσιον*, алб. тe *кáтe* *тóуъ* [de kaјe dzuă], алб. *утít* прeутít [dit-pre dit -день за днемъ] (156).

уши (см. выше стр. 86); греч. *àхóмъ*, аром. *у́ха*, алб. *ëđë* (обычно союзъ „и“) (131).

тóга (165), *тóгаш* (131). Въ другихъ параллеляхъ одинаковыя соотвѣтствія для „того“ и „тогаш“: греч. *тóтe*, аром. *àтобътъ!x*, [\leftarrow -ab+тýnc-се] алб. *àтакъэръ* [atë -мѣстоим. вин. „тотъ“—aj(aї), ajб; héгъ—разъ, время].

кóга, сéга; бti, áко, ами, (159, 178) пак, дúри, во, со (Дид.).

Предлогъ от.

Употребленіе предло́га от представляеть въ нѣкоторыхъ случаяхъ интересную черту болгарского говора Дида-скалии. Обычными категоріями употребленія от являются слѣдующія: 1) исходный пунктъ дѣйствія, времени, удаленіе, отдѣленіе, освобожденіе; 2) происхожденіе; 3) материалъ; 4) различныя отношенія частей цѣлаго; 5) сравненіе; 6) причина; 7) предметъ, отъ котораго исходитъ пассивное состояніе¹⁾.—Примѣры изъ Дида-скалии. 1) побинам от крајот 137. от далеку 120. стáнах от спаn'ето 158. излéзат от дўп-ката 168. да се вárдит от кóстени, от крастаици... 134. за да зéмиме от тój 181.—от находится и послѣ нарѣчія „бли-зу“: вилѝцата стбйт близу от бráдата 167—168. Въ болгар-

¹⁾ Болѣе частныя категоріи и примѣры см. у Миклошича: Syntax. 1883. 547—559.

скихъ говорахъ въ сочетаніяхъ съ „близу“ употребляется обычно предлогъ *до*:—близу до брадата—и т. под. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи встрѣчаются и „близу от..“: *πλήσιον ὡς τόχῳ μέτο*—въ зап.-битольскомъ Каюцае (Сбм. XV, 380). близу од Дебър—отмѣчено мною въ Кюстендилѣ. от употребляется и послѣ существительного, имѣющаго значеніе пункта отправленія, отдаленія, а также значеніе освобожденія.—крајот от мѣрето 136. проштѣането от грехби[ї]те 182. Въ зависимости отъ глаголовъ „браться“ за что-л., „касаться“, „схватывать“: за да се фаштаат от работа 122.—Въ ст. - болгарскомъ—родит. (Wondrák. Altkirchsl. Gr.², 591). 2) от лоша фара 149. 3) сок от триците 144. от лѣнот и от конопот излѣгваат ка[ъ]лчишта 143. 4) єдна нѣза от смокфи 132. відохъ многу сфѣт от луг'e 132. скобјето от класон 164.—Послѣ глагола „наполнять“ и прилагательного „полный“: и јет земјата полна от дѣрва, от бука, от дабои[-и], от върба... 117, за да го [пагурот] полнит от ракия 176. 5) по мѣшне лубает к'ерката нѣхна и от сиаата 160. 6) не мѣжам да тѣ[ъ]рпам от бол'a 140. 7) да не се зѣмаш от бк[о] 150; гр. *уѫ լու բաշխանդէ*.

8) Болгарскій говоръ Дидаascalіи въ отношеніи употребленія предлога *от* представляетъ ту интересную особенность, что этотъ предлогъ находится вмѣсто общеболгарскаго на въ тѣхъ случаяхъ, когда выражается принадлежность одного предмета другому, т. е. въ соотвѣтствіи прежнему *genet. possessiv.*—вѣтката от триандѣфилот 148. обѣсиме от ўшите от жѣните 155—156. Сюда, можетъ быть, относится и примѣръ, отмѣченный въ 1): крајот от мѣрето 136. На этихъ примѣрахъ обнаруживается процессъ болѣе широкаго употребленія предлога *от* по сравненію съ употребленіемъ его въ старо-болгарскомъ языке. Многимъ изъ вышеприведенныхъ сочетаній съ *от* соотвѣтствовали раньше формы родит. пад. безъ предлога.

Говоръ Дидаascalіи въ отношеніи употребленія предлога *от* не стоитъ одиноко въ болгарской языковой области: въ первыхъ 7 категоріяхъ и другіе болгарскіе говоры знаютъ сочетанія съ *от*. Что же касается 8-ой категоріи, то въ этихъ случаяхъ употребленіе *от* характеризуетъ собою говоры центральной и юго-западной Македоніи. Это говоры слѣдующихъ областей: Прилѣпской, Моріовской, Битольской.

Охридско-стружской, Дебърской, Кичевской. Прилѣпъ: ма-
ката от жёната; к'ерк'и од деда Ноја (Сбм. XI, 96). кук'ата
от бабата (ib. 142) и др. См. также замѣчаніе Мирчева въ
Сбм. XX, 17, 34. Маріово: одајата от домак'ино (Сбм. XVI—
XVII, 290); кук'ата от Каина (ib. XV, 290). Охридъ: Всѣкога
вмѣсто прѣдлога на прѣдъ сѫществително съ притежателно
значение се употреблява отъ: синот от Іончета... (Изв. на
сем. III, 255). Струга: звукотъ одъ гайдата, времето одъ
Марка Крале, захожданіе одъ синцето... (Сб. Миладин., Пред-
говоръ). М. Рѣка: шишето од ламбава; петлицата от рокавоф
(Изв. на сем. II, 282). јунаството од зётот (Сбм. XI, 149).
Кичево: 'вървот от кулата (Шапк. IX, 223). Въ зап.-битоль-
скомъ Кауочаџе: *уа* *и*^п*ти*^с*ф*^а*у*^с*т*^о*т* — въ концъ
мѣсяца (Сбм. XV, 378). *от*^п*ти*^р*з*^а*у*^с*т*^о*т* *и* *хл*^а*у*^с*т*^о*т* *з*^е*х*^и*л*^о*т* *и* *от*^х*о**т*^з*а**м**п**а**з*^и*х* — избрание и назначение векиля и ко-
джабаши (ib. 379), *р*^а*х*^а*т*^а *от*^з*л*^а*д*^и*т*^с*и*^т*е* (ib. 382) и др.— Въ
этомъ памятникъ от употреблено и въ слѣдующемъ соче-
таніи: *сите* *от* *е*^н*ту**о* (ib. 378—379) вм. — *za-edno* другихъ
болгарскихъ говоровъ.

Въ 1—6 категоріяхъ и неславянскіе балканскіе языки
имѣютъ сочетанія, соотвѣтствующія болгарскимъ *от+*форма
имени. Въ н.-греческомъ *ἀπό*, въ румынскомъ (дако-рум. и
аромунскомъ) *de(di)*, въ албанскомъ *prej* (въ Дидаascalіи *pe*,
вм. *pre*) и *nga* (*ka*, *kah*) соотвѣтствуютъ славянскому *отъ*.
Албанскій языкъ иногда имѣеть и иное соотвѣтствіе слав-
янскому *отъ*, греч. *ἀπό*, рум. *de*. Такъ, при сравнительной
степени онъ употребляеть не только *nга*, но и *se*. Въ Ди-
даascalіи находится именно *se*: *уа* [te] *ф*^{ор}*т* *уто*^у*ху**у**с* *т*^и*п*^и*с**у**а*[te b̥e[n]e] *è* *тоб**ре* *сé* *уо*^у*з**е**у**а* 160 (ср. болгарскій при-
мѣръ въ 5-ой категоріи). И въ н.-греческой параллели въ
этихъ примѣрахъ употреблено не *ἀπό*, но *παρά*. Вообще же
въ н.-греческомъ языкѣ въ соотвѣтствіи русскому „чѣмъ“
при сравнительной степени находится *ἀπό* или *παρά*. Ближе
къ болгарской параллели аромунская передача, имѣющая
de-pre-ka въ соотвѣтствіи *отъ*. Въ одномъ случаѣ албанская
параллель отступаетъ отъ всѣхъ другихъ параллелей въ
употребленіи соотвѣтствія болгарскому *отъ*: послѣ глагола
„наполнять“ употреблено не *re*, а *me[=сь]*, въ соотвѣтствіи
греч. *ἀπό*, аром. *de*, болг. *отъ*: *хъ**т*^a [t a] *и*^т*о**в**е**з* [=тѣбъ] *и*
е *р*^а*х*^и*т* 176. Въ другомъ мѣстѣ, послѣ прилагат. „полный“
(*πλήτ*) находится *re* (117).

Изъ греч.-аром.-албанскихъ параллелей къ болгарскимъ примѣрамъ 1—6 категорій отмѣтимъ еще слѣдующіе. 1) Болгар. близу от брѣдата 168. Въ другихъ параллеляхъ этому от нѣть обычного соотвѣтствія: въ греч. и алб. это сочетаніе передано съ предлогомъ „въ“: *σύμπα εἰς τὸ πλήρει; ἀφαρ ὑπα[=ndε] πηροῦν*. Въ аром. употреблено [aproáre] ninga; дак.-рум. lîngă, лат. *longum ad¹). Но въ румынскихъ діалектахъ извѣстно и полное соотвѣтствіе болгарскому близу от: ароаре de²). 2) Болгар. проштайн'ето от грехбите 182. Въ другихъ параллеляхъ, не исключая и аромунской, находится форма родит. п.: 'Рѡи. тѣу сѹуχѡрѣс! тѣу амартѡу. Вѣ. лѣртатъсѹиа а амартѣлор. Аѣз. та утіерат та үхїуаъзет. 3) Болгар. на крајот от мбрето 136. Въ греч. и алб. параллеляхъ находятся формы род. пад.: εἰς τὸν αἴγαλον τῆς ψαιλάζοης. икѣ икоуцат ута [të] тѣтѣт [detit]. Но аромунская параллель совпадаетъ съ болгарской: πρέ πούτѧ [budza] тѣ [de] амарѣ. Примѣръ 7-ой категоріи представляетъ собою балканізмъ: и въ другихъ болгнскихъ языкахъ имѣются соотвѣтствующія выраженія одинакового значенія. Вѣ. се юс ѹен та[de] фхллю. Аѣз. та юс ѹе разз пеисѹ[ре siu]. Въ греч. параллели передано иначе: νὰ ѹи ڇажханѹїс. Но греческому языку извѣстно и выраженіе „брать отъ глаза“—„глазомъ“ = „бросать на к.-н. злой взглядъ“: παιρѹш ἀπὸ μάτῃ³).

Болгарскимъ примѣрамъ 8-ой категоріи употребленія предлога от соотвѣтствуютъ въ другихъ параллеляхъ формы родит. п. Но относительно аромунской параллели слѣдуетъ замѣтить, что въ румынскихъ діалектахъ въ обычномъ употребленіи въ этихъ случаяхъ и сочетанія съ de. Иногда употребленіе такихъ сочетаній обусловлено тѣмъ, что предшествующее существ. не членное; послѣ же членааго существительного употребляется форма родит.⁴). Въ примѣрахъ Дидаскалии предшествующее существ. находится въ членной формѣ: τρέμα [dräma] а траутафбллоу 148. ој-рѣхълѣ амосллэрлор 155—156.

¹) R. Kurth. Der Gebrauch der Präpos. im Rumän. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ X, 565—566.

²) Ibid. 612.

³) P. Papahagi. Parallelе Ausdrücke und Redensarten im Rumänischen, Albanesischen, Neugriechischen und Bulgarischen. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ XIV. 122.—Болгарской параллели не отмѣчено.

⁴) Kurth. Op. cit. 502.

Извѣстно, въ какомъ широкомъ употребленіи предлогъ *de* въ романскихъ языкахъ.¹⁾ Румынскій языкъ (въ его діалектахъ) пошелъ еще дальше въ этомъ отношеніи: онъ имѣетъ сочетанія съ *de* и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ другіе романскіе языки представляютъ сочетанія съ *a*.²⁾

Выше было указано, что употребленіе предлога *ot* въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, въ особенности въ Македоніи, извѣстно въ гораздо большемъ числѣ категорій, чѣмъ это отражается въ раннихъ болгарскихъ памятникахъ письменности. И замѣчательно, что частое употребленіе „*отъ*“ въ позднихъ памятникахъ характеризуетъ собою памятники, написанные въ румынскихъ областяхъ. Многочисленные примѣры изъ этихъ памятниковъ указаны Л. Милетичемъ въ статьѣ: „Дако-ромънитъ и тѣхната славянска писменность“ (Сбм. IX. 313—315). А вотъ „Knigice od molitvi“, составленное павликіаниномъ И. Яковскимъ и напечатанное въ Римѣ въ 1846 г.³⁾ Эта книжица изобилуетъ сочетаніями съ *ot*, появившимися подъ вліяніемъ итальянскихъ конструкцій съ *de*. Позднѣйшій издатель ея Клобучаръ⁴⁾ нашелъ нужнымъ во многихъ мѣстахъ замѣнить *ot* посредствомъ па.— Позволительно думать, что многочисленные случаи употребленія *ot* въ болгарскихъ говорахъ, преимущественно юго-западныхъ, находились въ связи съ иноязычнымъ элементомъ, родственнымъ румынскому.

Непосредственное прилагольное дополненіе. Винительный и дательный.

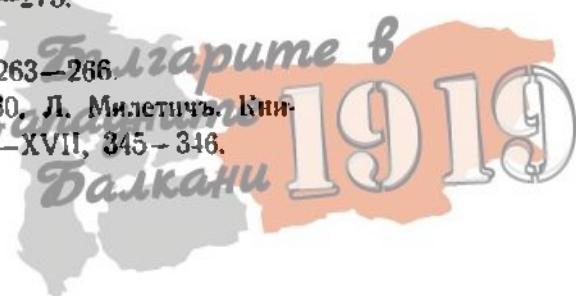
Въ македонскихъ говорахъ употребляется двойная передача прилагольного дополненія (винит. и дат.), относяща-гося къ сказуемому непосредственно (съ точки зрѣнія преж-няго языковаго состоянія, до развитія *на* въ передачѣ дат. пад.): 1) двумя формами личныхъ мѣстоименій: „полной“ („абсолютной“) и „краткой“ („конъюнктий“): мене ме, мене ми, тебе те, него го и т. д. 2) и въ особенности часто по-

1) W. Meyer-Lübke. Gram. d. Rom. Spr. III, 261—275.

2) R. Kurth. Op. cit.

3) Л. Милетичъ Нашитъ павликяни. Сбм. XIX. 263—266.

4) Duhovni Glas alj molitvi kasi... U Szigydin. 1860. Л. Милетичъ. Книжнината и езикъ на банатските българи. Сбм. XVI—XVII, 345—346.

средствомъ формы существительного и „краткой“ формы личного мѣстоименія того же падежа. Положеніе „краткой“ формы мѣстоименія всегда опредѣленное: она находится или непосредственно передъ глаголомъ, или за глаголомъ. Условія того или другого положенія совершенно тѣ же, какъ и въ прочихъ случаяхъ употребленія „краткой“ формы мѣстоименія, виѣ сочетанія съ „полной“ формой мѣстоименія и съ существительнымъ того же падежа. „Краткая“ форма находится обычно передъ глагольной формой. Въ случаѣ, если рядомъ употребляются двѣ „краткихъ“ формы, то передъ глагольной формой непосредственно находится форма винит., которой предшествуетъ форма дат.. Въ двухъ случаяхъ положеніе „конъюнктнаго“ мѣстоименія за глаголомъ: при повелительномъ наклоненіи и при дѣпричастіи. Что же касается „полной“ формы мѣстоименія или формы существительного, то онѣ не имѣютъ опредѣленного положенія относительно „краткой“ формы мѣстоименія: онѣ или предшествуютъ (непосредственно или посредственно) „конъюнктному“ мѣстоименію или слѣдуютъ за нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если „краткая“ форма мѣстоименія находится передъ глаголомъ, то „полная“ форма мѣстоименія или форма существительного употребляется за глаголомъ (непосредственно или посредственно); если же краткая“ форма мѣстоименія слѣдуетъ за глаголомъ, то вторая часть такого дополненія употребляется послѣ первой (опять-таки непосредственно или посредственно). Но въ повелит. н. „полная“ форма употребляется и передъ глагольной формой, а „краткая“ по обыкновенію слѣдуетъ за глагольною формой.

да въ сопjunctiv'ѣ, к'е въ будущемъ, отрицаніе не находятся передъ „краткой“ формой мѣстоименія. Рѣже отрицаніе не стоитъ между „краткой“ ф. мѣстоименія и глаголомъ. Союзъ и предшествуетъ „полной“ формѣ мѣстоименія или формѣ существительного.

Двойная передача встрѣчается также въ замѣнѣ *genetivi [dat.] possess.*: за дательной энклитикой мѣстоименія слѣдуетъ существительное въ формѣ для дат. п. или „полная“ дат. форма мѣстоименія.

Необходимое условіе въ употребленіи „конъюнктнаго“ мѣстоименія составляетъ то, чтобы имя существительное въ *casus obl.* относилось къ извѣстному предмету, находилось бы въ членной формѣ или въ сочетаніи съ указательнымъ мѣстоименіемъ.

именіемъ. Вместо „полной“ формы мѣстоименія или формы сущ. можетъ употребляться форма какого-нибудь мѣстоименія, относящагося къ определенному предмету (бисица го нѣмать оў цркви—такого-то нѣть въ церкви. Огледало Кирилла Пейч. 92). На сообщаемыхъ ниже примѣрахъ ясно обнаруживаются категоріи употребленія и расположениѣ частей двойной передачи *casus obl.* въ предложеніи.

Примѣры двойныхъ формъ для непосредственного приглагольного дополненія въ Диадаскаліи немногочисленны: ея тексты, состоящіе изъ коротенькихъ фразъ, не представляли подходящихъ условій для употребленія такихъ формъ. куршумот го раникат трюпот 150. клепалото да го биеш со ченканите ибви 143. лалиците, паниците да и държиши измѣни харно, и садбите тфби[-и] да и имаш на негой[-и]те мяста 158. Во второмъ и третьемъ примѣрахъ и другія параллели имѣютъ соотвѣтствующія двойные формы. Въ первомъ въ греч., аром. и алб. „коњакт“. мѣстоименія не имѣются.

Переходя къ говорамъ прочей Македоніи, замѣтимъ, что двойная передача вин. и дат. дополненія представляетъ собою обычное явленіе въ этихъ говорахъ. Ограничимся немногими примѣрами. М. Рѣка: тој ја виде книгата. им дадофе на децата круши. Петко го видел татка.—Никога нѣма да се каже: Петко видел татка (безъ го); дадофе на децата круши (безъ им) и пр. (Изв. на сем. II, 279). Ајде и нас фрли не (Браство, IX—X, 386). У славянъ Г. Рѣки, существовавшихъ въ этой области еще въ началѣ прошлаго вѣка, была въ употребленіи подобная же передача дополненія: каменетъ гї донесохъ ѿ кѹмановъ—въ записи игумена Герасима (Уст. Хлуд. Собр. № 122). Кичево: тебе в рай те не пушаат (Сб. Икон. 126). нѣго го имат за сферитец (Новини, III, № 40). ти го даа него (Сбм. XIX, 4). спрѣгните го нѣго (ib. 130). неа да а земет (ib. 66). нему му остана (ib. 1). ними им се чинеше (ib. 113). Татко е нејзе, царот, се научил от луг'е, оти арапот го немат вск'е; сега к'ерка му ја имат други бел чоек (ib. 18). што на чоинка никогаш не му идет на умот... (ib. 108). земи ми ја и душата (ib. 5). децево го дадоф на даскал (Сбм. II, 186). покренете-а гї{=г'е}миава (Новини, III, № 40). Порѣчье: Велигден да го не дочекаш („Карац.“ II, № 4). въ раце го држит Ристоса (ib. III, № 5). Струга: и ти... венча Бояна (Миладин. V). кажи ми мёне (Шапк. IX, 485). Охридъ: Куз-

Задругите въ
Балкана 1919

мана не го ѿбивъм; да ми го пўлит Кўзмана (Изв. на сем. III, 255). мёне дай ми (Шапк. VIII, 116). ѿби ме и мёне (ib. 114). мёне баре не гўби ме (ib. 210). го ви́де Пётрета? (Изв. на сем. III, 255). Рѣсенъ: и неја да не ја фатит (Сбм. VI, 139). кадијата го бопрале (Сбм. VIII, 231). Сътá слама ја ѹзеде (Сбм. VIII, 256). за коўку-је-си-гб-купнї гéрданот? (Псп. XLI—XLII, 888). Костуръ: ти сакаш да ме загиниш на мене (Книжици II, 53) невестичка грóбо си го кóпа (Сбм. VIII, 255). женаќта му на цáро (Шапк. IX, 333). Кайлляръ: зéми ме мёне. мене ки ме оставиш (Сбм. XVI—XVII, 68). Леринъ: јас тéбе не те познáвам (Шапк. IX, 320). ђиспи ја рéката (Шапк. IX, 315). гимијата му јá продадоја (ib. 318). Битоля: и нéму му ја зéде глáвата (Шапк. IX, 269). а грóбот го напрáйле (ib. 300). *марат ѫ¹* срéтот (Кхусуџе. Сбм. XV, 382). Крушово: здѣсь и въ 17-мъ в. употребляли: тебе те чинамъ. речете му на Дима Секулоика (письмо изъ Крушова, 1637 г. Минало I 3, 292). Прилъпъ: „Допълнението въ изречението се изказва два пжти вмѣсто еднажъ—иас му го дадоф на чбекот; мёне ми го донéсоа стблот“... (Сбм. XX, 32). Маріово: тебе те барам (Сбм. XVI—XVII, 287). нему да му се стора (ib. 288). псите ги начмуват (3 ед. ib. 288). Велесъ: нíх к'е му г'и дáдам за кáвази. да не зéме и нáс. еден рýбар го ѹзвади браќата ми и нéго го дáде на цáрот (Сбм. V, 172). сéто го ѹслушал (Сбм. VIII, 189). дáј ми го мене ѹабъкото (Сбм. V, 148). Ѣрслан’о го оставиле (Сбм. II, 214). на тátка му на дéтето (Сбм. VIII, 189). Скопье: мёне ми се не вéчера (Минало I 1, 67). нас к'е не сáкаат (Сбм. XI, 111). кой ми е тátко мёне? за да го утéпаа нéго (Минало I 1, 70). посей г'и мбите ядове (ib. 67). Пологъ: турай га нeя, лудо; земи ме мене (Стояновъ. 87). га гледам же-ната. го зáклале Митота. го зеде ‘атот со рука. кбн’от татко го държéше (Отчетъ 20, 24...) га ѹскорна бáфчата па и г'и викнал измек’арете; Бог да го биे ‘Алия (Минало I 1, 74, 73). Я не я жалим бурмата (Стоян. XVII) и др.. на дете му дойде млогу мука; после му гбвори на детето (Отчетъ 20). он им беше ѹзмек’ар на свите войска (ib. 28). да припаднишъ на моленъ ии майкамъ царотомъ (Утѣш. грѣшнымъ 23).

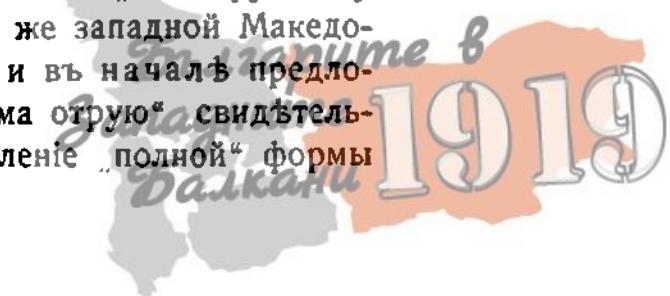
Въ Д. Пологъ наблюдается и отклонение въ расположении местоименныхъ формъ: въ вопросительномъ предло-

¹⁾ Прилагательное при „свет“ [=народъ] также во множ. ч.: богати свет (Велесъ. Сбм. V, 172).

женіи „полная“ форма находится передъ глагольной ф.: кой тѣбе заповѣдуе? (Минало I 1, 74).

Воденъ: Ми дадек и на мѣне ногу пѣри [=и мнѣ дали много денегъ] (Сбм. II, 189). и му ж дѣл кѣрка му (ib.) дѣваѣ ми ж глѣвата (ib.). му кажаїу на царут (ib. 188). Гѣспод и на него му вѣле (Шапк. IX, 338). Мелленъ: даї ми гу на мен (Сбм. III, 120). дѣпката му ж наобѣаме. си ж свѣл пашката. на тѣа чуവѣк му вѣкакхе, (Сбм. IV, 190, 191, 188). Солун. село Киречк'ой: го опитѣ на той Христос [=его спросилъ Христосъ] (Книжици II, 40). не тѣ сакам на ти (ib. 41). jáz па тѣbe, góro, cé te pítam, tî па мѣне právo da mi kážeš (Rad., knj. 145, стр. 141). da mi kážeš па мѣн (ib. 156). тога му vѣli vѣlkot na lisicata (ib. 156). Гевгели: зѣмаш ли ме и мѣне? (Шапк. IX, 341).

Перечисленные области занимаютъ сплошь Македонію до Вардара. Въ говорахъ этихъ областей были отмѣчены и другія особенности, характерныя для говоровъ Македоніи. Въ говорахъ областей, расположенныхъ къ востоку отъ Вардара, отсутствуютъ нѣкоторыя типично-македонскія черты. И передача вин.-дат. дополненія въ этихъ говорахъ не вполнѣ тожественна съ передачей въ типично-македонскихъ діалектахъ. Понятно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по лѣвой сторонѣ Вардара могутъ находиться говоры, двойной передачей дополненія примыкающіе къ говорамъ западной Македоніи. Таковы говоры Дойрана, Солунской области, напр., села Киречк'ой. Но дальше къ сѣверу наблюдается существенное отличіе въ этой передачѣ. Употребленіе двухъ формъ для дополненія встрѣчается тамъ рѣдко. Ихъ расположеніе также не всегда соотвѣтствуетъ западно-македонскимъ сочетаніямъ. Штипъ: já, ймаш ме мѣне, како нѣкоа робин'a! (Сбм. X, 140). Кратово: я к'е гу нума отрую (бПсп. XI—XII, 71; ср. положеніе „полной“ формы мѣстоим.). па га викнале и него (сПсп. V, 120). да ве изнесу и вас (сПсп. V, 119). Камен'ето г'и дѣл'ат на три цѣни (Минало I 1, 76). пѣрите отъ дѣноко си г'и дѣлили (ib. 77). Но—Тома одиѣл, раздаваѣл г'и пѣрите (ib. 77). Изъ сообщенныхъ примѣровъ видно, что conjunct. мѣстоименіе не начинаетъ собою предложенія, какъ и въ другихъ болгарскихъ говорахъ. Ср. также: „Не верувал гу татко ву“ (Псп. V, 120). Въ говорахъ же западной Македоніи эти формы мѣстоименій находятся и въ началѣ предложенія. Кромѣ того, примѣръ „гу нума отрую“ свидѣтельствуетъ, что здѣсь возможно употребленіе „полной“ формы

мъстоименія непосредственно передъ формой глагола изъяв. и. Между тѣмъ, по ту сторону Вардара при весьма частомъ употребленіи двойныхъ формъ для дополненія такого положенія „полной“ формы мъстоименія не встрѣчается. Только для Д. Полога былъ указанъ примѣръ (весьма рѣдкій) нахожденія „полной“ формы мъстоименія непосредственно передъ глаголомъ. Но эта область—пограничная въ Македоніи. Къ съверу и съверо-западу отъ Полога находятся говоры съ инымъ, болѣе свободнымъ, расположениемъ двойныхъ формъ для дополненія (см. ниже).

Въ западной и восточной Болгаріи также известна двойная передача указанного дополненія. Нѣсколько примеровъ. Г. Джумая: неја ја фанало страх. мѣне к'е ме пита. мѣне никој не ме носилъ к'йтка (Сбм. XX, 26, 30, 27). Остайл го на-мира нѣго (ib. 25). Търнъ: да те вържемъ тебе. дай ми мене ножът (Псп. XI, 137). Видинъ: Н'ему съга му трѣбе. Н'и ги закарава... (Сбм. XIX, 26). Съв.-восточная Болгарія: kój tă téb'q píta bré! (Милетичъ. Das Ostb. 117). nám pí j drágó (ib. 116).

„Краткая“ форма мъстоименія въ началѣ предложения не можетъ находиться.

Что касается передачи *casus obl.*, состоящей изъ формы существ. и сопр. мъстоименія, то она не чужда говорамъ Болгаріи, хотя она и встрѣчается тамъ не часто. Такъ, двойная передача винит. пад. употребительна въ случаяхъ, когда форма существ. въ винительномъ пад. совпадаетъ съ формою именительного: -дѣтето го ухапа куче. майка ми я боли глава. дѣцата ги пуснаха¹⁾). i lívórverö ó-ságát gu skríf törbъtъ si (Милетичъ. Das Ostb. 290. Тексты). dä ně g'i tazvřezš öt kösítъ mi kl'úcovet'e (ib. 291). умичинциту гу тўриль пуд инно куриту (Сбм. IV, 516). Что касается двойной передачи для дательного пад., то она встрѣчается послѣ энклитики личного мъстоименія, замѣняющей притяжательное мъстоим. Pišete li čestó na-vaštû mi na-Ráika? (Cankof. Gram. 40). lice ти на cár'atögö na siná mi (Милетичъ. Das Ostb. 294). mák'a му на царо. mák'a му на г'емиціата (Г. Джумая. Сбм. XX, 26).

Двойные формы непосредственныхъ приглагольныхъ дополненій были въ частомъ употребленіи и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ.—1) szprovodi ma тапе. tebe

¹⁾ М. Ивановъ. Синтаксисъ на бълг. езикъ. 2 изд. Пловдивъ. 1905. 20.

ia napustam. Bog ne ni oszтava naz. Bog vam vi e szereszaval (Сбм. XIII. 204, 209, 212, 243). da tta molime tebe boga. ne ni oszтavi nasz. sto tebe ne ti drago (Denkschr. VII. 114, 111, 109). 2) cse Christusa go giendam. Kogi Jesusa go rasszlegnuha. Daniela Bog ne go bi szabil. glavata mu ie szdarbaha (Сбм XIII, 217, 236, 239. Denkschr. VII, 146).

Выйдя за діалектические предѣлы Македоніи въ сѣверномъ и сѣв.-западномъ направлениі, мы наблюдаемъ въ отношеніи передачи вин.-дат. дополненія слѣдующее. Въ областяхъ, сосѣднихъ съ Македоніей, въ Скопской Черной Горѣ и Кумановѣ, встрѣчается того же вида двойная передача, какъ и въ сосѣднихъ на югъ македонскихъ говорахъ: 1) посредствомъ „полной“ и „краткой“ формъ мѣстоименія. 2) посредствомъ формы существ. и „краткой“ формы мѣстоим.; формы мѣстоименія занимаютъ тѣ же положенія, какъ и въ западно-македонскихъ говорахъ; но наблюдаются уже и отступленія въ ихъ расположениі.

Примѣры. Скоп. Ч. Гора: мене ме он сака. тебе да ти бидне (Етн. Зб. VII, 379, 407). Ѣе тебе да те лъби. и ѿума одсечите гу. ѿујма гу бегендиса. што Ѣе ми остане мене. што ми мени ти напра(j)и (Насеља III, 478, 491, 494, 490, 482). Дѣда га праšал измѣк'арот зашо тѣка г'и прѣгнал волбите. на дѣда му му паднѣло страм. слѣбите г'и товѣрил млѹгу. кѣко им напрѣвил на кон'ите (Минало I 1, 68). На невиканога госта место му е зад врата. и му рекал на рибаротога (Етн. Зб. VII, 376, 509).

Куманово: ти ме мѣне зѣбраи. немб旂 мѣне да ме забраиш (Минало I 1, 76, 75). кој те тебе сече. и ѿумај гу по-поскало. и ѿи ги збирамо (Хц.-Василь. I, 342, 338). мѣне Ѣе ми гу дѣдеш. што ти је тебе (ib. 337, 345). и н'ему му цар направил цркву (Минало I 1, 76). удавив га вѣка. заковали га бунар и нигде гу не пуштал Ѣерку си. родитељи пазили га тој девојче. А он ву на змију одговора. оно ву рекнало на бабу (Хц.-Василь. I, 339, 341, 341, 339, 338).

Двойная передача вин.-дат. дополненія известна и со-сѣднимъ, прешевскимъ говорамъ.— и ѿега га потурчили. и ѿи ги поцепаја. што ми мене. мужа га испрати ја. сварија гу крушку (Хц.-Василь. II, 297, 295, 293, 296, 287).

Далѣе къ сѣверу и сѣв.-зап. также находятся говоры, знающие двойную передачу *casus obl.*, но представляющие то существенное отличие отъ говоровъ южныхъ, что эта пере-

лача ограничена формами личныхъ мѣстоименій. Передачи, состоящей изъ формы существительного и „краткой“ формы мѣстоименія здѣсь не встречается. Только на Косовѣ изрѣдка употребляется, вѣроятно, и эта передача. Расположеніе формъ мѣстоименій не всегда совпадаетъ съ расположениемъ ихъ въ западно-македонскихъ говорахъ: „краткая“ форма мѣстоименія очень часто находится за глаголомъ; „полная“ форма нерѣдко употребляется непосредственно передъ глаголомъ. Это говоры областей въ бассейнѣ южной Моравы, Косова поля и Тимока. Въ географическомъ отношеніи эти области примыкаютъ къ Македоніи (область южной Моравы и Старой Сербіи) и къ западной Болгаріи (область Тимока). Въ этихъ областяхъ юго-восточной и Старой Сербіи существуетъ и рядъ другихъ особенностей, свойственныхъ говорамъ Македоніи съ одной стороны и Болгаріи—съ другой. Многочисленные примѣры для говоровъ южно-моравской и тимочско-лужнической группъ сообщены въ книгѣ А. Белича: Дијалекти (стр. 400—416). меңе ме истепаше. овъ⁴ ће ме меңе изёде. тобј ни нас зáгуби. викáше ни нас. тебе ћ'у ти дам. ја нé ти тебe рекнá. јá съ⁴м те тебe печалил. пýтам га ја нéга. докараше га нéга. Для говоровъ средняго Тимока см. указаніе Б. Станоевича, въ „Дијал. Зб.“ II, 405. Косово: мене ме је земња притиснула. Благо мајке што га нéга роди. фала ти и тебе (Етн. Зб. VII, 198, 199, 194). После му каже медвед нéму. и нéга га уби. мене па ћаше да ме обеси (Књиге Матице. № 6, 155, 157). куј те тебе пије, куј те тебе пије, без невесте спије, куј те тебе љуби, капу да изгуби (Етн. Зб. VII, 233). Ср. также указаніе Гл. Јелезовића на существованіе двойныхъ формъ мѣстоименій въ говорахъ Пећи и бассейна Ситницы (Дијал. Зб. II, 471). Для говоровъ Косова можно отмѣтить и форму существ. съ „краткой“ формой мѣстоименія:—Медведу стало му мука (Књиге Матице № 6, 156).

Въ другихъ восточно-балканскихъ языкахъ такъ же, какъ въ говорахъ Македоніи и Болгаріи, находятся въ обычномъ употреблениі двойныя формы для вин.-дат. прилагольного дополненія, употребляемаго при тѣхъ же условіяхъ, какія отмѣчены для славянскихъ говоровъ Македоніи. Положеніе „краткой“ („конъюнктной“) формы мѣстоименія всегда опредѣленное относительно глагола: она или непосредствен-

Западне в
Балкани 1919

но предшествуетъ формѣ глагола или непосредственно слѣдуетъ за формою глагола. Условія того или иного положенія сопјункт. мѣстоименія тѣ же, что и для славянскихъ говоровъ Македоніи.

Н. - греческій языкъ. 1) ἐμένα μὲν ἔρεις. ἐσένα πῶς σὲ φαίνεται. αὐτοὺς τοὺς ψοῦται. ἐμένα δὲ μὲν ρώτησε, αὐτὸν θὰ τὸν ἀκούσω. При повелительномъ накл. (2 л.) „конъюнктное“ мѣстоименіе находится за глаголомъ.

2) Изъ разсказовъ Харлампія Аннини (*Ἄττιχαὶ ἡμέραι*. Аѳины, 1894): καὶ πῶς τὸν λέγοντα τὸν ἐξάδειρόν σου (с. 66); καὶ ποῦ νὰ στὴν ὅδῳ τὴν ὄρχη (95); τὴν ἔφαγα τὴν πεντάρα! καὶ τι τὰ ἔκαψε τὰ ἀντερία (99); τὰς περαιτέρω ἐντοπώσεις μου θὰ σᾶς τὰς πέμψω ἐγγράψως (92); τὰ πετάλα τὰ ἔτικαζεν ἀπὸ τὸν χρύσον (108); ὅλα ταῦτα τὰ γυωρίζω (104). Изъ простонароднаго романа начала XVI-го вѣка: „Еротокритъ“ (Аѳины, 1894): ὅπου ὅποι τὸν εἰγα θάρρος μου (с. 317); νικῶν τηνε τὴν γυώμην σου. Καὶ τὰ τραχούδια πούργαλα μέσον στὴν φωτιάν τὰ κάψαι (196); τὴν στέρησίν σου τὴν ὕδωρ (197); Διώξε την ἀπὸ λόγον σου τὴν ἄφαντην ἐλπίδα (161)¹⁾.

Двойныя формы личныхъ мѣстоименій для дат. и винит. дополненія представлены также албанскою языкомъ во всѣхъ его говорахъ. „Краткая“ форма мѣстоименія находится передъ глаголомъ. Даже при повелительномъ накл. (2 л.) она употребляется иногда проклитически, въ чемъ отразилось вліяніе сочетаній съ формой глаголовъ въ сопјунктiv'ѣ, такъ часто замѣняющемъ въ албанскомъ языкѣ повелит. н.: *të të* *Uuatë*—*сопјунктivus*, вм. *imperat.*—*Uua j të*. Но при повелит. н. чаще встрѣчается „краткая“ форма мѣстоименія въ качествѣ энклитики, какъ и въ другихъ языкахъ. Иногда по говорамъ „краткая“ форма мѣстоименія произносится передъ окончаніемъ—*-pi* (2 мн.): *bë-të-pi*, *bë-pa-pi*, *Ubj-të-pi*²⁾.

të Ua tia [tse-geg.]—онъ сказалъ мнѣ. *të të* *pëlk'en-* мнѣ нравится. и *Ua juve*—онъ сказалъ вамъ. и *Ua atüre-*

¹⁾ За указанные примѣры изъ разсказовъ Аннини и „Еротокрита“ благодарю проф. С. П. Шестакова.

²⁾ Pedersen. Texte. 14, 122.

онъ сказаль имъ и т. п.¹⁾. *puk ja jap atí, ja jap asāj—я даю[jap] ee[или-его] не ему, я даю ee[его] ей.* ja вм. i—е; i—.краткая* форма дат. ед. для 3 л.; e—.краткая* форма вин. ед. 3 л.. *atí—.полная* форма 3 л. дат. ед. муж., asāj—жен.; т. е. puk i-e jap atí, i-e jap asāj.* *jep-i atí rruš!*—дай ему виноградную кисть. *puk i kam pā atá (ató—гег.), kam pā juve—я видѣлъ [кам pā] не ихъ [i—„краткая* вин. мн., atá, ató—„полная* вин. мн.], я видѣлъ васъ [juve—„полная* 2 л. вин. мн.]. neve na kā ðap [гег.] izëm, ené jo atünve—намъ [neve—„полная* 1 мн. дат., па—„краткая*] онъ даль [kā ðap] позволеніе, а не имъ [полная* дат. мн.]. të lutem me të ðap [гег.] tū—я прошу [lutem] тебя [të—„краткая* вин. 2 ед.] сказать. [me ðap] мнъ [të—„краткая*, tū—„полная 1 ед.]. tüt bahet ëi...—тебѣ [ëi—„полная* дат. 2 ед., t вм. të—„краткая*] кажется, что... (съв.-албанскій текстъ. Pisko. 43). Mie t qët pelëne [c—съверно-гег. вм. k'] libri i djalit atí—мнъ [тие—гег. „полная* дат. ед. 1, t вм. të—„краткая*] нравится книга того мальчика...*

Выше было отмѣчено, что въ славянскихъ западно-македонскихъ говорахъ отсутствуетъ передача *casus obl.* (вин.-дат.) посредствомъ одной членной формы существительного, безъ „краткой* формы мѣстоименія при глаголѣ. То же самое явленіе свойственно и албанскому языку во всѣхъ его діалектахъ.—При употребленіи въ *casus obl.* нечленной формы существительного „краткая* форма мѣстоименія отсутствуетъ. Положеніе сопіупст. мѣстоименія определенное: оно находится передъ глаголомъ и рѣже (при 2 л. повелит. н.) за глаголомъ, какъ и въ славянскихъ говорахъ западной Македоніи.

е [къ „motrëp*“] püeti (pveti—гег.) motrëp—онъ спросилъ сестру [e motrëp; e—„краткая* ф. мѣстоименія вин. ед; motrëp—вин. членной формы сущ. motra]. Но „краткой* формы нѣть въ такихъ предложеніяхъ, гдѣ существительное въ *casus obl.* неопределеннное, въ нечленной формѣ. Напр.: me kā škrue (Škrue—гег.) në (in'—гег.) letëp—онъ написалъ

¹⁾ Указанія см. въ изданіяхъ: G. Meyer. Alb. Gram. 21, Weigand. Alb. Gram. 58. Pekmez. Gram. d. alb. Spr. 132. J. Pisko. Handbuch der nordalbanischen Spr. 29. A. Dozon. Manuel de la langue chkipe, 301.—Изъ образцовъ, находящихся въ этихъ книгахъ, а также изъ „Текстовъ“ Педерсена взяты приводимые ниже албанскіе примѣры.

[kā ūkrūare] мнѣ [mɛ] письмо [одно [ne-] письмо: ne leter, но не letra—член.]. Въ зависимости отъ того, что сущ. здѣсь въ нечленной формѣ, отсутствуетъ и „краткая“ форма мѣстоименія [e] передъ глаголомъ. Если бы рѣчь шла объ определенномъ письмѣ, то было бы сказано такъ: та [изъ mɛ—e] kā ūkrūare letren. e [къ членной формѣ сущ. ūkrūare] kam pā ūkrūare e mikut—я видѣлъ [кам пā] домъ [е ūkrūare вин. член.] друга; но—кам pā n̄ ūkrūare t̄e mikut—я видѣлъ одинъ домъ [n̄ ūkrūare] друга. jati i [къ birit] ѡа тѣ birit düt—отецъ сказалъ второму сыну [i тѣ birit düt; i — „краткая“ ф. дат. ед.]. Mičvet jau kam čue penlat e mikněšavet ju kam čue n̄i liber (сѣв.-гег.)—Я послалъ [кам чue] друзьямъ [mičvet-ju] перья [penlat] и друзьямъ-женщинамъ [mikněšavet -ju] я послалъ одну книгу.—jaū (тоск. -јаа) изъ ju-i, гдѣ ju—„краткая“ форма дат. мн. въ зависимости отъ членной формы существ. дат. мн. mičvet. i—„краткая“ форма вин. мн. въ зависимости отъ членной формы существ. вин. мн. penlat. mikněšavet ju—дат. мн. существ. и сопюнст. мѣстоименія. Отсутствуетъ здѣсь i [jaū-ju i] потому, что для casus obl. служить нечленная форма существ.—n̄i liber, а не—librin. Ср. также расположение формъ для casus obl.,—такое же, какъ и въ славянскихъ говорахъ Македоніи. Rencakut nuk i besđi -лжецу не вѣрять. Rencakut—член. дат., i—дат. „краткой“ формы мѣстоим. Ju kam ѡan gravet t uja či...—Я сказала вашимъ женщинамъ, что... Ju—„краткая“ ф. дат. мн.—къ gravet—сущ. член. дат. мн. Atüne djelmve ju kā dek e ама e vet—У тѣхъ мальчиковъ [дат. мн.] умерла [kā dek] ихъ мать. Cilvet djelm jau kē ѡan librat a mī? -Какимъ мальчикамъ [cilvet djelm и „краткая“ ф. ju] ты отдалъ мои книги [i—передъ глаг. (ju-i→jaū) и librat—член. ф. сущ.].

Повелит. н. Ja [*←i-e*] děstoni tregun nuses! Покажите молодой женщинѣ [nuses] базарь. „молодой женщина“—i [мѣстоим.]. . . nuses [сущ. член. дат. ж.] e—мѣстоим. (вин.) относится къ tregun (чл. вин.). Jau [*←ju-e*] děsto kopštin neržvet!—Покажи садъ мужчинамъ. „мужчинамъ“—ju... nerezvet. e—къ kopštin (чл. вин.).

Наконецъ, отмѣтимъ употребление формъ для casus obl. при вопросѣ. Если въ этомъ случаѣ является винит. пад. и существительное употребляются передъ глаголомъ,

„конъюнктное“ мѣстоименіе отсутствуетъ. Если же глаголу предшествуетъ форма дат. п., то является двойная передача *casus obl.*—1) *cilin kalém kē g'êt?*—чье перо ты нашелъ? 2) *kuj* (или *tē cilit neriu*) *ja[←i- e] kē ȳan kalemin?*—Кому (или „какому человѣку [мужчинѣ]“) ты отдалъ перо?

Соответствующее явленіе знаютъ и румынскіе діалекты. Что касается положенія „конъюнктного“ мѣстоименія, то оно обычно находится непосредственно передъ глаголомъ изъяв. н. и непосредственно послѣ глагола въ повелительномъ наклоненіи (когда глаголъ безъ отрицанія; при отрицаніи мѣстоименіе употребляется проклитически); энклитикой „краткая“ форма мѣстоименія является и при герундіи¹⁾. Въ нѣкоторыхъ говорахъ мѣстоименной проклитикой можетъ начинаться предложеніе. Такіе примѣры можно отыскать изъ мегленскихъ и аромунскихъ говоровъ (см. ниже).

Нѣсколько примѣровъ. 1) Аромунскіе говоры. *Dō*²⁾ *ń a nia*—дай мнѣ [*ń*—„краткая“ форма + *a nia*—„полная“ форма дат. личн. 1], *kōrts a nia sō ń pitréts*—присылай [*sō...* *pitréts*] мнѣ [*a nia*—*ń*] письма [*kōrts*], *ta sō ń adžutō š a nia*—да поможешь и [*š*] мнѣ [*ń...* *a nia*]. *mine ku kae va s me aláš*—съ кѣмъ ты меня [*mine...* *me*—винит. ед.] оставилъ. *z dedu kaplu a tsie*—я далъ тебѣ голову; *tebъ*—*z*—„краткая“ ф. дат. 2. ед., *a tsie*—„полная“. *a lor kata lō intō*—когда они вошли къ нимъ. *a lor*—„полная“ форма дат. мн. 3; *lō*—„проклитика“ того же падежа³⁾.

2) *lilitša s o agír*—чтобы цвѣтокъ [*lilitša*—член. сущ. жен. р.] я сорвалъ; *o*—„краткая“ форма вин. ед. жен., относится къ *lilitša*. *ń o akōtsaj šō ń o bōšaj, daqli tsūtsō li akōtsaj*—я (себѣ, мнѣ—*ń*) схватилъ ее [*o*] и (себѣ—*ń*) цѣловалъ ее, обѣ груди [*daqli tsūtsō...li*] схватилъ; *li*—проклитика вин. мн., въ зависимости отъ предшествующаго существ. *tsūtsō*. *Dado, nvęasta nu ń o n̄gatše*—Мама, не ругай [*nu...* *n̄gatše*] мою молодую жену [*nvęasta...* *ń o...*]. *Bōsild̄lu o lo nvęastō sa pōroj, mišata o dęade atseluj ta mate*—Царь взялъ [*lo*] опять [*pōroj*] свою жену [*o...* *nvęastō sa*]; красавицу [*mišata* (член. сущ.) *o*] далъ старшему. *ali Džanfik'e l'i gri*—онъ сказалъ Джанфикѣ [*ali*

¹⁾ H. Tiktin. Zur Stellung der tonlosen Pronomina und Verbalformen im Rumänischen. „Zeitschr. f. rom. Phil.“. Bd. IX. 590—592.

²⁾ Вместо *o* записей Венгранда употребляй *ń*, вмѣстѣ тѣхъ же записей—*ń*.

³⁾ Изъ текстовъ Венгранда. Die Aromunen. II, 24, 82, 12, 76, 222, 100.

Dž. l'i; —l'i—проклитика дат. ед. ж.], nôs a fraslor lô dzûtséá, š a mô sôj l'i spuñgá—онъ сказалъ [nôs...dzûtséá] братьямъ [a fraslor lô „—lô—проклитика дат. мн.], и своей матери [a mô l'i...] проговорилъ. kôtsé nu lô dzûts a fratslor¹⁾—почему ты не скажешь братьямъ;—„братьямъ“—lô—проклитика, дат. мн.,—существ. дат. мн.—a fratslor.

Мегленские говоры. ši la lôsô šárpili—и убилъ змѣю;—la—проклитика винит. ед. муж., въ соотвѣтствіи член. существ. šárpili. Tou fitšor la mulškô un šapri—твоего сына [tou fitšor la...] укусила змѣя. ši la lo ursõnja fitšõru—и медвѣдица взяла мальчика [la... fitšõru]. La pusi ursõnja—медвѣдица его [la] положила; ср. la въ началѣ предложения. Aq drubî ursõnja, aq pusi an qalô—онъ раздробилъ медвѣдицу [aq... ursõnja], положилъ ее [aq] въ горшокъ; aq—проклитика винит. ед. ж. И въ этомъ примѣрѣ „краткая“ форма мѣстоименія находится въ началѣ предложения. Žungliô-la šárpili—убей змѣю [-la- „краткая“ ф. мѣстоим. вин. муж. къ член. существ. šaprili]. ši alj dedi ši la mätsa—и дала и кошкѣ [alj „краткая“ ф. мѣстоим. дат. ед. жен. къ член. существ.... la mätsa, la mätsa—дат. ед. существ.²⁾].

Двойные передачи для вин. и дат. дополненія свойственны и дако-румынскимъ говорамъ³⁾.

При отсутствіи изслѣдований о судьбахъ отдѣльныхъ восточно-балканскихъ языковъ, объ измѣненіяхъ, пережитыхъ каждымъ изъ нихъ въ прошломъ, мы вынуждены ограничиться и въ данномъ случаѣ лишь констатированіемъ параллелей въ одинаковой передачѣ прилагольного дополненія (вин.-дат.). Можетъ быть, для рѣшенія вопроса о происхожденіи указанного синтаксического явленія прольетъ немногого свѣта слѣдующее обстоятельство. Въ романской языковой области такую передачу *casus obl.* представляетъ не одна только румынщина,—ее знаютъ и другіе романскіе языки, и эта передача отражается уже въ раннихъ памятникахъ романской письменности⁴⁾. Синтаксическимъ новше-

1) Изъ тѣхъ же текстовъ: 26, 154, 248, 160, 158, 244.

2) Weigand. Vlacho-Meglen. тексты: 69, 70, 72, 73, 73, 70, 60.

3) H. Tiktin. Die rumänische Sprache. „Grundriss d. rom. Phil.“ I, 459. Meyer-Lübke. Gram. d. rom. Spr. III, 424.

4) F. Diez. Grammatik d. rom. Spr..2 Ausg. 1860. III, 61, Meyer-Lübke, op. cit. III, 424—426.

А. Лескинъ, въ коротенькой замѣткѣ на стр. 28-ой сборника: *Festschrift Whitley Stokes* (Leipzig, 1900), считаетъ, что слаг.-македонское соче-

ствомъ, свойственнымъ румынскимъ діалектамъ Македонії, представляется большая свобода въ проклитическомъ употреблениі „краткой“ формы личного мѣстоименія: она можетъ находиться передъ глаголомъ, начинаящимъ предложеніе,—явленіе, характеризующее собою также діалекты албанскіе и славянскіе юго-восточной и западной Македоніи.

Удареніе.

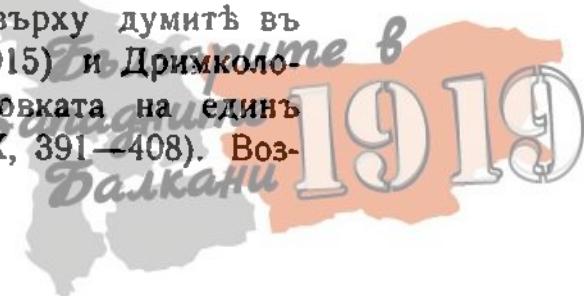
Мѣсто ударенія въ говорѣ Дидаскаліи опредѣленное: на 2-мъ слогѣ отъ конца въ двухсложномъ словѣ и на 3-мъ въ словѣ, состоящемъ изъ большаго числа словъ. Говоры, имѣющіе такую систему ударенія, занимаютъ всю центральную, юго-западную и западную части Македоніи.

Говоры Македоніи представляютъ 5 акцентныхъ системъ.
1. Говоры въ областяхъ Кратова, Кочани, Штипа, Радовишта, Струмицы имѣютъ удареніе на одномъ изъ трехъ послѣднихъ словъ (—'—'—). Удареніе постоянное въ разныхъ формахъ одного и того же слова. Въ рядѣ категорій произошла передвижка ударенія къ началу слова.—лазуа, кошница, друга́р, ора́ч, греота́, дури́, гра́до, гра́дове, гла́ва, -та, дёте, сърце-сърце, плéтеш, плéтеме, плéте', плéтеше, плетб', плетé (аор.), станáл, плетён, плéти (пов.). — Къ этой группѣ близки по ударенію и говоры Малешова и Піянеца: и въ этихъ говорахъ произошла во многихъ случаяхъ передвижка мѣста ударенія къ началу слова, но не во всѣхъ

гакіе „Пропотинale Пролепсис nominale Objecte“ „необходимо покоятся на чужомъ вліянії“. Отмѣчая употребленіе мѣстоименной проклитики въ началѣ предложенія, представляемое албанскимъ языкомъ, онъ считаетъ по-видимому это вліяніе со стороны албанщины.—На „шкипетарское“ происхожденіе этихъ „повтореній“ указывалъ еще Миклошичъ (*Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Denkschr. VII, 146*).—Но и въ румынскихъ говорахъ Македоніи мѣстоименная проклитика можетъ находиться въ началѣ предложенія. Кроме того, нуждается въ существенномъ дополненіи и замѣчаніе Лескина о случаяхъ употребленія мѣстоименныхъ проклитикъ для *casus obl.*: онъ имѣютъ мѣсто не только тогда, когда за глаголомъ „следуетъ винительный или дательный объектъ“, но и тогда, когда эти объекты предшествуютъ глаголу. Какъ было отмѣчено выше, употребленіе „краткой“ формы мѣстоименія не зависитъ отъ положенія имени въ предложеніи, а зависитъ отъ того, чтобы это имя относилось къ известному предмету, было бы передано въ членной формѣ или въ сочетаніи съ указательнымъ мѣстоименіемъ. Ср. сообщенные нами примѣры, ясно опредѣляющіе категоріи употребленія „краткихъ“ формъ мѣстоименій при *casus obl.*

тѣхъ категоріяхъ, гдѣ она представлена въ штипскихъ говорахъ.—детѣ, сърцѣто (малеш. с. Пеучово. „Новини“, II, № 48). 2) Говоры Водена, Меглена, Гевгели; а также говоры по ту сторону Вардара—Дойрана, Кукуша и сосѣднихъ болунскихъ сель имѣютъ также постоянное мѣсто ударенія для однихъ и тѣхъ же словъ. Подвижка произошла въ тѣхъ же случа-яхъ, что и въ штипскихъ говорахъ. Но мѣсто ударенія пред-ставлено на одиномъ изъ двухъ послѣднихъ слоговъ (— _ ' '). Для всѣхъ говоровъ 1-ой и 2-ой группъ общей чер-той является удареніе въ глагольныхъ формахъ: въ формахъ наст. вр. удареніе находится не на послѣднемъ слогѣ, въ фор-махъ аориста, прич. прош. удареніе на послѣднемъ слогѣ,— не считая окончаній -а, -о, или -е -и (-la,-lo, -le, -li) формъ причастій.—3) Говоры Тиквеша и Маріова. Удареніе падаетъ на предпослѣдній или на 3-ій отъ конца слова слогъ (— _ ' _). 4) Говоры Лерина, Кайляра, Костура, Корчи—съ опредѣлен-нымъ мѣстомъ ударенія: на предпослѣднемъ слогѣ (— _ ' _). 5) Говоры запада и центра также съ опредѣленнымъ мѣс-томъ ударенія: на третьемъ слогѣ отъ конца слова (— _ ' _ _). Это говоры въ областяхъ Рѣсена, Охрида, Струги, Дебра, Полога, Кичева, Битоли, Прилѣпа, Велеса, Скопья (Б. Цоневъ. Къмъ исторіята на бѣлг. езикъ. Сбм. XIX, 21—37. A. Lessien. Die Betonungstypen des Verbums im Bulgarischen. Arch. XXI, 1—5).

Въ говорахъ послѣдней группы мѣсто ударенія въ словахъ въ отдѣльномъ ихъ употреблениі не совпадаетъ съ мѣстомъ ударенія при нахожденіи этихъ словъ въ предло-женіи: нѣсколько рядомъ стоящихъ словъ опредѣленныхъ категорій представляютъ при известныхъ условіяхъ одно цѣлое въ акцентномъ отношеніи. Нѣсколько примѣровъ. Рѣсенъ: бѣ-леб, бели-от-леб (Псп. XLI—XLII, 875); побра-ова-река от она-стърна растѣа големій върби (ib. 884); бог-до-б[да го]-прости (ib. 885); покосетѣ-ми-и-лива-їг'ено (ib. 893) и др. Подобное распределение ударений въ предложе-нияхъ можно указать и для другихъ западныхъ, юго-за-падныхъ, а также центральныхъ говоровъ. Анализъ случа-евъ употребленія фразеологическихъ удареній сдѣланъ Х. [Тр. Китанчевымъ] въ статьѣ: „За ударението върху думитѣ въ рѣсенский говоръ“ (Псп. XLI—XLII, 857—915) и Димколо-вымъ [Хр. Матовымъ] въ статьѣ: „Акцентовката на единъ обсегъ западнобѣлгарски говори“ (Сбм. IX, 391—408). Воз-

можно, что и въ говорѣ Диадаскаліи было такое же фразеологическое удареніе. Но написанія Диадаскаліи затемнены греческой манерой постановки знаковъ ударенія надъ каждымъ отдѣльнымъ написаніемъ и не представляютъ данныхъ для опредѣленія мѣста ударенія въ фразѣ. Къ тому же, для составителя имѣли главное значеніе отдельныя слова, ихъ соотвѣтствія съ другими параллелями. Для отдѣльныхъ словъ указанія на мѣсто ударенія имѣются почти въ каждомъ написаніи. Ограничимся немногими примѣрами. -гѣспот 116, рѣка 134, слѣма 162, трѣва 162, кѣга 118.., кѣде 126.., мѣрето 116, езѣрата 116, сѣринѣ 119, жѣлезо 121, борѣната 154, лопатата 165, ѹглата 135, пазуата 173, фортоми 157, фортомата 174, бѣчарот 168, чѣтфорток 127, убѣтките 155, петлиците 156, паниците 158, вѣлигден 178, калогѣрите 177, калоги[и]=е]рїците 177, приятѣлите 133, извѣдоа 116, излѣгоа 116, жѣвиме 121, отфорени 168, отфориш 147, донесит 142, ѹгреит 147, облечен 127.

Въ нарѣчіи одва Диадаскалія имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: ѹтѣа 158. Такъ и въ другихъ македонскихъ говорахъ: одваї: Охрида (Шапк. VIII, 128), Кичева („Новини“, III, № 40), Прилѣпа (Сбм. VIII, 178, XX, 32), Битоли (Сбм. XV, 321), Рѣсена (Псп. XLI—XLII, 866), Велеса (Сбм. VII, 478). Въ М. Рѣкѣ: едвѣї (Изв. на сем. II, 302). Слова godina, godini въ Диадаскаліи имѣютъ удареніе по общему правилу на 3-мъ слогѣ: g dina, -i: 123, 138, 171. Но въ образованіи godinaa, имѣющемъ значеніе „въ этомъ году“, удареніе находится на -па-: ла и ѹи хѡтиаа, Рѣк. пѣро ха: ѿтѣш 129. Такое же различіе въ значеніи godina и godinaa (-а—аава) представляютъ и другие македонские говоры. Охридѣ: годинаава=въ этомъ году (Сбм. II, 187); ни годинаава ймаме Вѣлигден ни въ године! (Шапк. VIII, 86). Прилѣпѣ: годинаава, а также—зимаава, есенава, вечерава, утринава; летово, зимово (Сбм. XX, 22). Также въ Рѣсенѣ (Псп. XLI—XLII, 866): годинаава бѣрго побмина; но—годинаава врѣмето бѣше дождливо. То же въ Кичевѣ: годинаава („Новини“, III, № 40).

Въ говорѣ Диадаскаліи, какъ и въ другихъ западно-македонскихъ говорахъ, заимствованныя слова имѣютъ мѣсто ударенія согласно съ общей системой ударенія въ этихъ говорахъ. Въ другихъ параллеляхъ, аромунской и албанской, тѣ же заимствованныя (преимущественно изъ ту-

рецкаго) слова обычно сохраняютъ прежнее мѣсто ударенія: удареніе на послѣднемъ или предпослѣднемъ слогѣ заимствованныхъ словъ не противорѣчило ихъ системѣ ударенія. Заимствованный словарь по всѣмъ параллелямъ Диадаскалии будеть представленъ въ качествѣ приложения ко II тому. Здѣсь ограничимся немногими примѣрами.—1) [на] анадол, аром. ἀνατολίε, алб. ḥanatolik, греч. |εις| τὴν ἀνατολήν (124); въ карамалицкой параллели солун. изд. анадол[а] 4 об. Тур. anadolu ← н. греч. ἀνατολή. 2) заман, аром. ζαμάν (Leake: zemán), алб. ζαμάն (131). Тур. zamán¹⁾. 3) йхтиза, аром. īxtizâ, алб. īxtizâ (118). Тур. iqtizâ. 4) кафесот, аром. καφέσος, алб. καφάσ (123). Карамал. кафес[тэ]. 4. Тур. kafés,-ás. 5) рак'на, аром. ῥахъе, алб. ῥакхї, греч. ῥαχή (135). Тур. rake. 6) архонтите, аром. ῥуշонс[т]ълъ, греч. οἱ ῥυσούτες (146) и др. Въ немногихъ случаяхъ въ заимствованныхъ словахъ Всюлгарика имѣетъ удареніе на послѣднемъ или предпослѣднемъ слогѣ.—ачик мави·, но—мавиата сфита 177. г'емиа 136, захмѣт 126, дзарар 126; но на 144—зарарот, милиун 181, рофеа 165.

Общая характеристика македонскихъ говоровъ.

На основаніи вышеизложенного изслѣдованія македонскихъ діалектовъ можно представить въ такомъ общемъ видѣ главныя измѣненія въ области звуковъ, формъ, синтаксиса, пережитыя этими діалектами.

Черты обще-македонскія. 1) *tj(*kt')→šč(št), *dj→ždž(žd), кромѣ говоровъ на сѣверѣ, которые, м. б., издавна шли инымъ путемъ въ измѣненіи раннихъ праславянскихъ сочетаній tj—dj. 2) „Сильное“ ъ→о, „сильное“ ь→е. 3) о→ъ, съ дальнѣйшимъ діалектическимъ измѣненіемъ, въ а или о. 4) *tъr(l)t, *tъg(l)t, *tr(l)yt→tъt, tъt→tъr(l), tъt, съ дальнѣйшимъ діалектическимъ измѣненіемъ: по направленію утраты плавными слогового значенія и развитія слоговыхъ гласныхъ при нихъ (или вм. §). 5) Стадія съ слоговымъ г въ замѣнѣ начального гъ- передъ слогомъ съ гласнымъ полн. образованія, перенесеніе г въ сочетанія вм. *гъ- съ

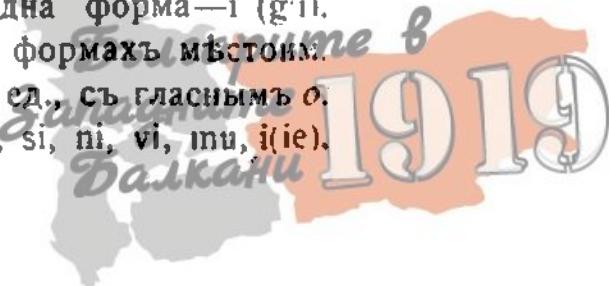
¹⁾ Удареніе въ турецкомъ на послѣднемъ слогѣ. См. въ статьѣ W. Pröhle: „Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen“, „Keleti Szemle“, 1911, № 3, 199—213.

„сильнымъ“ ъ (гž—гš); дальнѣйшее измѣненіе въ сочетаніе съ гласнымъ слоговымъ ъ передъ г: ъг. 6) Замѣна начальныхъ сочетаній *Іь-, *Іъ-, *ть-, *тъ-, *Іь-, *Іъ- съ прежними „слабыми“ ъ, ъ сочетаніями Іь-, тъ-, іъ-, съ ъ-, раздѣлявшимъ судьбу ъ, не охваченного раннимъ процессомъ измѣненія „сильного“ ъ въ о: такое ъ или сохраняется или измѣняется въ ѿ, а, о. 7) Конечные сочетанія *-тгъ(ъ), *-тъ(ъ)—...—>-тъг, -тъ[ты], съ дальнѣйшимъ діалектическимъ измѣненіемъ, въ особенности группы -тъІ въ -тої. 8) Конечное *-тъ—...-тъ"т—>-том—>-то"т—>-тум или *тъ—...-тъ"т—>-тум,—т. е. значительное лабіализующее воздействиѳ конечнаго т на предшествовавшій ему гласный, отражающееся какъ въ этой категоріи звуковыхъ сочетаній, такъ и въ другихъ случаяхъ. 9) Въ измѣненіи *-је[а] утрата гласнаго, предшествовавшаго сочетанію је(ja), ассимиляція ѡ съ предшествовавшимъ зубнымъ согласнымъ п, т, д, а по говорамъ и съ другими согласными—l, г, z, ž, s, губными. 10) *ё—>ѧ—е, при діалектическомъ са—*сѣ. 11) Сочетаніе —губ. согл.+l' (erenth).+глас.— неначального слога замѣнилось сочетаніемъ — губ. соглас. + ѿ + глас.— или —мягкій губ. соглас. + глас.—,— дальнѣйшій результатъ измѣненія предшествующаго сочетанія (съ ѿ); діалектически вм. -тја находится -тп'a. 12) Возникновеніе ѿ послѣ гласнаго передъ палатальнymъ п', к'(g'). 13) ү. Образованіе замѣнителя праслав. ү въ начальномъ слогѣ передъ сонорнымъ звукомъ при пассивномъ (ненатянутомъ) положеніи голосовыхъ связокъ,—образованіе, распространенное во многихъ македонскихъ говорахъ. Утрата ү въ сочетаніяхъ stү[o], үs, үz. Утрата ү между гласными, но проведена она въ однихъ областяхъ (на западѣ и въ центрѣ) значительно, въ другихъ (на востокѣ) слабо. ү—>v—>f передъ и за глухими согласными. 14) Слабо-фрикативное, широкаго образованія ch, переходъ его въ билабіальный звукъ съ слabo звучавшей струей воздуха (ff), утрата его между гласными, а по діалектамъ и въ другихъ положеніяхъ. 15) chү замѣнилось однимъ билабіальнымъ звукомъ (f или v), переходившимъ по діалектамъ въ губно-зубной (f или v). 16) f заимствованныхъ словъ передавалось такъ же, какъ замѣна chү. 17) Возникновеніе палатальныхъ к'—g' (по говорамъ болѣе заднаго или болѣе переднаго образованія) а) вм. вторичныхъ тj—dj· (по утратѣ радуцированного гласнаго передъ i); б) вм. k—g передъ гласными i, e; с) въ заим-

ствованныхъ словахъ вм. k'—g'; d) по говорамъ (на юго-востокѣ и востокѣ) вм. k—g послѣ j(i), l', n', а также вм. конечнаго -tъ. (на ю.-востокѣ). Палатальные k'—g' представляютъ собою и замѣну *tj—*dj на съверѣ Македоніи. Тѣ же согласные распространились въ центрѣ и въ прочихъ краяхъ Македоніи, вытѣснивъ почти совсѣмъ или только въ отдѣльныхъ словахъ šč(št)—ždž(žd),—замѣны *tj—*dj. 18) Измѣненіе *l' по направленію къ l и далѣе къ ī. 19) Развитіе африкатъ dz вм. z и (рѣже) dž вм. ž. 20) čt→ct, при діалектическомъ сохраненіи č въ отдѣльныхъ словахъ, вслѣдствіе развившагося гласнаго (e, i) между č и t въ сочетаніи čtečt,—развившагося раньше čt→ct. 21) sr→str, zr→zdr. 22) Утрата (непослѣдовательная) d, g между гласными въ заударномъ слогѣ. 23) Утрата начальнаго t[d] передъ согласнымъ (š). 24) Нефонетическое вытѣсненіе сочетаній -sten, -zden (прилагат. муж. ед., съ e вм. ь „сильнаго“) сочетаніями -sen, -zen (или zn+en) подъ вліяніемъ формъ съ сочетаніями, гдѣ были sn, zn (съ утраченнымъ ь „слабымъ“). 25) Начальное rš→rč(→č). 26) Конечное st→s^t и обычно→s. 27) Отвердѣніе конечныхъ согласныхъ, находившихся нѣкогда передъ ь. 28) Звонкіе конечные согласные перешли въ соответствующіе глухіе. 29) Интенсивность суффиксовъ -ок-, -ес-, -еп- въ именахъ и -па- (изъ -пъ--*-pq-) въ глаголѣ. 30) Утрата ряда падежныхъ формъ, передача дат. посредствомъ па+форма „общаго“ (имен.-вин.) падежа, передача творит. и мѣстн. сочетаніемъ соответствующаго предлога съ формой „общаго“ падежа. 31) Окончанія для сущ. множ. ч.: широкое употребленіе је—'е или ја—'а, iп'a; išta. 32) Обобщеніе окончанія для сред. р. ед. прилагат.: o и въ основахъ съ твердымъ и съ мягкимъ согласнымъ передъ окончаніемъ. 33) Одно окончаніе i формы множ. ч. прилагат. для 3 родовъ (отъ формы муж. р. множ.). 34) Сравнит. степень: рот+основная форма. 35) Въ формахъ мѣстоименій. а) Распространеніе мѣстоименныхъ формъ посредствомъ -је или -ја, ћа послѣ о (toča—tova, opogoča—va ..). -zi, -ze, -zeka. б) Формы вин. множ. ne, ve—по аналогіи съ формами ед. te, te. с) него, go служать вин. для муж. и сред. ед. д) Проникновеніе не- и въ форму („полную“) вин. ед. жен. (neja). е) Для винит. множ. одна форма—i (gi). ф) Твердость начальнаго согласнаго p въ формахъ мѣстоим. съ прежней основой "jo-"^{je}. г) toj—муж. ед., съ гласнымъ o. х) „Краткія“ формы дат. ед. и мн. mi, ti, si, ni, vi, mu, ī(iе).

іт употребляются вм. формъ притяжательныхъ мѣстоименій тоj, tvoj и т. д. i) Одна форма во множ. для 3 родовъ мѣстоименій ti[j]e, ovij[e], onij[e] (или съ [i]а вм. [j]е). 36) Членные формы именъ и мѣстоименій. 37) Глаголъ. Обобщеніе гласнаго въ окончаніи для 1 ед. и 3 мн. наст.,—гласнаго, представляющаго замѣну х (за отступлениемъ юго-зап. говоровъ въ окончаніи для 3 мн.). 38) Обобщеніе одного окончанія для формы 1 л. множ. те. 39) Обобщеніе гласнаго (замѣны ъ) для основъ (-e, -i) имперфекта. Окончаніе chme, chte, chж (cha; или che) въ формахъ имперфекта и аориста множ. 40) Передача будущаго времени посредствомъ k'e (k'a)+форма наст. вр. данного глагола. 41) Форма повелит. н. 2 мн. на -ete въ осн. на -e и на -i, съ позднѣйшими діалектическими новообразованіями. 42) Формы причастія на -l образованы отъ двухъ основъ: имперфекта и аориста. 43) Окончаніе формы прич. прош. множ. -le для 3 родовъ. 44) Въ формахъ причастія прош. вр. страд. з. въ основахъ на -i утраченъ результатъ фонетического измѣненія *ij, *dj, *stj, *z dj, *pj, *lj, губ. согл.+l'еренlli, и замѣненъ по аналогіи съ другими формами согласными t, d, st, zd, ^{sl}/n, l, губ. согл. 45) Утрата infinitiv'a и замѣнъ его conjunctiv'омъ иногда съ предшествующимъ za (za da+форма наст. вр.). 46) къde [→kade, kode] вм. *kqdѣ употребляется въ значеніи „гдѣ“, „куда“, „къ“, „у“ („при“), опредѣлительного союза „что“. Послѣдовательно проведенная дифференціація въ употреблениіи нарѣчій 1) toku (tuki, при рѣдкомъ toko)—только, лишь и 2) tolku (tolki, tol'ki)—столько. 47) Двойныя формы винит. и дат. прилагольнаго дополненія („краткая“ форма мѣстоим. и форма [вин. или дат.] имени). „Краткая“ ф. мѣстоименія, какъ проклитика, можетъ находиться въ началѣ предложения (кромѣ говоровъ съв.-восточнаго Завардарья).

Черты діалектическія. Вся область Македоніи въ діалектическомъ отношеніи раздѣляется на двѣ группы: 1) область къ западу отъ Вардара и Черны: между южной излучиной Черны, Преспанскимъ и Охридскимъ озерами на югѣ и юго-западѣ, западные предѣлы Дебърскаго края и Шаръ-Планины—на съв.-западѣ, Пологъ, Скопье—на съверѣ, Вардаръ до Черны, Черна—на востокѣ; 2) области юго-восточныхъ предѣловъ Македоніи, къ югу отъ южной излучины Черны, между Преспанскимъ и Островскимъ озерами (Кайляръ, Леринъ), область къ востоку отъ Черны и затѣмъ

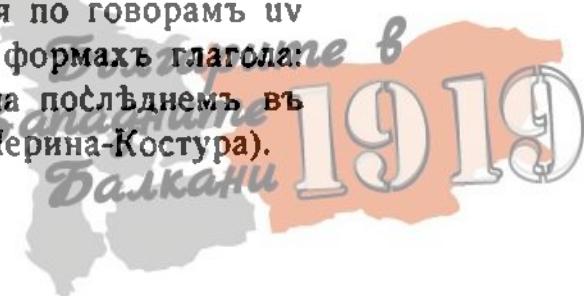

область между Вардаромъ и Струмой, включительно съ южной частью Кратовскаго округа. Ко второй группѣ относимъ и область Костура: говоры этой области представляютъ явленія, общія съ говорами и западной и восточной группѣ; но большее значеніе для Костурской области имѣютъ восточно-македонскія черты.

1) Западная группа. Членная форма муж. ед. оканчивается на -ot, къ востоку -ot | -o. ch (ч)→f передъ согласнымъ. Значительная утрата ц между гласными. Конечное сочетаніе -tyi (-ты)→toł (-тоц). Окончаніе -o[ц]i въ существ. муж. мн. Сочетаніемъ -je распространены формы мѣстоименій: pi[j]e, vi[j]e, ti[j]e. Какъ общій давній архаизмъ—образованіе съ -ьп- [j]edъпъ→eden. Членные формы троекаго образованія, съ окончаніями 1) на -ot | -o (м.), -ta (ж.), -to (ср.) въ ед., на -te (м. и ж.), -ta (ср.) во множ.; 2) на -ev (м.), -va (ж.), -vo (ср.) въ ед., -ve (м. и ж.), -va (ср.)—во множ.; 3) на -op (м.), -na (ж.), -po (ср.) въ ед., на -pe (м. и ж.), -na (ср.) во множ. Форма 3 ед. наст. вр. на -t. sel, se—3 множ. для „быть“. Предлоги so | s, vo | v, ušće (ušte). от вм. па при genet. possess. существительныхъ. Удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ. Фразеологическій характеръ ударенія.

Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ свойственны и сосѣднимъ говорамъ на юго-востокѣ: костурскимъ, кайлярскимъ, леринскимъ: -oцi (и въ Воденѣ), eden, so | s, vo | v.

2) Юго-восточная группа. Членная форма муж. ед. на -o или -ot | -o. -joſt| - окончаніе членной формы прилагат. муж. ед.. sa (ца) вм. *сѣ. Окончаніе формы множ. сущ. муж. -oče, -ove (кромѣ говоровъ южнаго угла). Распространеніе формъ мѣстоименій посредствомъ -ja: pi[j]a, vi[j]a, ti[j]a... Мѣстоименія op, ona, ono, oni. Давнишнее образованіе для „I“ съ -in-: *[j]edinъ (edín, adín). Формы 2 л. наст. вр. оканчиваются на -eš (→iš, какъ неударенное), 3 л.—на -e. Форма 3 л. множ. наст. оканчивается на -at (и въ основахъ на -a). sa—3 мн. для „быть“. Предлогъ sos (при s, so). Въ соотвѣтствіи западно-македонскому vo | v употребляются по говорамъ иu (при v), и. Нарѣчіе oſte (ošće). Удареніе въ формахъ глагола: не на послѣднемъ слогѣ въ наст. вр. и на послѣднемъ въ аор. и прич. прош. вр. (кромѣ говоровъ Лерина-Костура).

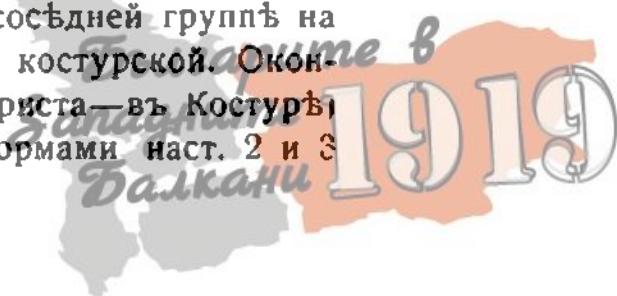

Типичные особенности 2-ой группы представляют говоры въ областяхъ къ востоку отъ Островского озера (между Черной и Вардаромъ: Водень-Мегленъ) и къ востоку отъ Вардара. Самая южная часть 2-ой группы, костурско-кайлярско-леринские говоры, раздѣляетъ рядъ явлений, общихъ съ говорами первой группы: ср. указанное выше и отсутствіе са вм. сѣ тоj вм. оп. Еще больше общихъ чертъ съ соседними западными говорами въ говорахъ костурскихъ (форма 2 л. и 3 л. ед. на -iš, -i; см. ниже). Но говоры Кайляра и Лерина ближе стояли къ говорамъ, соседнимъ на востокѣ: воденско-мегленско-кукушскимъ: ср. окончаніе 2 л. и 3 л. ед. -eј, -e, измѣненіе неударенныхъ e→i, o→u.

Въ западно-македонскихъ говорахъ выдѣляется нѣсколько диалектическихъ группъ. 1) дебърская, 2) охридская, 3) центральная, 4) тиквешско-маріовская, 5) велесско-скопская, 6) горне-положская, 7) дольне-положская.

Особенностью, характеризующей дебърскую группу является вторичное измѣненіе ѣ въ o. Затѣмъ слѣдующее новообразованіе. Вліяніе формъ 3 л. множ. наст. съ окончаніемъ -et (изъ -лт и 'лт) на окончаніе формъ для прочихъ основъ Дальнѣйший процессъ въ М. Рѣкѣ: окончаніе -it въ формѣ съ основой на -i. Гласный -e, какъ окончаніе формы 3 л. множ., сталъ употребляться въ имперфектѣ и аористѣ. Въ другихъ явленіяхъ эта группа выдѣляетъ говоры двухъ подгруппъ: 1) Малой Рѣки, 2) Дримкола, Голо-Бѣрда, Джупы и Поля. Въ М. Рѣкѣ—tłt, tłt, въ перечисленныхъ мѣстностяхъ 2-ой подгруппы—tɔłt, tɔłt (такъ было и въ Г. Рѣкѣ). Въ М. Рѣкѣ рѣдко утрачивается ц между гласными; во второй подгруппѣ эта утрата представляетъ обычное явленіе. Въ М. Рѣкѣ болѣе значительно вытѣсненіе сочетаній šč—ždž (вм. *tj—*dj) посредствомъ k'—g'; на западѣ и югѣ k'—g' употребляются рѣже. Формы 2 л. и 3 л. наст. въ М. Рѣкѣ имѣютъ образованіе: гласный основы (a, e, i)+окончаніе, на западѣ и югѣ—a или i. (въ осн. на -e, i)+оконч.

Отношеніе къ соседнимъ говорамъ. Процессъ вліянія окончанія формъ 3 множ. наст. съ замѣной прежняго -л[т], 'л[т] отражался и въ соседней группѣ на югѣ,—въ охридской и далѣе на югѣ—въ костурской. Окончаніе e въ формѣ 3 множ. имперф. (и аориста—въ Костурѣ) употребляется и въ этихъ группахъ. Формами наст. 2 и 3

(-iš, -it, -ime, -ite) говоры западно- и южно-дебърскіе объединяются съ соседними говорами на востокѣ и югѣ.

Охридская группа. „Редукція“ неударенного *a* (*a*→ъ). Другими чертами охридская (охридско-стружская) группа объединяется съ соседними группами. *tłt*→*tołt*. Такъ же и въ Рѣсенѣ (*toçt*) и въ центральной группѣ. *-pica*→*-p'ca*→*-jp'ca*→*-jpcia*. То же и на юго-востокѣ (въ Рѣсенѣ), на востокѣ (въ Битолѣ) и на съверѣ (въ Кичевѣ). Форма дат., винит. множ. *pim*, *pimi*. Тъ же формы и въ Рѣсенѣ, и въ Битолѣ, и въ Кичевѣ. Окончаніе формъ 2 и 3 наст. *-iš*, *-it*, *-ime*, *-ite*, какъ и въ центральныхъ и въ соседнихъ дебърскихъ говорахъ. Форма повелительного наклоненія съ окончаніемъ (позднѣйшимъ) *-ite*. Такъ же и въ Дебърской и далѣе къ съверу Положской областяхъ. Окончаніе формы 3 множ. наст. и имперф. съ гласнымъ *-e* (-et—наст., -[ch]e—имперф.). Въ такомъ же направленіи проходило образованіе этихъ формъ и въ говорахъ къ съверу (въ Дебрѣ) и къ юго-востоку (въ Костурѣ).

Центральная группа: Битоля, Кичево, Порѣчье. Прилѣпъ, Маріово, кромѣ съверной части. Вторичное измѣніе *z* въ *a* (такъ и въ Велесѣ и дальше къ востоку). *tłt*→*tołt*. Окончаніе формъ наст. *-iš*, *-i[t]*, *-ime*, *-ite* въ основахъ на *-e*, *i*. Формы 1 л. ед. наст. на *-at* (при *-a*).

Кичевско-порѣчскіе говоры, примыкая къ центральной группѣ, имѣютъ иѣкоторыя особенности соседнихъ говоровъ на западѣ и съверѣ: *-tor* вм. конечнаго **-trъ*. *mja*→*mn'a* (Порѣчье), *st* вм. *str* (Порѣчье). *ja*, *mi[j]e* (при *p[i]e*), *k'a* въ передачѣ буд. вр. (употребляется и *k'e*).

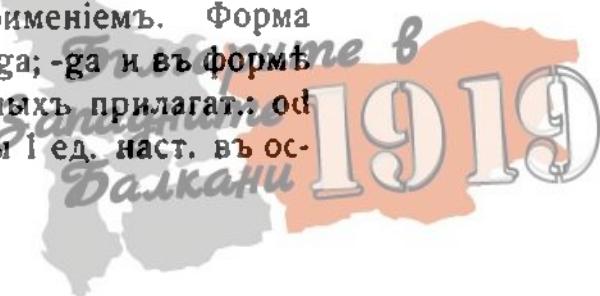
Многія явленія, свойственные западно-македонской группѣ и въ частности ея центральнымъ говорамъ, представлены и въ говорахъ съвернаго Маріова и Тиквеша. Но кое въ чёмъ говоры этой небольшой полосы, пограничной съ восточно-македонской группой, отступаютъ отъ западныхъ македонскихъ говоровъ и напоминаютъ восточные. Такъ, въ судьбѣ *tl̥t* произошла вокализація *ł* въ *ъ*: *tl̥t*→*tyt* (но и *n̥tъ* еще и послѣ губнаго соглас.). удареніе не всегда падаетъ на 3-ій слогъ: оно можетъ быть и на 2-мъ и на 3-мъ слогѣ отъ конца.

Велесско-скопскіе говоры не раздѣляютъ иѣкоторыхъ результатовъ тѣхъ измѣненій, которыя были пережиты соседними центральными говорами. Такъ, въ формахъ

наст. они не обобщили гласнаго і передъ оконч. 2 и 3 лл. и представляютъ прежнее образование: гласный основы (e, i) + оконч. Не развили этого новообразованія и говоры, находящіеся дальше къ западу по верхнему Вардару,—положскіе, и говоры М. Рѣки. Но зато вел.-скопскіе говоры отразили нѣкоторыя черты говоровъ востока и юго-востока. Такъ, вм. предлога *цъ употребляется и (въ Велесѣ и u, vo): *sos | so; tъt при tъt въ Велесѣ* (въ Скопъѣ—*tolt*); *ja* (въ Велесѣ *ja* и *jas*), *ti[j]e* при *ni[j]e*; въ Велесѣ — *tja* (—замѣна прежняго -*ml'a*)—*mn'a*. Для говоровъ Велеса отмѣтимъ судьбу *ch* послѣ гласнаго передъ согласнымъ: онъ замѣнился гласнымъ неполнаго образования, по качеству подобнымъ предшествующему: *ima^me, ide^me, döjdoo^me, szbu^na*.—Такъ и дальше къ востоку, за Вардaremъ (въ Штипѣ).

Въ составъ скопской группы входять говоры города Скопья и сель Скопской области, кроме Скопской Черной Горы. Въ селахъ Скопской Черной Горы, расположенныхъ къ сѣверу отъ Скопья, славянское населеніе составляетъ иную этнографическую группу сравнительно съ населеніемъ Скопья и областей къ югу отъ него. „Црногорци“ имѣютъ свои особенности и въ костюмѣ (блѣлый съ чернымъ гайтаномъ), въ постройкѣ домовъ, близко подходящихъ одинъ къ другому, какъ бы лѣпящихся одинъ на другой; рѣзко отличаются очи и по своему говору. Ск.-черногорскіе говоры, не принадлежатъ къ македонской группѣ. Почти въ каждомъ явлениі отмѣчалось выше, что черногорскіе говоры шли инымъ путемъ, одинаковымъ съ говорами Кумановской области (кромѣ Кумановскаго Овчаго Поля), Прешевской, южно-моравской. Не повторяя всего изложенного выше относительно этихъ говоровъ, отмѣтимъ лишь нѣсколько чертъ. „Сильные“ ъ, ь→ъ (ъ). Членная форма муж. ед. на -at. Конечное *-tъm→tъt (tam). q→u. ѡl→tut и llut (*slunce, sluza*), ѡъt въ dъg-a. цъ→u, цъz→uz. Форма „общаго“ под. основъ на -a оканчивается на -i: одиavи, u planiui. Форма множ. основъ на -a имѣеть окончаніемъ -e: ţepe, ruke. „Краткая“ форма мѣстоименія вин. ед. кен. gu, „полная“—p'uj, p'up[a], съ мягкостью п', какъ и въ другихъ образованіяхъ съ этимъ мѣстоименіемъ. Форма мѣстоименія вин. муж. и сред. ед. -n'ega, ga; -ga и въ формѣ род.-винит. прочихъ мѣстоименій и сложныхъ прилагат.: одн'egova dvota, miloga. Окончаніемъ формы 1 ед. наст. въ ос-

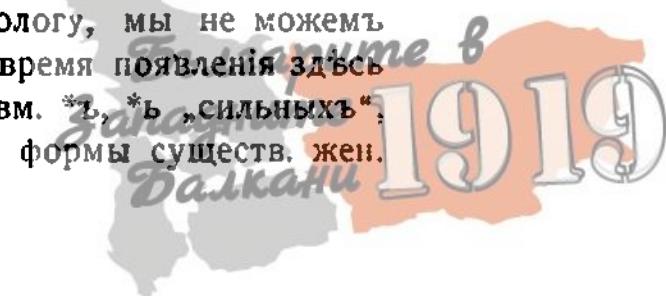
новахъ на -е, -и является и. По окончанию формы 1 мн. ск.-черногорские говоры примыкали къ говорамъ, издавна имѣвшимъ -то. Форма 3 мн. наст. оканчивается на -у, а форма 3 мн. имперф. на -шев. Обобщенія окончаний формъ имперфекта и аориста не произошло. 2 мн. аориста оканчивается на -сте, а 3 мн. на -шe. Нарѣчіе јoшte. О другихъ явленіяхъ, тоже отличныхъ отъ измѣненій, переживавшихся говорами Македоніи, говорилось выше. Но и повтореннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какъ рѣзко отличается Скоп. Черная Гора въ діалектическомъ отношеніи отъ Македоніи. Здѣсь, у черногорского населенія говореніе издавна было не то, что въ Македоніи; оно складывалось и видоизмѣнялось одинаково съ говореніемъ населенія южно-моравской области. Черногорцы и кумановцы не жили изолированно отъ македонцевъ и кое-что позаимствовали отъ языка послѣднихъ. Здѣсь важно замѣтить, что вліяніе шло съ юга, изъ Македоніи, а не наоборотъ. (Отмѣчавшіе выше сербизмы въ Македоніи — иного происхожденія). Срав. распространеніе глагольного суффикса -на- вм. *-по-, суф. -еп- (*éden* при обычномъ *edъn*), спорадическое I, форму „общаго“ пад. на -а въ осн. на -а, „краткія“ формы вин. мн. личныхъ мѣстоименій пе, ve. Связи съ Македоніей (съв.-восточной) были сильнѣе у населенія села Црешева. Это село издавна находится на границѣ съ черногорскими селами: ср. слова хрисовула краля Милутина: „а же є чрѣшевскѣ починаютъ: ѿ Чрынє горѣ“ (Насеља III, 409). Нѣкоторая черты говора этого села. Членная ф. муж. ед. оканчивается на -от. so | sos. *-тъль→-тум. *цъz→z. str. Форма „общаго“ пад. на -а (въ основахъ на -а). Форма множ. жен. на -и (въ тѣхъ же основахъ). Окончаніе для формы множ. -in'a Но: вм. „сильныхъ“ ъ, ь находится ъ (кромѣ членной ф. муж. ед. и sos), и вм. *q (въ корнѣ), ga—винит. муж. сред. ед., p'it, gи—вин. жен. ед.; форма 3 мн. наст. на -у, 3 мн. аор. -шe. 1 мн. -то.

Горне-положская группа. Положскіе говоры представляютъ 2 группы: горне-положскую и дольне-положскую. Говоры Горняго Полога находятся въ ближайшемъ отношеніи къ говорамъ дебърскимъ и кичевскимъ. Но говоры г.-положскіе архаичнѣе дебърскихъ и кичевскихъ, не переживъ ни съ тѣми, ни съ другими вторичнаго измѣненія въ ни въ о (по-дебрски), ни въ а (по-кичевски): рѣт, кѣде. Въ суффиксѣ, какъ почти во всѣхъ краяхъ Македоніи,—а вм. ъ←*q. Но

по говорамъ сохраняется еще и суффиксальное **-q:* пеът. Другія черты горне-положскихъ говоровъ являются общими съ западно-македонской діалектической группой (напр., форма З ед. наст. на *-t*), въ частности съ говорами сѣв.-западной ея части. Любопытно отмѣтить для говоровъ Г. Полога сочетаніе „*ke*=*kъ*. То же сочетаніе съ частицею *-de* свойственно дебърскимъ говорамъ Поля и Голо-Бърда: *kede* (въ прочихъ дебърскихъ говорахъ—*kode*).

Дольне-положская группа. Нѣсколько сѣвернѣе горне-положского села Стенче, находящагося по правую сторону верхняго Вардара (приблизительно на полпути между Тетовомъ и Гостиваромъ), начинаются говоры иной діалектической группы — дольне-положской. Таковъ говоръ с. Челопекъ, характеризующійся тѣми же чертами, какія свойственны говорамъ Тетова и близъ него лежащихъ сель. Нѣкоторые особенности дольне-положскихъ говоровъ. Корневое *ъ* вм. **ъ*, **ъ* „сильныхъ“ (*sъn*, *dъn*), но член. ф. муж. ед. *-ot*, суф. *-ok-*, *-ec-*, *-en-*. Корневое *и* вм. **q*, но въ суф. *-a*, *tъt*→*toučt*, *tъt*, въ отдѣльныхъ словахъ *tut*. *I*→*l* — *ц* въ концѣ слога. Лабіализующее дѣйствіе согласного *t* насосѣдній гласный (предш. и слѣдующій: *rádimo* или *-ти...*). Измѣненіе неударенного *a* по направлению къ *ъ* (а. Тетово). *-tja*→*-tip'a*. **цъz*→*z*. **цъ*-префикс→*ц* или полная утрата, или гласный и. Вм. предлога **цъ* употребляется *-и*. *str*→*st*. Форма жен. мн. для основъ на *-a* оканчивается на *-e*. *ja*, *ti[j]e*. Вин. жен. ед. *ga*, *pega*. Форма I ед. наст.—гласный основа+*m*; известны образованія и на *-am*. З мн. *-at* (*-aat*—въ осн. на *-a*) или *-a*, *-aa* (безъ *-t*). На сѣверѣ Д. Полога на формахъ З мн. отражается (непослѣдовательно) вліяніе южно-моравской діалектической группы: въ употребленіи гласнаго и въ окончаніи этой формы: *beteu*. Форма I мн. употребляется съ окончаніемъ *-te* и *-to* (въ говорѣ одного и того же лица). Другія черты являются общими съ прочими говорами западной Македоніи.— Какъ видно, въ говорахъ Дольняго Полога, пограничной области на сѣверо-западѣ Македоніи, отражаются чертысосѣднихъ діалектическихъ группъ на сѣверѣ. Не располагая ранними памятниками письменности, относящимися къ Д. Пологу, мы не можемъ опредѣлить съ полной увѣренностью время появленія здѣсь этихъ чертъ, главнымъ образомъ, въ вм. **ъ*, **ъ* „сильныхъ“, *u(y)* вм. корневого **q*, *-e* въ окончаніи формы существ. жен.

мн. съ основой на -а, -то (чередующееся съ -те) въ окончаніи формы глагола 1 множ. Въ зависимости отъ этого недостатка не можемъ отвѣтить на вопросъ: исконными ли являются здѣсь эти языковыя черты, или онъ возникли подъ воздействиемъ говоровъ южной Сербіи? Кое-что изъ чертъ, общихъ съ говорами южной Сербіи, ясно выдѣляется, какъ позднее наслоеніе: *tut*, -и въ окончаніи формы 3 л. множ. наст.

Въ восточной Македоніи выдѣляется группа съ вѣро-восточная, охватывающая говоры Штипа, Радовишта, Малешева, Піянецца. Членная форма муж. ед. на -о. *tit*—*tъt*. Вторичное измѣненіе гласнаго ь въ а. *sr* (*sret-*) при старомъ *str*. Система ударенія,—постоянное мѣсто ударенія въ разныхъ формахъ слова, находящееся на одномъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ. „Краткая“ форма мѣстоименія не начинаетъ предложенія.—По *tit*—*tъt* эта группа объединяется съ сосѣдними говорами на западъ и юго-западъ,—съ говорами Велеса, Тиквеша и сѣвернаго Маріова. Вторичное ь—а продолжается и на западъ, въ сосѣднія области Велеса, Тиквеша и Маріова и идетъ дальше къ западу въ Прилѣпъ, Битолю, Кичево, Порѣчье. Та же волна ь—а охватываетъ и говоры областей юго-западной Болгаріи и ближайшей восточной Болгаріи.

Для штипского говора отмѣтимъ замѣну сѣ послѣ гласнаго передъ согласнымъ посредствомъ гласнаго неполнаго образованія, по качеству подобного предшествующему: *gléda^{me}*, *rekó^{me}*. Ту же судьбу сѣ раздѣляютъ и сосѣдніе говоры на западѣ,—Велеса, а также говоры юго-западной Болгаріи. И еще черта штипского говора: —и послѣ губного согласнаго. Такъ и въ говорахъ юго-западной Болгаріи.

Для Малешева и Піянецца отмѣтимъ *k*—*k'* послѣ ѡ (*j*, *n*, *l*): *tak'a*, *vósk'a*. То же измѣненіе *k'* продолжается дальше на востокъ, въ западную Болгарію.

Въ составъ сѣверо-восточной македонской группы входятъ и говоры южной Кратовской области. Село Лесново — пограничный пунктъ территоріи южно-кратовскихъ говоровъ. Далѣе къ сѣверу, включая и городъ Кратово, находятся иные говоры, не принадлежащіе къ македонскому типу. Параллельно съ говоромъ идетъ и типъ костюма. Къ сѣверу отъ с. Леснова (отъ Злетовской рѣки) употребляется такой же костюмъ, какъ въ Кумановской области (—типъ женской одежды съ короткой бѣлой саѣй). замѣчательно,

что говоры такихъ двухъ близкихъ пунктовъ, какъ с. Лесново и г. Кратово, находящіеся на совсѣмъ незначительномъ разстояніи одинъ отъ другого, принадлежать къ совсѣмъ разнымъ діалектическимъ группамъ (—ср. аналогичное явленіе между Скопьемъ и скопско-черногорскими селами). Въ с. Лесновѣ говоръ восточно-македонскій, въ г. Кратовѣ и въ селахъ къ сѣверу отъ него говоръ съ чертами говоровъ кумановско-прешевской области и вообще южно-моравской группы. Это различіе между лесновскимъ (южно-кратовскимъ) и сѣверно-кратовскимъ говорами, отражающееся почти во всѣхъ языковыхъ явленіяхъ, выяснялось въ предшествовавшемъ изслѣдованіи. Отмѣтимъ нѣкоторыя черты того и другого типа говоровъ. Южно-кратовскіе говоры. Сильное *ь→е. sos. Членная форма муж. ед. на -о. Вторичное измененіе ъ въ а. тѣt→ты, съ ъ и послѣ губного согл. тѣt въ dѣg, dѣžen. a←ъ←*q. us→s. zém'a. Форма именит. множ. сущ. жен. съ основой на -а имѣетъ оконч. i. ja, pi[i]e. nego, go. Форма наст. 1 ед. на -ат. Формы для 2 и 3 съ гласнымъ -e (но колебаніе въ основахъ на -i: i+š). Оконч. формы 1 мн. -те. Оконч. формы 3 мн. наст. -at (во всѣхъ основахъ). Формы аор. и имперф. обычнаго для Македоніи образованія Нарѣчіе ošte.

Въ иномъ направленіи шли языковаяя измѣненія въ г. Кратовѣ и къ сѣверу отъ него. ъ вм. „сильныхъ“ *ъ и *ь въ корнѣ и въ суффиксѣ: зъп. ръз, овъп, веѣъ едъп, tгovъc. sъs | s. Но член. ф. муж. ед. на -о. й въ тѣ замѣнилось посредствомъ и не только послѣ губныхъ согласныхъ, но и въ другихъ случаяхъ: vuk, сипа. тѣt въ kїп-, тѣt въ dїg-. и вм. *q. Но -па- вм. *-po-, [ch]a въ окончаніи 3 мн. имперф.-аор. цs→sv-. zemla. Форма множ. сущ. жен. въ основахъ на -а оканчивается на -i. Окончаніе для множ. -in'a. Форма „общаго“ пад. ед. ж. основъ на -а оканчивается на -и (въ именахъ собственныхъ или выраждающихъ родство) и на -а (въ другихъ случаяхъ). ja, mi[i]e. nega, ga--вин. муж. и сред. ед. пим[а], ги--винит. жен. ед. pojze, vi--дат. жен. ед. Окончаніе формы 1 ед. наст. на -и при діалектическомъ на гласный основы +t. Формы 2 и 3 сохраняютъ тематической гласный. Окончаніе формы 1 мн. -то. Окончаніе 3 мн. -v. Форма имперф. 1 ед. на -še. Ближе къ Пчинѣ формы аориста съ окончаніями -smo, -ste, ſe. Формы прич. прош. муж. ед. на -ja и на -i: vikaja, vikaц. Нарѣчіе jošte (!).

Итакъ, говоры Кратова и сель къ съверу отъ него почти всѣми фонетическими и морфологическими явленіями отличаются отъ южно-кратовскихъ говоровъ. Общаго у нихъ немногого: членная ф. на -о, глагольный суф. -па-, форма множ. на -i, -iп'a, форма „общаго“ пад. на -а въ осн. на -а, форма личнаго мѣстоим. I -ja, форма имперф.-аор. на -[ch]a. И всѣ эти черты, кромѣ мѣстоименія ja, являются неисконными для съв.-кратовскихъ говоровъ, а занесены съ юга. ja утратило s или на почвѣ кратовскаго говора безъ вліянія со стороны, или кратовское *jaz[s] (и на съверѣ и на югѣ) было вытѣснено мѣстоименіемъ ja, пришедшемъ съ съвера, отъ иной діалектической среды. Своими главными чертами съв.-кратовскіе говоры объединяются съ говорами кумановско-прешевскими и вообще южно-моравскими. Изъ ряда такихъ общихъ явленій ср. окончаніе формы I ед. наст. и, З мн. наст. v, формы прич. муж. ед. на -ja, форму имперфекта I ед. на -še.

Къ типу южно-кратовского и штипского говоровъ принадлежать говоры нѣсколькихъ сель въ юго-восточномъ углу Кумановской области, — Кумановскаго Овчаго Поля. Населеніе этой мѣстности происходило изъ Македоніи. Чифлигари кумановскихъ овчепольскихъ сель-чифликовъ заселяли свои чифлики переселенцами изъ Штипского или Велесского краевъ (Хѣ.-Василь. I, 174). Кумановскіе рвчепольцы и по костюму принадлежатъ иной этнографической средѣ по сравненію съ прочими кумановцами. Костюмъ овчепольской кумановской женщины тотъ же, что въ ходу и въ другихъ частяхъ Овчаго Поля (въ Штипской области). Овчепольская женщина носить длинный, спускающійся ниже колѣнъ цвѣтной елекъ; а кумановская женщина (не изъ Овчаго Поля)—короткую бѣлу саю, доходящую лишь до части сидѣнья. Овчепольцы смѣются надъ кумановцами, какъ они не заставлять своихъ женщинъ прикрыть „седнячу“. Но зато кумановцы высмѣиваютъ говоръ овчепольцевъ, что они произносятъ: „јазека, тизека, што ти работат дечин'a“... Какъ видно, подобраны черты, дѣйствительно характерные для македонскихъ говоровъ: -зе-ка, -ат въ окончаніи З мн. наст., -iп'a въ формѣ множ. существ.

Прочіе говоры Кумановской области, какъ и Прешевской, относятся къ типу южно-моравскихъ говоровъ. Нѣсколько чертъ кумановскихъ говоровъ.—ъ (ъ) вмѣсто „силь-

ныхъ" *ъ, *ь въ корнѣ и суф.: съп, тъј дъп, овъс, [i]едъп, болъп, отъс, desetъk. със. *-тъмъ→...-тъм. тѣт→тит не только послѣ губн. согл., но и въ другихъ случаяхъ. тѣт→ти въ dѣg, glѣt-am, kѣчи, slѣze, slѣnse при sluze, slunce (по говорамъ). *q-→и въ корнѣ и окончаніи; но глагольный суф. -па-. цз→uz-, z-. цs→sv. Форма „общаго“ пад. въ основахъ на -а жен. р. оканчивается на -и, рѣже на -а. Форма множ. тѣхъ же основъ оканчивается на -е. Окончаніе in'a. ja, mi[i]e. Вин. мн. ne, ve („краткія“ ф.ф.). Множ. ti[i]a, ovi[i]a, oni[i]a для З родовъ, но употребляются и отдѣльныя формы для жен. (opej) [и сред. opaj?]. Винит. муж. и сред. ед. n'ega, ga.-га и въ формахъ вин. другихъ мѣстоименій и въ сложныхъ формахъ прилагат. Вин. жен. ед. n'istaј (n'it[a]), gu. Дат. жен. ед. n'oje, vu. svi—муж., sve—жен. мн. Форма I ед. наст. въ основахъ на -е, -i оканчивается на -и: тоži, dadu, seču, molu, uredu, isprati, кири. Встрѣчаются и формы на гласный основы+т. Въ формахъ для другихъ лицъ сохраняется гласный основы. Форма З л. множ. на -v. Для глагола „быть“ употребляется su или sa (З мн. наст.). Форма причастія прош. муж. ед. на -ja. Во множ. ч. форма причастія прош. оканчивается на -le для трехъ родовъ, но встрѣчается и -li: došli ovčari. Формы аориста во множ. на -[ch]mo и .-smo (besmo), -ste, -še. Нарѣчіе jošte. Рѣдкое употребленіе членныхъ формъ. Окончаніе чл. формы муж. ед. -ът.

Нѣкоторыя черты кумановскихъ говоровъ являются общими съ македонскими говорами: -па-; z- вм. цз-; одна изъ формъ „общаго“ пад. на -а (въ рѣдкомъ употреблении); „краткія“ формы мѣстоименія вин. мн. ne, ve; одна форма указат. мѣстоим. во множ. для З родовъ; sa; одна форма для З родовъ во множ. для прич. прош. на -le. Но эти черты не характерны для кумановскихъ говоровъ. При указанныхъ звуковыхъ и формальныхъ явленіяхъ тамъ известны и другія, отличные по своему происхожденію сравнительно съ македонскими соответствующими явленіями. Только суф. -па- и мѣстоим. ne, ve въ обычномъ употреблении въ Кумановской области. Но и эти черты, общія съ македонской группой, не исконны здѣсь, а занесены съ юга (—о распространеніи -па- ср. стр. 43, о ne, ve—стр. 164). Длинный рядъ явленій кумановской рѣчи свидѣтельствуетъ о ближайшемъ отношеніи ея къ южно-моравской діалектической группѣ.

Говоры южной части восточно-македонской группы,— говоры Кайляра, Лерина, Водена, Меглена, Гевгели, Дойрана, Кукуша, солунскихъ сель—характеризуются измѣненіемъ неударенныхъ гласныхъ *o* по направлению къ *u*, *e* по направлению къ *i*, *a* по направлению къ *ъ* (*a*→*ъ* отмѣчено только для говоровъ Водена-Кукуша). Всѣ эти говоры, кромѣ говоровъ солунскихъ и кайлярско-леринскихъ, объединяются одной системой ударенія,—одинаковой передвижкой ударенія, одинаковымъ мѣстомъ ударенія,—на одномъ, изъ двухъ послѣднихъ слоговъ.

Изъ этой группы выдѣляются говоры къ западу отъ нижняго Вардара: говоры Водена и Меглена: предлогъ *и*—**цъ*; оконч. формы множ. -*ові*. Послѣдняя черта свойственна также говорамъ леринско-костурскимъ и всѣмъ западно-македонскимъ.

Говоры по ту сторону Вардара,—Дойрана, Кукуша и южнѣе къ Солунскому краю,—характеризуются измѣненіемъ конечнаго *-*ть* въ *k'*: *rъk'*. То же явленіе свойственно говорамъ сосѣднихъ областей на востокѣ, за Струмой. Въ этихъ же говорахъ для предлога „въ“ служить *uv*. То же и въ близкомъ говорѣ Гевгели. *uv* употребляется и по ту сторону Струмы. Въ говорахъ кукушскихъ, дойранскихъ, солунскихъ форма повелит. накл. во мн. оканчивается на--*ејте*. Въ этихъ вост.-македонскихъ говорахъ форма причастія множ. съ окончаніемъ на *-le* и на *-li*, съ болѣе частымъ употребленіемъ по говорамъ того или другого окончанія. Часто употребляются формы на *-li* и въ Гевгели (примыкающемъ и по другимъ чертамъ къ говорамъ къ востоку отъ Вардара). Формы на *-le* и на *-li* известны и за Струмой. Изъ синтаксическихъ особенностей говоровъ юго-восточной области отмѣтимъ употребленіе па при передачѣ винит.:—въ Солунской, Кукушской и Дойранской областяхъ. То же явленіе представлено говорами Костурского края.

Говоры Солунскаго края многими явленіями примыкаютъ къ сосѣднимъ говорамъ юго-восточной Болгаріи.

Говоры южнаго угла — Лерина-Кайляра-Костура,— объединяются одинаковою системой ударенія,—постояннымъ мѣстомъ ударенія на второмъ отъ конца слогѣ.—Безслѣдная утрата *sh* во всѣхъ положеніяхъ. Членная форма муж. ед. на *-o*, какъ на съверо-востокѣ. *jk*→*jk'-k'*; *l'k*→*l'k'-k'*,—ольять

какъ на съверо-востокѣ: *majk'a, vosk'a, ból'k'a*. Въ формѣ причастія прош. вр. на -*I* находится согласный *š* передъ 1 (*ы*) для глаголовъ съ д, оканчивавшимъ корень нетематическихъ основъ или основъ на -*i* въ наст. вр.: *višyl, višla, dašle...* Минуя области восточной Македоніи, такого образованія причастія употребляются въ западной Болгаріи. Черты общія съ западно-македонской группой, отмѣчены были выше. Здѣсь отмѣтимъ одно явленіе, охватывающее большую юго-восточную территорію и сосѣднія области западной группы: ти—„краткая“ форма мѣстоим., служащая для дательного пад. единств. и множ. для 3 родовъ. Это въ областяхъ Костура, Лерина, Водена, Меглена, Битоли, Прилѣпа.

Итакъ, предѣлы діалектическихъ областей Македоніи таковы. На югъ и юго-западъ—предѣлы славянскихъ поселеній въ Костурѣ и Корчѣ, неширокая юго-западная полоса, подходящая къ южной и западной сторонамъ Преспанскаго и Охридскаго бѣзъ; на западъ—западныя границы Дебърскаго края; на съверо-западъ—Шаръ-Планина, села Горняго и Дольняго Пологовъ. На съверъ наиболѣе спорная граница опредѣляется ясно: г. Скопье и скопскія села относятся къ Македоніи; а села Скопской Черной Горы принадлежать иной діалектической группѣ. Отъ с. Црешева съверная пограничная линія направляется къ востоку, переходя въ Кумановскій округъ, къ кумановскому Овчemu Полю, охватываетъ этотъ юго-восточный уголъ Кумановскаго округа и идетъ далѣе въ Кратовскій округъ. Тамъ эта линія проходитъ между г. Кратовомъ и с. Лесновомъ и продолжается на востокъ къ съверному изгибу Брегальницы и къ бассейну Струмы въ области Горной Джумаи. Определить юго-восточную границу невозможно: говоры этой части Македоніи находятся въ тѣснѣйшей связи съ говорами юго-западной и юго-восточной Болгаріи въ бассейнѣ Струмы. Пограничными македонскими областями здѣсь являются области Піянеца, Малешова, Струмицы, Кукуша, Солуня.

Въ обозрѣніи измѣненій, пережитыхъ македонскими говорами, очень часто приходилось дѣлать ссылки на говоры Болгаріи и юго-восточной Сербіи. Процессы, пережитые говорами Македоніи, были свойственны и говорамъ Болгаріи,—всѣмъ или нѣкоторымъ изъ нихъ, чаще всего говорамъ юго-западной Болгаріи. Эти процессы переживались или

одновременно говорами Македоніи и Болгаріи или въ разное время, но исходили отъ одной общей причины. Конечно, были и измѣненія только параллельныя, но и они показательны при длинномъ рядѣ несомнѣнно общихъ языковыхъ переживаній. Къ съверу отъ Македоніи, начиная съ Скопской Черной Горы, съ Кумановской и съверно-кратовской областей, идетъ иная діалектическая среда, переживавшая языковыя измѣненія отдѣльно отъ македонской группы.

Въ предшествующемъ изслѣдованіи были опредѣлены нижеслѣдующія главные общія явленія въ говорахъ Македоніи и юго-западной и восточной Болгаріи (—нѣкоторые процессы охватывали и говоры съверо-западной полосы: Босилоградъ-Брѣзникъ-Търнъ-Царибродъ-Бѣлградчикъ-Видинъ: ч-ц- нарѣчіе—, а также говоры областей, расположенныхъ далѣе къ западу, въ юго-восточной Сербіи). 1) Однаковое измѣненіе *ij—*dj, кромѣ съверной полосы Македоніи, гдѣ неясно время возникновенія k'—g'. 2) *ѣ→'ä, съ дальнѣйшими діалектическими измѣненіями. 3) Судьба „сильного“ *ъ (ъ→e) для Македоніи и Болгаріи (юго-западной и восточной) и „сильного“ *ъ (ъ→o) для Македоніи и юго-западной Болгаріи. 4) Утрата и одинаковая замѣна l-erenth. 5) Развитіе гласного типа ъ при плавномъ въ замѣнѣ i|i, Ӧ|Ӧ. 6) *q→ъ, съ дальнѣйшими діалектическими измѣненіями. 7) Однаковая физіологическая природа ch, обусловившая сходныя параллельныя измѣненія. 8) ү и сходныя параллельныя измѣненія. ц-→z, цs-→s. 9) Возникновеніе палатальныхъ k'—g' (съ діалектическими различіями въ мѣстѣ образования: ближе къ палatalнымъ t'—d' или задне-палatalнымъ k'—g') въ отмѣченныхъ выше категоріяхъ. 10) Вторичное dz вм. z и dž вм. ž. 11) Такая же, какъ въ Македоніи, утрата d въ заударномъ слогѣ. 12) Конечное st→s. 13) Конечныe звонкіe согласные→глухіе. 14) Интенсивность суффикса -ok. 15) Утрата ряда падежныхъ формъ и одинаковая передача падежныхъ отношеній. 16) Распространеніе для формы множ. окончанія је, ја на основы не *-ї. 17) Одна форма прилагат. на -i во множ. для 3 родовъ. 18) Однаковое образованіе сравнительной степени. Употребленіе ея не только при именахъ прилагат., но и при существ. и при глаголахъ. 19) Всѣ тѣ черты въ формахъ мѣстоименій, которые были отмѣчены въ пунктѣ 35 общемакедонскихъ явленій. 20) Членныя формы. 21) Однаковыя новообразованія въ формахъ 1 ед. и 3 мн.

наст. вр. 22) Окончаніе -те (-chme) въ формѣ 1 мн. 23) Тожественное новообразование въ основѣ имперфекта: ꙗ, въ осн. на -е и на -i. 24) Однаковыя окончанія формъ имперфекта и аориста во множ. 25) Формы причастія на -l образованы отъ двухъ основъ (инфін.-аор. и имперфекта). 26) Одна форма этого причастія во множ. для 3 родовъ, на -li или на -le, — съ гласнымъ -e, нового происхожденія (на почвѣ македонско-болгарскихъ говоровъ). 27) Тожественное измѣненіе въ формахъ прич. прош. страд. зал., указанное въ пунктѣ 44-мъ. 28) Форма повелит. накл. 2 л. мн. на -tъle въ основахъ на -e и на -i. 29) Утрата формы infinitiv'a и одинаковая передача его. 30) Широкое употребленіе conjunctiv'a и конструкцій съ за da+форма наст. вр. 31) Судьба нарѣчія "kqdě": употребляется въ значеніи „куда“, „гдѣ“, „къ“ „при“. Нарѣчія tokо(i)—только, лишь и tolku—столько. ošče(ošte)—съ о- (или съ результатомъ діалектическаго измѣненія о въ этомъ сочетаніи), а не съ ю-. 32) Двойныя формы винит и дат. прилагольного дополненія.

Еще больше общихъ измѣненій было въ говорахъ восточной Македоніи и Болгаріи, въ особенности въ тѣхъ вост.-македонскихъ говорахъ, которые находятся въ областяхъ, ближайшихъ къ юго-западной и восточной Болгаріи. Нѣкоторая изъ этихъ измѣненій (безъ указанія территории; ср. выше). „Сильное“ тъ→o. *сѣ→са(ца). Вторичное измѣненіе тъ въ a. tlt→tъt. Конечное -tъ→k'. jk→jk'→k', l'k→l'k', n'k→n'k'. Форма множ. муж. на -ove. Образованіе съ -in въ [i]edin. Окончаніе формы 3 мн. наст. -at (-éit или -áit на сѣв.-востокѣ Болгаріи) въ основахъ на -a. Удвоенный предлогъ sos въ (Макед. и юго-з. Болгаріи)—sъs (въ вост. и сѣв.-зап. Болгаріи и юго-вост. Сербіи); удвоенный предлогъ „въ“: uv (uf) или vъv (fъf). Система ударенія, переносъ ударенія на предшествующій слогъ въ опредѣленныхъ категоріяхъ.

Въ обозрѣніи фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ явлений славяно-македонскихъ говоровъ былъ отмѣченъ рядъ соответствующихъ сходныхъ явлений неславянскихъ балканскихъ языковъ: албанскаго, румынского (аромунскаго, мегленскаго, дако-румынского) и и.-греческаго. При весьма слабой разработкѣ исторіи и діалектологіи этихъ языковъ, въ особенности албанскаго и аромунскаго, рискованно дѣлать опредѣленные выводы изъ тѣхъ балканскихъ

параллелей, которые отмѣчались выше. Но несомнѣнно, нѣ-которые изъ сходныхъ балканскихъ языковыхъ чертъ не явились только какъ независимыя, параллельныя переживанія, но имѣли или общую причину своего происхожденія или находились во взаимной связи. Такое значеніе могутъ имѣть общія явленія морфологической и синтаксической, а также и нѣкоторые изъ явленій фонетическихъ (преимущественно у славянъ, албанцевъ и аромунъ). Давнишнее непосредственное сосѣдство, претвореніе однѣхъ изъ этихъ группъ въ другихъ, двуязычность многихъ представителей этихъ группъ,—все это могло имѣть результатомъ общія языковыя черты у населенія на востокѣ и югѣ Балканъ. Объ одинаковомъ направленіи языковыхъ переживаній у славянъ, албанцевъ, аромунъ и грековъ, объ одинаковомъ типѣ рѣчи, образовавшемся у этихъ народовъ, въ особенности у первыхъ трехъ, свидѣтельствуютъ и заимствованія отъ языка новыхъ поселенцевъ на Балканахъ,—турокъ. Въ теченіе турецкаго господства на Балканахъ въ восточно-балканскіе языки перешло многое въ отношеніи и формъ и лексики отъ турецкаго языка (турецкихъ говоровъ). И по большей части эти заимствованія были тожественны у балканскихъ народовъ: заимствовались одни тѣ же суффиксы, имена, глаголы, нарѣчія, союзы. Заимствованія интенсивнѣе и согласованнѣе были у славянъ, албанцевъ и аромунъ по сравненію съ греками.

Поправки и дополненія.

Стран. 3, строка 6 св. Рѫдакиа—надо Рѡдакиа.

„ 8, „ 12 св. Мозгопѣлю;—надо Мозгопѣлю; .

„ 12, „ 20 сн. aibanesischen—надо albanesischen.

„ 13, „ 9 св. haut—надо Laut.

„ 13, „ 11 св. Qnellen надо—Quellen.

„ 14, „ 4 св. Рѫдѣихъ—надо Рѡдѣихъ.

„ 18, „ 13 сн. biblioteka—надо biblioteca.

„ 27, „ 11 св. -окачивается на -о. Дополнить за-
тѣмъ: -при -от..-

Стр. 27, строка 11 сн Дополнить: -Впрочемъ, записи изъ Гевгели переданы неоднообразно въ отношеніи членныхъ формъ: въ №№ 195—198 преимущественное употребленіе член. ф. на -от, въ №№ 199—201 чаще формы на -о.

- „ 27, „ 8 сн.-примыкающихъ-, надо-примыкающими-.
- „ 29, „ 1 сн. -исходится- — надо -находится-.
- „ 30, „ 5 св. -говоромъ- — надо -говорамъ-. Тоже на 69, 16 св.
- „ 33, „ 9 св. (и—надо ү.
- „ 36, „ 2 св. -видѣ- — надо .въ видѣ-.
- „ 36, „ 13 сн. Дополнить: -и^f (if) употребляется по говорамъ юго-западной и юго-восточной Болгаріи (записи), if отмѣчено и въ балканскомъ говорѣ Еркечи (Miletić. Das Ostb. 156).
- „ 39, „ 17 св. - зановѣски- — надо - занавѣски-.
- „ 44, „ 8 сн. -написаннаго- — надо -написанномъ-.
- „ 45, „ 17 сн. -имперф. -надо—[имперф.] аориста-.
- „ 49, „ 17 св: Дополнить: -Въ говорахъ употребляются и такіе церковнославянізмы: „сушчи“. „сушчо[то]“.
- „ 52, „ 17—18 св.-объединяются—надо -объединяется-.
- „ 54, „ 12 сн. Дополнить: -Рѣсена-.
- „ 59, „ 1 сн. -дебѣрскихъ- — надо -дебрскихъ-.
- „ 63, „ 14 сн. -свидѣтельствуетъ—надо -свидѣтельствуютъ-.
- „ 63, „ 11 сн. -ранее- — надо -раннее-.
- „ 64, „ 4 сн. Дополнить: -четворна, -о... (цвѣк'е не трѣбе да се сади у друг ден, а само у чѣвртток—да биде чѣврно. Велесъ. Сбм. VII, 126).
- „ 67, „ 7 сн. -сълзи- — надо -сълзи-.
- „ 70, „ 16 св. -на югѣ-. Дополнить: -и на ю.-западѣ-.
- „ 72, „ 16 сн. -велесско-скопскимъ- — надо -южно-кратовскимъ и штипскимъ-.
- „ 77, „ 10, 11 св. -Книжищи- — надо -Книжици-.
- „ 84, „ 5 св. тѣса надо—тѣ.
- „ 90, „ 3 сн. Anquilla—надо Anguilla.
- „ 94, „ 2 сн. -палательного- надо -палатального-.
- „ 103, „ 10 сн. -вып.—надо -вм.-

Стр. 112, строка 10 св. Вонъ́ръх—надо Вонъ́ръх.

- „ 112, „ 4 сн. -Дъновскаго—надо -Дъновскаго-.
- „ 118, „ 6 сн. -плѣте[и]а- надо—плѣте[и]с.
- „ 127, „ 19 св. Выбросить -отчасти-.
- „ 145, „ 19 сн. (послѣ „Кайляръ“): војск'а, вόск'а.
- „ 155, „ 15 св. Дополнить: -Такъ и въ другихъ бол-
гарскихъ говорахъ-.
- „ 168, „ 3 сн. Въ заголовкѣ: (гаѣа)—надо (гѣа).
- „ 169, „ 13 св. Дополнить: -Встрѣчается по говорамъ
и результатъ дальнѣйшаго измѣненія:
ѣ—рѣ.
- „ 169, „ 16 св. -Конечное -st—s и во всѣхъ другихъ
болгарскихъ говорахъ-.
- „ 174, къ началу: -ср. въ корреспонденціи изъ Водена:
ѫца уѧссе („Македонія“, I, 1867,
№ 36).
- „ 174, „ 20 сн. -съв.-восточныхъ- надо -восточныхъ-.
Дополнить: -Кукушской, Гевгелійской-.
- „ 174, „ 17 сн. Дополнить: -Гевгели: рогбвете, бор-
джовете, кбшовето (Шапк. IX, 341,
344, 343). Кукушъ: пупбве, грубове
синобве (Сбм. XVIII, 458).
- „ 190, „ 1 сн. -Пришевскомъ—надо -Прешевскомъ-.
- „ 191, „ 6 св. -ийшто- —надо -ништо-.
- „ 192, „ 12 св. въ—надо тъ.
- „ 195, „ 13 сн. -позднее- —надо -позднѣе-.
- „ 197, „ 15 св. -Дат. ед.—надо -Дат. ед. жен.-
- „ 202, „ 7 св. -Ср.- замѣнить двоеточіемъ.
- „ 205, „ 11 св. -восходящее- ---надо -восходящее къ-.
- „ 205, „ 22 св. Слова: -такихъ говоровъ немнogo-
замѣнить словами: -встрѣчаются со-
четанія съ -ен.
- „ 205, „ 9 сн. -едѣн- дополнить: -и едѣн (Сбм. X, 138).
- „ 206, „ 2 св. Ѹуауа—надо Ѹзаяуа.
- „ 207, „ 3 сн. -вм.- —надо -въ-.
- „ 208, „ 17 сн. -съто- (второе)—надо -съте-.
- „ 220, „ 13 св. Дополнить:—Леринъ: закбпат, лекват,
дотепат, дават... (Сбм. VIII, 160, 161).
- „ 225, „ 2 св. Дополнить: - Кайляра: Ѹдеш (Сбм.
XVI—XVII, 70) и съ измѣненіемъ е—и,
какъ неудареннаго: ѿдиш, Ѹдиш (ib.
69, 63).

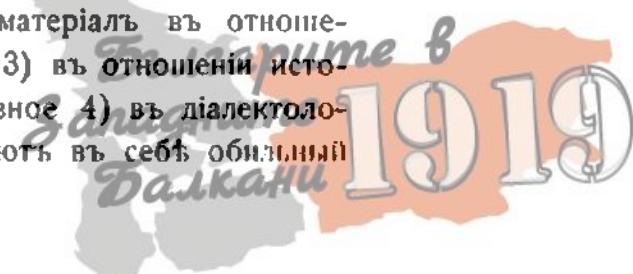
- Стр. 233, строка, 16 сн. Дополнить: *višlè* отмѣчено и на во-
стокъ Болгаріи, въ балканскомъ го-
ворѣ Дрянова (Miletić. Das. Osib. 178).
- 250 „ 9 св. Дополнить: -Дойранъ: Га вързале
мечката (Шапк. IX, 371).
 - , 250, „ 13 сн. Дополнить: -Ср. положеніе „краткой“
ф. мѣстоименія, не находящейся въ
началѣ предложенія: -срѣкъ на ме на
пято. речѣл му тѣтко му. Но -тогај му
речѣл тѣтко му (Изъ Штипа. Сбм. X,
137, 138).

При ссылкахъ на характеристику дольне-положскихъ говоровъ имѣется въ виду II томъ.

Въ нѣкоторыхъ греческихъ написаніяхъ употреблено
вм. ‘ передъ ρ. Непослѣдовательно употребляются эти
знаки и въ Диадаскалии.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Македонія — колыбель и старой и новой болгарской письменности. Македонія — колыбель болгарского возрождения. Оттуда вышли ранніе „будители“ болгарского народа. Тамъ писались первыя книги на „препростѣйшемъ языкѣ некнижномъ“ на пользу народную. Тамъ же, въ болгарской типографіи въ Солуни, и печатались нѣкоторыя изъ этихъ книгъ. Въ монастыряхъ Македоніи,—въ слѣпченскомъ, трескавечскомъ, кичевскомъ (Пречиста), лебърскомъ (св. Ioанна), лесновскомъ и нѣкоторыхъ другихъ, славянская письменность не прекращалась и во времена турецкаго ига, несмотря на различныя угнетенія со стороны турокъ и фанаріотовъ, на разбойничество арнаутовъ. Въ этихъ монастыряхъ обучали чтенію, письму и церковному пѣнію. Оттуда выходили священники въ окрестные села и города. Тамъ получали свое образованіе и даскалы — грамотеи.... Изученію писаній одного изъ македонскихъ книжниковъ іером. Кирилла Пейчиновича, неустанно трудившагося на пользу просвѣщенія славянскаго населенія съверо-западной области Македоніи, посвящена основная часть II-го тома моей работы, Писанія Кирилла Пейчиновича представляютъ очень цѣнныи материалъ въ отношеніяхъ 1) этнографическомъ, 2) культурномъ, 3) въ отношеніи истории болгарского литературного языка и главное 4) въ діалектологическомъ отношеніи. Эти писанія заключаютъ въ себѣ обильный

материалъ для характеристики говоровъ Дольнаго Полога въ началѣ прошлого вѣка. При изученіи языка Кирилла Пейчиновича приключены данные писанія его земляковъ-современниковъ. Всѣ эти данные разсматриваются въ связи съ современнымъ состояніемъ говоровъ Л. Полога,—діалектической области, почти совсѣмъ неизвѣстной.

Изученію д.-положскихъ говоровъ за конецъ XVIII-го и за XIX вѣкъ предпосланы 3 очерка: 1) Обозрѣніе языка первыхъ печатныхъ изданій для болгаръ: Абагара (1651), Заѣрцала истины Къреста Пейкича (1715 или 1716), Молитвенного кріса (1806), Киріакодроміона (1806) Софонія Врачанскаго. 2) Очеркъ языка книгъ другого македонскаго просвѣтителя—хаджи Іоакима даскала Кърчовскаго. 3) Библіографическо-этнографической очеркъ въ связи съ дѣятельностью Кирилла Пейчиновича.

Къ моему прискорбію, отсутствіе средствъ лишаетъ меня возможности приступить къ печатанью II-го тома.

Много затрудненій и большихъ затратъ потребовало изданіе (хотя и съ сокращеніями) I-го тома, и безъ помощи, оказанной мнѣ Отдѣленіемъ русского языка и словесности Россійской Академіи Наукъ, Историко-филологическимъ Факультетомъ Казанскаго Университета и Высшими Женскими Курсами въ Казани, не скоро бы появился въ печати и I-й томъ. Выражаю мою глубокую благодарность названнымъ учрежденіямъ.

Профессорамъ Епископу Анастасію (Александру Ивановичу Александрову) и Нестору Мемноновичу Петровскому, подъ руководствомъ которыхъ проходила моя научная подготовка въ области славянской филологии, выражаю чувство моей душевной признательности.

A. Селищевъ.

9 мая 1918.

Казачъ.

